

Порт-Артур

Воспоминания участников

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью - Йорк

•

1955

© 1955 BY
CHEKHOV PUBLISHING HOUSE
OF THE EAST EUROPEAN FUND, INC.

PORT ARTHUR
Recollections of Participants

PRINTED IN U.S.A.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Быстро отходят в прошлое, отлетают в небытие забвения даже те события, которые в свое время, казалось, потрясли мир. Но, повидимому, все народы имеют обычай периодически оживлять память о прошлом, вновь к этому прошлому привлекать внимание. Он основан на том, что некоторым промежуткам времени — годовщине, пятой, десятой, сотой и другим годовщинам — приписывается какое-то мистическое, почти магическое значение. Наступает такая годовщина — и вот на ленте, проносящейся в человеческом сознании, выступают полузабытые образы прошлого. Обычай этот был и остался силен в русской культуре.

По чистому совпадению, почти точно на пятьдесят лет отстоят два трагических события в русской истории. По существу, оба были тяжкими поражениями; но это были героические поражения, подобные Фермопильскому поражению в греческой истории, поражения, в народном сознании воспринятые как новые лавры, вплетенные в венок русской славы — в отличие от таких бесславных поражений, как катастрофа Аустерлица (1805 г.), разгром Пруссии под Иеной (1806 г.) или позор Седана (1870 г.). И вот в текущем 1955 г. для обоих героических поражений современной русской истории наступает мистическая дата пятидесятилетия: 27-го августа 1855 г., после 11-месячной осады, пал Севастополь; 2-го января 1905 г. (по новому стилю), после 8-месячной осады, сдался Порт-Артур.

Второй из только что упомянутых героических годовщин посвящен настоящий сборник. Состоит он целиком из повествований доживших до наших дней уча-

стников эпопеи. Понятно, все они в дни русско-японской войны были совсем молодыми людьми. Вместе с десятками тысяч других, они творили то героическое дело, имя которому — оборона Порт-Артура, но не были они ответственны за те события, которые, развернувшись в длинную цепь, привели к катастрофе. Они защищали, каждый на своем участке и своим оружием, то незащищаемое, что чудом продержалось в течение 8 месяцев, внося в оборону и беззаветную храбрость, и глубокое сознание долга, и инициативу. В отрывочных показаниях отдельных участников читатель найдет полное объяснение тому факту, что имя Порт-Артура занесено на скрижали русской славы.

Почему же, однако, весь этот героизм всё-таки привел к поражению? Как и Севастополь, Порт-Артур был неизбежным результатом трагического несоответствия между целями, поставленными русской внешней политикой, и средствами к ее осуществлению. В Крымскую войну Россия втянулась, не рассчитав, что ее политика, фактически направленная к установлению русского протектората над Турцией, встретит вооруженное сопротивление со стороны великих держав Запада — а при отсталости русской техники, в особенности путей сообщения, шансов на победу в такой войне не было. В русско-японскую войну Россия втянулась, не рассчитав, что грандиозный план колониальной экспансии, направленный на овладение всей Маньчжурией и Кореей, должен был встретить отчаянное сопротивление Японии, вооруженные силы которой недооценивались в такой мере, что вступление ее в борьбу с русским колоссом почиталось невероятным. Но Япония решилась на риск и выиграла. Конечно, в выигрыше ею войны большую роль сыграло внезапное, без объявления войны нападение на Порт-артурскую эскадру, сразу отнявшее у русской стороны то преимущество на море, которым она первоначально теоретически обладала. Такое нападение было противно международному праву в том понимании, которое преобладало 50 лет назад. Но в русской истории был предостерегающий пример: и Наполеон переправился через Неман и начал ту

войну, которая впоследствии получила название Отечественной, не выполнив тех, идущих с древнейших времен обрядов, которые полагалось исполнить. А успешное для японцев нападение на русскую эскадру было возможно потому, что опорной точкой для русского флота был избран Порт-Артур с его открытым внешним рейдом и неблагоприятно расположенным внутренним рейдом, вместо Талиенвана, на который указывали военно-морские эксперты. Россия хотела присоединить к себе новую империю, — одна Маньчжурия по площади равна Франции и Германии вместе взятым, — но не отпустила на это тех десятков миллионов рублей, которые были необходимы для создания неприступной военно-морской базы.

Но заслуживали ли цели средств, необходимых для их достижения? И вообще, следовало ли России ставить себе целью расширение своих пределов на Дальнем Востоке, как будто законченное в 1860 г. с приобретением Уссурийского края?

Если судить с точки зрения современного отрицания допустимости завоевательных войн, то не следовало. Территории, намеченные к освоению Россией, принадлежали Китаю и Корее и, по нынешним понятиям, переход их к России мог состояться только с добровольного согласия этих государств, которое, очевидно никогда бы не последовало. Но о делах минувших дней следует судить не по взглядам нашего времени, а по взглядам, тогда господствовавшим. А в конце 19-го века, когда завязалась драма, развязкой которой был Порт-Артур, колониальная политика была в полном разгаре. Незадолго перед тем состоялся окончательный раздел Африки между европейскими державами, а со времени боксерского восстания Китай стал почитаться «больным человеком», к кончине которого и разделу имевшего остаться после него имущества начали готовиться великие державы. В книгах, журналах и газетах того времени можно найти немало схематических карт, намечавших, что должно попасть под английское влияние, что под французское, что под русское. Мало того.

В 1894-5 гг. Япония выиграла войну против Китая и отторгла от него Формозу и Пескадорские острова, ныне, по иронии судьбы, представляющие последние осколки тогдашнего, исторического Китая. Япония приобрела было и Квантунский полуостров с Порт-Артуром, и фактический протекторат над Кореей, но от этих завоеваний ей пришлось отказаться под соединенным давлением России, Франции и Германии. В мире, каким он был в 1900 году, было много международных церемоний, вроде обязательного обряда объявления войны; но не считалось, что завоевательная война противозаконна или даже безнравственна. Единственной санкцией против такой войны была угроза потерять часть собственной территории в случае неудачи, или, еще больше, опасность натолкнуться на мощную коалицию, вступающую за противника из страха слишком значительного нарушения политического равновесия.

В том мире, о котором идет речь, постановка Россией вопроса о присоединении Маньчжурии расценивалась так, как, во второй четверти 19-го века, отнятие Соединенными Штатами у Мексики ее северо-западных владений, со включением Калифорнии: Соединенным Штатам эти земли были подлинно нужны, Мексика не умела их использовать; значит, Соединенные Штаты были вправе насильственно изменить начертание политических границ.

К тому времени, когда началась политика, кончившаяся Порт-Артуром, Маньчжурия в ее северной части (более двух третей по площади) была почти незаселена. Эта плодородная страна, с климатом, похожим на сибирский, при котором преуспевали русские переселенцы, могла стать новым домом для 20 или 30 миллионов русских крестьян, у себя дома стесненных малоземельем. К тому же географически эта область вклинивалась в русские владения на Дальнем Востоке, что привело к искусственному и неудобному решению касательно восточного звена великой сибирской железной дороги — ее было решено проложить, в концессионном порядке, по номинально китайской территории. Наконец, приоб-

решение Маньчжурии, казалось решало одну из вековых проблем русской истории: Порт-Артур или иной порт на Квантунском полуострове давал России выход на открытое теплое море — и Черное море является теплым, но оно замкнуто принадлежащими Турции землями, за проливы между которыми Россия в сущности и вверглась в неудачу Крымской войны.

Итак, в поле зрения 1900 г. постановка цели могла быть оправдана — хотя необходимости в ее осуществлении не было. Но, к несчастью, вопрос осложнился Кореей. Если бы Корея попала под власть Японии, новые русские владения на Желтом море были бы поставлены под фланговый удар противника, способного собрать сильную армию уже не у себя дома, на островах, а под боком, на материке. Опять-таки в плане мышления того времени проблема решалась так: значит, надо вынести границу вперед, чтобы эту опасность предотвратить; иными словами, нужно и Корею ввести в русскую орбиту. Это было явно несовместимо с интересами Японии; но, если рассуждать по-тогдашнему, это не имело решающего значения: из двух противостоящих интересов предпочтение должно быть отдано интересу более сильной стороны; а Россия тогда почиталась неизмеримо более сильной, нежели Япония. Поэтому, до самого конца, Россия настаивала на предоставлении ей по крайней мере опорных пунктов в Корее.

Осуществить план завладения Маньчжурией и Кореей можно было только путем затраты колоссальных денежных средств и многократного усиления русской армии на Дальнем Востоке. Альтернативами были — полный отказ от плана, или сговор с Японией, которая готова была пойти на любовный раздел — Маньчжурию России, Корею Японии. Недооценка военной мощи Японии в связи с исключительно неудачной организацией русской власти и даже внешних сношений на Дальнем Востоке привели к тому, что Россия выбрала неисполнимый план — приобрести новую империю «без затрат из казны».

В Порт-Артуре русские военные силы еще раз про-

явили свои исключительные качества — но одной доблестью крупные международные проблемы не решаются. Была сделана попытка с негодными средствами и кончилась неудачей, но эта неудача была озарена несказанным героизмом, подобным севастопольскому.

В показаниях участников событий читатель найдет много штрихов, дающих как бы рельеф только что нарисованной картине. В них можно найти несколько несогласованностей, в частности по вопросу о последних этапах переговоров с Японией. Это не должно смущать — решения принимались за 8.000 верст от места порт-артурского действия. Но местная картина получается отчетливой. Это — картина типичного для России «соборного делания», самоотверженных усилий, уменя находить выходы в, казалось бы, безвыходных положениях. Не только при мысли о Полтаве, об изгнании Наполеона из России и о недавних победах над гитлеровскими полчищами, но и при мысли о Севастополе и Порт-Артуре крепнет вера во внутреннюю силу русского народа, которая, рано или поздно, должна преодолеть коммунистическое иго, как в свое время преодолела она иго татарское.

Н. С. Тимашев

ФЛОТ И КРЕПОСТЬ

Квантунский полуостров. — В назревавшей борьбе России с Японией за политическое влияние в Восточной Азии стратегическое значение Квантунского полуострова трудно было переоценить.

В условиях войны начала двадцатого века победа России над островной империей могла быть достигнута только флотом. Но, опиравшийся на единственный порт на Дальнем Востоке — Владивосток, — русский флот не имел свободного выхода не только в океан, но и в Желтое море, дававшее Японии свободу высадки своей армии глубоко во фланг русских сухопутных сил в Маньчжурии и возможность оказывать мощное давление на Китай непосредственной угрозой самой его столице.

Поэтому аренда Квантунского полуострова и концессия на постройку Южно-маньчжурской железной дороги являлись мастерским шахматным ходом русской дипломатии.

Однако, этот дипломатический успех не был использован с должной энергией из-за ложных финансовых соображений, имевших катастрофические последствия.

*Тихоокеанская эскадра*¹. — Создание живой силы — флота, способного справиться с возлагаемой на него задачей овладения морем, было начато с большим запозданием и было рассрочено на долгие годы. Постройка

¹ Приводимые в настоящей статье статистические данные о флотах основаны на труде председателя Исторической Комиссии Общества б. Офицеров Императорского Русского Флота в Америке Ст. Л-та С. В. Гладкого, произведенного по просьбе автора.

кораблей велась без должно продуманной судостроительной программы в полной зависимости от случайных возможностей помещения заказов. Даже представившаяся перед самой войной возможность приобрести в Италии два построенных для Аргентины прекрасных броненосных крейсера была отклонена, и в результате они были проданы Японии.

К началу войны в Тихом океане было сосредоточено всего 184.574 тонны против 246.233 тонн боевых судов Японии.

По классам этот боевой тоннаж распределялся в следующих цифрах:

	<i>Россия</i> в тоннах	<i>Япония</i> в тоннах
Броненосцы	(7) — 84.130	(6) — 86.045
Броненосные крейсера	(4) — 44.210	(8) — 73.377
Легкие крейсера	(7) — 38.822	(12) — 42.934
Больш. эскадр. миноносцы	(17) — 5.058	(19) — 5.869
Малые эскадр. миноносцы	(12) — 2.880	(8) — 1.216
Устарелые, но мореходные суда		(4) — 20.300
Морех. канонерские лодки	(7) — 8.279	(8) — 14.617
Миноносцы береговой обороны	(7) — 1.195	(6) — 1.875

Еще более тяжело, чем это превосходство на 25% тоннажа японского флота, отозвалась та же экономия на боевой подготовке нашей эскадры. Введение для сокращения расходов на топливо и содержание личного состава положения о вооруженном резерве, при котором суда долгие месяцы простаивали на бочках в портах, лишало флот столь необходимой непрерывной практики в маневрировании и плавания в море. Но, даже находясь в кампании, корабли не имели возможности, из-за ограничения количества отпускаемых боевых припасов, средств на щиты и пр., проходить соответствующий курс стрельбы из орудий. Благодаря этому и командный и рядовой и личный состав эскадры был мало подготовлен к самой главной цели ее существования — морскому бою.

Оперативная база флота. — В то время как японский флот располагал целым рядом отлично оборудованных военных портов, способных обслуживать все его нужды, главной оперативной базой русской Тихоокеанской эскадры был Порт-Артур, совершенно не отвечающий даже минимальным требованиям.

Уже самые физические свойства Порт-Артура делали его непригодным для своего назначения. Единственный мелководный выход, доступный для прохода больших судов лишь в часы высокой воды прилива, тесные внутренние бассейны и совершенно открытый с моря и потому трудно охраняемый внешний рейд — не только препятствовали свободе выхода и маневрирования эскадры, но даже делали порт опасной ловушкой, в которой один «случайно» затонувший в проходе пароход мог запереть ее в нужный момент.

Всё же, вопреки мнению некоторых наиболее выдающихся и знакомых с местными условиями адмиралов (Дубасов и др.), указывавших на огромные маневренные преимущества соседней бухты Талиенван, окончательный выбор был остановлен на этом старом китайском порту, имевшем уже кое-какое оборудование, включая небольшой сухой док для судов среднего водоизмещения. Соблазнила сравнительная дешевизна его оборудования, к которому, однако, почти не было приступлено своевременно, если не считать произведенного углубления внутренних бассейнов, в которых явилась возможность уместить в тесноте суда эскадры.

Благодаря отсутствию большого дока и слабого развития других ремонтных средств, часть судов приходилось отсылать для капитального ремонта на зимнее время во Владивосток, и силы ее разделялись. В момент начала военных действий там находился отряд броненосных крейсеров («Россия», «Громобой» и «Рюрик») и крейсер «Богатырь».

Таким образом на главном театре войны оказалось всего около 140.000 тонн боевых судов, против которых японский флот, действуя по внутренним линиям, мог в нужную минуту бросить все свои силы.

Маневры 1903 года. — Морское командование на Дальнем Востоке прекрасно сознавало полную непригодность своей базы, что доказывается тем парадоксом, что на маневрах 1903 года первым движением эскадры был уход ее из своей базы в бухту Талиенван, где, под прикрытием завесы крейсеров у Шаньдуна, сторожевой охраны миноносцев, минных заграждений у входов в бухту и противоминных сетей, она сохраняла за собой беспрепятственную возможность во всякий момент выйти навстречу врагу. Одновременно туда же выходил из Владивостока на соединение с нею и отряд броненосных крейсеров.

Так было на маневрах, но не так вышло в самый нужный момент.

Крепость. — База флота нуждается в обороне, как со стороны моря, так и с суши. Она должна быть способной дать безопасное укрытие требующим ремонта судам и даже всему флоту, в случае неблагоприятного исхода большого морского боя.

Всё же морская крепость является лишь вспомогательным элементом этой базы, и вопрос о ее сооружении должен быть всецело подчинен основным требованиям последней.

Однако, при решении вопроса о Порт-Артуре мотивам обороны было отдано предпочтение. Географические и топографические условия полуострова благоприятствовали созданию более сильной обороны с суши при наименьших на это расходах. Идея крепости, не имевшей сама по себе никакого стратегического значения, восторжествовала над идеей базы живой активной силы.

Но финансовые распоряжения замедлили выполнение работ даже и по обороне Порт-Артура.

Хотя морской фронт его и был достаточно оборудован, на сухопутной линии ко времени войны из шести намеченных к постройке главных фортов лишь один был закончен вполне, три подготовлены вчерне, один начат, а к постройке шестого даже не приступлено. Сильные авангардные позиции совершенно не были оборудованы.

В то время как министерством финансов тратились миллионы на постройку, под самым боком крепости, безоружного коммерческого порта Дальний, долженствовавшего приносить доходы казне, кредиты на оборону крепости растягивались на годы.

В таких тяжелых условиях Порт-Артурской эскадре и гарнизону крепости выпало на долю вступить в неравную тяжелую борьбу с тщательно подготовленными, действующими по строго выработанному плану и располагающими полной инициативой действий превосходными силами Японии.

Борьба на Желтом море. — Внезапная, без объявления войны, атака японского флота на Порт-Артурскую эскадру 27 января с роковой убедительностью доказала всю непригодность базы.

Ничем не оправдываемый оптимизм Петербурга о возможности предотвращения войны и опасения вызвать разрыв выходом флота из Порт-Артура, с одной стороны, и сознание опасности пребывания его во внутренних бассейнах, с другой, — привели к полумере: вывод эскадры на внешний рейд.

Лишь благодаря готовности кораблей к отражению минной атаки, выразившейся в повахтенном нахождении офицеров и прислуги у орудий в ночное время, и немедленно открывших огонь при первых же взрывах, не последовало полного уничтожения эскадры, как это, спустя сорок лет, имело место при воздушной атаке на Перл-Харбор.

Правда, два лучших броненосца и один крейсер были сильно повреждены, но, при наличии соответствующих ремонтных средств, эти повреждения могли бы быть исправлены в сравнительно короткое время. В Порт-Артуре их не было. Кроме того, лишь благодаря решимости командира «Ретвизана», предпочтившего приткнуться к берегу из опасения закупорить вход в порт, эскадра не оказалась в критическом положении остаться на долгое время совершенно без всякой базы.

Обессиленная выходом из строя этих кораблей, чи-

нившихся импровизированными средствами почти полгода, всё же эскадра, под флагом командующего флотом адмирала Макарова, демонстрируя выходами в море свою готовность принять, в случае необходимости, бой, продолжала препятствовать большим десантным операциям японской армии в непосредственной близости от Порт-Артура. Лишь спустя почти два месяца после гибели «Петропавловска», началась 22 апреля высадка армии ген. Ноги у Бицзыво.

Таким образом, было выиграно четыре месяца для развертывания русской армии в Маньчжурии и для подготовки, по мере сил и возможности, крепости к обороне с суши.

Новые задания эскадры. — С того момента, когда Порт-Артур был отрезан, на эскадру ложатся два взаимно противоречащие задания: сохранить себя до подхода второй Тихоокеанской эскадры адмирала Рождественского и, в то же время, нанести возможно сильный урон японскому флоту до этого времени.

Для выполнения первой из них необходимо было отдалить грозный момент падения крепости, что требовало передачи на сухопутный фронт части артиллерии среднего и малого калибра с прислугой к ней, благодаря чему ослаблялась сила боевого огня кораблей. В то же время надо было заканчивать работы по ремонту поврежденных судов, до вступления которых в строй безрассудно было бы пытаться исполнить вторую задачу путем большого боя.

Поэтому эта последняя выполняется двумя путями: пассивно — вынуждением адмирала Того непрерывно держать все свои главные силы у Порт-Артура для его тесной блокады, подвергая их опасностям минной войны и вызывая износ механизмов судов, лишенных возможности капитального ремонта в своих портах, и активно — путем широкого развития постановок минных заграждений на путях блокирующих сил.

В этот период главная тяжесть боевой работы ложится на минные суда. Под охраной миноносцев ведет-

ся непрерывное траление внешнего рейда, демонстрирующее врагу предположительную возможность выхода эскадры в море, и на них же ложится охрана его от постановок мин неприятелем. При выполнении этой службы миноносцы несут потери как от мин, так и в ночных боях с японскими миноносцами.

Активная минная война увенчивается блестящим успехом постановки минной банки заградителем «Амур», на которой 2-го мая погибло два японских броненосца. Надлежаще использованный этот момент, возможно, мог оказаться поворотным пунктом войны на море. Но неготовность эскадры к выходу в море и низкая вода отлива привели к тому, что к месту катастрофы вышли лишь миноносцы, поддержанные затем крейсерами, вступившими в бой с крейсерским отрядом японцев, и, к тому времени, когда наша эскадра вышла, наконец, на рейд, адмирал Того успел стянуть к Порт-Артуру все свои главные силы. Надвигавшаяся ночь вынудила нашу эскадру возвратиться в гавань.

10-го июня русская эскадра, по окончании ремонта поврежденных 27-го января броненосцев, выходит впервые в полном составе в море для демонстрации и производства насущно необходимой практики в маневрировании. Однако, и здесь рок преследует ее. Несмотря на то, что в предшествующую ночь наши миноносцы, находясь в охране рейда, имели бой с японскими судами, идущими к рейду, а сам рейд был накануне и утром тщательно протрален, всё же один из броненосцев («Полтава») наткнулся на мину и получил пробоину. Это обстоятельство вызвало вновь задержку выходов эскадры в море до его ремонта.

Попытка прорыва. — 17-го июля началось тесное обложение крепости, и, установив осадные орудия, японцы с 25-го июля приступили к бомбардировке порта и внутренних его бассейнов. Однако, перекидной огонь без точной корректировки не приносил кораблям серьезных повреждений. Со своей стороны они отвечали перекидным огнем тяжелой артиллерии по осадным батареям.

Всё же положение эскадры становилось критическим и потому, по высочайшему повелению, эскадра делает попытку перейти из Порт-Артура во Владивосток, приведшую к бою 28-го июля у Шантунга с эскадрой адмирала Того. Первая фаза боя увенчивается успехом, поставив японцев между русской эскадрой и Порт-Артуром. Прорыв казался возможным. Но неисправность механизмов броненосца «Полтава» вынуждает адмирала Витгефта уменьшить ход всей эскадры, в результате чего Того догоняет ее и бой возобновляется. Удачным попаданием в боевую рубку «Цесаревича», убившим командующего эскадрой, выведшим из строя почти весь его штаб и повредившим управление кораблем, русская эскадра приводится в расстройство. Долговременное отсутствие практики маневрирования сказывается на ней с полной силой. Не потеряв в бою ни одного корабля, она отдельными группами, отбивая ночные минные атаки, возвращается к утру следующего дня в Порт-Артур. Поврежденный «Цесаревич» и крейсера «Аскольд» и «Диана» уходят в нейтральные порты, где и интернируются на всё время войны... Быстроходному «Новику» удается прорваться до Сахалина, где, после боя с сильнейшим врагом, он выкидывается на берег и уничтожается.

Гибель эскадры. — С этого момента само существование эскадры неразрывно связывается с судьбой крепости, и потому все ее силы отдаются на оборону сухопутного фронта последней.

Четыре месяца всё еще тлеет надежда спасти ее от окончательной гибели; надежда на армию ген. Куропаткина, на появление на театре военных действий эскадры адмирала Рождественского.

Но падение 22-го ноября Высокой горы, вызвавшее слова генерала Кондратенко — «это начало конца», окончательно ее гасит. Точно корректируя стрельбу 11-дюймовых гаубиц по стоящим в порту судам, японцы вскоре пускают ко дну все корабли, за исключением «Севастополя» и канонерской лодки «Отважный»,

вышедших в открытую бухту Белого Волка. Но и этим последним, долго отбивавшим вместе с приданными к ним миноносцами ночные минные атаки, во время которых «Севастополь» был поврежден торпедой, пришлось при сдаче крепости затопиться на больших глубинах внешнего рейда.

Уже 9-го декабря адмирал Того с полным правом донес императору, что русская эскадра перестала существовать.

Как ни трагична была судьба Порт-артурской эскадры, всё же она до некоторой степени одну из своих задач — нанести урон японскому флоту до подхода второй Тихоокеанской эскадры — выполнила.

Во время операций против нее японский флот потерял свыше 46 тысяч тонн, т. е. около 20% всего своего боевого тоннажа, включая два корабля первой линии.

И если к тому же, даже проигранный, бой у Шантунга хотя бы приблизительно совпал по времени с приходом Второй эскадры, то серьезные повреждения, нанесенные во время его некоторым из японских броненосцев (в частности, «Микаса») могли бы весьма благоприятно отразиться на соотношении сил последней с неприятельским флотом.

Но всё это было куплено слишком дорогой ценой. Лишь 19% ее тоннажа в лице интернированных судов сохранилось от нее. Около 18% погибло в боевых операциях, а остальным 63% довелась горькая доля быть затопленными в своей базе.

Война жестоко карает за всякую ошибку в ее подготовке и ведении, а таких ошибок было сделано слишком много.

Оборона крепости. — Нет крепости, которой нельзя было бы взять. Эта истина доказана всей военной историей мира.

Слабая вооружением, незаконченная постройкой, с недостаточным гарнизоном, совершенно отрезанная и с суши и с моря от подвоза подкреплений, боевых припасов и продовольствия, крепость Порт-Артур в течение

девяти месяцев выдерживала натиск в три раза сильнее врага, не щадившего никаких усилий, чтобы ее взять.

Почти сорок лет спустя другая мощная и богато оборудованная всем морская крепость — Сингапур — падает в руки тех же самых японцев с непостижимой быстротой. Хрупкими стеклянными стенами оказались и знаменитая линия Мажино и линия обороны в Тунисе.

Как ни соблазнительно объяснять эти последние факты только развитием техники наступательного оружия, следует признать такое объяснение несостоятельным. Ведь параллельно с техникой наступательной прогрессировала не в меньшей степени и техника обороны.

Объяснение по существу было дано еще в глубокой древности в виде краткой сентенции: «лучше иметь каменных людей за деревянными стенами, чем деревянных — за каменными».

Ни бетон и сталь, ни крупнейшая моторизованная артиллерия не могут заменить главного элемента всякой борьбы — людей.

Дух всегда и везде побеждает материю. Идеи традиций, чести, долга, дисциплины — составляют главную силу.

И этими именно идеями были глубоко проникнуты все чины Российских армии и флота в Порт-Артуре. В сознании ответственности перед Россией за вверенную крепость эскадру, командный состав до последней крайности не допускал мысли о ее сдаче. Руководясь его примером, рядовой состав, быстро редеющий от непрерывных яростных штурмов, подверженный непрерывным артиллерийским бомбардировкам, скашиваемый цынгой, мужественно переносил все невзгоды и лишения.

Пятьдесят тысяч людей, составлявших, включая морские команды, весь гарнизон, отстаивали крепость, отвлекали на себя за всё время осады в общей сложности свыше ста семидесяти тысяч неприятельской армии, т. е. почти треть всего ее состава. Сто десять тысяч потерял враг под ее стенами, из которых восемьдесят пять тысяч пало в боях.

И когда Порт-Артур, наконец, пал, всего четырнадцать тысяч бойцов, из которых многие страдали цингой и не раз были ранены, оставалось в боевом составе гарнизона. Остальные были в госпиталях, как совершенно непригодные к строю.

Поистине эпической можно назвать эту борьбу, и история обороны крепости заслуженно может носить имя Порт-артурской эпопеи.

Сам враг признал героизм гарнизона, приняв условие выхода его из крепости с оружием в руках и сохранение холодного оружия офицерским составом.

А государь повелел всё время осады считать участникам ее в службу из расчета месяц за год, подобно славным защитникам Севастополя.

Контр-адмирал

Б. П. Дудоров

ЗАВТРАК У НАМЕСТНИКА

2-го октября 1903 года, сменяя в полдень дежурного адъютанта при наместнике его величества на Дальнем Востоке, я был изумлен, когда он передал мне, что сейчас должен прибыть из Японии наш посланник барон Розен, и что адмирал Алексеев приказал провести его незамедлительно в кабинет.

Это известие своей неожиданностью вызвало мое крайнее удивление. С введением наместничества, адмиралу Алексееву были переданы все дипломатические переговоры с Японией, Китаем и Кореей, для чего была создана в Порт-Артуре дипломатическая канцелярия, под управлением Плансона. Всякий приезд наших посланников из упомянутых стран был заблаговременно известен. За ними посылался один из крейсеров, а скользящие артурцы, придираясь к таким случаям, устраивали пышные приемы как на эскадре, так и в городе. Поэтому было ясно, что приезд барона Розена связан с какой-то таинственной целью.

Незадолго до часу посланник прибыл и я проводил его в кабинет наместника.

В этот день в Артуре было особенно тихо, потому что накануне начались соединенные маневры армии и флота, и все суда и войска ушли из крепости. Как будто барон Розен был вызван именно в этот день, чтобы не возбуждать в городе лишних разговоров об его приезде.

В час был завтрак, на котором, кроме наместника и Розена, присутствовал только я. Продолжая начатый в кабинете разговор, наместник сказал барону Розену, что его доклад только укрепил в нем уверенность в неиз-

бежности войны. Уверение генерала Куропаткина, посетившего незадолго до этого Японию, в неподготовленности японцев к войне, адмирал объяснял полным незнанием генерала с японцами.

— Наиболее для меня ценным, — сказал наместник, — являются донесения большого знатока японцев, капитана 2 ранга Русина, которые всегда только подтверждают мое мнение о неизбежности войны. По лихорадочной деятельности их флота, пребывающего в постоянных упражнениях, слишком очевидна их подготовка к войне с нами. Как бы в ответ на это, у нас, под давлением министра финансов, ввели вооруженный резерв, выводящий наши суда на много месяцев в году из строя.

Далее наместник жаловался, что на все его донесения о неизбежности войны Петербург остается глухим, и когда он недавно просил об увеличении кредитов на плавание судов эскадры, для сокращения пагубного вооруженного резерва, то получил не только отказ, но и предупреждение, что с приходом на Восток для усиления флота новых боевых судов, срок вооруженного резерва должен быть увеличен, так как кредиты для плавания судов останутся без изменений.

— В результате моему штабу, вместо подготовки к войне, приходится разрабатывать вопрос, насколько, из-за экономических соображений министерства финансов, нашим судам придется сокращать свои плавания. Из последнего доклада адмирала Витгефта я вижу, что броненосцам и крейсерам с будущего года возможно будет плавать лишь четыре месяца в году, а миноносцам даже только один. Эта экономия не может не погубить боееспособность флота. Не может быть боевого флота без упражнения в маневрировании и артиллерийской стрельбе.

Надо сказать, что введение вооруженного резерва было в то время новизной, изобретенной Главным Морским Штабом ради экономии. Суда стояли в портах, личный состав получал значительно уменьшенное жалование и не расходовалось на походы угля. Маневрирование и артиллерийская стрельба вычеркивались на это

время из жизни команды, и суда пребывали в сонном состоянии.

Далее наместник говорил, что главным фактором в морской войне является нанесение неприятелю первого удара. Если мы этого не сделаем и будем выжидать его со стороны японцев, то война может перекинуться на сушу и быть весьма длительной из-за нашей однокольной Сибирской железной дороги, провозоспособность которой ничтожна.

Высказав всё это, наместник смолк. Через некоторое время он, перейдя из-за присутствующих лакеев на французский язык, сказал:

— Вы понимаете, барон, причину вашего срочного вызова мною, и я должен вас предупредить, что я даже допускаю возможность вашего невозвращения в Японию. Упомянутый мною «первый удар» должен быть нанесен нами.

Барон Розен, как старый дипломат, хладнокровно воспринял эти слова и лишь прибавил, что война, конечно, неминуема.

Далее наместник начал развивать свою мысль о начале военных действий: наш флот должен был на следующий день выйти к берегам восточной Кореи, миноносцы произвести минную атаку на суда японского флота и затем соединиться с флотом в Мозампо.

Завтрак подходил к концу. Вставая, наместник обратился ко мне:

— Сделайте распоряжение о немедленном прекращении маневров; судам вернуться в Порт-Артур и приготовиться к окраске в боевой цвет.

Через некоторое время я был вызван наместником в кабинет и в присутствии барона Розена получил от него для зашифровки текст телеграммы Государю императору. Содержание депеши было о желательности немедленного объявления войны, дабы предупредить такое со стороны Японии.

В срочных случаях ответы на телеграммы получались через четыре часа, но прошло уже десять часов, и ответа всё не было. Наместник нервничал, неоднократно

но вызывая меня, прося запросить дипломатическую канцелярию об ответе. Наконец, около четырех часов утра Плансон принес расшифрованную телеграмму для доклада.

Телеграмма была подписана главноначальствующим по делам Наместничества контр-адмиралом Абаза. Смысл ее был тот, что Государь император не допускает возможности Великой России объявлять войну маленькой Японии. В конце депеши наместник вызывался в Петербург для личного доклада Государю.

Прочтя депешу, адмирал Алексеев приказал мне передать распоряжение о продолжении прерванных маневров и тут же передал телеграмму Государю о невозможности, в столь тревожное время, покидать ему Дальний Восток.

До января наместник неоднократно вызывался в Петербург. Был прислан за ним специальный поезд, но он каждый раз отклонял выезд из-за угрозы войны.

12-го января 1904 года наместником не были получены обыденные ежедневные депеши от наших посланников из Токио, Пекина и Сеула. На запрос дипломатической канцелярии о причинах этого был от всех трех представителей получен одинаковый ответ, что им предписано сношаться непосредственно с Петербургом.

В тот же день наместник подал Государю прошение об отставке и о снятии с себя ответственности за могущие произойти последствия. Ответа на это прошение до начала военных действий получено не было.

Министр иностранных дел граф Ламсдорф, не подозревая об отнятии от наместника права переговоров с дальневосточными посланниками, выпустил в первые дни войны «Красную книгу», в которой сваливал всю вину на адмирала Алексеева. Книга эта, выпущенная и разосланная в количестве 50 экземпляров, была по Высочайшему повелению у всех получивших ее отобрана и уничтожена. Оказалось, что с 12 января переговоры с посланниками велись контр-адмиралом Абаза.

Таким образом, к началу военных действий наме-

стник не был даже в курсе дипломатических переговоров.

В 1911 г., когда были осложнения между морским ведомством и Государственной Думой по поводу бюджета на постройку военных судов и возник вопрос о смене морского министра, Государь сказал П. А. Столыпину:

— Я знаю только одного адмирала, который нашел бы общий язык с Думой — это Алексеев, но, к сожалению, общественное мнение слишком против него, хотя он ни в чем не виноват.

Капитан I ранга

Б. И. Бок

В 1904 ГОДУ

В связи с 50-летием в 1954 году начала первой русско-японской войны, длившейся почти полтора года, небезынтересно перелистать воспоминания государственных деятелей эпохи этой войны. Приведем некоторые из них. Вот, например, выдержка из записок германского морского министра того времени, адмирала Тирпица.

«...Когда я прибыл в Потсдамский дворец (дело было летом 1903 года. — А. Л.), там уже собрались: имперский канцлер фон Гольштейн; статс-секретарь иностранных дел барон фон Рихтхофен и генерал граф Шлиффен. Император был в отличном расположении духа и дружески приветствовал нас:

— Я пригласил вас, господа, чтобы обсудить вопрос о военном союзе с Россией. Думаю, что такой союз вынудит Францию примкнуть к нам.

Граф Шлиффен одобрил мысль, заявив, что с точки зрения стратегии, такой союз только желателен, но я возразил, что не могу вполне присоединиться к графу из-за опасения, как бы этот союз не обострил и без того напряженные отношения между нами и Англией, что было бы весьма нежелательно, и с чем, вероятно, граф согласится.

— Как известно вашему величеству, — пояснил я, — Россия накануне войны с Японией, и всё ее внимание должно быть направлено на Восток, почему, в случае какого-либо конфликта на Западе, она не в состоянии будет выделить более 200 тысяч штыков, что, при

столкновении миллионных армий более чем недостаточно. Между тем, заключая с ней сейчас военный союз, мы рискуем быть втянутыми в дальневосточный конфликт. Всё, что мы можем сделать в настоящий момент, это постараться убедить Россию принять спешные меры к усилению своих вооруженных сил на Востоке, так как ее поражение там чревато для всей Европы и, в частности, для нас грозными политическими последствиями...

Граф Шлиффен ничего не возразил и только обиженно молчал. Фон Рихтхофен, напротив, одобрительно покачивал головой, а канцлер пытался поддержать императора. Совещание длилось свыше двух часов. В конце концов было решено пока воздержаться от заключения военного союза, но в случае возникновения русско-японской войны, сохранить по отношению к России дружественный нейтралитет.

По окончании заседания, император задержал меня и, отведя к окну, сказал, что вполне разделяет мои соображения и тоже считает поражение России опасным для наших позиций на Тихом океане. Тут он неожиданно добавил:

— Мне пришла в голову превосходная мысль попросить вас отвезти царю мое письмо и попытаться лично воздействовать на него в высказанном духе».

«Уехал я, — вспоминает далее Тирпиц, — несколько дней спустя. Миссия моя была крайне деликатна. Мне было известно, что настроение молодой императрицы англофильское, и что она имеет большое влияние на царя. Императора же Николая, напротив, я хорошо знал, как искренне расположенного к Германии... Однако, по моем приезде в Петербург мне ни разу не удалось, несмотря на все попытки, остаться с ним наедине: императрица неизменно присутствовала. Не смею сказать, обладала ли эта прекрасная женщина государственным умом, но, несомненно, она не сохранила симпатии к немецкому отечеству. Тем не менее, мне ничего не оставалось делать, как вести переговоры при ней, что было довольно стеснительно: приходилось очень осторожно

касаться неблагоприятного стратегического положения России на Востоке. Но убедившись, что их величества слушают с видимым интересом, я позволил себе говорить откровенно, и между прочим, указал, что сосредоточенная в Порт-Артуре эскадра имеет, на мой взгляд, скорее декоративное значение, нежели боевое. Я прямо заявил, что мы кровно заинтересованы в победе русского оружия, так как поражение России на Востоке может неблагоприятно отразиться на нашем положении там. Царица молчала, хотя ее лицо выражало благосклонность; император же слушал весьма милостиво. В заключение он сказал, что ненавидит японцев, не верит ни одному их слову, и отлично сознает всю серьезность положения. Царь заверил меня, что все необходимые меры принимаются.

— Мы достаточно сильны, и парализуем всякое вооруженное выступление Японии. — На этом аудиенция кончилась, и я, получив ответное письмо, вернулся в Берлин»...

Приблизительно месяц спустя, после отъезда Тирпица, осенью того же 1903 года, Куропаткин записывает в своем дневнике:

«24 августа, по окончании либавских торжеств, по случаю освящения порта и крепости императора Александра 3-го, я обедал на «Полярной звезде» у императрицы Марии Феодоровны. Кроме живущих на «Штандарте», приглашен был только я один. Сидел рядом с государыней Александрой Феодоровной. Говорили о нашем военном положении. Я заметил, что оно далеко не блестяще, нет денег, всё поглощает Дальний Восток, в чем большая ошибка. Александра Феодоровна возражала с обычной горячностью. Ее величество сказала, что теперь всё внимание и все средства надо обратить на Восток, что там главная опасность, может вспыхнуть война, и мы должны быть сильны.

— Потом, года через четыре, можно будет снова перенести внимание на запад, но пока этого делать нельзя.

На мое замечание, что именно здесь, на Западе, зреет главная опасность, Александра Феодоровна выразила уверенность, что до Европейской войны не допустят, но что сейчас страшна желтая раса.

Чувствуя, что тут поддержки не будет, я признал себя побежденным и шутливо заметил:

— Увы, ваше величество, моя вылазка окончилась неудачно.

Государыня рассмеялась.

После обеда все перешли на палубу пить кофе. Государь, Фредерикс, Авелан и командир яхты разместились в креслах, а обе императрицы, вел. кн. Ольга Александровна и я — на скамейке; третью группу составили Гессе, граф Бенкендорф, Мосолов, адмирал Гирш и четыре фрейлины. Беседовали и любовались иллюминацией. Мария Федоровна, которой государыня передала наш разговор, сочувственно посмотрела на меня, как бы говоря: «Надейтесь».

«Буду бороться, — доканчивает Куропаткин эту свою запись — дабы увлечение Дальним Востоком не принесло России вреда»...

Той же осенью начальник военного отдела Штаба Квантунской армии полковник барон Таубе записывает:

«Япония усиленно готовится к войне: в присутствии микадо состоялись грандиозные маневры, носившие характер демонстрации (полк. Таубе был командирован на маневры в качестве представителя нашей армии. — А. Л.). Когда я прибыл в Токио и явился нашему посланнику Розену, он первым делом спросил: каким количеством войск мы располагаем в Квантуне?

— Двадцатью тысячами, — ответил я.

Посланник не поверил:

— Но может быть, идут подкрепления?

— Никаких подкреплений не предвидится, — доложил я. — На все наши требования Главный Штаб отвечает, что при исчислении сил нужно исходить из отно-

шения, что один русский солдат соответствует четырем японским...

Посланник всплеснул руками:

— Помилуйте, — воскликнул он, — войны с нами жаждет весь японский народ, жертвования текут со всех сторон, принесено столько жертв, что война неизбежна.

После маневров состоялся парадный завтрак, предложенный японским Генеральным Штабом иностранным военным миссиям. Когда встали из-за стола и перешли в гостиные, к Таубе подошел японский майор, прикомандированный к русской и французской миссиям и, чокнувшись, сказал:

— Вот, барон, сейчас я пью ваше здоровье, но скоро и очень скоро уже не буду пить за него, а буду... рубить вас...

Глаза его сверкнули и он схватился за эфес...»

Куропаткин записывает:

«24-го января (то есть, за двое суток до внезапного нападения на артурскую эскадру. — А. Л.) я приехал во дворец с очередным всеподданнейшим докладом. Государя застал в тревожном настроении:

— Надо же, наконец, выяснить: война или мир? — были первые слова императора, — если воевать, так воевать, если мир, так мир; неизвестность становится томительной...

В тот же день Ламсдорф подтвердил мне, что разрыв дипломатических отношений не означает еще войны...»

Вечером фельдъегерь доставил военному министру записку:

«Алексей Николаевич, 26-го, в 11 ч. 30 м. у меня соберется совещание по вопросу, следует ли разрешать высадку японцев в Корею, или силой принудить к отказу. Прошу вас приехать к указанному часу. Николай».

Куропаткин решил предварительно свидеться с управляющим морским министерством. Авелан заверил его, что наших сил достаточно вполне, чтобы атаковать японский флот.

«Вы можете считать, что технически и по составу мы сильнее. Я только несколько сомневаюсь в Старке (командующий эскадрой. — А. Л.). Он исполнитель, знает свое дело, но лишен инициативы.

— Так почему же вы не замените его? — удивился военный министр. — Есть же у вас Макаров, Дубасов, Скрыдлов, Бирилев, Рождественский.

— Я предлагал Дубасову и Бирилеву, но оба отказались из-за характера наместника. Пусть он сам и ведет флот...»

Вошел начальник Главного Морского Штаба, адмирал Рождественский. Он также подтвердил, что не может быть сомнений в силах нашего флота, и также неодобрительно отозвался о Старке. Успокоенный до некоторой степени Куропаткин вернулся к себе.

26-го в Зимнем дворце состоялось намеченное совещание. Присутствовали: генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович, граф Ламсдорф, Авелан, Куропаткин и, в качестве делопроизводителя, свиты контр-адмирал Абаза.

Вот как сам военный министр описывает совещание:

«Открывая заседание, его величество сказал, что прежде всего желает знать наше мнение, какого образа действий следует держаться — воспрепятствовать ли силой высадке японцев в Корею, и если да, то в каком районе?»

Первым государь обратился ко мне. Я напомнил его величеству, что когда составлялся план стратегического развертывания в Южной Маньчжурии, то Алексеев принимал за аксиому, что наш флот не может потерпеть поражения, а потому я считаю высадку японцев невозможной на западном берегу Кореи.

После меня говорил Ламсдорф. Он указал, что если

есть хоть малейшая возможность избежать войны, надо этим воспользоваться («разумеется», — вставил государь). Далее он сказал, что японцы поступили опрометчиво и что общественное мнение Европы и Америки против них.

Генерал-адмирал высказался в том смысле, что разрешать высадку севернее Чемульпо нельзя.

— А южнее? — спросил государь.

Великий князь ответил, что не думает, что японцы вообще рискнут на морскую операцию.

В эту минуту дежурный флигель-адъютант вручил военному министру телеграмму наместника. Вот ее содержание:

«Непрекращающиеся приготовления Японии достигли опасного предела. Полагаю необходимым немедленно объявить мобилизацию и не допускать высадки японцев в Корею. Приказал эскадре выйти на внешний рейд, дабы немедленно, по получении вашего ответа, атаковать неприятеля».

В результате совещания, Алексееву послали следующее распоряжение:

«Если японцы начнут военные действия, не допускать высадки на западном берегу Кореи, севернее 38-й параллели. Высадку в южной Корею и в Чемульпо допускать. Продвижение японских войск в Северную Корею не считать за начало войны...»

О мобилизации ни полслова.

В тот же день Куропаткин присутствовал на вечере у государственного контролера Лобко. Неожиданно приехал Витте, видимо, расстроенный, и, ни с кем не поздоровавшись, отвел военного министра в кабинет хозяина. Оба сейчас же уехали. По гостиним пополз тревожный слух.

Витте и Куропаткин отправились к Авелану. Тот ничего еще не знал. Витте показал ему частную телеграмму своего коммерческого агента о неожиданном нападении на эскадру. На утро телеграмма стала общим до-

стоянием. В 4 часа пополудни последовал указ о мобилизации Сибирского военного округа и четырех уездов Казанского. Во дворце состоялось молебствие и высочайший выход.

Вечером звонок Скрыдлова к Куропаткину:

— Я только что от молодой императрицы. На коленях умолял о вашем назначении командующим. Алексеев ничего не смыслит в этих делах.

Несколько минут спустя, звонок Сольского, звонок Витте, звонок князя Мещерского, — и звонки Куропаткину со всех сторон; все с пожеланием о принятии им поста Главнокомандующего.

*Капитан 2 ранга
А. П. Лукин*

ТАИНСТВЕННЫЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Старший лейтенант Р. П. Зотов рассказал мне о крайне загадочном предупреждении, которое было сделано русским властям одним таинственным англичанином о намерении японцев произвести минную атаку на нашу эскадру без предварительного объявления войны.

Ввиду важности факта, точных подробностей, сообщенных Р. П. Зотовым, упорства англичанина в своем намерении довести об этом до сведения русского командования, я просил Рафаила Петровича продиктовать мне всё, что он помнит об этом загадочном факте.

Вот что рассказал Р. П. Зотов.

«В конце лета 1903 года крейсер 2 ранга «Забияка» был послан самим наместником на стоянку в китайский порт Чифу, находящийся в 70 милях от порта Артур.

Командиром «Забияки» в то время был кап. 2 р. Лебедев, впоследствии, во время осады, погибший смертью храбрых при контратаке на редуты первый и второй, во главе морского десанта. Старшим офицером был лейтенант Лепко, судовым врачом д-р Ильин, инженер-механиком фон Бернс, старшим из мичманов — граф Кайзерлинг. Я (Зотов) был мичманом, остальных офицеров не помню.

Цель стоянки крейсера в Чифу мне не была точно известна.

В конце декабря 1903 г. к крейсеру подплыл на китайской шампуньке штатский человек и на английском языке попросил разрешения подняться на корабль.

Так как у нас на корабле по-английски свободно

объяснялся один мичман граф Кайзерлинг, то его вызвали наверх для разговора.

Выяснилось, что приезжий англичанин желает лично и по секрету говорить с нашим командиром. Получив согласие кап. 2 р. Лебедева, граф Кайзерлинг вместе с приехавшим спустились в каюту командира, где оставались около часу. После этого англичанин и Кайзерлинг вышли на палубу вместе с командиром.

Заинтересованные продолжительным визитом у командира, мы, остальные офицеры «Забияки», вышли на шканцы и ждали конца совещания. Когда командир со своим гостем вышли на палубу, мы увидели, что кап. 2 р. Лебедев был сильно взволнован. Однако, он очень ласково и деликатно проводил приезжего до трапа, попрощался с ним за руку и сказал:

— Ол райт!

Настроение командира всё же было какое-то неопределенное. Видимо, он иронически относился к тому, что сообщил ему англичанин, ибо, обращаясь к нам, остальным офицерам, из любопытства скопившимся вблизи трапа, он бросил улыбаясь: «Чорт его знает, шарлатан или серьезный человек?»

После такой реплики Лебедева, обращенной к нам, граф Кайзерлинг не счел нужным делать тайны из разговора бывшего в каюте командира. Когда спустились все в кают-компанию, Кайзерлинг рассказал нам следующее.

Приезжий англичанин поведал командиру о затеваемых японцами планах нападения на Россию, в частности на Порт-Артур, и в недалеком будущем. Нападение это будет неожиданным и — до официального объявления войны.

При этом англичанин убеждал, что он истинный друг русских, что он не насмеяется над нашим командиром, а говорит совершенную правду, в предупреждение могущего быть зла от внезапности нападения.

Однако, доказать свои слова и указать источники он

категорически отказался и настаивал на бесконтрольном доверии¹.

На следующий день этот человек вновь прибыл к нам на «Забияку», и на этот раз привез с собой кипу карт, свернутых в трубку. Он опять прошел с графом Кайзерлингом к командиру. На этот раз туда же был приглашен старший офицер Лепко. Совещание было более длительным, чем предыдущее. Все с этого совещания вышли совершенно расстроенные. Оказывается, «доброжелатель» привез командиру карты с точным обозначением японских замыслов блокады нашего побережья, указанием опорных пунктов, складов для военного материала, угля, временных мастерских и прочего. Командир, видимо сдвинутый с точки недоверия, в этот же день отдал распоряжение закончить дела с берегом. Мне же (Зотову), как офицеру, заведывающему фотографией корабля, было предложено снять подробную фотографию с французского острова, на котором стоял маяк. Фотографии мною были произведены, частью со шлюпки, частью же с берега, для чего я выходил на этот остров. Все эти фотографии сохранились у меня и по сей день в Париже.

В последующие дни англичанин еще два раза был у нас. Командир же ежедневно собирал совещания в составе старшего офицера, мичмана Кайзерлинга, судового врача Ильина и еще кое-кого из старших в кают-компании.

Прошло, я думаю, не более десяти дней после первого посещения нас англичанином, как мы снялись с якоря и отправились обратно в Порт-Артур.

¹ Всё изложенное выше записано со слов Р. П. Зотова мною 27 ноября 1946 года в присутствии генерал-майора судебного ведомства Евгения Константиновича Томилина.

Дальнейший рассказ Р. П. Зотова записан Томилиным 2 декабря 1946 года.

Ввиду чрезвычайного интереса, который возбудил в нас этот таинственный случай, я считаю долгом всё это отметить для будущего историка этой войны, начавшей серию самоистребительных актов белой расы.

По прибытии, командир в тот же день приказал мне собрать все мои фотографические произведения и вместе с ними отправиться во дворец к наместнику. Этим назначением я был чрезвычайно недоволен, ожидая только скандала и неприятности.

Наместник принял нас в своем кабинете без посторонних свидетелей. Командир чрезвычайно волновался и обрывающимся голосом начал свой довольно подробный доклад о происшедшем в Чифу. Я стоял сбоку командира, держа в руках с десяток фотографий и усердно наблюдал за выражением лица наместника, которое принимало всё более сумрачный вид. Всё же он дал командиру кончить доклад, осмотрел карту, фотографии, не говоря ни слова.

Вдруг наместник уставился на командира и как разорется:

— Что это вы панику разводите?! Пришли без разрешения?!

И пошел, и пошел... Прокричав минут пять, наместник сказал:

— Убирайтесь вон!

Он пригрозил командиру каким-то взысканием, а мне арестом. Командир, бледный как полотно, выскочил из кабинета наместника, а я с грустью сознавал, что по воле злой судьбы влип в грязную историю, да еще и под арест попал.

Скоро командир совершенно успокоился, я — тоже, и жизнь на корабле совершенно не изменилась для меня. В кают-компании на вопросы, как прошел доклад у наместника, я ответил, что командиру попало за своевольный приход в Порт-Артур. Об остальном умолчал. Командира же никто не смел спросить о результатах доклада. Но на третий день, когда командир совершенно успокоился, он сам сказал старшему офицеру, лейтенанту Лепко, что ему здорово попало за то, что он самовольно прибыл в Порт-Артур. И только. Никаких других шагов для использования привезенных им из Чифу предостережений таинственного англичанина кап. 2 р. Лебедев, видимо, не делал.

Приблизительно дней через 10-12 после нашего возвращения в Порт-Артур была ночная минная атака японцев, а на утро эскадренный бой на внешнем рейде, первая бомбардировка порта Артур и города... И... действительно, без предупреждения».

Через полвека трудно дать оценку этому случаю, до сих пор нигде не опубликованному. Но, так как я немного знал Наместника, и особенно много слышал о нем, и более близко знал кап. 2 р. Лебедева, с которым имел служебный контакт во время осады крепости, полагаю, что недоверие наместника к докладу Лебедева надо приписать личности самого Лебедева. Если бы Лебедев взял с собою графа Кайзерлинга, непосредственно говорившего с англичанином, возможно, что эффект доклада был бы иным.

Это была одна из тех тяжелых неудач, которые вообще сопровождали эту неудачную, ненужную и случайную для всех войну, по последствиям же своим, — одну из наиболее тяжелых для судеб человечества.

*Морской врач
Я. И. Кефели*

КАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА С ЯПОНИЕЙ

Американская пресса первых годов текущего столетия была особенно враждебна к России и ее правительству. 9 февраля (нов. ст.) 1904 года на первых страницах газет в Соединенных Штатах появились напечатанные крупными буквами заголовки:

«Японцы взорвали три русских военных судна». Далее следовали телеграммы собственных корреспондентов или телеграфных агентств приблизительно следующего содержания:

«Вечером 8 февраля роскошно убранные залы во дворце адмирала, комадующего русской эскадрой в Порт-Артуре сияли тысячами огней, отражавшихся на блестящих эполетах и золотом шитье мундиров офицеров этой эскадры. Гремел бальный оркестр и нарядные пары кружились в упоительном вальсе. Это был бал, данный по случаю именин супруги адмирала миссис Старк. Вдруг раздались минные взрывы на рейде. Переполошившиеся танцоры бросили своих дам и в панике побежали на набережную. Но было уже поздно: поврежденные корабли мертвой массой лежали на боку, залитые водой».

Сообщения эти нашли отзвук и в русской прессе. Пожалуй и сейчас кое-кто из россиян полагает, что моряки «проморгали» японцев потому, что веселились на именинах супруги адмирала. Мадам Старк действительно звали Марией, и по календарю 8 февраля день преподобной Марии. Всё же остальное в приведенной телеграмме, как и о нахождении офицеров на берегу в этот вечер, так и празднование именин представляло собою обычную газетную утку — ни на чем не основанный вымысел.

Что же на самом деле происходило в Порт-Артуре в ночь с 8 на 9 февраля 1904 г.?

Новый 1904 год был встречен во всей России весело и беззаботно. Так, по крайней мере, казалось нам, плававшим тогда на Тихоокеанской эскадре. В газетах трехнедельной давности, приходивших из далекой северной столицы в Порт-Артур, мы не находили признаков особой тревоги. Повидимому, мало кто знал тогда в России о важных переговорах с Японией, грозивших разрывом сношений и войной.

На нас, артурцев, это спокойствие и кажущаяся беззаботность нашей метрополии производила довольно странное впечатление. Хотя мы также не были вполне в курсе происходящих переговоров, но, по многим мелким, едва уловимым признакам, невольно угадывалось и чувствовалось, что не всё обстоит благополучно. Было какое-то затишье перед грозой.

За год или за два до этого, вследствие давления со стороны министра финансов, во флоте началась экономия. Корабли Тихоокеанской эскадры, плававшие до этого и практиковавшие свой личный состав в течение круглого года, начали простаивать значительное количество месяцев в гавани, в так называемом «вооруженном резерве».

В это же самое время в Японии со вступлением в состав эскадры нескольких новых единиц, образовался флот, превышающий силы нашей эскадры как по количеству орудий, на борту и весу залпа, так и по бронированию. Было ясно, что страна готовится к войне с нами. Экономия, шедшая во вред боевой готовности нашей эскадры, приводила поэтому личный состав ее в состояние какого-то тягостного недоумения. В течение ряда лет наша эскадра жила мыслью о неизбежности надвигающегося конфликта с Японией. Всё, что на судах делалось, всё было для одной цели: подготовка к

будущей войне с островной державой. Поэтому война эта сама по себе не представлялась нам страшной.

Все наши сомнения отпали бы, если бы в эти дни чувствовали, что наша Родина, как один человек, горой стоит за нашей спиной, готовая на всякую жертву для борьбы с надвигающимся врагом, но, увы, этого не было! В декабре 1903 и в первые недели 1904 года в кают-компаниях наших судов приходилось иногда слышать шопотом и с опущенной головой произносимые страшные слова: «В России совсем нет патриотизма».

Чем же вызывалось подобное настроение? В силу каких причин не стало сильного волевого импульса в стране, столь необходимого при всякой надвигающейся на Родину беде?

В 1894 году наша пресса уделяла очень мало внимания войне между Китаем и Японией. В обществе говорили: «Воюют эти желтолицы между собою, ну и пускай себе на здоровье делают, что хотят. Нам-то какое до них дело?» Но Япония в эти отдаленные времена стремилась получить то, чего она достигла лишь в 1932 году. Задачей ее было: захват в свои руки всей Маньчжурии и утверждение на правом берегу Амура.

Вместо слабого и «неподвижного» Китая, в соседи к нам лезла страна прекрасно вооруженная и обладающая предприимчивостью. Беглого взгляда на карту достаточно, чтобы понять, в каком положении оказывался при этом наш Владивосток и вся Приморская область. Весь этот край, при всяком военном конфликте с владеющей Маньчжурией державой, как бы повисал в воздухе... Охранять нашу громадную границу вдоль побережья Амура созданием крепостей и формированием новых корпусов войск было предприятием совершенно непосильным для наших финансов.

Нужно было во что бы то ни стало не допустить японцев утвердиться в Маньчжурии. Поэтому тогдашнее правительство наше без всякой ненужной шумихи и огласки во время сосредоточило на Дальнем Востоке морские силы, превышающие японские. Была достигнута дипломатическая поддержка со стороны Германии и

Франции и в надлежащий момент Японии был предъявлен известный ультиматум. Затаив злобу, японцы подчинились и ушли из Маньчжурии.

Совершенно ясно было, что южное побережье Маньчжурии китайцы не смогут долго удерживать в своих руках. Японцы приступили к усилению своего флота, дабы при следующей их попытке утвердиться на материке им не были бы страшны наши ультиматумы. Чтобы парировать эту угрозу, наше правительство предприняло в 1898 году очень смелый, но вполне правильный и своевременный шаг: оно заняло военной силой Квантунский полуостров, получив на это согласие Китая. Оно ясно сознавало, что «путь к владению Владивостоком лежит через Порт-Артур».

Оставалось только, по мере усиления Японией своей военной мощи, соответственно увеличивать сухопутную и морскую оборону вновь занятой области. Самые крупные расходы, которые приходилось бы при этом нести, несомненно, являлись бы каплей в море, по сравнению с тем, что стоило бы оборонять рядом крепостей грандиозной длины границу вдоль реки Амура. Нечего и говорить о том, что они представлялись бы прямо ничтожными, если учесть тот моральный и материальный ущерб, какой понесла Россия в результате неудачной войны.

Но тут выступила на сцену так называемая «русская общественность». Совершенно не разбираясь в стратегической обстановке на Дальнем Востоке, наши тогдашние газеты зашумели о «безумной авантюре». В обществе стали говорить: «Швыряют миллионами, чтобы великим князьям можно было наживаться на лесных концессиях на Ялу».

Давление на правительство было произведено такое организованное и всестороннее, что, по настоянию Витте, средства на постройку Порт-Артурской крепости были значительно урезаны. Потом, во время японской осады, приходилось горько сожалеть о том, что в силу этой экономии в периметр крепости не вошли такие командные высоты, как знаменитая, обильно поли-

тая кровью, Высокая гора. Началась экономия в постройке судов флота и содержании эскадры в Тихом океане. В самое, казалось бы, не подходящее для того время был введен для судов пресловутый «вооруженный резерв». Япония всё это учитывала.

Все эти меры, как нарочно, создавали наиболее подходящую обстановку для ее немедленного выступления против нас. Ей предоставлялась возможность, не откладывая, одним ударом покончить с русским владычеством в Квантуне, пока Россия не окрепла там и пока продолжается столь несвоевременный и столь вредный для военной мощи режим экономии в военных расходах.

Военно-морской агент в Токио, капитан 2 ранга А. И. Русин, в ряде подробных донесений своевременно дал морскому министерству полную картину систематического развертывания японских морских сил против нас. В одном из своих последних рапортов он вполне точно указал, что свой удар японцы приурочивают к последним числам января. В предупреждениях, таким образом, недостатка не было. Осведомленность о том, что война надвигается, была полная.

Но одновременно с тем из Петербурга приходили такого рода вести: «Русская общественность против войны». «Война не встретит сочувствия в широких кругах населения». «Войны в Петербурге не хотят, ее необходимо во что бы то ни стало избежать». «Не бряцайте оружием, не давайте Японии повода объявить нам войну».

Из такого рода слагаемых и создавалась та атмосфера неопределенности, которая тяжелым камнем ложилась на личный состав нашей артурской эскадры и гарнизона крепости.

Шаги, которые в то время предпринимались петербургскими властями для парирования японского удара, делались, как будто исподтишка, чтобы не дразнить гусей нашей «общественности». Всё это были полумеры — одна десятая того, что можно было сделать в эти драгоценные, последние перед войной, месяцы и недели.

Была выдвинута на Дальний Восток одна единствен-

ная бригада из Европейской России. Были посланы из Балтики один броненосец и два крейсера, которым война помешала дойти до Порт-Артура. Они вернулись с полдороги. Прилива свежих войск не было. Поэтому стрелковая бригада, годами стоявшая в Порт-Артуре и как свои пять пальцев знавшая местность в районе крепости, была послана на Ялу. Место ее заняли новые формирования. Получился своего рода «Тришкин кафтан».

Осенью 1903 года наша эскадра сменила веселый нарядный белый цвет своих бортов, цвет мирного времени, на мрачный серо-оливковый боевой.

За пять лет русского владения город Порт-Артур сильно изменился. Старый туземный городок, уютящийся около восточного бассейна, остался, конечно, со своими кривыми и узкими улицами, но в китайских одноэтажных домах, прежде так уныло смотревших на улицу своими сплошными глухими стенами, проделаны были окна и двери, появились крылечки русского образца, заперестрели вывески магазинов, ресторанов. Даже пожарная каланча русского типа воздвигнута была на вершине господствующей над городом Перепелиной горы. Словом, старый город обрусел.

Новый город вдоль берега Западного бассейна строился по американскому образцу. Проводились широкие прямые улицы с мостовыми и тротуарами чисто столичного типа, с площадями, парками и бульварами, с готовой канализацией, водоснабжением и электрической проводкой. Домов, построенных до 1904 года, было сравнительно немного, но чувствовалось, что скоро городской центр переместится из Старого города в Новый, и тогда жизнь здесь забьет ключом.

Между Старым и Новым городами строился большой каменный православный собор, типа кафедральных соборов губернских городов. Удержи Россия в своих руках Порт-Артур, судьба Владивостока и Приморской области не вызывала бы опасений. Сибирская магистраль, предприятие мирового значения, упиралась бы своим концом не в Японское море, плотно закупоренное

нашим соседом, а в порты теплого, никогда не замерзающего Желтого моря, имеющего широкий свободный выход в океан.

В конце января 1904 года стояла сухая и бесснежная зима. Японские лавочки в Старом городе стали одна за другой закрываться. Владельцы их устраивали спешную распродажу товаров и затем исчезали из города. Какой-то предприимчивый японец, объявляя о подобной распродаже, вывесил большой плакат: «Я испугался».

В кают-компаниях со столов не сходили Справочники об иностранных флотах. Подсчитывались силы наши и противника. Если бы на Дальний Восток пришли достраивавшиеся в Петербурге броненосцы типа «Суворов», превосходство Японии в морских силах не так сильно чувствовалось бы.

Тоннаж нашей эскадры в данный момент был приблизительно 200 тысяч тонн. Противником ее являлся весь японский флот с тоннажем в 280 тысяч тонн. Отношение получалось 1 к 1,4, не в нашу пользу. Главным ядром японского флота были 6 эскадренных броненосцев, вооруженных 12-дюймовыми орудиями. Из них четыре новых, недавно спущенных, вполне современных и два более старых. У нас было пять броненосцев с такой артиллерией. Из них новых и современных два. Более старых три. Преимуществом японских броненосцев и крейсеров над нашими была также их большая однотипность. Общее число броненосцев и броненосных крейсеров, могущих войти в боевую линию, было у японцев 14, у нас 10. Одиннадцатый крейсер «Рюрик», как не имеющий современной 8-дюймовой артиллерии и по устарелости годный лишь для вспомогательных целей, нельзя было принимать в расчет. Но главным преимуществом японцев над нами являлись семь вполне оборудованных военных портов-баз для их эскадры, снабженных сухими доками для починки броненосцев и богато оборудованных всеми средствами для быстрого исправления их. Отсутствие в нашей главной и в сущности единственной базе Порт-Артуре сухого дока для

броненосцев было обстоятельством прямо трагическим. Во время войны повреждения подводных частей этих судов приходилось чинить кустарным способом, посредством кессонов. Корабли выходили из строя поэтому на месяцы, когда в доке та же работа могла бы быть выполнена в несколько дней. Сухой док в Артуре был начат постройкой, но японцы, объявив войну, не дали нам возможности его закончить.

Как бы то ни было, признавая, что японцы в данный момент сильнее нас, мы рассчитывали, что должный отпор мы им дать всё-таки можем и сможем продержаться до прибытия подкреплений из Балтики. В середине января наша эскадра вышла из состояния вооруженного резерва и начала кампанию. Были нелады с машинами на броненосце «Севастополь». Скорость его упала с 16 на 14 узлов, что понизило, в свою очередь, и скорость всей эскадры до этой цифры, к колоссальной нашей невыгоде.

За несколько дней до рокового дня 8 февраля (нов. ст.) наша эскадра, под командой адмирала Старка, вышла в море в полном составе. Цель этого похода, повидимому, была чисто учебная. Мы провели день и ночь в Желтом море, делая различные построения и эволюции. Видели в дымке тумана южное китайское побережье и Шаньдунский маяк. Затем стали на якорь, на своем обычном месте, на Артурском рейде. Никому из нас тогда и в голову не приходило, что этот поход наш окажется тем самым «Казус белли», которого только и ждала японская военная партия. Впоследствии стало известно, что выход в море был сочтен Японией за враждебную ей демонстрацию, почему и решено было немедленно объявить нам войну.

Насколько мы далеки были тогда от мысли делать враждебные выпады по адресу Японии, показывает тот факт, что, стоя на открытом для неприятельских минных атак рейде, наши суда не получили приказаний опустить в воду предохранительные сети (т. н. «кринолины») против мин Уайтхеда. В те времена говорили, что это делается для того, чтобы не увеличивать напряжен-

ности данного момента. «Стоят с опущенными сетями, значит: готовятся к каким-то военным действиям», могли сказать японцы. Повидимому, в виду полученной директивы: «Не бряцать оружием», начальство наше воздержалось от опускания сетей.

Большой бедой для нашей эскадры было то, что ею командовали в эти роковые дни люди, быть может, в высшей степени добросовестные и усердные служаки, но совершенно не имевшие боевого опыта. В то же время такой прирожденный вождь-флотоводец, как герой войны 1877-78 года, адмирал С. О. Макаров, находясь в Кронштадте, был вдали от назревавших на Дальнем Востоке крупных событий.

Всё поэтому делалось в Артуре не по-макаровски. Там в полной силе была еще рутина мирного времени. Господствовало вредное убеждение, что эскадре для выхода в полном составе на Порт-Артурский рейд из внутренних бассейнов требуется более суток. Поэтому для того, чтобы она могла быть готовой по тревоге быстро сняться с якоря и выйти в море, ее в эти дни кризиса держали на якоре на открытом наружном рейде, подвергая тем самым суда риску минных атак.

Когда впоследствии прибыл в Порт-Артур Макаров, он держал эскадру во внутренней гавани. А выход ее в море по тревоге требовал при нем всего 2½-3 часа времени. Суда стояли на рейде готовыми к бою. Сигналом была объявлена 4-х часовая готовность к выходу в море. Такая готовность всегда вызывает большое напряжение в судовой жизни. Приходится быть на-чеку, зная, что каждую минуту может быть сигнал адмирала: «Приготовиться сняться с якоря», а через 4 часа после сигнала все корабли будут уже на ходу. Само собою разумеется, что при таких условиях люди с судов могли посылаться на берег только по самым неотложным служебным делам, а отнюдь не для прогулки.

8 февраля перед заходом солнца адмирал поднял сигнал: «Приготовиться к походу к 6 часам утра». Этому походу не суждено было состояться. Сейчас, вспоминая задним числом всё случившееся, остается пожалеть,

что адмирал отложил выход в море до утра, а не снялся с якоря вечером. Тогда японские миноносцы никого не нашли бы на Артурском рейде, а утром японская эскадра могла неожиданно встретить в море нашу, вышедшую в полном составе всех броненосцев и крейсеров. Война началась бы совсем иначе. Весьма вероятно, что она иначе и окончилась бы.

Утром в этот день в Артур прибыл из Чифу тамошний японский консул, чтобы забрать последних, оставшихся в городе японцев. Вскоре пароход, вся палуба которого была заполнена подданными страны Восходящего Солнца, прошел мимо нашей эскадры. Нет никакого сомнения, что на пароходе этом были японские морские офицеры, точно по пеленгам определившие якорное место каждого из наших судов, стоявших на рейде. Миноносцы, посланные ночью в атаку, могли иметь для руководства точную диспозицию нашей эскадры.

Можно сказать, что мы тогда, что называется, «лапти плели» в деле сохранения военных тайн. Казалось бы: как можно было выпускать из своего порта такой пароход накануне войны. Но не надо забывать, что тогдашнее наше начальство было еще под гипнозом указаний: «Избегать осложнений с Японией», «Не бряцать оружием».

Около полудня пишущий эти строки был послан с каким-то поручением на берег. На набережной около дома командира порта стояло несколько офицеров с эскадры. Они выглядели чем-то озабоченными.

— Японцы отозвали своего посланника из Петербурга. Дипломатические сношения прерваны, — сообщили они мне.

— Но ведь это значит война!

— Дипломатическая часть штаба заместника разъясняет, что разрыв сношений еще не есть объявление войны. Вот с Болгарией, например, они говорят, сношения у нас были прерваны, а разве мы с ней воевали?..

— Так-то оно так, но всё-таки там была Болгария, а здесь — Япония. А это — разница. Но почему же они такое важное известие не объявили сейчас же сиг-

налом по эскадре? Довольно странно, что мы здесь такие вещи узнаем из частных разговоров.

— В штабе сказали — появится завтра утром в газете «Новый край». Ведь сегодня газета не выходит.

К нашей группе подходит запыхавшись знакомая дама, супруга старшего офицера одного из броненосцев. По выражению ее лица и по походке видно, как тяжело переживаются эти часы неопределенности офицерскими семьями в Артуре.

— Я не могу понять, что сейчас происходит, — говорит она, — на эскадре все говорят: война, война, а я живу на квартире воинского начальника и он сказал мне: «Поверьте, сударыня, если бы что-нибудь подобное было, война или мобилизация, я бы первый об этом узнал и вам сообщил».

На шлюпке с флагманского корабля прибыл офицер. Он был послан передать приказание всем, находящимся на берегу, немедленно возвращаться на свои суда. «Был поднят сигнал — прекратить сообщение с берегом в 3 часа. Вероятно, в море уходим», — сообщил он.

Все поспешили на шлюпки. Ночь наступила безлунная, но ясная. Ветра почти не было и слегка подмораживало. С вечера сильно трещали китайцы на полуострове Тигровый хвост, на побережьи против стоянки эскадры. Они, вероятно, справляли там какой-нибудь праздник и отгоняли своими хлопушками, громкими, как револьверные выстрелы, злых духов от своих жилищ.

— Вот, точно такая же музыка началась вечером в Таку перед тем, как форты по нашим судам огонь открыли, — мрачно заметил, слушая китайскую трескотню, участник ночного боя на реке Пейхо. — Было это что-то в роде сигнализации. Знали, бестии, что стрельба будет.

Когда солнце скрылось за громадой мрачного Ляоти-шана, зажегся, как всегда, входный артурский маяк. Маячная часть действовала по правилам мирного времени. Но на этот раз маяк был зажжен, как бы нарочно для того, чтобы атакующий неприятель мог легче ориентироваться ночью.

С наступлением темноты два дежурных крейсера

начали освещать горизонт прожекторами. С заходом солнца сигнальные рожки на всех судах проиграли сигнал: «Приготовиться отразить минную атаку». По этой тревоге все орудия были заряжены боевыми зарядами. Затем половинное число прислуги было оставлено у орудий. Другая половина должна была сменить первую среди ночи. Эта боевая вахта была готова открыть огонь во всякий момент. Два миноносца были посланы в море, в дозор на всю ночь. Их обязанность была: крейсировать в нескольких милях от стоянки эскадры и давать тревожные сигналы в случае появления подозрительных судов.

Многое можно сказать сейчас относительно действительности, или вернее — недействительности таких мер охраны эскадры от минной атаки. Всё организовано было по шаблону маневров мирного времени. Не надо быть специалистом, чтобы понять, что два миноносца на обширном пространстве моря должны были являться чем-то в роде иголки, затерявшейся в стоге сена.

Но начальник эскадры и не располагал в этот вечер достаточным количеством мелких минных судов. Хотя это может показаться странным и невероятным, но значительная часть миноносцев, выполняя преподанную министром финансов программу экономии, оставалась еще в состоянии пресловутого «вооруженного резерва» и начала кампанию, присоединившись к эскадре, уже после начала войны.

За несколько минут до полуночи, среди тишины, вдруг гулко прокатился орудийный выстрел. Слышно было, как гудит в воздухе снаряд. Прошло несколько секунд. Затем другой, третий выстрел. Стреляли не часто, как будто не видя определенной цели. Кто стрелял и по кому — определить было невозможно. Но тут вдруг, точно что-то толкнулось в подводную часть нашего крейсера. Это не был звук орудийного выстрела. Тем, кто плавал на судах учебно-минного отряда этот звук был хорошо знаком. Как будто кто-то уронил грузный поднос с посудой. Это был подводный минный взрыв.

Стрельба иногда замолкала секунд на 10, на 15, потом опять начиналась. Чувствовалось, что цель по вре-

менам не видна. Так продолжалось с четверть часа. Затем всё стихло. В это время флагманский броненосец «Петропавловск» вдруг поднял лучи своих прожекторов к небу, что при обыкновенных практических занятиях обозначало: «Перестать светить прожекторами». Точно на обычном учении, это было исполнено. Эскадра погрузилась в темноту. Что же это значит? Неужели это было ученье? Но ведь орудия-то заряжены по-боевому. А как же понять те минные взрывы, которые мы слышали где-то по соседству.

Недоумение продолжалось недолго. Мимо нас промчался полным ходом паровой катер с «Петропавловска» и офицер с него крикнул нам голосом, полным тревоги и нервного возбуждения: «Посылайте все шлюпки на «Цесаревич» спасать людей. «Цесаревич» тонет».

В этот момент мы увидели «Цесаревич», шедший к берегу под своей машиной. Он лежал на боку. Казалось, еще момент и он опрокинется. Его зеленая подводная часть с правого борта, обычно скрытая, теперь высоко поднялась и ярко горела, освещаемая лучами прожекторов, шедшего за броненосцем вплотную крейсера «Аскольд».

Этот вид нашего лучшего корабля, тяжело раненого, наглядно показал всем, что случилось что-то ужасное, непоправимое. Сразу же мелькнула мысль: «Как же мы будем его чинить, когда сухой док для броненосцев только начат постройкой в Порт-Артуре?»

В этот момент с другой стороны нашего корабля появилась темная масса броненосца «Ретвизан». Его нос совсем зарылся в воду. Ни одного огонька на судне. Он медленно шел к мелководью. Вид этой тонущей громады производил жуткое, гнетущее впечатление. Оба броненосца, только что пришедшие на Восток, наиболее современные единицы нашего флота, оказались выведенными из строя в первые же минуты войны. Крейсер «Паллада» был также подорван миной в эту ночь, но с нашего крейсера мы «Паллады» не видели.

— «Идти в дозор» — сделан был нам сигнал с «Петропавловска». Плавно заработали наши машины. Около орудий стояли комендоры-наводчики и напряженно

всматривались в темноту. Эскадра наша осталась позади, и позади остались только что пережитые нами тревожные моменты. Началась напряженная, но вносящая своей регулярностью спокойствие и уверенность в своих силах служба военного времени. Пришел конец всем сомнениям и неопределенностям.

Нас охватил простор моря. На востоке небо стало слегка молочным перед восходом луны, и звезды потускнели. Темной ясной чертой выявился горизонт. Видно было далеко. Никаких признаков неприятеля, хотя чувствовалось, что он может быть где-нибудь неподалеку. Но этот враг — миноносцы — для крейсера не страшен, когда он на ходу в море. Наоборот, крейсер является в такую ясную ночь грозой для миноносцев.

Около штурманской рубки собралось два-три офицера. Они обменивались мыслями о только что пережитом.

— Эх, будь наша эскадра на ходу сегодня ночью! Ничего японцам не удалось бы взорвать, — говорит один.

— А как ты думаешь, сколько времени эта война будет продолжаться?

— Затяжная война будет. Месяцев на шесть, пожалуй.

Никто из нас не предполагал в эту ночь, что война эта затянется на полтора года, что закончится она таким миром, как Портсмутский, и так называемой «первой революцией», и что последствия этой войны будут чувствоваться русским народом в течение, быть может, столетий.

Контр-адмирал

Д. В. Никитин (Фокагитов)

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Часу в одиннадцатом ночи с 26 на 27 января я отправился из своей квартиры в порт, чтобы на китайской шампуньке переправиться на «Стерегущий», стоявший у Тигрового хвоста. Прошел я мимо Морского собрания, где в тот день, как всегда, обедал в 7-8 часов вечера. Никакого оживления я там не заметил.

Клевета, с первых дней войны распространявшаяся по всей России о том, что в ночь начала войны офицеры флота были на балу, по случаю именин адмиральши Старк и потому-де прозевали минную атаку японцев, особенно махровым цветом зацвела вновь, почти через полвека, в советском романе «Порт-Артур». Автор этого романа, г-н Степанов, утверждает даже, будто бы бал происходил в Морском собрании и сам Наместник открыл бал с адмиральшей Старк.

У адмирала Старка на дому были именины дочери и кое-кто из молодых офицеров там был в тот день. С вечера же сообщение с берегом эскадры, стоявшей на внешнем рейде, было прервано по сигналу флагмана. Все офицеры были на своих судах. Сам адмирал Старк находился на своем флагманском корабле «Петропавловск». Все мы это точно знали тогда и не сомневаемся в этом теперь, через полстолетия.

Капитан I ранга, а тогда мичман, С. Н. Власьев, в ту ночь, тотчас же после атаки японских миноносцев, был послан с минного транспорта «Енисей» на катере на внешний рейд. Он был на «Петропавловске», лично видел адм. Старка и лично получил от него приказание.

Во всяком случае, я сам видел, проходя мимо Морского собрания в одиннадцатом часу ночи, что никакого бала там не было. Да как бы я и без того мог этого

не знать, если по два раза в день бывал там — к завтраку и обеду?

Кроме того, в Морском собрании, помещавшемся в одноэтажном доме, был всего один небольшой зал, где стояли три стола, за каждым из которых могли усесться человек 8-10. Фантазия Степанова безгранична. Это тем более печально, что в его романе действительно имеется столько мелочей артурской жизни и такая осведомленность о бесконечных сплетнях того времени, сохранившихся в памяти артурцев до сего дня, что для него, как несомненного участника Порт-Артурской эпопеи, не было надобности выдумывать факты.

В Париже, на одном из обедов уцелевших защитников говорили, что Степанов в период осады был еще мальчиком, много слышался, много видел, но всё перепутал¹.

На шлюпочной пристани, когда я садился в шампуньку, стоявший на набережной матрос с нашего миноносца попросил меня взять и его на шампуньку. Стоя вдвоем на маленькой плоскодонной китайской шлюпке, мы отвалили от портовой стенки и направились к Тигровому Хвосту, пересекая вход в гавань.

На китайских шампуньках и гребец, действующий одним веслом, опущенным с кормы в воду, и пассажиры передвигаются стоя, всё время перебирая ногами в такт с движениями юлящего в воде весла китайца-лодочника. На шампуньке стоя можно выходить в открытое море даже в свежую погоду.

Ночь была темная, морозная, но видимость ясная. Море спокойное.

Когда мы были уже на середине пути, в открывшемся нашему взору проходе из гавани на внешний рейд я услышал редкую стрельбу и увидел далеко в море вспышки беспорядочных артиллерийских выстрелов. Я думал, что это ночная учебная стрельба.

¹ На днях в Париже появилась в продаже книга ген.-майора А. Сорокина «Оборона Порт-Артура», издание 1952 года, Москва. Она изобилует документальным материалом. Сорокин также категорически опровергает клевету о бале, недавно воскрешенную и раздутую г-ном Степановым в романе «Порт-Артур».

Ехавший со мной на шампуньке матрос, как оказалось, лучше меня знавший войну, сказал мне:

— Так и на войне бывает, ваше благородие!

— А ты это откуда знаешь? — спросил я его.

— Я был под Таку (боксерское восстание в Китае), когда мы его брали, — ответил матрос.

Минут через десять, в беседах о боях под Таку, мы подошли к Тигровому Хвосту, пройдя мимо десятка миноносцев, стоявших бок о бок друг к другу. Было тихо, видимо команды спали.

Когда мы прибыли на наш миноносец, на нем собирали машину, готовясь к утру в поход с эскадрой. Командира и двух офицеров не было, инженер-механик Анастасов работал в машине; оставался на палубе один дежурный мичман Кудревич.

В маленькой кают-компании миноносца, служившей нам и общей столовой и общей гостиной и... общей спальней, — было пусто. Кудревич что-то делал наверху, говорить было не с кем, я улегся на свою койку и тотчас задремал.

Вдруг слышу страшный крик:

— Кудревич, Кудревич, скорей посылай за командиром, японцы взорвали...

Я вскочил с койки. На трапе, ведущем в кают-компанию, флаг-офицер с «Петропавловска» с волнением рассказывал мичману Кудревичу, что японцы подорвали несколько наших судов, которые терпят бедствие на рейде.

Флаг-офицер привез от адмирала приказание всем миноносцам немедленно выйти на внешний рейд к эскадре.

Мы вышли на палубу миноносца, сошли по сходне на Тигровый Хвост, и с его плоского берега, обращенного к открытому морю, увидели массу движущихся огней справа и слева от входа в гавань. Многоголосые командные крики были ясно нам слышны. Это, освещенные всеми огнями наши лучшие броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич», медленно двигались к берегу под большим креном, чтобы приткнуться к нему и не затонуть.

На соседних миноносцах, стоявших бок о бок с нами, началась суета, приготовление к выходу в море и спешная разводка паров. На «Стерегущем» же машина еще не была собрана, мы не могли выйти немедленно. Послали на берег за командиром. И всё время с кучкой собравшихся офицеров и матросов наблюдали за рейдом. Постепенно стало выясняться, что оба броненосца уже уткнулись в береговую мель в самом проходе.

Вскоре начали подходить к нам рабочие с Невского завода, сборные мастерские которого находились на Тигровом Хвосте. Все обменивались короткими замечаниями, видимо глубоко потрясенные происшедшим.

Кто-то принес известие, что подорван и крейсер I ранга «Паллада», но его нельзя различить в темноте, так как он придвинулся к берегу справа от Тигрового Хвоста и встал на отдаленную от берега отмель.

Итак, для главных сил Тихоокеанской эскадры русско-японская война началась минной атакой на внешнем рейде Порт-Артура около 11 часов в ночь с 26-го на 27-ое января.

В два часа ночи, стоя на Тигровом Хвосте, мы увидели, что три ракеты взвились на Золотой Горе. Это официально началась русско-японская война и для крепости Порт-Артур.

*Морской врач
Я. И. Кефели*

НА «ДЖИГИТЕ»

С рассветом 26-го января 1904 года клипер «Джигит» подходил к Порт-Артуру. Мы были вызваны из Шанхая, вследствие натянутых отношений с Японией, готовых ежедневно порваться, и вместо интересного парусного плавания с учениками квартирмейстерами на Филиппинские острова, в Австралию и Новую Зеландию, мы шли с заряженными орудиями, полным ходом в Порт-Артур. Кажется, за всё свое существование старичок «Джигит» не развивал такого большого хода. Войдя на внешний рейд, мы стали на якорь. Вся наша эскадра, перекрашенная из белого в (темно-серый) шаровой цвет, стояла мористее нас; ближе к берегу броненосцы с «Цесаревичем» и «Ретвизаном» концевыми, мористее крейсера. С подъемом флага командир отправился на «Петропавловск», являться адмиралу Старку. Возвратясь, он пригласил офицеров в свое помещение и сообщил, что наши отношения с Японией настолько натянуты, что вся эскадра находится в полной боевой готовности и съезд на берег, как и сообщения между судами, запрещены. К этому он прибавил, что накануне приходил японский пароход, забравший всех японцев.

Весь день прошел в томительном ожидании событий и полной неизвестности из-за отсутствия сообщения с берегом. С заходом солнца несколько миноносцев вышли из порта и направились в открытое море.

В 9 час. вечера подошел к нам паровой катер с «Паллады» с предписанием мне от адмирала явиться к командиру крейсера «Паллада» капитану I ранга Косовичу, брату моей матери. На этом крейсере я проплавал два года и поэтому он был для меня родным. После такого тоскливого дня, было особенно приятно повидаться со своими соплавателями и узнать от них более подробно о последних событиях.

На рейде было темно и мрачно. В ожидании учебной минной атаки, корабли стояли с задраенными иллюминаторами, без огней, и лишь прожектора, направленные в открытое море, искали возможного врага. Когда я поднялся на «Палладу», командир сразу попросил меня к себе и сказал, что он вызвал меня для передачи мне распоряжений относительно принадлежавшего ему совместно с моей матерью имения, т. к. с рассветом крейсеру приказано идти под парламентарским флагом в Иокогаму за нашим посланником бароном Розеном. На это я спросил его: «Раз под парламентарским флагом, значит, война уже началась, причем же тогда учебная минная атака?» Он пожал плечами, обнял меня перекрестил и я пошел в кают-компанию. Там меня ждали мои соплаватели. Все были в повышенном настроении, и конечно, весь разговор велся об их будущем походе. Понемногу офицеры разошлись по каютам и со мною оставались лейтенанты Стевен, Стааль и мичман барон Фиттингоф. Пожелав в начале двенадцатого часа моим друзьям счастливого плавания, я отвалил на паровом катере на «Джигит». Была темная ночь, всё небо было окутано облаками, стоял легкий мороз и только лучи прожекторов пронизывали туманную даль, нащупывая наши миноносцы. Не доходя до «Джигита», я услышал стрельбу. Казалось, учебная минная атака началась. Однако, свист снарядов и разрывы их кругом катера, заставили меня сразу изменить свое предположение. Подойдя к «Джигиту», я взбежал на мостик и увидел удручающую картину: стреляли все суда по всем направлениям, «Цесаревич» весь освещенный, стоял сильно накренившись. В это время я разобрал с «Петропавловска» сигнал: «Джигиту» подойти к «Палладе» для оказания помощи». Тяжело было сознавать, что надо идти спасать тех, с которыми я минут пять до этого так мирно разговаривал. В это время осветилась «Паллада» и, накренившись, медленно пошла к берегу. За ней шел «Ретвизан» и вскоре двинулся «Цесаревич». Сердце сжималось, когда эти три искалеченных корабля проходили малым ходом мимо «Джигита».

Беспорядочная стрельба вскоре прекратилась и всё

реже раздавались отдельные выстрелы нервничавших коммендоров. Вся ночь прошла в ожидании новых атак, но таковых больше не было.

В восемь часов утра 27 января я вступил на вахту и через десять минут сигнальщик мне доложил о появившихся на горизонте дымках, вскоре превратившихся в силуэты судов японской эскадры. Через полчаса морской бой начался.

Капитан I ранга

Б. И. Бок

ОПОЗДАВШАЯ ТЕЛЕГРАММА

Великие события часто имеют ничтожные причины. На склоне жизни я хочу рассказать о важнейшем факте большого политического значения, вряд ли известном теперь кому-нибудь, кроме меня. Дело идет о непосредственной причине возникновения русско-японской войны 1904-1905 годов.

С осени 1903 года я плавал на эскадренных миноносцах Тихоокеанской эскадры. На берегу у меня была казенная квартира — отдельный китайский домик с маленьким двором, как раз против «Этажерки», между дворцом наместника и Морским собранием.

Как на самого младшего из врачей квантунского флотского экипажа, на меня была возложена обязанность осматривать еженедельно дворцовую команду наместника, состоявшую из 40 человек матросов, солдат и казаков. Наместник был старый холостяк, и женской прислуги у него не было, а домочадцами и завсегдаятами его дома были старые соплаватели: санитарный инспектор морского управления д-р Ястребов, подполковник корпуса флотских штурманов Престин, адъютант капитан 2 р. Ульянов и некоторые другие.

Я знал хорошо всех домочадцев и прислугу дворца, и Наместник знал меня.

В середине 1903 года в Порт-Артур приехал из Петербурга только что окончивший восточный факультет Петербургского университета молодой дипломат Николай Сергеевич Мулюкин на должность при дипломатической канцелярии наместника.

С Н. С. Мулюкиным я был знаком еще с Петербурга: в бытность нашу студентами мы вместе танцевали на вечерах в семье вице-директора департамента министерства народного просвещения Талантова.

Свободных квартир в Порт-Артуре не было, а особенно поблизости от дворца наместника, и город был переполнен приезжими. Я предложил Мулюкину поселиться у меня и быть моим гостем. Мулюкин оказался человеком очень хозяйственным, он взял в оборот моих слуг: маньчжура Нау-Ли и вестового Семенова. Я с удовольствием приходил ежедневно пить послеобеденный чай за прекрасно убранным столом с фруктами и печеньем. Мы подружились с Мулюкиным.

Вся дипломатическая канцелярия наместника завтракала и обедала в Морском собрании. Там же столовался и я. Завтракающих было не много. Офицеры флота столовались на своих кораблях. За завтраком группа человек в десять садилась, обычно, за один большой стол, ведя общий разговор. Посторонних почти не бывало.

Дипломатические и военные тайны в то время не очень соблюдались. В результате этих встреч почти все мы были в курсе важнейших перипетий военно-дипломатического характера. В более подробные детали дипломатической переписки был посвящен я один, благодаря Мулюкину.

Насколько сохранилось в моей памяти, в последние две недели перед войной, в области дипломатии вопрос с Японией стоял так:

1. Япония соглашалась на уступки России Северной Кореи, а Россия соглашалась на уступку Японии южной ее части.

2. Неразрешенным был только спор с средней части Кореи со столицей Сеулом. Не помню существа предложений той и другой стороны о спорной зоне Кореи.

3. Во всяком случае было ясно, что и мы и японцы усиленно готовимся к предстоящему столкновению.

В последнюю неделю перед войной позакрывались почти все японские лавочки и парикмахерские, а в последние дни стали эвакуироваться японские публичные дома. Японские девицы, «мусме», построенные парами, как институтки, длинными вереницами шли днем через весь город грузиться на пароходы, обращая на себя всеобщее внимание.

Война началась ночной минной атакой на рейд Порт-Артура в ночь с 26 на 27 января старого стиля, а в начале двадцатых чисел января, т. е. за два-три дня до этого, Мулюкин с радостью сообщил мне, что только что получена телеграмма из Петербурга: наместнику предлагается возобновить, во что бы то ни стало, переговоры с Японией и *согласиться* на ее предложения.

Он только что расшифровал эту телеграмму и зашифровал распоряжение наместника посланнику в Токио немедленно возобновить переговоры, фактически прерванные, так как русские на последнее предложение японцев долго не отвечали.

В своих воспоминаниях граф Витте указывает, что на одном из придворных балов, за несколько дней до войны, к нему подошел японский посол и, указав на крайне опасное положение, создавшееся пренебрежительным отношением нашего правительства к примирительным шагам со стороны его родины, просил С. Ю. Витте, во имя взаимной между ними дружбы, в интересах мира, сделать возможное для любовного соглашения.

В тот же день, т. е. около 24-25 января, когда я услышал о вышеупомянутой телеграмме, вечером я вновь увидел Мулюкина. Он с грустью и тревогой сообщил мне, что телеграмма нашему посланнику в Токио не могла быть послана. Порт-артурская станция международного кабеля с Японией не могла отправить депеши, потому что Нагасаки не отвечает. Повидимому, телеграфное сообщение с Японией прервано¹. На мой вопрос, — что же вы думаете делать? — он ответил, что наместник распорядился тотчас же известить об этом Петербург.

Не знаю, был ли учтен наместником и морскими

¹ Мне казалось, что, кроме меня, уже никого не осталось в живых, кто мог бы знать об споздавшей телеграмме. Но вот я могу привести выписку, подтверждающую косвенно это печальное событие: Письмо контр-адмирала Д. В. Никитина к инженер-механику кап. 1 р. кн. В. П. Орлову-Диаборскому от 3 мая 1949 года: «В те дни недоумевали, почему мы старались изо всех сил показать перед самым 26 января, что войны совершенно не ожидаем, хотя было известно..., что Алексеев получил... инструкцию продолжать переговоры с японцами».

властями этот грозный признак решимости Японии; но, как известно, эскадра оставалась полностью на внешнем рейде и без сетевых заграждений.

Правда, с рассветом вся Тихоокеанская эскадра должна была выйти в море в неизвестном направлении. Но этот шаг, если он был тактическим ходом, опоздал.

С эскадрой должен был выйти в море и отряд миноносцев, на котором я плавал. Хотя час выхода эскадры, вероятно, почитался секретом, офицеры обычно узнавали об этом от команды, привозившей провизию с берега. Базар по различным косвенным признакам точно определял время выхода эскадры. Я был предупрежден о выходе эскадры официально своим начальством.

Вечером ко мне на квартиру зашел мой товарищ по курсу в академии, врач одного из стрелковых полков, стоявших в Артуре, и сообщил, что на утро их полк, видимо и вся их дивизия, уходят на Ялу.

Помню, Мулюкина не было дома. Он, кажется, был во дворце наместника, где помещалась их дипломатическая канцелярия. Мы вдвоем пили чай и болтали, будучи уверены, что атмосфера сгущается и возможна война. Всё же, по молодости ли или по неопытности в этого рода делах, как-то не вникали в серьезность происходящего и легкомысленно и поверхностно говорили об этом. Наше поколение в то время еще не знало войны. Ни Россия времен царствования императора Александра III и первых десяти годов царствования его сына, Николая II, не воевала. Ни в Европе того времени на нашей памяти войн не было. Их не было тогда и во всем мире. О войне мы знали только по истории и романам. А нам было уже по 27 лет. Какое это было счастливое время!

Этот длительный мир влиял, видимо, и на наших дипломатов, по крайней мере порт-артурских.

Вот что рассказывал нам на одном недавнем обеде защитников крепости Порт-Артур здесь, в Париже, уже в 1948 году, кап. I ранга С. Н. Власьев.

«26 января 1904 года, как раз накануне войны, после обеда, т. е. за 8-10 часов до ночной минной атаки японцев, Власьев, тогда мичман, шел мимо портового

управления со своим командиром минного транспорта «Енисей», кап. 2 р. Степановым. Они случайно встретили начальника дипломатической канцелярии наместника Плансона, шедшего, как всегда, с портфелем подмышкой.

Степанов остановился и говорит Плансону: «Война?» — «Уверяю вас, никакой войны не будет!» ответил Плансон. — «Посмотрите, что делается: все японцы уезжают. Вы видели вереницы японок?» возразил ему Степанов. — «Ручаюсь, что войны не будет», — снисходительно улыбаясь заключил Плансон».

Если принять во внимание, что тогда послы русского императора в Пекине, Токио и Сеуле подчинялись непосредственно наместнику на Дальнем Востоке, а не министру иностранных дел России, то Плансон в этот момент был не более и не менее, чем министром иностранных дел и Дальнего Востока и самой России.

На чем базировал свою уверенность Плансон? Теперь ясно, — только на той телеграмме, о которой поведал мне Мулюкин, и о которой не могли знать ни Степанов, ни Власьев. А может быть не знали и адмирал Старк и его флаг-капитан А. А. Эбергарт.

Степанов предвидел войну, стоявшую уже у порога по действиям японцев на наших глазах, а Плансон гадал о ней — только по телеграмме из Петербурга. Он не усомнился и после того, как узнал, что Нагасаки не отвечало.

Такова была вера у этого чиновника в могущество и силу воли всероссийского самодержца и в его непререкаемый авторитет, даже в глазах реформатора Японии императора.

За два-три дня до начала войны портовый минер лейт. Н. Н. Савинский, встретив на улице своего бывшего офицера с миноносца номер 211, мичмана Зотова, сообщил ему, что он только что вышел от японского парикмахера, который с улыбкой спросил его (конечно, по-русски): «Ну, что, воевать будем?» На это Савинский ответил отрицательно. Японец с той же улыбкой ему возразил: «Ну, а я думаю, что будем!» Позднее вы-

яснилось, что этот парикмахер был полковником Генерального Штаба японской армии².

26 января офицер эскадренного броненосца «Победа» был в течение дня по делам службы в городе. Возвратившись на корабль, за обедом, он рассказал кают-компании следующее, чему он сам был свидетелем:

Адмирал Алексеев, проезжая мимо почты, увидел большой хвост офицеров, чиновников и других лиц, спешивших отправить в Россию деньги. Он остановил свой фаэтон, вошел в почтовую контору и стал всех уверять, что нет никакой надобности в этом, так как никакой опасности в смысле войны не предвидится³.

Государь войны не желает, значит войны не будет. Таково было мнение многих в те времена. В авторитет высочайшей воли верили все от наместника государя и его министров до дипломатического стряпчего, посвященного в тайны переговоров.

Мы знаем теперь, что войны бывают не только тогда, когда одна сторона ее не желает, но и тогда, когда обе стороны ее не желают.

Теперь всем известно, что Япония тоже не желала этой войны и очень ее боялась. Имела к тому много оснований. А война всё же началась, и только по случайному недоразумению. И как окончилась? И чего стоила России?! И в какие авантюры завела потом и самое зазнавшуюся Японию?! И чем эти авантюры для нее окончились?! Для чего существуют на свете дипломаты?

Около десяти часов вечера мой товарищ, уезжавший на Ялу, ушел, и я поспешил на миноносец, чтобы на утро со всей эскадрой выйти в море «в неизвестном направлении».

— Дазидания, капитана, — проводил меня мой слуга, высокий стройный молодой маньчжур Нау-Ли, тихий, спокойный, но всегда с достоинством державшийся. Его предлинная черная коса очень удивляла моих гостей.

Конечно, ни моему товарищу, уезжавшему на Ялу

² Записано со слов Р. П. Зотова 24 мая 1948 года в Париже.

³ Из письма ко мне кап. 2 р. Винстэдта, плававшего в те дни инженер-механиком на эскадренном броненосце «Победа», — от 21 марта 1948 года. Париж.

со своим полком, и никому из сослуживцев офицеров я не рассказывал доверенной мне дипломатической тайны о телеграмме. Я никому не сообщил ее и потом, когда война началась, и после войны, когда в течение десяти лет служил в морском министерстве. Я не сообщал этой тайны не только из корректности в отношении Мулюкина, но и потому, что до окончания войны я не отдавал еще себе отчета в важности этой телеграммы для судеб России и всего мира.

Когда же, став официальным историком русско-японской войны, я пересмотрел много самых секретных документов, относящихся к этой войне, в архивах Генеральных Штабов флота и армии и нигде не нашел упоминания об этом, я понял, что этот факт либо прошел незамеченным, либо был замят.

Последующие грандиозные исторические события моей долгой жизни убеждают меня в огромной важности для судеб человечества этой запоздавшей телеграммы. Активных участников этого почти не осталось. Думаю, что, как урок для будущего, будет лучше, если память об этой ничтожной причине великих событий, и событий печальных, останется в назидание потомству.

В романе «Порт-Артур», выпущенном советской властью, говорится о какой-то утаенной якобы наместником телеграмме. Во всяком случае, наместник не утаил ее.

Морской врач

Я. И. Кефели

НА «НОВИКЕ» 26 ЯНВАРЯ 1904 ГОДА

В ночь предательского нападения японских миносцев на нашу эскадру «Новик» стоял на якоре на внешнем рейде, когда неожиданно, около 11 час. вечера, тишину морозной ночи нарушил грохот артиллерийского огня. Всё на корабле пришло в движение по расписанию боевой тревоги. Ясно стало, что неприятель атаковал нашу эскадру. Как теперь помню приказание командира: «Стеньговой флаг поднять!» (у нас была одна мачта) и почти одновременно сигнал адмирала: «Новику» приготовиться к походу». Во исполнение сигнала мы быстро снялись с якоря и вышли из линии расположения нашей эскадры, взяв курс на Вейхавей, вблизи которого предполагалось главное расположение атакующего врага. На короткое время канонада несколько стихла, но вскоре возобновилась в тылу у нас с неменьшей силой. Не найдя неприятеля, мы с рассветом вернулись на рейд и стали на якорь по диспозиции.

Утомленный событиями ночи, я пошел в мою каюту, не раздеваясь лег на койку и заснул крепким сном. Обыкновенно легко просыпаясь, я на этот раз с трудом мог проснуться, когда через короткое время пришел меня будить командирский вестовой, передавший мне приказание командира явиться к нему. Командир быстро ходил по своей каюте в весьма приподнятом настроении. При моем появлении он только произнес: «Положение серьезно, но мы посмотрим и еще как посмотрим!» Последние слова были произнесены с особой решимостью. Какой-то тяжелый гнет обиды и огорчения нашел на меня. Чистосердечность командира меня тронула и вызвала во мне восторг перед ним. Он сразу сделался особенно близким, и я невольно повторил его слова: «И еще как посмотрим, Николай Оттович». Но вот доклад с вахты:

— «С моря идет «Боярин» и держит сигнал: «неприятель приближается с большими силами». Показывается неприятельский авангард, крейсера «Такасаго», «Касаги», «Читозе», «Иошимо», а затем главные силы: «Миказа» (флаг командующего флотом адмирала Того) «Асахи», «Хатсузе», «Шикишима», «Фуджи», «Яшима» и броненосные крейсера «Асама» и «Токива» и др. в строе кильватерной колонны. Хорошо соблюдая равенство, неприятельская эскадра производила величественное впечатление, вызвав восклицание командира: «Подлецы, как равняются!»

Как только приблизились главные силы, крейсера «Баян», «Аскольд» и «Новик» снялись с якоря и первые открыли огонь. Как сейчас помню нашего командира, громко отдавшего приказание: «Приготовить минные аппараты! Я иду в атаку!» И затем приказ мне: «Наполнить баркас и моторный катер водой» (защита от осколков). Я невольно с каким-то благоговением смотрел в сторону командного мостика и весь ушел в свою обязанность подачи снарядов к орудиям.

Крейсер вздрогнул от сразу данного полного хода вперед и зигзагами, чтобы обмануть противника, стал быстро приближаться к голове неприятельской колонны. Раздался непрерывный, характерный шуршащий свист в то время кувыркавшихся крупных японских снарядов, дававших исключительно перелеты из-за быстроты хода «Новика». Гром взрывов артиллерийского огня и громадных каскадов воды из-за рвущихся снарядов — всё слилось в боевую симфонию. Командир с невероятной отвагой и упорством выполнял им задуманную и твердо решенную минную атаку. До флагманского корабля «Миказа» остается 18 кабельтовых. Еще 8 кабельтовых и беспрецедентная в истории минная атака могла бы осуществиться, и вдруг с полного 25-ти узлового хода, без стопа переводится командиром ручка машинного телеграфа на полный «назад». Перед носом «Новика» были сплошные каскады воды от взрывавшихся снарядов. Командир понял, что эту преграду крейсеру не перейти и что для спасения его он должен изменить свое решение. Получив к тому же подводную пробоину в кормовой ча-

сти, он малым ходом входил на Артурский рейд, проходя мимо линии наших кораблей, доблестно дравшихся с неприятельским флотом. Вот «Новик» приближается ко входу на внутренний рейд. На берегу серая масса шинелей наших будущих соратников по защите крепости. Но что такое кричат, бросают фуражки, машут руками? Слышим: «Новичек»! Родной «Новик»! Наш герой!» Но в чем же дело? Дело в том, что сердца простых русских людей в серых шинелях, стрелков и артиллеристов, восторженно приветствовали командира «Новика» Н. О. Эссена, поднявшего своей удалей и храбростью и их дух для будущих подвигов.

Наместник адм. Алексеев немедленно вызвал к себе Эссена и накинулся на него со следующими словами: «Я наблюдал с Золотой Горы. Вас не было видно за взрывами снарядов. Как вы смели? Как вы дерзнули днем идти в лобовую минную атаку. Я на вас крест поставил. А вы живы. Впрочем... — адмирал понизил голос — поздравляю вас с золотым оружием!»

Это было блестящее начало подъема духа для будущей геройской защиты Порт-Артура.

Капитан 2 ранга

С. П. Бурачек

В ДНИ ОСАДЫ ПОРТ-АРТУРА

Был грозный, тяжелый для России 1904 год. Летом неустанно гремели орудия на сопках и на равнинах Южной Маньчжурии. Потоками лилась кровь на подступах к Ляояну. Японцам удалось отрезать и осадить Порт-Артур.

Но так же ярко, как всегда, светило в те дни южное солнце, озаряя песчаный со щебнем берег, длинной дугой охватывающий бухту китайского портового города Чифу.

Легкий бриз с моря умерял там жару. Поэтому Чифу был местом, куда обычно бежали от летнего зноя американцы и англичане, резиденты Пекина и Тяньцзиня. Чифу служил для них летним курортом.

Но летом 1904 года сюда слетелись, как вороны на падаль, репортеры разных газетных и телеграфных агентств. Чифу был ближайшим к Порт-Артуру портом объявившего свой нейтралитет Китая. Репортеры скучали, гуляли по пляжу и изыскивали способы посылать «сенсации» о войне.

Европейские кварталы в Чифу полосой протянулись вдоль пляжа. На некотором расстоянии от пристаней и гавани, на самом берегу, находился небольшой двухэтажный деревянный домик нашего консульства. Перед его фасадом, ближе к берегу, был разбит садик с травяными лужайками. Довольно большой виноградник с тенистой площадкой находился против заднего крыльца.

Консулом нашим в эти дни был Петр Генрихович Тидеман. Незадолго до войны он, имея всего 30 лет от роду, был назначен на это место.

Должность казалась тогда ему, по всей вероятности, спокойной и не сулящей особых тревог и сильных пере-

живаний. Он только что женился и был счастлив в своей семейной жизни. Тидеман перед определением на службу по министерству иностранных дел окончил с отличием Петербургский университет по факультету Восточных языков, специализировавшись в наречиях Северного Китая и Маньчжурии.

Грянул гром войны в январе 1904 года, и совершенно неожиданно Петр Генрихович, вместо рутинной консульской работы в условиях мирного времени, оказался велем судьбы в роли организатора и начальника службы связи с осажденным Порт-Артуром.

«Никогда мне раньше и в голову не приходила мысль, что может произойти что-либо подобное», — рассказывал впоследствии Тидеман. Изредка до Чифу доходил гром орудий со стороны Порт-Артура. Гул этот шел, повидимому, не по воздуху, а по земле. Ногами чувствовалось легкое потряхивание почвы при усилении канонады.

В Чифу, кроме консульства, имелись еще русские учреждения: почтово-телеграфная контора, утратившая связь с Артуром, когда японцы перерезали подводный кабель агентства пароходства Восточно-Китайской железной дороги и отделение Русско-китайского банка. Немногочисленные русские, служащие в них, с болью в сердце слушали гром орудий со стороны моря, а репортеры радостно оживлялись, предвкушая новости о войне.

«Идите скорее к русскому консульству, — торопливо говорил один корреспондент другому. — Там идет разговор с Порт-Артуром по беспроволочному телеграфу».

С вершины мачты у консульского дома была протянута проволока в самое здание. Среди ночной тишины ясно слышалось потрескивание электрической искры. Можно было уловить, что передают по азбуке Морзе.

Антенна по временам вся вспыхивала голубоватым огнем и яркой светлой полосой вырисовывалась на темном фоне.

«Ах, если бы только можно было нам узнать, что эти русские передают», — мечтательно говорил один репортер другому.

Японское консульство немедленно стало слать протесты китайским властям, жалобы на нарушение русскими нейтралитета Китая. Власти, в свою очередь, посылали консулу требования прекратить телеграфирование. «Обнаглели сейчас китайцы, — говорил тогда Тидеман. — Разве в прежнее время они смели с нами таким языком разговаривать».

Но вот что происходило на самом деле с опытами телеграфирования. Консульство выписало из Шанхая приемную и отправительную радиостанцию, лучшую и сильнейшую, какая только была в те дни на Дальнем Востоке. Со станции прибыли два техника немецкой фирмы Телефункен, которые и занялись налаживанием дела связи с Артуром.

Техника радио была в те дни еще в состоянии младенчества. Аппараты строились на какую-нибудь одну длину волны. К злополучию нашему, станция в консульстве работала почти точно на ту же волну, что и суда японского флота. Приспособлений для изменения длины волны не было. Они еще не были изобретены, или, вернее, были уже выработаны в Европе летом 1904 года, но до Дальнего Востока эта новинка дойти еще не могла. В результате сплошное неустанное японское телеграфирование день и ночь назойливо лезло на ленту приемной станции в консульстве. Немецкие техники возились месяца два или три, но радио-связи с Артуром не добились и уехали.

П. Г. Тидеману пришлось изобретать другие способы связи с осажденной крепостью. Если читатель проследит историю борьбы за Порт-Артур по имеющимся источникам, то он убедится, что как донесения коменданта крепости об отбитых японских штурмах, так и телеграммы о действиях нашей Порт-артурской эскадры обычно появлялись в газетах в России дня через 3 или 4 после того, как те или другие военные события свершились.

Выработанная П. Г. Тидеманом связь действовала правильно, регулярно и непрерывно до самых последних

дней существования русского Порт-Артура. Даже частные письма шли из крепости в Россию и обратно.

В этом деле помогло блестящее знание Тидеманом местных наречий и знание существующих условий.

Много войн происходило в районе Печелийского залива в 19 веке. Приходили сюда и англо-французы, интервенты, воевали тут и японцы с китайцами. Радиосвязи тогда не существовало, но разные местности Китая всегда находили способ между собою сообщаться. Эти-то старинные способы и применил наш консул. Он призвал к себе китайцев-лодочников, которые работали для связи и при войне Китая с Японией. В мирное время они скромно занимались, как рассказывали, контрабандой. Эти китайцы на своих джонках и доставляли все приказания петербургских властей в Порт-Артур, а обратно оттуда везли донесения о ходе обороны, печатавшиеся в русских газетах. Работа этих китийцев была не совсем безопасная. Японские миноносцы безжалостно топили всякую мало-мальски подозрительную джонку. Процент гибели наших посланцов был, как мне помнится, около 10 или 15 процентов их общего числа. Само собою разумеется, все телеграммы посылались в зашифрованном виде на крошечных листочках очень тонкой бумаги. После отправки всякой телеграммы через день или два посылался дубликат ее на особой джонке, а затем и трипликат.

Сравнительно очень скромно вознаграждался опасный труд наших лодочников. Насколько я помню, доставивший почту в Порт-Артур и вернувшийся с распиской в ее получении и с обратной почтой получал по условию что-то около 50 или 60 шанхайских долларов.

П. Г. Тидеман выхлопотал себе право награждать этих наших посланцов серебряными медалями на станиславской и анненской ленте. Такие награждения, как оказалось, очень высоко ценились лодочниками. Было нечто вроде соревнования между ними с целью получения медали.

Часто всю ночь в консульстве горели огни, и наличный состав спешно расшифровывал и перешифровывал

телеграммы государственного значения, пришедшие из Петербурга.

«Эту телеграмму надо послать с одним из наших медалистов, — говорил тогда консул. — Нужно, чтобы она без задержки дошла».

Лодочки наши доставляли также и офицеров-курьеров, ехавших в Порт-Артур и обратно. Все они были переправлены без всяких осложнений. Письма посылались из консульства в крепость и ответы на них приходили вполне регулярно через 6-7 дней.

Испытывалась и голубиная почта. Птиц в Чифу доставляли из Артура те же лодочки. Важные телеграммы, одновременно с отправкой морем посылались и с почтовыми голубями. Птиц вывозили на шлюпке подальше от берега и там выпускали. Голуби красиво взмывали вверх, кругами добирались до какой-то нужной им высоты. Затем сразу брали направление на Порт-Артур. Направление точное, как будто по компасу. Но, насколько мне известно, ни одна телеграмма голубями в крепость не была доставлена. Быть может, расстояние 80 миль морем было слишком велико для этих птиц.

Из Артура пробовали по вечерам сигналить прожектором, установленным на вершине Золотой Горы. Наблюдатели в Чифу находились на вершине в 1000 футов высоты, но сигналов этих видеть никогда не удавалось.

В начале августа (ст. ст.) консульство в Чифу обратилось как бы в военный лагерь. Пришлось расквартировать в нем команду миноносца «Решительный», который был интернирован китайскими властями и разоружен ими. Ночью японские миноносцы силой захватили миноносец, заставивши ружейным огнем прыгать в воду безоружную команду и искать спасения вплавь.

П. Г. Тидеман во время войны 1914-17 года был нашим генеральным консулом в Тяньцзине. Там же он после революции оставался некоторое время, получив службу в местном муниципалитете.

Последние годы он жил в Монреале, в Канаде, где и скончался от сердечной болезни 69 лет от роду.

Чудную память оставил по себе Петр Генрихович. Добрый, отзывчивый, тактичный, он навсегда будет жить в сердцах тех, кто его знал.

Имя его будет навсегда связано со славной эпопеей обороны Порт-Артура. Мир его праху!

Контр-адмирал

Д. В. Никитин (Фокагитов)

ГИБЕЛЬ «ЕНИСЕЯ» И «БОЯРИНА»

Это было 29 января 1904 г., на третий день после начала русско-японской войны.

Вся Тихоокеанская эскадра была в гавани Порт-Артура, мы же, два эскадренных миноносца — «Смелый», под командой капитана 2-го ранга Шульца, и «Стерегающий» — Кузьмина-Караваева 2-го, — ходили по внешнему рейду дугами от Ляотешана до мыса у Крестовой батареи, находясь в суточном дежурстве по охране рейда.

Ночь прошла благополучно. Японцы ко внешнему рейду, видимо, не подходили. Утро было холодное. Стоял мороз. Море слегка волновалось. День был сероватый, но солнечный.

Часов около одиннадцати, когда мы медленно шли на траверзе входа в гавань, вахтенный доложил командиру, беседовавшему со мной у люка, ведущего в кают-компанию, что из порта идет паровой катер, направляясь в нашу сторону.

Идущий головным «Смелый» замедлил ход, мы последовали движению старшего. Через несколько минут с буруном под носом подошел штабной катер с флаг-офицером мичманом Яковлевым, изящным брюнетом в пенсне. Он стоял на корме катера и закричал нам о следующем распоряжении адмирала Старка:

Получено известие, что в бухте Т. появилось семь неприятельских кораблей. Адмирал приказывает отправиться туда и атаковать неприятеля.

Затем катер повернул на ходу, и флаг-офицер Яков-

лев ушел обратно в гавань. Мы продолжали идти малым ходом, держа направление на остров Кепп.

Командир и офицеры «Стерегущего» стали искать по карте эту бухту, но не находили. Под таким названием на карте была обозначена небольшая бухта-залив против дачных мест у самого Порт-Артура, где были дома морских офицеров управления порта и Квантунского экипажа на бесплатно отведенных им казною участках земли. Мы находились как раз против этой бухточки, слева от Золотой горы. Ясно было, что речь шла не об этой бухте, а какой-нибудь дальней, под таким же названием. Но до Талиенванского залива и дальше от него подобного названия на карте не нашли.

Кузьмин-Караваев (Борис) приказал запросить «Смелого» по семафору, где находится бухта, в которую мы направляемся. В этот же момент ему подали записку с мостика с подобным же вопросом, обращенным к нему самому, со стороны Шульца со «Смелого». Известные всей эскадре оба брата Кузьмины-Караваевы были дальневосточными моряками, много там плавали и считались знатоками этих вод. Вопрос Шульца нашему командиру был понятен. Хотя загадка осталась неразгаданной, оба командира сговорились по рупору, и Мих. Фед. Шульц (впоследствии адмирал), не видя пред собой неприятеля и вообще кого-либо в море на видимость глаза, повел нас в направлении к острову Кепп. Дали полный ход, и Артурские берега стали скрываться. Направляясь к Кеппу, мы двигались всё время на виду Квантунского берега.

После завтрака, когда мы приближались к острову Кепп, торчавшему как круглая шапка из воды, мы вдруг услышали какую-то отдаленную как бы канонаду, которая, однако, скоро стихла. Казалось, что канонада слышна была со стороны открытого моря. Однако, ни простым глазом, ни в бинокли в море никого и ничего не было видно.

«Смелый» сообщил нам по семафору, что хочет идти дальше — обследовать берег. Мы прошли Кепп, были уже у острова, находящегося перед входом в Талиен-

ванский залив и закрывающего с моря вид на Дальний и Талиенван.

Было поздно, мы рисковали опоздать в Порт-Артур и ночью попасть под огонь своих батарей. Всякая надежда найти бухту исчезла. Не было обнаружено никаких неприятельских и вообще никаких судов. Мы не заметили даже ни одного китайского парусника. Море было совершенно пустынным. Услышанную же нами короткую канонаду мы не могли объяснить иначе, как одним или двумя выстрелами за горизонтом какого-нибудь японца по китайскому парусному судну.

Шульц решил вернуться обратно в Артур. «Стережущий» сделал дугу, следуя за «Смелым», и оба миноносца легли на обратный курс.

Через час мы увидели на горизонте три дыма, идущие к нам навстречу со стороны Артура. Сначала подумали, что это неприятель, желающий отрезать нас. Собирались дать боевую тревогу. Зоркие востроглазые сигнальщики скоро распознали в быстро идущей к нам на сближение средней точке крейсер 2 ранга «Боярин» (им командовал капитан 2 р. Сарычев, георгиевский кавалер за китайскую войну) и с ним два эскадренных миноносца.

Идя большим ходом, не менее 25 узлов, противоположными курсами, оба маленьких отряда, наш и «Боярина», быстро сошлись друг другу на сговор. Но нас всё же отделяло значительное расстояние.

«Боярин», державший позывные, поднял сигнал. За мглившей погодой, дальностью расстояния и быстротой расхождения наши сигнальщики не успели его разобрать. Мы разошлись с «Боярином», не поняв его желаний.

Когда наш отряд вернулся на Артурский рейд, и Шульц доложил адмиралу о безрезультатности поисков неприятеля, мы вошли в гавань.

На утро и далее выяснилось следующее:

1. Накануне утром минный транспорт «Енисей» ставил минное заграждение в Талиенванском заливе,

около города Дальнего. Мы этого не знали, нас не предупредили.

2. Закончив постановки, «Енисей» наскочил на свою же мину и пошел ко дну. Из 317 человек экипажа погибло 89, 35 было раненых, оставшихся в живых.

3. Транспорт подошел фатально близко к своему заграждению, желая потопить всплывшую мину.

Тяжесть взрыва «Енисея» объяснена была взрывом по детонации некоторого запаса пироксилина, хранившегося в камере поблизости от места взрыва.

4. Когда грустное известие о «Енисее» было получено адмиралом от инженера Сахарова, градоначальника и строителя Дальнего, туда был послан крейсер 2 ранга «Боярин» с двумя миноносцами.

5. Перед самым отходом «Боярина» командиру его был вручен секретный пакет, как потом выяснилось, с планом минного заграждения, которое должен был поставить «Енисей».

6. «Смелый» и «Стерегущий» при встрече с «Боярином» не разобрали его сигнала, который, как оказалось, означал: «следовать за мной».

7. Командир «Боярина» по какой-то причине не вскрыл тотчас же секретного пакета, вошел в бухту Талиенван, наскочил на мину, поставленную «Енисеем», и получил пробоину.

8. Предполагая, что его крейсер скоро должен затонуть, командир «Боярина» снял с него команду и перевез на пришедшие с ним эскадренные миноносцы. При взрыве погибло пять человек кочегаров и два-три человека получили контузии.

9. В свой раненый корабль кап. 2 р. Сарычев приказал пустить мину Уайтхеда с одного из миноносцев.

10. Не дождавшись затопления своего корабля, Сарычев с миноносцами возвратился в Порт-Артур.

11. «Боярин» не затонул, ни от мины Уайтхеда, пущенной в него с миноносца, ни от мины заграждения «Енисея».

12. Адмирал Старк, получив известие об этом, для выяснения дела на месте послал капитана 1 р. Матусевича (начальника отряда) с двумя миноносцами.

13. В это время начался жесточайший тайфун, «Боярин» же еще держался на воде.

14. Кап. 1 ранга Матусевич, не имея возможности отбуксировать «Боярина» в Порт-Артур из-за шторма, поставил его на якоря, опасаясь, чтобы его не унесло в море и он не попал бы в руки неприятеля.

15. В виду усилившегося урагана Матусевич поспешил увести миноносцы в Порт-Артур.

16. Тайфун свирепствовал трое суток в водах Квантуна. Ветер был такой силы, что по улицам Артура не было возможности ходить: человеку невозможно было преодолеть сопротивление ветра.

17. Брошенный всеми «Боярин» во время шторма сорвался с якорей, был отнесен на наши минные заграждения, вновь подорвался на mine «Енисея» и затонул в Талиенванском заливе.

18. При изучении плана минного заграждения, поставленного «Енисеем», оказалось, что мы тоже прошли по этому заграждению, когда поворачивали обратно к Артуру, возвращаясь после поисков 7-ми неприятельских кораблей в таинственной бухте Т. (Тахе?). Если мы не взорвались, то только потому, что прошли минное заграждение в момент прилива, когда вода в море поднимается на несколько метров.

19. Этим же надо объяснить, что не взорвались и те два миноносца, которые сопровождали «Боярина», а взорвался только «Боярин», сидевший глубже миноносцев.

20. Гул выстрелов, которые мы слышали, когда проходили около острова Кепп, по времени относился к взрыву самого «Енисея». Мы его слышали со стороны моря, а не со стороны берега, потому, что остров перед Талиенванским заливом закрывал нас.

21. Мы не видели «Енисея» в момент его гибели по той же причине: гористый остров закрывал его от наших взоров.

Был суд в Артуре, еще до тесной осады. К суду был привлечен только командир «Боярина» кап. 2 р. Сарычев. Он был осужден, но не очень строго.

Эти печальные факты омрачили и без того неудачное начало русско-японской войны.

Морской врач

Я. И. Кефели

УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Описанными крупными неудачами и ошибками дипломатического и командного характера далеко не исчерпывались беды этой войны. Их отягчили и упущения в области военной техники и новаторства.

Начну с беспроводного телеграфа.

Уже летом 1902 года, когда я из России прибыл на эскадру, на всех судах 1-го и 2-го ранга (кроме миноносцев) были установлены аппараты беспроводного телеграфа, действовавшие по азбуке Морзе, на 14 морских миль. Дальше (естественно для того времени) они не брали, ни как отправители, ни как приемники. Но незадолго до начала русско-японской войны первый изобретатель беспроводного телеграфа профессор Попов, бывший в то время преподавателем морского офицерского минного класса в Кронштадте, значительно усовершенствовал свой же аппарат и увеличил в десять раз расстояние для отправки и приемки депеш, доведя его до 140 морских миль.

Это давало нашему флоту огромное преимущество перед японским.

Так как почти весь активный флот Балтийского моря в это время был в составе Тихоокеанской эскадры, изготовленные во Франции новые аппараты «Попов-Дюкрете» решено было в числе 36, тотчас же отправить в Порт-Артур. Сам знаменитый изобретатель должен был поехать для их установки и для дальнейшего их совершенствования. Попов надеялся тогда создать и изолированную от отправку депеш только к намеченному адресату.

Накануне поездки в Порт-Артур профессор Попов, как ученый, получивший уже мировую известность, был назначен на должность директора Электротехнического института в Петербурге. В Порт-Артур же, вместо себя, он предложил отправить своего лучшего ученика, мичмана С. Н. Власьева.

Вот что говорит об этой, на него возложенной миссии сам С. Н. Власьев (письмо от 3 марта 1943 года).

«Я был командирован на Дальний Восток с двумя минными квартирмейстерами, специально изучившими вместе со мной в минном классе сложную настройку новых станций Попова для значительного увеличения дальности передачи. Мы выехали по железной дороге. Мне дали отвезти с собой только два аппарата, каждый размером в чемодан, которые я и поместил в своем купе на полке. Остальные же 36 аппаратов штаб «из экономии» отправил морем вокруг всей Азии на пароходе «Маньчжурия», который, как известно, был захвачен японцами в начале военных действий.

Мы прибыли в Порт-Артур за месяц до начала войны. Один из привезенных мной аппаратов «Попов-Дюкрете» я установил на флагманском броненосце «Петропавловск», а другой на Золотой Горе.

В это время на крейсере «Варяг», стоявшем в Чемульпо, старшим минным офицером был лейтенант Р. Берлинг так же, как и я, ученик Попова, специально работавший у него по беспроволочному телеграфированию. Я списался с Берлингом, и нам удалось сговориться о соответствующей настройке аппаратов.

За три дня до войны мы впервые связались. Я телеграфировал на «Варяг» позывные Золотой Горы и получил в ответ позывные «Варяга». Об этом было доложено штабу эскадры.

Таким образом связь с «Варягом» в принципе была налажена по воздуху до событий в Чемульпо. Поэтому, кап. 1 р. Руднев, командир «Варяга», 26 января мог бы по беспроволочному телеграфу сообщить в Артур адмиралу Старк о том, что Чемульпо блокировано японской эскадрой адмирала Уриу».

Этим заканчивает свои воспоминания кап. 1 р. С. Н. Власьев.

К сожалению, неизвестно, была ли сделана подобная попытка на «Варяге»? А если была сделана и не удалась, то почему?

*Морской врач
Я. И. Кефели*

В ЧИФУ В ДНИ ВОЙНЫ

На небольшом личном составе нашего консульства в Чифу лежала тогда тяжелая ответственность: Чифу — ближайший к Порт-Артуру китайский порт. Все требования по части снабжения, все донесения передавались из осажденной крепости в это консульство.

«Из Артура опять просят прислать пароход, груженный живым скотом, — говорил консул Тидеман, читая артурскую почту. — Но что же мы можем сделать, когда Павлов в Шанхае, сколько ни бился, не мог зафрахтовать ни одного парохода под этот груз. Вообще мало находится желающих рисковать своим судном, прорывая японскую блокаду, а под живой скот уже абсолютно никто не соглашается давать пароход...»

Павлов — это бывший наш посланник в Корею. Ему было поручено посылать из Шанхая грузы провизии в Порт-Артур. Трудное это было дело в виду большой бдительности японской блокады.

Зафрахтованные им пароходы иногда доходили до линии этой блокады, но, боясь быть потопленными, поворачивали обратно.

Помнится, что из всех таких пароходов только один, нагруженный мукой, благополучно прибыл в Порт-Артур и сдал там свой груз. Но в муке-то как раз острой необходимости в крепости не ощущалось. Выбора для Павлова особенного не было, и он фрахтовал всякий пароход, на котором было продовольствие.

В Порт-Артур удачно проскочил маленький пароход речного типа, вышедший из Тяньцзина. Артурцы были несколько удивлены, узнав, что он привез. Груз его был: ящики шампанского и какие-то кондитерские товары.

На обязанности личного состава консульства в Чи-

фу в памятные дни борьбы за Порт-Артур лежала обязанность перешифровывать и проверять все депеши, доставляемые международным телеграфом из Петербурга. Телеграммы в пути часто искажались, перепутывались цифры. Без проверки их нельзя было посылать в Порт-Артур. Телеграммы из крепости приходилось переписывать, подгоняя к правилам телеграфа. Таким образом консульство являлось хранителем важнейших военных секретов. В сейфе его имелись шифры: военный, морской и иностранных дел.

Для японцев было бы большой удачей напасть на наше консульство ночью и получить в свои руки эти важные документы. Шифры наши, между прочим, отличались тем, что не поддавались расшифровке во вражеских руках. Можно было иметь в своих руках точный текст телеграммы и соответствующие этому тексту цифры шифровки, но тайны наших шифров разгадать по такому образчику было невозможно. Этим наши шифры выгодно отличались от шифров других наций.

Полагаю, что в наши дни японцы, порядочно с тех пор обнаглевшие, не задумываясь ни на минуту, напали бы на консульство. Но в те времена они либо стеснялись других, нейтральных, консулов, либо опасались, что охранявшие консульство казаки забайкальцы (человека четыре было их) заставят их дорогой ценой заплатить за важные документы. У Тидемана, кроме того, всё было готово, чтобы сжечь шифры, как только начнется тревога.

Иногда газетные репортеры, англичане и американцы, сидевшие в Чифу у моря и ждущие погоды, радостно передавали один другому:

«Идите скорее в отель брать интервью... Там есть русские, только что прибывшие из Порт-Артура...» Было несколько случаев, когда такие беженцы прибывали из Чифу, проделав опасный путь через линию японской блокады на китайской джонке.

Коренные россияне призывного возраста, оставшиеся в крепости, все были привлечены к участию в обороне в составе добровольческих отрядов. Бежали из Артура больше люди южного типа. Какие-то греки леван-

тийские, армяне или грузины. Но у большинства из них имелись русские паспорта. Такие беженцы в первый день по прибытии обыкновенно бывали тихи, скромны и неразговорчивы. Обедали в отеле и с некоторой опаской поглядывали кругом. Видимо, путешествие на джонке нагнало на них страху. Но когда до них добирались репортеры и они делались центром внимания прессы, то пришельцы эти начинали на перебой рассказывать о пережитых ими ужасах. Консульство помогало таким людям поскорее покинуть Чифу и отправиться на родину.

Но один такой господин решил пожить в Чифу. Квартуру он нанял у одного из местных японцев. Когда наступил срок платежа за помещение, то жилец гордо заявил: «Не желаю ни одного цента платить подданному вражеской державы».

Японский консул не имел во время войны прямых сношений с нашим консульством, но через посредничество одного из своих нейтральных коллег он сообщил туда о жалобе японца, хозяина дома. Тидеман возмутился.

«Во-первых, это свинство селиться в доме у японца. А во-вторых, уж раз поселился, то плати за помещение, а не отлынивай».

Секретарь консульства, англазированный молодой человек с мягкими и изящными манерами присяжного дипломата, получил от консула поручение уладить это неприятное дело.

«Ваш консул мне не начальство... — заявил беженец. — И потом, какое ему дело до того, где я живу... Плачу я деньги или нет — тоже его совершенно не касается...»

Молодой дипломат вынужден был напомнить своему собеседнику, что во флигеле консульства, где живут казаки, имеется небольшое темное помещение, снабженное дверью в виде железной решетки и запираемое на крепкий замок.

Беженец увидел на своем крыльце прибывших вместе с секретарем двух молодцов забайкальцев. Желтые околыши их лихо, набекрень, надетых бескозырок и

такого же цвета лампасы ярко выделялись на темном фоне.

В те дни иностранные консула в Китае, согласно договорам об экстерриториальности, пользовались правами полицейского надзора над подданными своего государства, а также судебной властью в размере, как мне помнится, «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями».

Мрачно посмотрев на казаков, беженец заявил:

«Слушаюсь... Сейчас я заплачу деньги и отсюда уеду...»

В европейских кварталах Чифу было не много улиц. Но проходя по одной из них, наши россияне могли каждый день видеть фигуру какого-то господина англо-саксонского типа, который, сняв для облегчения свой пиджак, усердно выстукивал что-то на пишущей машинке, сидя у открытого окна.

В глубине комнаты можно было рассмотреть двух полуголых китайцев, которые крутили колесо типографского прессы. Господин этот был редактор-издатель местной газеты на английском языке. Он сочинял передовые статьи для своего листка. Направление газетки было ярко антирусское. В передовицах ее неустанно восхвалялись военные успехи культурных, просвещенных и храбрых японцев.

Россия-матушка описывалась, как отсталая страна произвола и деспотизма. Страна варварского царизма, где господствует кнут и где само правительство организует погромы.

Проживавшие в Чифу русские глубоко возмущались такого рода клеветой на нашу родину. Газетка сама по себе имела очень малый тираж, но статьи ее охотно перепечатывались крупными шанхайскими и тяньцзинскими газетами.

Один из служащих пароходства Восточно-китайской железной дороги, пожилой господин с седенькой бородкой клинышком, очень горячо принял к сердцу писания газетки. Он был человек крайне нервный. По характеру он принадлежал к числу тех россиян, которые

всегда стремятся быть в оппозиции кому-нибудь или чему-нибудь.

В Чифу он сделался лидером оппозиции консулу Тидеману. Прибыв в консульство с выражением мрачной торжественности на лице, он сердито заявил Тидеману:

«Наша здешняя колония глубоко возмущена статьями в здешней газете, и я прибыл сюда к вам от лица всех местных соотечественников наших с настоятельной просьбой немедленно же напечатать в этой газете официальное опровержение всей возведенной на нашу Родину клеветы».

Тидеман, человек очень выдержанный и спокойный, ответил на это:

«Опровержение. Но ведь вы знаете, что было много опытов у нас на Дальнем Востоке с такого рода опровержениями. Обычно они печатают их со столькими сокращениями, что весь смысл письма пропадает. А кроме того тут же с иронией и глумлением отзовутся о содержании письма. Нет, печатать опровержения — дело бесполезное.

Но вы успокойтесь, дорогой мой, — продолжал Тидеман, — я уже что-то по этому поводу сделал, а именно, я только что побывал у этого самого редактора-издателя и подробно переговорил с ним обо всём. Следите за газетой и смотрите, что он будет печатать завтра и после завтра».

На другой день русские читатели газеты были очень удивлены. Нападки на Россию почти совсем прекратились. Японию, правда, похваливали, но меньше, чем раньше. Еще один номер газеты — в нем еще ярче стала видна разница с прежними писаниями.

Наконец, газета вышла с передовицей такого содержания: «Нельзя не иметь в виду, что Россия сражается сейчас с Японией не только за свои права на Дальнем Востоке... Она стоит на страже интересов всей белой расы...»

Газета сделалась руссофильской.

«Скажите пожалуйста, Петр Генрихович, — спрашивали Тидемана, — каким образом удалось вам всё это устроить?..»

Консул улыбнулся.

«Видите ли, — сказал он. — Шестая великая держава — пресса — очень равнодушна к звону презренного металла. Газетку я попросту купил». — «Ну, а сколько же всё это стоило?» — «Да он заломил сначала две тысячи шанхайских долларов. Говорил, что японцы тысячу ему предлагали... Ну, а сошлись на восьмистах».

Контр-адмирал

Д. В. Никитин (Фокагитов)

ПЕРЕД КОНЦОМ ПОРТ-АРТУРА

18-го июля японцы двинулись в наступление на Волчьих горы и имея превосходство в артиллерии, буквально засыпали наши позиции. Несмотря на два месяца блокады, вследствие остановки на Зеленых горах, позиции на Волчьих горах еще не были готовы, и не были устроены ходы сообщения между рядами 3-х ярусной обороны. Не встречая почти противодействия нашей слабой артиллерии, японцы развили невероятную силу огня тяжелых орудий по свежим окопам и буквально сметали наши части; здесь были роты, понесшие только убитыми от 60 до 80%. 18-го июля наши части оставили Волчьих горы и отошли в самую крепость и только на самом правом фланге кольца обороны оставили еще две выдвинувшиеся вперед высоты, Дагушан и Сагушан, на которых задержались несколько наших батальонов, и которые было решено не сдавать без боя.

22-го июля японцы открыли огонь по самой крепости Порт-Артур, сначала из двух 6-ти дюймовых орудий, которые стояли глубоко в их расположении против нашего правого фланга, а 25 июля начали усиленную бомбардировку позиций Дагушана и Сагушана. На обеих этих горах с нашей стороны было два батальона и 3 охотничьих команды, уже совершенно потрепанных в предыдущих боях, и на самой позиции 8 пушек. Японцы же только одну гору Дагушан атаковали в составе целой 11-й дивизии. А каково было сопротивление наших частей, достаточно будет сказать, что когда японцы, использовав мертвое пространство, в 7 час. вечера 26 июля хлынули густыми массами на правый фланг Дагушана и хотели отрезать остальные части, то 10 рота 16-го полка под командой капитанов Верховского и Курковского одна бросилась в атаку на охватившие фланг два

полка японцев в штыки и легла в этом неравном бою до последнего человека. Капитан Курковский и 138 стрелков были убиты, но задача исполнена. Японцы, видя нечеловеческое упорство, отхлынули назад, и остальные роты успели отойти, унося с собой оставшихся в живых израненных стрелков и ее командира. Этим героическим делом 26 июня и заканчивается период обороны Порт-Артура и начинается его тесное обложение. К этому же времени эскадра получила распоряжение прорваться во Владивосток и, выйдя 28 июля из внутреннего рейда, встретилась с эскадрой японцев. Я не беру на себя задачи описания и разборки этого исторического боя, но могу сказать, что часть эскадры вернулась в Порт-Артур и, вследствие выяснившейся невозможности дальнейших действий нашего флота, команда и часть морских орудий и пулеметов, а также технические части, как прожектора, были перевезены на сухопутный фронт, оставшиеся же на судах орудия действовали перекидным, через город, огнем по позициям японцев.

Тогда же были сформированы морские десантные батальоны, которые своей лихой работой прославились и покрыли себя славой на линии сухопутной обороны.

Подойдя к веркам крепости, японцы решили взять ее открытой силой, но ряд атак на наши позиции центра был неудачен. 3-го августа генерал Ноги прислал парламентария с предложением сдать крепость, но собранный генералом Стесселем совет отклонил это предложение, а 6-го августа японцы начали артиллерийскую подготовку штурма и в тот же день перешли в наступление, направив после ряда демонстративных атак нашего западного фронта, главный свой удар в центр наших позиций, против Орлиного Гнезда. Начался первый штурм Порт-Артура.

Первые дни японцы наступали густыми колоннами, думая массой задавить защитников крепости.

Строгая дисциплина, суровый военный закон, фанатизм и личная доблесть японцев приводили к тому, что японские батальоны, неся невероятные потери, всё же доходили до цели своих атак, хотя бы в составе нескольких человек и схватывались с нашими в штыки.

В моем кратком обзоре невозможно описать всё то, что творилось под Орлиным Гнездом в дни с 6 по 11 августа включительно, дни сплошного, непрерывного боя. Скажу одно, что доблесть была проявлена как с одной, так и с другой стороны. Два редута, №№ 1 и 2, на которых в то время сосредоточивался бой, много раз переходили из рук в руки, и в результате этого семидневного побоища японцы только овладели разрушенным фасом этих редутов, а внутренний остался в наших руках.

Свыше 25 тысяч потеряла японская армия во время августовского штурма и выиграла всего два небольших фаса двух передовых редутов, на остальных же участках в руки японцев не досталось ни одной пяди.

Еще во второй половине сентября специальные команды китайцев убирали по ночам разложившиеся груды японских трупов на участках редутов, где наши саперы под начальством полк. Рашевского вели инженерные работы и где можно было ходить только затыкая нос паклей с керосином.

Нам тоже не дешево обошлись эти дни. Почти 50 офицеров легло под Орлиным Гнездом, и около 2½ тысяч стрелков, артиллеристов и матросов десантных рот было убито. Некоторые роты понесли потери до 80%, а сформировавшаяся из вернувшихся в строй раненых и из других мест стрелков 10-ая рота 16 полка к утру 11 августа вновь потеряла весь состав полностью, при чем оба ее новых командира были убиты.

Отчаявшись взять Порт-Артур открытой силой, японцы решили начать минную войну, и уже 12 августа повели тихую сапу под укрепления, сразу в нескольких участках восточного фронта крепости, а через месяц в Порт-Артур с сухопутного фронта полетели 11-ти дюймовые снаряды, верх совершенства в технике артиллерии того времени. Эти снаряды производили страшно разрушающее действие, а главное угнетали морально в виду полного бессилия с нашей стороны для противодействия этой артиллерии. С момента августовских боев японцы вообще ни на минуту не прекращали огня по крепости.

С началом минной войны на восточном фронте крепости, японцы пытались еще несколько раз захватить Порт-Артур с открытой силой и перенесли свои действия на западный фронт крепости. Так, 13 сентября они ночью, без всякой подготовки, бросаются в атаку на Плоскую Гору — подступ к Высокой Горе, и только невероятное геройское сопротивление наших войск спасает положение.

Когда японцы с невероятной яростью бросились на Плоскую гору, в бой брошены были последние резервы (если их можно так назвать) — нестроевые роты и команды легко раненых и выздоравливающих. И вот доблесть этих людей, этих «нестроевых» обозных и писарей спасает положение и Плоская Гора вновь остается за нами.

13 ноября японцы открыли усиленную бомбардировку фортов, а взрыв заложенной под фортом № 2 мины, послужил сигналом для 4-го штурма крепости. Японская армия была пополнена целой дивизией (7-й), тем не менее все атаки на наши укрепления были к 3 часам отбиты. В конце ноября японцы перебрасывают свои действия на западный фронт крепости, 23-го ноября они начинают штурм Плоской и Высокой Горы — Малахов курган Порт-Артура.

С обеих сторон были проявлены нечеловеческие усилия. Японцы отлично понимали значение Высокой Горы, и всю мощь удара направили сюда. И наше командование понимало ее значение. Но при распланировке крепости Высокой Горе не придавалось особого значения, вследствие чего на ней были окопы, проложенные только уже во время самой осады.

Неоднократно окопы эти переходили из рук в руки. Выбитые японцы открывали тогда безумный огонь всей своей артиллерии по залитым кровью и заваленным трупами окопам. Генерал Ирман верхом на коне много раз водил наши части на японцев, под ним было убито несколько лошадей. Но несмотря на всё героичество наших частей, Высокая Гора 26 ноября была окончательно взята японцами.

Для участников обороны Порт-Артура стало ясно,

что дни его сочтены. Через два дня японцы открыли из своих 11-дюймовых мортир огонь по нашим кораблям, стоявшим во внутреннем рейде, и корректируя точно стрельбу с Высокой Горы, в течение нескольких дней утопили лучшие остатки нашего флота. А тут еще новый удар разразился над нами: во время посещения форта № 2 был убит генерал Кондратенко.

События начали развиваться всё интенсивнее: японцы заканчивали свои постройки по закладке мин. 5 декабря ими был взорван форт № 2, 15 декабря — форт № 3; 16 декабря японцам удалось устроить страшный по силе взрыв укрепления № 3 — весь гарнизон в составе 6 рот со всеми офицерами и командиром форта погиб. Японцы немедленно начали жесточайший огонь из всех своих орудий по всему центру нашего восточного фронта. Окопы взрывались от массы снарядов. Люди, истощенные цынгой, раненые по нескольку раз, голодные, без патронов, ложились сотнями от массы сыпавшегося на них металла и умирали на своих местах, а заменить убывших было некому.

Портартурцы бились в предсмертных судорогах, — каждый понимал, что после 11-месячных нечеловеческих усилий, можно удержаться еще только несколько часов. Генерал Стессель послал к японцам парламентаров.

Я не могу обойти молчанием одной небольшой, но очень существенной детали. Вскоре после начала тесного обложения Порт-Артура японцы начали стрелять по нашим госпиталям. Особенно пострадали госпиталя, расположенные в Новом городе, № 10 и № 6, причем последний был разбит до основания, похоронив под своими остатками и бывших в нем больных и много врачебного персонала.

Увидев в этих обстрелах госпиталей особую систему, представитель Русского Красного Креста Балашов поехал парламентаром к японцам и заявил там протест на их действия. Ему ответили, что русские госпиталя расположены около таких мест, которые имеют боевое значение для японцев, как например, мельница, банк

и т. п., а госпиталя попадают случайно под обстрел. Японцы предложили, чтобы больных сосредоточили в каком-либо районе, не имеющем стратегического значения, и тогда японцы обещают туда не стрелять. В результате всех больных сосредоточили в районе бывших казарм. Эти казармы были видны японцам, и когда там водрузили флаг Красного Креста, действительно, ни один японский снаряд туда не был пущен.

В заключение еще несколько слов о продовольствии Порт-Артура. С течением времени рационы всё больше сокращались; введено довольствие войск кониной и ослятиной, но и этого мяса давали лишь полфунта в неделю на человека. Хлеба не было, были лишь маленькие запасы зерна, но в Порт-Артуре была всего одна мельница, работавшая только по ночам и то осторожно, причем она едва могла дробить зерно. Из этих давленных зерен выпекалось подобие хлеба, но большею частью они употреблялись в болтушку-суп, который сдабривался остатками переваренного прогорклого подсолнечного масла из портовых запасов. Бинты для перевязок перемывались и шли по несколько раз; ваты не было, ее заменяли пенькой, которую получали от расплетания морских концов, что делали сами больные, которые владели руками.

Считаю своим долгом сказать о беззаветной службе и доблести всего медицинского состава: врачи, сестры Красного Креста и добровольцы проявляли настоящее геройство.

Вот вкратце картина той обстановки, в которой находился Порт-Артур накануне своего падения. В неравной, но честной борьбе, облитый жертвенной кровью защитников пал Порт-Артур.

*Полковник
П. В. Ефимович*

«МАЛЕНЬКАЯ СЕСТРИЧКА»

Вспоминаются мне парадные проводы, на которых вся наша семья была героем дня.

В начале осени 1903 года, по главной улице гор. Екатеринослава, под военный оркестр, окруженная со всех сторон огромной толпой, шла рота с моим отцом — штабс-капитаном Анатолием Александровичем Топольским во главе. По собственному желанию шел папа на защиту Порт-Артура, в случае войны, о которой сильно поговаривали в Екатеринославе. Кажется, единственный экипаж с мамой и нами, тремя девочками (мне было 10 лет, Леле — 8 и Ларочке — 2 года) следовал рядом с ротой и, казалось, что весь город смотрит только на нас и говорит только о нас.

На вокзале были открыты царские покои и там вся знать города и высшее офицерство провожали папу с шампанским. Под музыку и громовое «ура!» поезд двинулся. И только тогда мы поняли, что уезжает папа, уезжает, быть может, навсегда. Смотря на плачущую маму, заплакали и мы — дети.

Жизнь наша без папы скоро вошла в обычную колею. Я училась во 2-м классе Мариинской женской гимназии, сестра ходила в Детский сад. Мама всегда была занята и, кажется, сильно тосковала. Жили мы в постоянном ожидании папиных писем, и с мечтой, что вот-вот папа напишет, чтобы мы ехали к нему. Письма от папы получались почти ежедневно. Из них мы узнали, что Порт-Артур — крепость; европейская часть — Новый город, только отстраивается, но правительственные учреждения, несколько магазинов, казармы и даже мужская и женская гимназии уже функционируют; что папа был уже в гимназии и ему обещали принять меня без эк-

заменов в тот же 2-й класс; что папин полк помещен через бухту на т. наз. Тигровом Хвосте, где уже построены и казармы и офицерские квартиры; что много семей офицеров уже приехало, т. к. ни о какой войне и слуху нет. Решено было, что мы выедем, как только меня отпустят на Рождественские каникулы.

С нами должны были ехать еще две девочки: Вера 14 лет, и Варя 9 лет. За ними был прислан человек, но их отец (кажется, инженер Шварц) просил маму взять их с собой во 2-ой класс, т. к. присланный Алексей и наш деньщик Казимир поедут 3-м классом.

Дорога была для мамы (с 5 детьми!) и трудной и опасной, но для нас, детей, очень интересной. Не обошлось и без приключений. В Иркутске была пересадка, и нам нужно было ждать около двух суток. Поместились мы в привокзальной гостинице, взявши два номера, один наверху для нас, а другой внизу для Казимира и Алексея. Но маме почему-то показалось, что хозяева и сама гостиница подозрительны, и она решила обоих наших «телохранителей» положить у нас в номере. Ночью мама проснулась и почувствовала ужасный угар. Еле доползла она до форточки, кое-как открыла ее и стала будить Казимира и Алексея. Но они лежали, как мертвые. Бросилась к двери — она оказалась запертой на замок снаружи. В ужасе мама снова бросилась к нашей «защите» и вскоре, благодаря воде и свежему морозному воздуху, привела их в чувство. Стали стучаться в дверь — никого. Пришлось выломать дверь и среди ночи, в ужасный мороз, перекочевать на вокзал и остаться там до прихода поезда. Тяжел был и переезд на санях по замерзшему Байкалу. Как ни были мы закутаны, всё же настолько перемерзли, что не могли сами вылезть из саней и плакали от боли, когда нас отогревали на станции.

Встреча была самая трогательная, не только со стороны папы, но и офицеров и их немногих семейств. В этот день в папиной квартире перебивали почти все офицеры полка, а вечером устроили в нашу честь «бал» в полковом собрании (в одной из казарм). Барышень в

полку было только две: Ниночка Биденко и Верочка Скрыль, да и молодых танцующих дам было немного. К моему восторгу и меня посчитали за барышню и уговорили маму позволить и мне остаться до конца вечера. Правда, я выглядела старше своих лет и танцевала хорошо. Никогда, кажется, мне не было так весело, как в этот первый день нашего приезда.

На следующий день папа повез меня в гимназию. Между Тигровым Хвостом (где мы жили) и Новым городом ходил катер через незамерзающую бухту, перевозя туда и обратно и служащих, и рабочих, и учащихся. Гимназия — длинное одноэтажное здание, разделенное на две половины (мужская и женская), находилась в нескольких кварталах от пристани, на свободной, чуть возвышенной площади. В ней мне всё нравилось: и внимательное и ласковое отношение учителей и наш огромный светлый класс, в котором было всего 6-8 парт и столько же учениц, и широкие свободные коридоры. Папа оставил меня, сказав, что за мной всегда будет приезжать и отвозить меня Казимир (наш деньщик). Но не долго я проучилась в так мне понравившейся школе. На третий или четвертый день по моем поступлении я проснулась ночью от ужасного грохота, хотела было встать, но решила, что это гроза, закрыла уши подушкой и снова заснула. Утром мама сказала, что была «учебная тревога» и что папа ночью ушел, забыв вложить в кабуру револьвер.

Когда мы подошли к пристани, катера еще не было, и я заметила необычайное оживление среди публики. Все о чем-то говорили, спорили, слышались слова «война», «японцы». Я стала прислушиваться, но тут подошел катер, и я постаралась сесть поближе к разговаривающим. Вскоре я поняла, о чем говорили и отчего волновались: началась неожиданно, без объявления, война. Японский флот бомбардировал наш. Слышались и такие слова: «Продали Порт-Артур, продали, а теперь пережуют нас, как кур!» Мне это как-то особенно хорошо запомнилось, — должно быть сильное впечатление произвело. Надо сказать, что и вообще вся эпопея нашей

порт-артурской жизни запомнилась как-то ярче и яснее, чем многие события, происшедшие в более зрелом возрасте.

Не доходя до гимназии, Казимир повернул обратно, т. к. мама просила его поскорее вернуться. В гимназии тоже было беспокойно; все волновались и говорили почти о том же. Учащихся было меньше, чем всегда. На первом или на втором уроке вдруг послышался свист и ужасный грохот; потом опять свист... Снаряды где-то разрывались, казалось, совсем близко. В школе началась паника. Прибегали взволнованные взрослые, разбирали ребят; уходили и учителя, захватив с собой по несколько ребят; (живущих поблизости от них), и через полчаса гимназия опустела. Остались только сторож с женой и я. Пережила я не мало тяжелых часов за этот день. За мной никто не приходил.

Не получив завтрака в школе, я, должно быть, была очень голодной. Изредка появлялась жена сторожа, утешала меня, говоря, что через бухту сейчас ни одна даже шампунька не решится переплыть. И действительно: всё чаще и чаще снаряды ложились в бухту, поднимая огромные и широкие фонтаны воды. Но меня было трудно успокоить. Я знала теперь, что ночью было нападение, что, может быть, японцы где-нибудь высадились и дерутся... А папа даже без револьвера, и утром не вернулся... наверное его убили! Может быть, и в наш дом попал снаряд и никого уже нет в живых... Ходила я как маятник по коридору, но не плакала. Уж слишком большое и тяжелое накатилось на меня и подавило.

Только под вечер вдруг послышались тяжелые шаги в коридоре. Пришел, наконец, за мной Казимир. Бросилась я к нему: «Что папа, мама, дети, живы?» Как гора с плеч скатилась, когда услышала, что все живы и невредимы; задержался он, т. к. обходил бухту вокруг, долго бродил и проваливался в воду, не зная хорошо дороги. «Идемте, барышня, скорее, а то барыня очень заволнуется о вас!» И пошли мы с ним опять в обход бухты. Снаряды всё еще подымали водяные столбы в бухте, и заходящее солнце расцвечивало их всеми цве-

тами радуги. Но было не до любований красотой, т. к. каждый летящий снаряд, казалось, летит прямо на нас. Сначала я храбро шагала за Казимиром, торопясь добраться домой до наступления темноты; но чем дальше, тем труднее становилось идти. Конец бухты был мелок и покрыт льдом и серой кашей снега. Лед проваливался и ноги попадали или в воду, или в снежную кашу. Казимир предлагал понести меня, но я отказывалась; всё же в 2-3 местах он перенес меня, даже не спрашивая. К дому подошли, когда была уже совершенная ночь. С тех пор я больше не ходила в гимназию, да она, кажется, тогда же и закрылась.

Ожидали с минуты на минуту высадки японцев и осады Порт-Артура. В городе и окрестностях была паника; кто мог — старался поскорее покинуть город. На вокзале постоянная давка; вагоны переполнены; едут не только в багажных вагонах, но и на открытых платформах. Уезжают больше женщины с детьми. Но в дороге многие дети погибли от холода.

В один из первых дней войны папа предложил маме вернуться в Екатеринослав, но мама решительно отказалась. Папа настаивал, говоря, что ради детей мама должна уехать и не рисковать нашими жизнями. Тогда мама сказала: «Чему быть, того не миновать. И какая уж у нас будет жизнь без тебя?.. А если уж умирать, то умрем все вместе. А может быть, Господь и сохранит нас всех. Да и не доехать мне одной в такое время, с такими малышами, как Ларочка и Леля. И может быть, я здесь смогу быть полезной и нужной не только тебе, но и другим».

Разговор этот велся при мне, и я, как старшая, принимала в нем большое участие. Наконец, нам удалось уговорить папу не настаивать больше на нашем отъезде. Вскоре мы переехали в Новый город и мама записалась добровольной сестрой милосердия в 10-й запасной госпиталь, но пробыла там недолго. Этот госпиталь был почти исключительно для офицеров, а потому и служебного персонала, а в особенности добровольных сестер было больше, чем достаточно. В солдатских же госпи-

талях сестер не хватало. Мама узнала, что в помещении той гимназии, где я начала учиться, находится 7-й запасный солдатский госпиталь и поступила туда.

С тех пор, как японцы отрезали Порт-Артур, с продовольствием становилось всё хуже и хуже. В Новом городе все магазины и рестораны закрылись. Многим негде было столоваться. Мама успела сделать кое-какие запасы, а потом обходились теми пайками, которые получали от полка. Мама с Казимиром, почти во всё время войны, как-то умудрялись из пайков, полудохлой конины или мясных консервов, готовить и вкусно и сытно. Поэтому мы никогда не садились за стол одни. Наш Казимир в это время был незаменим. Он прекрасно готовил, но, главное, уходя почти ежедневно на «рекогносцировку», раздобывал у китайцев то, что другие достать не могли. Помогали ему и деньщики наших почти постоянных нахлебников: офицеров, сменившихся с позиций, батюшки и капельмейстера, Илюши Пинуса (талантливейшего молодого скрипача, которого впоследствии мама крестила и он попал капельмейстером в один из придворных оркестров в Петербурге). Приходили к нам все, — голодные душевно и телесно.

В первые месяцы бомбардировки были только с моря, но зато стреляли большей частью двенадцати-дюймовками. Такая «пулька», попадая в дом, разрушала его или совсем, или большую его часть, убивая людей даже не осколками, а напором воздуха от разрыва. Но часто эти «чемоданы» и совсем не разрывались, зарываясь глубоко в землю, или пробуравливали насквозь дом, оставляя большие круглые дыры-окна. Таких «раненых» домов делалось всё больше и больше; а под нашим госпиталем (бывшей гимназией) лежало таких «удовольствий» целых два, постоянно угрожая взорваться. Помню наш первый ужас, когда недалеко от нас разорвался такой снаряд у самых окон дома, в котором жила довольно большая семья, собравшаяся вся вместе в комнате, около которой разорвался снаряд. Молодая девушка, сидевшая в качалке у окна упала на пол без головы, а куски ее головы с мозгами и длинными волосами были

отброшены к противоположной стене, где они прилипли. Вся семья была убита, и больше напором воздуха, чем осколками. Вскоре такой снаряд попал и в конец нашего двора. Стекла, конечно, все вылетели, но никто из нас не пострадал. Пришлось переменить квартиру. Поселились мы напротив казармы и хлебопекарни. С утра до поздней ночи слышались оттуда стуки молотов. То разбивали подмоченную, а потом высохшую и превратившуюся в камни муку, из которой потом выпекали хлеб для всего гарнизона. Пользовались и мы этим хлебом, и так привыкли к нему, как и к постоянным бомбардировкам, что уже не казалось ни неприятным, ни страшным.

С моря обстреливали, чаще всего, ночью. Первая, обыкновенно просыпалась Ларочка и довольно спокойно заявляла: «Опять понцы стеляют». Если мама видела, что под обстрел попал наш район, она наскоро одевала нас и мы бежали к блиндажам, находившимся в 1-1½ кварталах от нас, и там мы отсиживались, пока японцы не умолкали или не переменили район обстрела.

Вспоминается мне, как я в первый раз пришла в госпиталь. Я была вообще большой фантазеркой и мечтательницей. С самого начала войны я всё мечтала о каком-нибудь подвиге храбрости или милосердия. Хотелось что-то сделать, чтобы быть полезной для многих. Просилась помогать маме в госпитале, но мама отказала. Придумав какой-то предлог, я прибежала в госпиталь и стала спрашивать маму. Мне указали на одну палату и сказали, что она, вероятно, там. Я робко вошла в нее. В три ряда кровати и почти все заняты больными.

Не видя мамы, я стала подходить к больным и разговаривать с ними. Один из больных с крайней кровати вдруг громко позвал меня: «Маленькая сестричка, а маленькая сестричка, ну-ка, подь-ка ко мне и поговори со мной!» Эта данная им мне кличка «маленькая сестричка» так и привилась ко мне, и с тех пор все меня так и называли, чем я была несказанно горда. Поговорив немного с позвавшим меня, я показала ему захваченную мной книжку рассказов и предложила почитать.

Читала я довольно громко, т. к. видела, что и другие слушают с большим удовольствием и интересом. Вошла мама, когда я кончала рассказ и слышала, как благодарили меня больные и как просили почаще приходить и читать им. Кто-то из больных попросил воды и поправить ему подушку. Я довольно ловко это сделала. Принесли в это время обед, и мама разрешила помочь ей покормить больных. Прийдя домой, мама рассказала обо всем папе. Затаив дыхание я ждала, что сейчас «попадет», но папа сказал: «Ну что ж, пускай ходит и помогает, чем может, если у нее такое появилось желание. Думаю только, что старший врач скоро выпроводит ее из госпиталя». С тех пор я всё чаще и чаще стала приходить в госпиталь, стараясь выполнять все просьбы больных и помогать маме: перестилала постели, кормила слабых, меняла белье и компрессы, мерила температуру и читала больным. Сестер явно не хватало, и мама вскоре получила в свое заведывание 8 палат, из которых одна, самая большая, была дезинтериков. С ними работа была особенно трудная, грязная и ответственная, и мама почти не пускала меня туда. Ей помогали только фельдшер да один или два санитар из выздоравливающих. Мама разрывалась, и тут уже сама стала просить меня помочь ей то в том, то в другом. Полюбили меня и раненые, и я часто замечала, что при моем появлении у многих лица как-то светлели, они начинали улыбаться и подзывать к себе, хоть поговорить с ними. Подружилась я и с фельдшером (Шмидтом), хорошим и знающим работником, но большим лентяем и любящим выпить. Как-то он предложил мне (а может быть я и сама напросилась) помогать ему при перевязках в палатах. От первой увиденной мною раны мне стало очень нехорошо: затошнило, закружилась голова, но потом всё это постепенно прошло, и ни кровь, ни запах от гниющих ран на меня не действовали. В другой раз Шмидт спросил меня: «Хотите спасти руку одному солдату? У него перебиты сухожилия и рука не действует; но если сейчас начать массировать ее хотя бы по полчаса в день, — она отойдет. У меня самого на это

времени нет, да и возиться с ним приходится много и уговаривать; больно ему, и он не дает. А жалко парня!» Я, конечно, согласилась и просила Шмидта меня научить, как это делать. Но стоило только дотронуться до руки несчастного Ивана, как он закричал, заплакал и заявил, что пусть лучше останется без руки, но терпеть такую боль он не может. Шмидт плюнул и хотел уйти, но я попросила его подождать немного, а сама сбегала к маме, выпросила у нее ключ от шкапа, где хранились перевязочные средства, папиросы и вино (было пожертвовано каким-то магазином и хранилось для самых экстренных случаев). Налив рюмку вина и стащив 20 папирос, я снова подошла к Ивану и стала его уговаривать. Пропустив чарочку и затянувшись папироской, он дал Шмидту промассировать его руку и показать мне все приемы. На другой день, повторив на Шмидте весь массаж, я отправилась к Ивану и той же «порцией». Иван радостно заулыбался и дал промассировать свою руку, почти не крича. Мой неумелый массаж ему больше понравился и он сказал, что от таких ручек ему почти совсем не больно. Кажется, через неделю, он стал шевелить пальцами, а через две — и всей рукой, и радовался, как ребенок, что у него будет опять «живая рука». Конечно, радовалась с ним и я; и не знаю, кто из нас больше.

Забыла сказать, что больше всех в госпитале я боялась и избегала старшего врача. Он казался мне суровым и сердитым. Я боялась, что он прогонит меня, сказав, что здесь не место для таких еще девочек. И, как нарочно, я вечно попадалась ему на глаза и всегда за каким-нибудь делом, которое я не могла бросить, чтобы куда-нибудь спрятаться от него. Но он молчал, и я делалась всё храбрее. Как-то перед вечером прибежал санитар за мамой. Был большой бой, и раненых навезли видимо-невидимо. Мы с мамой чуть ли не бегом бросились в госпиталь. Уже на крыльце сидело и лежало много раненых. Из-под дверей текла лужа крови, стекая по ступенькам. Вестибюль весь был завален ранеными; на носилках были только немногие, большинство же ле-

жало прямо на полу. Стон, смрад и невыносимый запах крови, смешанный с мокрыми шинелями и грязным телом и бельем. Работала я с мамой в полутемноте (из-за затемнений), сдирая или разрезая шинели, мундиры, белье, снимая сапоги и приготавливая и отправляя несчастных в перевязочную и операционную. Чуть не растянулся, наткнувшись на меня, стоящую на коленях и раздевающую раненого, старший врач; чмыхнул носом, но и тут ничего мне не сказал, — и стал отдавать распоряжения, кого отправить в операционную, а кого перевязать здесь же и устроить в коридоре на полу. На другой или третий день старший врач застал меня в палате за довольно сложной перевязкой. Случилось так, что я, услышав стон и крик в одной из маминих палат, увидела метавшегося раненого с завязанной головой и глазом. Он стал молить меня перевязать его, т. к. в глазу у него, как будто, огонь. Я побежала отыскать кого-нибудь, чтобы его перевязали, но все были заняты в перевязочной с новыми ранеными. Я вернулась и просила его подождать и потерпеть, пока кто-нибудь из врачей или сестер освободится; но он стал сам с себя срывать бинты. Что было делать? И я решилась. Быстро принесла из шкапа всё, что требовалось для промывки раны и перевязки, разбинтовала ему голову, промыла по всем правилам, как учил меня Шмидт, ужасно загноившуюся рану вместо глаза, и на голове; и когда всё очистила, то заметила, что в ране что-то торчит. Осторожно раздвинула и нажала рану и вдруг оттуда что-то шлепнулось в тазик, что-то тяжелое. Оказалось, половинка шрапнельной пули. Больному сразу стало легче, перестало жечь и болеть. Уже при конце перевязки меня застал старший врач. Душа у меня ушла в пятки при виде его, но я потом расхрабрилась и подробно ему рассказала, почему и как я сделала перевязку и извлекла осколок. Он осмотрел повязку, улыбнулся и сказал: «Ну, что ж, такое время: скоро «маленькая сестричка» доктором станет!» А обратясь к маме добавил: «Я запишу вашу Галю добровольной сестрой милосердия. Она работает не хуже, если даже не лучше, многих взрослых».

Через несколько дней в приказе по гарнизону мы прочли, что Галина Топольская зачисляется добровольной сестрой милосердия в 7-й запасный госпиталь. А месяца через два мы снова прочли в приказе о награждении меня серебряной медалью на станиславской ленте с надписью «За усердие». Такую же медаль получила и мама, только значительно раньше. Потом она была представлена и к золотой (кажется) на георгиевской ленте. Со дня моего зачисления я регулярно стала посещать госпиталь, оставаясь иногда с мамой даже на ночные дежурства. Считала я себя очень храброй, но панический страх к мертвецам так и не могла в себе перебороть, проходя (при ночных обходах) по коридорам, где, обыкновенно, до утра оставляли умерших за ночь.

Никогда я не могла забыть один случай, от которого и возник этот страх. Один из офицеров, Осипов, проводивший почти всё свободное время у нас и считавшийся нашим другом, отправляясь на передовые позиции, забежал к нам проститься. Мама всегда его особенно жалела, т. к. он ужасно тосковал по своей жене и маленьком сыне. Прощаясь, он вдруг снял с себя крест и попросил маму, если она только вырвется из Порт-Артура, разыскать его жену и сказать ей, как он тосковал по ней, а сыну передать крест и его благословение. На другой день мы узнали, что он убит и его труп находится в покойницкой нашего госпиталя. Мама послала меня за спиртом, ватой и бинтом в госпиталь, а сама с Казимиром направилась в покойницкую — маленькую китайскую фанзу. Взяв всё, что велела мама, я тоже пошла туда же. Открыв дверь, я замерла на пороге: прямо передо мной стоял Осипов, смотря на меня страшными, остеклевшими глазами; высокий, он показался мне великаном, почти упираясь головой в потолок фанзы, с лицом, как меловая маска, с растопыренными руками... вот схватит. Невероятный ужас напал на меня, такой ужас, когда ни вскрикнуть, ни двинуться не можешь... Очнулась, когда подошла ко мне мама, взяла всё принесенное и отправила домой.

Оказалось, что труп настолько застыл, что его поставили, чтобы разрезать сзади полушубок. Казимир подпирал его сзади, а мама разрезала. Вот почему я их сразу и не увидела.

Были и трагикомические случаи, когда я «из гордости» не пожелала кланяться несшемуся прямо на нас снаряду, и мама почти сорвала с меня юбченку, чтобы притянуть к земле и защитить... своей накидкой. Шли мы с мамой в госпиталь и были еще недалеко от нашего дома, когда начался обстрел нашего района. Только что мы свернули с дороги и пошли между большими кучами щебня, как послышался свист приближающегося к нам снаряда. Снаряд (6 или 9-дюймовый), действительно, разорвался на дороге в 3-4 шагах от нас, обдав нас щебнем, под кучей которого мы притаились, прикрывшись накидкой, которая, пожалуй, и спасла нас от... насыпавшегося на нас песка и мелкого щебня. Отрянувшись, мы перебежали дорогу и спрятались в глубокой амбразуре окна, наблюдая за нашим домом и пережидая окончания бомбардировки нашего района. Но вот опять режущий свист и бомба падает как раз у окна детской, в которой мы оставили Лелю и Лару. Мама ахнула, схватилась за голову и присела; я же сорвалась с места и вихрем понеслась к нашему дому. У воронки я чуть задержалась, но поняв, что бомба не разорвалась, вбежала в дом. Пробежав коридор, детскую и столовую, я нашла сестренку в кухне, мирно сидевших за столом и строивших с Казимиром домики из карт.

Но вот опять режущий звук, невероятный грохот, звон разбитых стекол, падающих камней и... тишина... И вдруг голос мамы, бледной, как смерть, еле стоящей на ногах: «Вот... видишь, я говорила тебе, что ты когда-нибудь попадешь под снаряд... вот тебя и... убило!..» Истеричное рыдание закончило несурзные слова, но мама, видно, скоро взяла себя в руки и прижала всех нас к себе. Потом уже она рассказала, что видела, как я остановилась у воронки, — и не видела что я вошла в дом. Снаряд упал рядом с первым, оба взорвались, по-

выбивали почти все стекла, разрушили часть стены. Пришлось опять менять квартиру.

Вот и тут судьба или «его величество случай» спасли нас всех; а сколько раз папу на передовых позициях обходила смерть! Вот, например, один из случаев. Сменившись, папа вышел со своей ротой из окопов и двинулся в город. И вдруг вспомнил, что забыл в блиндаже какую-то бумагу. Хотел было послать за ней солдата, но раздумал и побежал сам. И только вскочил в блиндаж, как послышался грохот. Бомба разорвалась как раз на том месте, где за каких-нибудь несколько секунд стоял папа. Половина роты была уничтожена.

Всех случаев не опишешь, когда явно судьба нас щадила. Меняли мы еще и еще квартиры, выезжая невредимыми и оставляя искалеченными разрушенными только квартиры.

Японцы придвигались всё ближе и ближе к городу. Уже по открытым местам города нельзя было ходить, — японцы обстреливали их из винтовок. Город засыпали снарядами. Вечный грохот до того стал привычным, что когда вдруг наступила тишина, все почувствовали какую-то неловкость, ходили как потерянные, хотя еще не знали, что это означает.

Порт-Артур был сдан неожиданно. Еще ночью грохотали японские пушки и молчали наши (снарядов уже не было). На рейде, кажется, сжигали какие-то суда, но смотря на бледное зарево на небе, высказывались в сотый, а может быть, и в тысячный раз, ни на чем не основанные предположения, что вот, наконец, на выручку Порт-Артура идет русский флот и это зарево означает его бой с японским флотом. А на утро жуткая, томящая тишина. Яркое солнце осветило и позолотило сопки, и мы заметили, что они все покрыты движущимися красными точками, как муравьями. То были японцы. Сначала прошел слух, а потом и подтвердился, что город сдан. По городу стали ходить патрули японцев, но войска в город не впускали. В городе был полный порядок. Всех русских военных, еще, кажется, ночью разоружили и отвели в лагеря за несколько верст от го-

рода. Папа с позиций так и не заходил домой. Мама совсем растерялась, не зная, что с папой и что всех нас ждет. Потом выяснилось, что поговорить с нашими пленными можно, но добраться туда трудно, т. к. никаких перевозочных средств нет. Не помню, где и как, но две верховых лошади я раздобыла и упросила делопроизводителя нашего госпиталя поехать со мной. Верховом (вернее, на дамском седле, которое подарил мне папа еще в начале войны) я ездила хорошо. Научилась я этому и напрактиковалась там же, в Порт-Артуре, и лошадой совершенно не боялась и страшно любила. Найти лагерь с нашими пленными было не трудно, а доехать и того легче.

Папу вызвали к проволоке и мы с ним всё выяснили и обсудили. Мы должны ждать, пока нас (женщин и детей) отправят сначала в Дальний, а потом в Японию. Оттуда нас повезут в Шанхай, где мы и должны ждать папу. Из Шанхая мы уже все вместе поедem в Одессу.

С падением Порт-Артурского гарнизона и кончается, собственно, моя порт-артурская эпопея «маленькой сестрички». Но моя работа в госпитале не осталась вознагражденной. Императрица Мария Феодоровна, узнав обо мне, велела зачислить меня на свою стипендию в Смольный институт, а сестру в Одесский; но мама просила не разъединять нас и определить обеих в Одесский. Потом нас перевели в Иркутский институт, где стоял папин 27 Сибирский стрелковый полк.

Во все «табельные дни» мне было велено надевать свою порт-артурскую медаль. Единственная из всех воспитанниц, сначала Одесского, а потом Иркутского института, шла я в институтскую церковь с ярко выделяющейся медалью на красной станицлавской ленте на белой пелеринке. А потом начинались бесконечные расспросы и просьбы рассказать «что нибудь» из порт-артурской жизни. И это иногда бывало тяжелее, чем «ухаживать за ранеными», но зато запомнилось так, что многое из того давнего прошлого свежо и по сей час.

*Добровольная сестра милосердия
Г. А. Твердовская (рожд. Топольская)*

ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ГЕНЕРАЛ- ЛЕЙТЕНАНТА А. В. ФОН ШВАРЦА

Г л а в а I

ВСТРЕЧА С ГЕНЕРАЛОМ КОНДРАТЕНКО. НАЧАЛО ВОЙНЫ

Незадолго до войны я познакомился с одним генералом, тогда лишь скромным начальником дивизии, которому судьба готовила стать в скором времени одним из замечательнейших русских военачальников последнего времени.

Это был генерал-майор Роман Исидорович Кондратенко.

Вероятно, в конце декабря 1903 г., а может быть, в начале января 1904 года, я получил в Талиенване телеграмму от Начальника инженеров области, генерал-майора Базилевского, в которой мне сообщалось, что на другой день, проездом из Ляояна в Порт-Артур, прибудет на Гзиньчжоускую позицию начальник 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор Кондратенко, и предписывалось встретить его там и сопровождать при осмотре позиции.

Он был в форме Генерального Штаба, среднего роста, носил небольшую бороду и малороссийские усы и смотрел добрыми, карими, сразу вызывавшими расположение глазами.

Зародившаяся между нами с первого взгляда взаимная симпатия сохранилась до самого конца его жизни.

Оказалось, что еще по пути из Петербурга к месту

назначения, Роман Исидорович, изучая карты оценил большое стратегическое значение Гзиньчжоуской позиции и хотел проверить впечатление путем личного осмотра, о чем и послал с дороги телеграмму в Порт-Артур.

Мы исходили позицию вдоль и поперек в сопровождении командира 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, полковника Н. А. Третьякова и пришли к одному заключению о громадном значении ее в обороне полуострова, и так как уже усиленно поговаривали о возможности войны, то и о необходимости ее укрепления в возможно скорый срок.

Прибыв в Порт-Артур, ген. Кондратенко сейчас же подал по начальству докладную записку, ходатайствуя о том, чтобы немедленно приступить к укреплению позиции.

Утвердительное решение последовало 25 января, и в тот же день я получил телеграмму, предписывавшую мне явиться на другой день, 26 января, в Порт-Артур к Начальнику инженеров.

Я прибыл в Порт-Артур около 3 часов пополудни.

Проезжая со станции в дом Начальника инженеров, я видел стоявший во внутреннем порту японский пароход, а извозчик объяснил мне, что ожидают войну, и что пароход прибыл, чтобы забрать японцев, которых в городе было много. Далее, в самом городе обращало на себя внимание, что большинство японских магазинов было заперто, а на дверях некоторых красовались большие надписи по-русски: «Я испугался и уезжаю».

По улицам быстро двигалось много японцев на извозчиках, в рикшах или пешком; чувствовалось тревожное настроение.

Генерал-майор Базилевский, Начальник инженеров крепости и области, объяснил мне, что решено немедленно начать работы по укреплению позиции временными укреплениями, что я назначен руководить работами, и что я должен завтра же получить необходимые карты, материалы и средства и затем отправиться на позицию и приступить к работе.

До вечера мы говорили о всяких подробностях ра-

боты. Генерал оставил меня ночевать у себя, после 11 часов мы легли спать; наши комнаты были рядом и мы еще долго разговаривали. Я до сих пор сохранил в памяти одно из его поучений: «Чтобы быть хорошим инженером, надо строить не только хорошо, но и дешево».

Около 12 час. ночи я стал уже засыпать, но сильный пушечный выстрел заставил меня очнуться, за ним последовал второй, затем третий.

Я окликнул генерала и спросил: «Что это значит? Уж не объявлена ли война?»

«Да нет... Это ничего не значит. Какая там война. Я двадцать лет на востоке, и каждый год перед весной говорят о войне... Ничего не будет... Это, вероятно, учебная стрельба береговых батарей... Спите спокойно».

Однако, заснуть мы не успели, — в кабинете генерала затрещал телефон, генерал бросился туда, через минуту возвратился, сказав, что его немедленно вызывают во дворец Наместника.

Он пробыл там недолго и возвратившись сказал мне, что слышанные нами выстрелы были взрывы мин, брошенных японскими миноносцами в суда нашей эскадры, стоявшие на внешнем рейде, что несколько судов повреждено, и что Наместник отдал приказ о выступлении всех войск гарнизона из казарм на линию сухопутной обороны. Однако, это могло быть исполнено только около трех часов ночи.

В мою комнату доносились приветствия солдат. То генерал Стессель на площади пропускал перед собой войска и здоровался с ними, объявляя о начале войны.

Так началась Русско-японская война в ночь с 26-го на 27-ое января 1904 года...

Тогда много говорили в обществе и в народе о неподготовленности, в какой были застигнуты наш флот и крепость. В таких случаях всегда ищут виновных, но всегда совсем не там, где их следовало бы искать. Так, усердно распространялся слух, что морские офицеры не находились на своих судах, а на берегу, так как командующий эскадрой вице-адмирал Старк, якобы, давал на берегу бал и все офицеры были приглашены... Слух

этот абсолютно ложный! Никакого бала в эту ночь не было и большинство офицеров-моряков были на своих судах.

Но на эскадре, действительно, не были приняты надлежащие меры предосторожности от минной атаки, что произошло потому, что никто ни в Петербурге, ни на месте войны не ожидал, а мысль о возможности начала ее путем предательского нападения и в голову никому из русских военных начальников не могла придти.

Их понятия о чести и морали, в которых мы были воспитаны и служили, совершенно исключали возможность подобного способа начала войны. Это был закат старых рыцарских приемов войны и боя, смененных коварством и предательством. В военном искусстве началась новая эра.

Как началась, протекла и кончилась Русско-японская война, уже известно всем и достаточно изучено. Есть однако, некоторые детали, о которых раньше неудобно было говорить, теперь же вполне возможно. Интересно также выяснить, что выиграли японцы, прибегнув к коварству. Действительно, и флот и крепость, как уже было замечено, не находились в состоянии готовности, чтобы отразить неожиданное нападение: так, на судах не были поставлены противоминные сети, и все корабли носили установленные огни и внутренние их помещения были иллюминированы, разведка была послана только дальняя, поэтому обстановка для неожиданного нападения была исключительно благоприятной.

При таких условиях результат атаки должен был быть гораздо более значительным, чем то, что было достигнуто, так как ни один корабль не был потоплен, и были повреждения только у двух броненосцев и крейсера, и если даже принять во внимание, что такое же предательское нападение было произведено в Чемульпо и вывело из строя один крейсер и одну канонерку, то всё же результат не был так велик, чтобы из-за него стоило прибегать к коварству и навсегда запечатлеть в истории за собою это качество.

Русская эскадра была ослаблена и на время лишена

активности, однако, на конечном результате войны это не отразилось — конечный результат, склонившийся в пользу Японии, был следствием Ляояна, Мукдена, Цусимы, и других проигранных нами боев.

Таким образом, несомненно следует признать, что японцы в своих первых расчетах ошиблись, и атака на русскую эскадру или была организована недостаточно умело, или же выполнена плохо.

Но не было ли других способов достигнуть результата гораздо более действительного?

Да, нужно признать, что обстановка в крепости была такова, что сама крепость могла быть легко захвачена со всем гарнизоном и со всем, что в ней было. Ее сухопутная линия обороны состояла из фортов и батарей в расстоянии от двух с половиной до пяти верст от города. Все укрепления еще не были закончены, а батареи не были вооружены. Гарнизона ни на одном укреплении не было, никакой охраны линии фортов не существовало, равно как не было охранения впереди линии фортов. Только на фортах были установлены часовые.

Между тем впереди правого фланга этой линии, примыкавшего к морю и на расстоянии всего 1-1½ верст находилась вдававшаяся внутрь бухта Тахе, глубокая и укрытая от взоров с укреплений. Корабли могли подходить там близко к берегу.

Подобных мест, весьма благоприятствующих высадке, было в ближайших окрестностях крепости несколько. Высадка, произведенная в этих местах в течение ночи, не могла быть никем замечена, так как наблюдения за бухтой не существовало, и возле этих мест не было никаких жилых поселков, жители которых могли бы уведомить и донести; вследствие этого несомненно, что высадка, начатая с заходом солнца, была бы к полуночи окончена, и так как все войска гарнизона спали в своих казармах мирного времени в центре города, то, высадившись, японцы прибыли бы к линии фортов на несколько часов раньше, чем гарнизон узнал бы об этом. Форты были бы уже заняты, когда с другой стороны подошли бы защитники крепости.

За занятием сухопутного фронта немедленно последовало бы занятие приморского, тогда флот, находящийся на открытом рейде, лишился бы последней поддержки и неизбежно должен был бы направиться в открытое море. Был ли он готов к бою с ожидавшим его там противником?

Неизвестно с достоверностью, но думаю, что этого не было.

Известно, что береговые батареи в момент нападения японцев не были готовы к бою и не могли открыть огня вследствие того, что в компрессорах орудий не было масла...

Во всяком случае, даже если флоту удалось бы дойти до Владивостока, то захват крепости сам по себе был бы действием гораздо более важным, чем повреждение двух броненосцев и крейсера. Этот пример еще раз показывает, как серьезно и вдумчиво нужно относиться к составлению планов войны и отдельных операций ее и не прельщаться легким по первому взгляду и кажущимся блестящим по результатам, а на самом деле не приносящим даже и десятой доли того, что ожидалось.

Г л а в а II

Н А Ф О Р Т У № 3

По возвращении в Порт-Артур я был назначен на форт № 3 для производства инженерных работ на этом форту и на промежутке вправо до редута № 1.

В мое ведение входили также возвышенности непосредственно в тылу форта Скалистый Кряж и так называемая Митрофаньевская гора.

Форт № 3 не был вполне закончен, так как ни его бруствера, ни гласис не представляли правильных и примененных к местности насыпей. Обеспеченное сообщение с левым кафром не существовало и непосредственно за гласисом находилось мертвое пространство, ниоткуда не обстреливаемое. В течение лета я всё это

привел в порядок, и на стрелковых брустверах устроил козырьки, дававшие возможность стрелять, находясь под защитой от шрапнельного огня. Эта деталь впоследствии была принята в фортификационных уставах армий всех государств; также приняты были две меры для уничтожения мертвого пространства впереди форта, для чего у подошвы гласиса была построена солидная траншея, хорошо соединенная с тылом, т. е. с фортом; на высоте (вправо от форта), отделявшейся от форта оврагом, я построил на обратном скате высоты батарею на два полевых орудия, они остались совершенно невидимыми с форта и могли хорошо поддерживать влево форт № 3 и вправо редут № 1.

Чтобы еще лучше замаскировать это укрепление, названное «открытый капонир № 1», я окрасил все насыпи и передний склон его под цвет окружающей местности.

Это не было мое изобретение, а научил меня красить землю один из моих десятников, рассказавший мне, что на Архангельской железной дороге некоторые подрядчики, вместо того, чтобы шерновать выемки, окрашивали их и никто из начальства, проезжая мимо, не замечал. Я сейчас же применил это для маскировки, и это имело успех настолько, что позже этот способ был принят, как обязательный, и в Москве была учреждена Инженерным ведомством особая школа маскировки, где занимались усовершенствованием этого метода.

В гарнизоне форт № 3 находилась 7-ая рота 25-го Стрелкового полка дивизии генерала Кондратенко; командир роты капитан Петр Иванович Булгаков был комендантом форта. Кроме роты пехоты, находились четыре 6-дюймовые пушки в 120 пудов — установленные посредине форта на батарее, несколько возвышавшейся над бруствером. В кофрах находились шесть небольших, 47 м/м. пушек Гочкиса, данных моряками, ими заведывал лейтенант Королев, он же ведал минными работами вокруг форта.

Медицинская помощь на форту организована не была, и поэтому, по моей просьбе на форт прибыл и по-

селится там ветеринарный врач Авроров, большой специалист в своем деле. Он случайно застрял в Порт-Артуре, не имея никаких обязанностей, пожелал помочь гарнизону и, за неимением настоящих врачей, добровольно поселился на форту. Авроров пробыл там всю осаду, завоевал симпатию всего гарнизона. Во время боя делал перевязки, а в остальное время упражнялся в стрельбе по японцам, которых замечал с брустверов форта. Пробыл он на форту до конца осады. По окончании войны вернулся в Читу, продолжал свою службу в Ветеринарном ведомстве, во время одной из работ в лаборатории он заразился и умер. Это был один из очень скромных и никому неизвестных, но настоящих героев, единодушно оцененный всем гарнизоном.

Форт № 3 входил в состав так называемого Восточного фронта крепости, начинавшегося у берега моря и кончавшегося укреплением № 3 Курганной батареи у долины реки Лунже. По ту сторону этой долины начинался Западный фронт крепости, и впереди у входа в долину находилась группа укреплений, составлявшая Северный фронт.

В начале августа японцы подошли к крепости и обложили ее, окружив кольцом укреплений от бухты Луизы до бухты Тахе. Как только окончили установку орудий, начали бомбардирование линии фортов. С первого же дня бомбардирования наибольшая сила огня была сосредоточена по фортам Восточного фронта № 2 и № 3 с укреплением № 3 и промежуточными укреплениями. Именно эти укрепления были избраны для ускоренной атаки, т. е. для штурма, который должен был последовать, как только сильное бомбардирование достаточно разрушит форты.

Я всё время находился на форту № 3, жил в кофре правого рва вместе с моим десятником Иваном Головченко, другом моего детства, поступившим на службу добровольно, чтобы не расставаться со мной. Там же жил лейтенант Королев, заведующий минами, и доктор Авроров. Две 47 м/м. пушки Гочкиса для обстреливания рва обслуживались двумя матросами.

Кофр соединился потерной с убежищем для гвардии под бруствером напольного вала форта.

Остальная часть гарнизона помещалась в убежище под бруствером горжи.

С утра 6-го августа на форт посыпался дождь снарядов среднего и мелкого калибра и не прекращался до вечера. То же происходило и в следующие дни. Мы провели этот день и следующие дни в наших убежищах. Помню, что в один из этих дней на форту произошел следующий случай. Весь гарнизон находился в убежище, на валах стояли только часовой и подчасок, наблюдавшие за местностью впереди фронта; около полудня огонь противника достиг большого напряжения: снаряды падали на валы, на батарею и на двор форта без перерыва; я находился в убежище для гвардии, где был также и комендант форта капитан Булгаков. Вдруг прибежал подчасок и доложил коменданту, что часовой на валу убит. Нужно было немедленно назначить другого. жаловаться: «Сумно мне». Я понимал и объяснял назначить, обратился к солдатам с воззванием: «Кто хочет идти?» На вызов никто, однако, не ответил. Комендант повторил его второй и еще третий раз, и все молчали. И вдруг из толпы раздался голос: «Я, ваше высокоблагородие». Из толпы протискался вперед и стал перед Булгаковым солдат. Он был еврей.

К вечеру на форту загорелись деревянные блиндажи от шрапнели. Мой десятник Якимов немедленно бросился туда и, несмотря на град снарядов, падавших вокруг, потушил пожар, не дав ему распространиться, а сам остался совершенно невредимым, что было своего рода чудом. Я представил его к Георгиевскому кресту. Несколько дней спустя, он пришел ко мне и стал жаловаться: «Сумно мне». Я понимал и объяснял настроение и душевное состояние моих людей, понял, что ему необходим отдых и послал его на работу в одно из наиболее безопасных мест; он проработал там несколько дней и соскучился по мне, пришел на форт навестить меня, был более спокоен и бодр. Когда он должен был возвращаться на свою работу, я поручил ему зайти по дороге в убежище начальника Восточного фронта ге-

нерала Надеина и передать ему мой рапорт. Якимов отправился. Когда он пришел к блиндажу начальника отряда, генерал отдыхал, и Якимов присел у блиндажа; в это время высоко над ним разорвалась японская шрапнель и одна пуля попала Якимову в спинной хребет — он был убит на месте.

После бомбардирования, продолжавшегося несколько дней, последовал штурм укреплений Восточного фронта. Несколько раз японцы достигали укреплений в промежутке между фортами №№ 2 и 3, овладевали ими и двигались дальше к Китайской стенке, но здесь их отбивали окончательно и они отходили назад.

Всеми войсками Восточного фронта командовал генерал-майор Митрофан Александрович Надеин, начальником его штаба был капитан генерального штаба Федор Васильевич Степанов. Они жили в блиндаже за Митрофаньевской горой, названной так в честь генерала Надеина.

Однажды перед вечером, едва окончился штурм этого дня, я получил на форт приказ генерала Надеина, в котором мне сообщалось, что штурм японцев на редут № 1 отбит, редут остался в наших руках и мне приказывалось отправиться туда и исправить все разрушения, причиненные во время штурма... Взяв с собою Ивана Головченко и двух сапер, я вышел из форта и, обогнув форт Скалистый Кряж, направился к проходу в Китайской стенке, чтобы оттуда пройти прямо в редут № 1. В момент, когда я уже был близко к выходу в Китайской стенке, я заметил влево сидящего на камне человека. В темноте не мог разглядеть, кто сидит, но подойдя поближе узнал капитана Степанова. «Куда вы идете?» — спросил он. Я ответил. «Как? Да ведь там японцы!» — и он объяснил мне, что выбить японцев не удалось, но что ночью будет предпринята контратака, которую он подготавливает.

Я был чрезвычайно поражен этим случаем... чудом Бог спас меня от величайшего несчастья — попасть в

плен. Если бы, проходя мимо Степанова, я повернул не влево, а вправо, я не заметил бы его и, продолжая мой путь, попал бы прямо к японцам и, несомненно, был бы убит или взят в плен, и при этом никто бы не знал, что я попал на редут, выполняя приказ, и могли бы объяснить всё очень плохо.

Контратака ночью не удалась... японцы продвинулись несколько вперед и укрепившись там, стали обстреливать тыл форта № 3. На Булгакова это произвело впечатление, что японцы хотят штурмовать форт с тыла, и, не долго думая, он сжег мост через горжевой ров форта и этим прекратил его сообщение с центром крепости.

Я был в эту ночь на работах в промежутке между фортами и ничего об этом не знал. На рассвете, возвращаясь с работ на форт, я с моими людьми подошел ко рву и мы чуть не упали в него, т. к. моста не оказалось, а только четыре длинных деревянных балки, обгоревшие и почерневшие. С разгона мы чуть не свалились в ров. Между тем японцы, заметив нас, стали обстреливать ружейным огнем. Осталось одно: быстро перебежать по обгорелым балкам с надеждой, что не рухнут под нами. Так и сделали: балки оказались еще достаточно прочными и мы достигли входа на форт благополучно, хотя и под близким огнем противника.

На другой день я получил приказ: немедленно восстановить сообщение форта с тылом, построив новый мост. Я был очень озабочен, так как построить мост на виду у японцев и под постоянным и непрекращающимся огнем было достаточно трудно. Однако, выполнить приказ нужно было немедленно. Придумывая разные способы наиболее безопасной работы, я остановился на мысли, что необходимо помешать японцам видеть нашу работу, что было бы единственным способом выполнить ее. Тогда с наступлением темноты, я приказал одному саперу проползти по дну рва на другую его сторону, вбить там в дно рва столб и прикрепить к нему конец брезента, другой конец которого оставался на внутренней стороне; когда это было выполнено, брезент натянули вертикально и образовался занавес через всю ши-

рину рва, скрывший от японцев место постройки. Некоторое время они еще стреляли, а затем, не видя цели, прекратили огонь, и мы построили мост в полной безопасности и без потерь, никто из моих сапер не был убит, ни даже ранен. Генерал Надеин представил меня за эту работу к награждению орденом Св. Георгия 4-й степени.

Августовский штурм Восточного фронта крепости кончился полным триумфом защитников Порт-Артура. Японцы были отброшены во всех пунктах. Тогда они начали против этого фронта т. н. постепенную атаку, т. е. приближение посредством траншей, а открытую атаку перенесли на Западный фронт против гор Угловая, Плоская и Высокая.

Против приближения японских траншей к форту № 3 я всячески боролся также при помощи контрапрошей, которые строил впереди и по сторонам форта, особенно мне помогал открытый капонир вправо от форта. Тем не менее к середине августа японские траншеи подошли уже к подошвам гласиса фортов №№ 2 и 3.

15-го сентября я весь день провел на работах на промежутке и хотел уже возвратиться на форт, как неожиданно явились ко мне два матроса, обслуживавшие пушки в кофре, где я жил. Они рассказали мне, что противник, подойдя минной галлереей к наружной стене кофра, взорвал мину и обрушил часть стены и открыл таким образом вход в кофр, причем сообщение кофра с фортом по потерне было завалено обломками стены. Видя неизбежное занятие кофра, матросы решили выбраться из него через амбразуры, то есть небольшие отверстия в стене, в которые входят дула пушек. Не понимаю, как могли они пролезть через такие узкие отверстия. Непостижимо, как, — но это им удалось, и они прежде всего прибежали ко мне, чтобы сообщить о взятии кофра; они знали, что у меня был деревянный ящик куда я складывал мои документы и расписки в израсходовании денег; не будучи в состоянии вытащить ящик, они разбили его, документы сложили в мешок и при-

несли мне, понимая, что документы эти мне очень важны.

Узнав о взятии кофра, ген. Надеин приказал мне перейти с форта в его блиндаж, т. к. хотел иметь при себе советника по инженерной части.

На форту № 3, чтобы выжить японцев из занятого ими кофра, решили набить потерну соломой и, заложив выход в убежище, зажечь ее; дым, ища выхода, должен был наполнить кофр и выкурить японцев. Так и случилось, но японцы сейчас же воспользовались этой идеей и стали выкуривать нас, но не безвредным дымом, а мышьяковистыми газами. Вследствие этого мы потеряли часть потерни, но зато энергично защищали часть, оставшуюся у нас, так что борьба в этой подземной галерее продолжалась больше двух месяцев. Подобная же борьба происходила в подземной галерее на укреплении № 3 и на форту № 2.

Это были первые в истории войны образцы применения простых и ядовитых газов. Подробно эта героическая борьба описана мною в моих книгах, посвященных обороне Порт-Артура.

На соседнем форту № 2 происходила еще более героическая борьба на поверхности дворика форта и в его рвах.

Овладев кофром на форту № 3, японцы пытались перейти ров и атаковать бруствер форта, но все их попытки были отражены; тогда оставалась только минная война, к которой они и прибегли, направив три галереи под бруствер форта и выводя их под дном рва. Работа эта очень медленная и кончилась только в середине декабря.

Г л а в а III

СМЕРТЬ ГЕН. КОНДРАТЕНКО

В памяти моей сохранился один эпизод, имевший для крепости громадное значение. Это — смерть генерала Р. И. Кондратенко, происшедшая 2 декабря 1905 г. на форту № 2.

Впечатление, произведенное на всех, без исключения, доблестных и верных долгу защитников, было ужасно. В крепости не было ни одного офицера, ни солдата, ни матроса, ни жителя города, которые не знали бы его деятельности. Мне редко приходилось встречать людей, до такой степени привлекавших к себе всеобщие симпатии. Причиной этого было то, что в нем сочетались искреннее и сердечное отношение к другим, ровный и спокойный характер; большая благожелательность в отношении всех, кто к нему обращался с какой-либо просьбой, совершенное отсутствие честолюбия; большая личная храбрость, и наряду с этим большая скромность; большой такт в обращении с равными и подчиненными; сдержанность и полное отсутствие вспыльчивости; глубокое понимание долга перед Родиной и неутомимость в выполнении его; сохранение полного спокойствия в разгаре боя и совершенное пренебрежение опасностью.

Вот те характерные черты, что я отметил при моих с ним встречах и разговорах во многих случаях. Главное в нем — была его большая доброта в отношении других: он всегда охотнее прощал, чем порицал, и каждый, в чем-либо виноватый, но не услышавший от него упрека или порицания, глубоко оценивал его такт, чувствовал свою вину еще больше, еще глубже, а к нему проникался еще большим уважением.

Офицеры видели в нем замечательного во всех отношениях начальника, служившего им образцом в выполнении всех обязанностей в бою, вне боя и в отношении других. У многих являлось желание подражать ему и все без исключения проникались к нему чувством безграничного уважения и преданности. Я думаю, что в крепости не было ни одного офицера, который хоть на минуту замедлил бы выполнение отданного генералом Кондратенко приказа, так все были проникнуты сознанием целесообразности приказа.

Солдаты, прежде всего, ценили в нем большого начальника, снисходившего к ним и лично знавшего многих из них, не видевшего в них лишь нижних чинов, обязанных исполнять его волю без рассуждений, а людей, преследующих одну с ним цель — служить Родине,

и лишь нуждающихся в его личном примере и ласковом одобрении, чтобы совершить подвиг.

Никогда не забуду одну картину на Зеленых Горах: Кондратенко приказал контратаку. С большим подъемом бросились вперед все части. С одной ротой шел сам генерал; пришлось взбираться по подъему, все устали и генерал тоже. Приказал остановиться, лечь всем вокруг него, да поближе к нему, приказал курить; отдохнули, вскочил генерал, бросился снова вперед и все, как один, за ним.

Легко понять, что чувствовали к нему люди, обыкновенно видевшие генералов лишь издали и слышавшие от них лишь сердитый окрик, или ругань, но никогда ни ласки, ни доброго обхождения. Это были просто начальники, от которых часто зависела судьба и жизнь солдата и которых все боялись и сторонились. В отношении Кондратенко этого не было, и поэтому все считали его не начальником, могущим засадить под арест или поставить под ружье кого угодно, но ясно сознавали, что этот не прибегнет ни к тому, ни к другому без крайней необходимости. Они радостно улыбались, слушая его приказ, и с полным самозабвением спешили за ним, когда он вел их в бой; и тогда в душах их уже создавался тот ореол славы героя и тот нерукотворный памятник, который существовал уже тогда, когда вне Порт-Артура еще никто не знал генерала Кондратенко и еще не считал его героем.

При таком отношении к нему со стороны гарнизона крепости не мудрено, что в нем все видели ту несокрушимую базу, на которой покоилась оборона. Никто не мог представить себе, что он может умереть, и поэтому никто не представлял себе Порт-Артура без Кондратенко. В нем было всё: душа, ум, воля, неутомимость, энергия, всё, что нужно было для существования крепости. И когда вдруг, мгновенно, умер он, исчезло с ним и всё, на чем держалась крепость, и она пала.

И едва совершилась трагедия на форту № 2, едва разнеслась об этом весть по крепости, все поняли, что затем последует.

Тогда началась агония крепости, настали ее послед-

ние дни. Это длилось только две недели. Со мной лично в течение этого времени произошло следующее: я заменил подполковника Рашевского в объединении действий участков инженеров Восточного фронта.

На всех фронтах японские минные работы уже значительно продвинулись вперед, и наши контрмины лишь с большим трудом боролись с ними, вследствие недостатка инструментов и специалистов минеров.

Наиболее угрожающего положения для нас достигли японские минные работы на форту № 2; в первые дни декабря голова японских галерей уже достигла брустверов форта. Многочисленные японские батареи не переставали бомбардировать порт, разрушая его всё больше и больше. В предвидении неизбежного взрыва бруствера и штурма форта, который за ним последует, гарнизон соорудил из обломков посередине форта вторую линию обороны.

В 2 часа пополудни 4/17 декабря японцы к обычному обстрелу фронта присоединили сосредоточенный по нем огонь 11-дюймовых гаубиц. Взрывом одного снаряда, упавшего у входа в офицерский каземат, было ранено три офицера; три других снаряда упали на кухню и довершили ее разрушение; затем был контужен комендант форта капитан Мицкунос и ранено 15 солдат.

Капитан Кроун, бывший ранее комендантом форта и раненный 2 дня назад, немедленно прибыл из госпиталя и занял место коменданта. Вечером генерал Фок, назначенный приказом ген. Стесселя начальником сухопутной обороны крепости, желая знать положение минных работ противника и наших, особенно на форту № 2, вызвал меня к себе на квартиру для доклада. Я изложил ему положение вещей, равно как и те меры, которые, по моему мнению, надлежало принять немедленно. Считая, что головы японских галерей уже проникли под бруствер и можно было ожидать с часу на час их взрыв с последующим обвалом бруствера, я находил, что мы можем остановить их дальнейшее движение только заложив на бруствер два булевых колодца и взорвав их немедленно. Я считал необходимым

прибегнуть к этой мере на основании следующих соображений:

1) Этот взрыв не вызовет паники в гарнизоне и предупредит взрыв горнов противника.

2) Если противник услышит нашу работу, он должен будет немедленно взорвать свои горны, но так как мы будем их ждать, то не будем захвачены врасплох со всеми неприятными последствиями.

Я просил для этого соответствующего приказа Начальника обороны, но генерал Фок, выслушав меня, не принял решения и ответил только словами: «Несомненно, это прославило бы нашего минера».

Я отлично понимал, что нам необходимо взять инициативу в минной войне в свои руки, чтобы лишить японцев возможности подготовить штурм, но вследствие неприязненных отношений с Начальником обороны, не считал возможным действовать без приказа, и поэтому явился к генералу Горбатовскому, Начальнику Восточного фронта, и доложил ему мои соображения. Однако, генерал Горбатовский не пожелал принять решения без совета с Начальником инженеров крепости полковником Григоренко. Вследствие этого, вечером, того же 4-го декабря, в блиндаже генерала Горбатовского состоялся совет, был принят мой план действий и решено на другой день, 5 декабря, заложить и взорвать булевые колодцы. Однако, противник предупредил нас, и на другой день взорвал свои горны, а затем произвел штурм форта и овладел им.

*Генерал-Лейтенант
А. В. фон-Шварц*

ГЕНЕРАЛ КОНДРАТЕНКО

Назначенный, после гибели «Петропавловска» в Штаб крепости для технической связи с флотом, я начал, естественно, с моего представления Начальнику обороны, ген. Смирнову (комендант), Белому (нач. артиллерии), полк. Григоренко (нач. инженеров) и, наконец, ген. Кондратенко. Хотя последний командовал строевой дивизией и как будто не имел отношения к технической части обороны крепости, но неожиданно встреченный в Штабе крепости мой старый знакомый офицер Ген. Штаба Д. И. Гурко (Дмитрий Иосифович, чина не помню, в 1902 году был капитаном), с которым мы в 1902 году производили в течение трех месяцев секретную разведку и съемку в Турции (верхами от Албании до Дарданелл, под видом археологов) и в комнате которого при штабе я поселился, отозвался о нем в первый вечер, как об единственном настоящем начальнике. Визиты к первым, несмотря на весьма радушный прием, оставили впечатление, что они не знали, что со мной делать. Явился я к генералу Кондратенко. Попал к нему во время военного совещания в столовой, полной штаб-офицерами. Признаться, я почувствовал себя не в своей тарелке под любопытными взорами всех этих, весьма почтенных офицеров чуждого мне оружия. Представился Кондратенко. Он пристально посмотрел на меня, но с совершенно другим выражением, чем прочие, и немедленно сказал:

— Вас-то нам и нужно. Если вы хотите (сильное ударение на последнем слове) помочь, работы не мало. Нам нужны прожекторы, орудия, пулеметы, может быть, мины и, наконец, люди, которых только флот имеет. Подождите немного, мы скоро кончим.

По мере его краткой речи я чувствовал, как какая-то внутренняя связь устанавливается между этим ученым (Академия Ген. Штаба и Академия Инженерная) генералом и мною, неизвестным ему совсем молодым офицером. Я был к тому же весьма моложав и в штабе крепости старые офицеры прозвали меня «лейтенант Мичман».

Вскоре он вошел в кабинет и неожиданно спросил:

— Достаточно ли у вас связей, чтобы вести дело личными словесными переговорами? Теперь не время рапортов.

На мой ответ, что я из морской семьи, что со стороны личных отношений с командным составом не будет никаких затруднений, что флот готов сделать всё, что потребует оборона крепости, но что мы, моряки, ничего не понимаем в технической стороне сухопутного дела и флоту нужно знать определенно, что от него хотят, — Кондратенко ответил:

— Нужно действовать быстро, ознакомьтесь с фронтом, советуйтесь на месте, с кем найдете нужным; при малейшем сомнении или трудности с кем-нибудь из сухопутных начальников, не колебайтесь обратиться ко мне. Если нужны люди — будь это рота или даже батальон, — саперные инструменты, перевозочные средства, действуйте моим именем. Не стесняйтесь с реквизициями.

Надо сказать, я не понял тогда, по молодости лет, необычайности подобных полномочий. Поразила только вызванная его словами атмосфера обстановки, внутренний ритм ее. Но вместе с тем, самая манера генерала говорить, горячая и дружественная, наэлектризовывала и влиwała энергию.

Бесчисленное количество раз я телефонировал затем в разные части всевозможные требования, начиная:

— По приказанию генерала Кондратенко...

и никогда не только не встретил ни малейшего возражения, но всегда необычайную готовность выполнения. За три, приблизительно, месяца работы мне не пришлось написать ни одного рапорта. Карманная книжка с отрывными листами и карандаш были единственными кан-

целярскими моими спутниками повсюду: на эскадре, на фронтах, на батареях, при реквизиции в городе.

Мне пришлось затем обратиться к генералу за указаниями или советом не более 5-6 раз, и каждый раз я уходил от него под влиянием всё усиливавшегося очарования и с новым приливом энергии.

Скажу, что начальник его штаба подполковник Генерального Штаба Науменко, со своими умными, серьезными глазами, видевшими, казалось, что-то за пределами того, на чем останавливался его взор, был необычайно гармоничным дополнением своего начальника. Только впоследствии я призадумался над тем, что, в сущности, деятельность Кондратенко в этот период выходила далеко за пределы его официальной власти. Из офицеров, виденных мною на заседании, я встретил затем нескольких, которые не имели ничего общего с его дивизией, так же, как и большая часть из тех, что приходили к нему впоследствии: артиллеристы батарей, инженеры (Затурский и Шварц) и проч. Очевидно, что наиболее деятельные офицеры стекались к нему, как к источнику энергии, ясности мысли, определенности заданий и обширных познаний; и что прочие командующие генералы были совершенно согласны с таким положением дела, внутренне сознавая его авторитет. А между тем Смирнов, например, обладал не меньшими знаниями и проявлял не меньшую остроту мысли, чем Кондратенко.

Только один раз — и то случайно — мне пришлось видеть Кондратенко в чисто боевой обстановке, а именно в так называемом деле на Зеленых Горах. Не помню точно места, где я находился, — где-то на крайнем восточном гласисе крепости, откуда открывался вид на складчатую долину, поросшую гаоляном и редкими кустарниками и на возвышавшиеся за нею склоны Зеленых Гор. В мой «Цейс» я хорошо видел цепи наших стрелков, поднимавшихся в атаку под разрывами шрапнелей и беспорядочным ружейным огнем. Вдруг заработали японские пулеметы. Это был первый раз, что я слышал их беспощадно-механическое сухое таканье сравнительно недалеко. Поднимающиеся части дрогнули и откатились назад. Неожиданно от группы кустов отделяется знако-

мая фигура Кондратенко, махающего фуражкой, и продвигавшаяся навстречу отходящих и сбегающих людей, которые постепенно приостанавливаются. Он проходит за их линии, откуда-то доносятся звуки музыки, слышны раскатистые крики «ура». Кондратенко в белом кителе, всё размахивая фуражкой, под сосредоточенным огнем пулеметов продолжает подниматься по склону; волны солдат перегоняют его, то исчезая, то появляясь снова, всё выше и выше.

Зеленые Горы были взяты и временно удержаны.

*Капитан 1 ранга
Н. В. Иениш*

АДМИРАЛ МАКАРОВ

Было это зимой 1885-86 гг. Макаров, получивший в командование «Витязь», приходил часто по вечерам к моему отцу, в то время читавшему курс стрельбы в Артиллерийском классе¹.

Как сейчас вижу громадный письменный стол отца, поставленный наискось между двумя крайними угловыми окнами обширного кабинета. Позади стола высокий экран с накопленными большими листами чертежей, рисунков, графиков, которые часто менялись; два больших двойных подсвечника с зелеными абажурами; фигура отца на вертящемся табурете, что-то рассказывающего и по временам водящего по экрану бамбуковой указкой, и массивного Макарова, сидящего в кресле и изредка вставляющего свое слово. Я забирался на огромный диван в глубине комнаты и, следя с затаенным дыханием за плавными движениями Макарова, оставался упорно до его ухода, несмотря на немые призывы гувернантки через полуоткрытую дверь.

Что меня зачаровывало, это не борода — в те времена бороды процветали, — не Георгий, но золотые аксельбанты Макарова. Я ни у кого не видел подобного великолепия. Аксельбанты переливались матовым блеском под светом свечей. Это было невыразимо прекрасно! И потом — глаза, спокойные, пронизательные, источники магического излучения; взгляд их, как конус света

¹ Отец ввел и читал выработанный им курс тактики маневрирования, подчиненной требованиям стрельбы, и положил еще в 1883 году начало организации сосредоточенной залповой стрельбе, осуществленной во флотах всего мира только после Русско-японской войны. У нас его ученики тщетно вели упорную борьбу с рутинной, только в редких случаях успевая, и то временно. Эта рутинная продолжалась у англичан до мировой войны. Первыми были немцы, введшие у себя залповую стрельбу в 1906 году.

волшебного фонаря, прохаживался в пространстве. И когда я попадал в этот конус, всё мое существо переносилось в какой-то неведомый и легкий мир.

Макаров был неким сверхестественным гением. И каково было мое негодование, когда однажды Макаров, придя утром в воскресенье на целый день, остался завтракать и за столом должен был есть холодный ростбиф. Я не знал, чем надлежало питать этого полубога, но во всяком случае, не холодным мясом. На наш дом опустился призрак бесчестия, который необъяснимо преследовал меня долгие годы.

Помню, как разговор зашел однажды о полуброненосном крейсере «Адмирал Нахимов». На вопрос Макарова, что отец думает о его постройке, последний ответил, что наконец-то нашелся человек, убедивший министра в необходимости создания нового типа корабля, что нужно развивать этот башенный тип и порвать с линейными батареями. В моем полудремотном воображении слово «тип», которого я, конечно, не понял, олицетворялось в приземистую башню, подобную шахматной туре, на верхнем ободе которой написано «Адмирал Нахимов». Тура обвита толстой, непрерывно развивавшейся лентой. И чем больше лента развивалась, тем «тип» странным образом делался толще и толще. Наконец, лента лопалась, унося на своем конце линейку с выстроенным на ней рядом пушек. Преследуемый этой фантасмагорией, я приставал в течение нескольких дней к отцу за объяснениями, пока он не изобразил углем на громадном листе бумаги истинный смысл «башенного типа» (связанного с именем Нахимова), превращавшегося постепенно в будущий... дредноут. Эти изображения до сих пор сохранились в моей памяти.

«Нахимов» долго оставался единственным представителем этого типа в русском, да и в других флотах. Мы видели затем постройку нелепых «Рюрика», «России», «Громобоя», или уязвимых и столь же нелепых монстров: «Победа», «Ослябя», «Пересвет».

Русский флот превратился в японской войне в богатейшую коллекцию образцов. Неудобство было только в том, что они не могли, в обстоятельствах боя, ма-

невривать совместно, чтобы использовать всё могущество их артиллерии.

Не помню, чем был занят в начале похода, но оказался, естественно, на мостике при приближении момента начала эволюции. Мы где-то между Квантуном и островами Эллиота. Безоблачное небо, полный штиль. Мы в строе кильватера. Начинается маневр.

Сигнал падает. Корабли начинают катиться, интервалы быстро изменяются. Но ко всеобщему нашему изумлению они, как заводные игрушки, всё катятся, катятся куда-то. Два броненосца (не могу уточнить имен, хотя ясно вижу суда) чуть не сталкиваются; один из них вынужден дать задний ход. Наши глаза прикованы к ним. Наконец, облегченно вздохнули. Но какая картина: раскинутые на большие расстояния, направленные на разные румбы суда продолжают механически двигаться, являя подобие какой-то фантастической карусели.

Адмирал, разводя руками, восклицает, обращаясь к командиру:

— Где же моя эскадра?

В это мгновение откуда-то появляется стайка голубей и, трепеща крылышками, вьются низко над мостиком, как бы приготовляясь спуститься. Яковлев, просиявший, как ребенок, с глубокой нежностью в голосе, радостно обращается к адмиралу:

— Смотрите, ваше превосходительство, — голубки!

Макаров взглядывает и, с редкой у него, улыбкой:

— Единственное утешение.

Макарову оставалось нанизать заводные игрушки на невидимую нить и потащить их за собой в Артур.

Ранее еще мглистое утро. Получено известие с Золотой Горы, что миноносец «Страшный» далеко в море окружен и расстреливается японскими миноносцами. «Баян» посылается на помощь. Броненосцы лихорадоч-

но поднимают пары. Мы ничего не можем видеть, и все в тревоге. Известие, что «Страшный» погрузился; затем, что «Баян», повидимому, спасает людей и начал бой с появившимися японскими крейсерами. Потом:

— «Баян» поставлен в два огня.

Всеобщая тревога усиливается. Но «Петропавловск» уже полным ходом идет по направлению пальбы. Остальные суда, далеко позади, продолжают вытягиваться из Порта. Неприятельские крейсера исчезают и мы быстро сближаемся с «Баяном», уже идущим в нашем направлении. Семафор адмирала:

— Почему оказались поставленными в два огня?

Ответ Вирена теперь на нашем правом траверсе:

— Поставил себя в два огня, чтобы иметь возможность использовать огонь своей артиллерии.

— Какая безумная храбрость! — восклицает адмирал и мгновение подумав:

— Но какой умный маневр!

Плохая поворотливость крейсера X (не помню имени, один из крейсеров типа «Паллады», носящих имена богинь, введенный в док в это время), делала ограниченным его участие в совместном маневрировании, — его винты работали внутрь. Макаров, пользуясь пребыванием крейсера в сухом доке, отправил в Главное управление Кораблестроения телеграмму с требованием срочной отливки и отправки в Артур скорым поездом винтов того же шага, но работающих внаружу. Ответ Главного технического комитета:

«Поставить правый винт налево, левый — направо и машинам работать назад».

— Ослы, — произнес всегда сдержанный адмирал и повторил свое требование в очень категорических выражениях.

Но винты никогда в Артур не прибыли, ибо адмирал вскоре погиб.

Главный технический комитет нашел элегантный теоретический выход и был, вероятно, горд своим от-

ветом. На практике это было абсурдно: подшипники годами приработались в определенном направлении, так же как и структура стали гребных валов. Комитет имел дело с Макаровым, академиком Кораблестроительного отдела и здоровым практиком.

Незадолго до войны, в один хороший солнечный день, я отправился на Золотую Гору, а затем на Электрический Утес с целью познакомиться с общим видом на расположение морских укреплений.

Хорошо помню внушительно установленную батарею с линией блестящих 10-ти дюймовых орудий, царящих над совершенно гладким в тот день морем и, на их правом фланге, крошечную, сравнительно с ними, 57-миллиметровую пушку. Заинтересованный ее ролью, спросил сопровождавшего меня офицера:

— Для чего она здесь.

— Это пристрелочное орудие.

Не понимая хорошенько, в чем дело, попросил объяснения и, к изумлению моему, услышал, что она служит, чтобы дать высоту прицела и уклонение 10-дюймовым орудиям. 57-миллиметровое стреляет по данным командующего батареей, снаряд падает в воду и по его всплеску судят о перелете или недолете, вносят поправку и стреляют второй раз. Если падение недалеко от цели, то дают расстояние 10-дюймовым, бой которых более настильный, и попадание обеспечено. На вопрос, каким образом можно увидеть падение 57-миллиметровых снарядов при волнении и барашках, или среди падающих неприятельских снарядов, и что, наконец, дальность 57-миллиметрового не достигает и трети дальности 10-дюймового, получил ответ, сопровождаемый пожатием плеч, что огонь на большие расстояния против судов считается мало действительным. Мои вопросы были явно абсурдны, и я ретировался, хотя мне хотелось еще получить объяснение отсутствию серьезных траверсов между орудиями.

Вернувшись на судно, сообщил о виденном и слы-

шанном Мякишеву, загадочно улыбнувшемуся, а по приезде Макарова, подполковнику Меллеру, который почему-то засучил рукав.

Еще о 10-дюймовой батарее Электрического Утеса. Макаров требует представления точных данных о пределах обстрела и дальности боя береговых батарей для составления соответствующей карты. К изумлению дальность 10-дюймовых показана 60 кабельтов, т. е. дальность 6-дюймовых. Те же орудия судовой установки бьют на 100 каб. В чем дело? Меллер едет на батарею. Оказывается, на станках прикреплены специальные приливы, ограничивающие опускание казенной части орудий. Меллер просит таблицу стрельбы. Данные до 60 каб. Почему? Это Главное артиллерийское управление прислало в свое время пушки и таблицы к ним. Меллер берется снять приливы и пополнить таблицы.

Ужас батарейного: 1) он не знает, выдержит ли установка стрельбу под большим уклоном; 2) никто не имеет права прикоснуться к станкам без разрешения Главного артиллерийского управления и рекомендует обратиться к ген. Белому. Генерал в смятении: он не может обратиться в Главное артиллерийское управление за подобным разрешением, но адмирал волен, конечно, снести с последним. Это потребует, однако, специального заседания какого-то комитета, на что нужно не менее месяца; необходимо также послать копии планов установок со всеми объяснениями. Из последующего разговора выясняется, что так как стрельба на большие расстояния мало действительна и может повести к чрезмерному расходованию снарядов, то мера принята Управлением в видах «разумной экономии». На практике же эта «экономия» приводит к тому, что неприятель, чтобы иметь удовольствие подвергнуться действию береговой батареи, должен подойти к ней на 60 каб.; но если он хочет безнаказанно в 5 минут ее уничтожить, то ему стоит только остановиться с одним судном на расстоянии 61 каб. Во всяком случае, не может быть и

речи о защите порта от бомбардировки его неприятелем в отсутствии флота.

Макаров отправился лично на батарею и приказывает батарейному допустить Меллера к выполнению необходимой работы и дает записку, где он принимает ответственность на себя. Белый и батарейный, конечно, соглашаются. Приливы сняты в два дня, таблицы дополнены и Меллер лично бьет из орудия на 110 каб. для успокоения батарейного и дает ему настоящий урок стрельбы.

Знаменитое «пристрелочное» 57-миллиметровое орудие остается, но совершенно для другой цели.

Макаров объехал вскоре, в сопровождении Меллера, все приморские батареи. Только одна (капитана Вамензона) оказалась действительно подготовленной. Ее батарейный был единственным, кто был знаком с нормальным методом стрельбы по судам и знал силуэты японских судов, но это была его личная инициатива.

Невозможно, конечно, обвинять батарейных командиров. Достаточно было бы нескольких лекций и 2-3 практических стрельб, чтобы в общем хорошо подготовленные к стрельбе и серьезные офицеры знали, как нужно пользоваться их оружием в борьбе с судами. Но, повидимому, никто из высших об этом не подумал. Между тем, еще 20 лет до войны, в Кронштадте, например, батареи вели учебную стрельбу по методам флота.

На «Петропавловске» было не сто, как говорили, но 18 мин заграждений, т. е. столько, сколько можно было поставить с 2-х плотиков. Мины заграждения, в то время, составляли часть вооружения линейных кораблей. Никто никогда, ни в школе, ни на судах, о возможности детонации мокрого пироксилина в тех условиях, в которых это произошло, не говорил. Наоборот, все опыты в пороховых лабораториях подтверждали их безопасность: химики считали это установленным. Запальные стаканы с шашками сухого пироксилина, необходимого для взрыва влажного пироксилина, в непосредственном с ним

контакте, хранились в особом погребе, в кормовой части корабля. Нужен был какой-нибудь несчастный случай, чтобы обратить внимание специалистов (химиков или офицеров) на опасность присутствия мин на судах. Судьбе угодно было, чтобы выбор этого случая пал на «Петропавловск» с его драгоценным грузом.

То, что произошло на «Хатцузе», где мины были заряжены некоторой разновидностью шимозы, вещества, детонирующего неизмеримо легче, заставляет предполагать, что и японцы об этом не думали. Во всяком случае, химики считали, что шимоза не может детонировать от пироксилина, которым были заряжены в то время все русские мины.

Только новейшие математически-физически-химические теории позволяют объяснить явления детонации (поскольку теории вообще могут объяснять природу).

Уделом Макарова было погибнуть раньше, чем он мог перейти к активной борьбе. Он, вся деятельность которого в течение десяти последних лет его жизни проходила под девизом: «Помни войну!» — (эпиграф всех его печатных трудов по военно-морскому делу).

Я беру на себя смелость утверждать, что он был самым современным из всех адмиралов флотов всего мира, за исключением японского, что он оставлял далеко за собой остальных русских адмиралов. Говорю это теперь убежденно. Я не был его слепым поклонником, многое в чертах его характера не гармонировало с моим². Но я имел возможность впоследствии, при кон-

² В противоположность тому, что я испытывал по отношению Кондратенко. Но что было общего у обоих, это — предоставление широкой инициативы их подчиненным. Относительная сухость Макарова и подчас категоричность, объяснялись, быть может, тем, что он должен был по натуре своей, узнать того, с кем имел дело. Его отношение к Яковлеву, Мякишеву, Коробицыну, Меллеру, Шрейберу, Кроуну, Эссену, Вирену, Шенсновичу и некоторым другим было иным. Но он оставался сухим, например, с Кедровым, бывшим уже около двух лет его адъютантом... Быть может, он считал нужным подтянуть офицеров в отношении интенсивности их умственной и духовной деятельности, которые были, несомнен-

тактах с иностранными офицерами высших рангов, получить подтверждение того, о чем говорю.

Надо было удивляться необычайной ясности мысли и физической выносливости в его годы. Он поднимался по шторм-трапу так, как большинство из командиров не могли бы сделать. Он мог провести ночь на ногах и работать затем весь день без отдыха до позднего вечера.

Он был в курсе всего, что только было нового в технике и в развитии военно-морских идей. И всё это было им усвоено и подвергнуто критическому анализу. Он часто появлялся в Петербурге на весьма специальных сообщениях ученых кругов и иногда выступал оппонентом в вопросах, не имевших прямого отношения к военно-морскому делу, удивляя ученых четкостью суждений и проникновением в сущность вопроса.

Вот, что я знаю по поводу доклада о постановке японцами мин под Артуром (что было замечено с батареи Вамензона). Доклад не был категоричен. Было сказано, что японцы что-то делали в море, возможно, что ставили мины, т. к. некоторое время какое-то маленькое судно шло медленно и казалось останавливающимся по временам на месте в расстоянии, примерно, мили от берега. Направление с берега было замечено, но в докладе не указано. Нужно было для этого ехать на батарею.

Знаю точно ответ Макарова: «Надо утром протралить»³. Знаю, что мы все на судне были обо всём этом осведомлены и что у всех было впечатление, что мины, если это были таковые, находились поблизости от берега.

Забыл ли о минах адмирал, озабоченный судьбою

но, на более низком уровне под влиянием предшествующего режима: всё критиковали, но неспособны были отдалиться творческой работе.

³ При нормальной организации службы, слова командующего: «надо утром протралить» должны были быть достаточными, чтобы привести в действие тралящий караван, — передача приказа и проверка начала выполнения совершается штабом.

«Баяна», «поставленного в два огня», как говорило сообщение, и увлеченный действием, — сказать невозможно. Но из нас, «молодых», увлеченных непосредственным действием, никто об этой постановке не думал. Не думаю, чтобы об этом заботились Мякишев, Яковлев или Коробицын, ведущий непосредственно корабль, иначе они, несомненно, напомнили бы адмиралу или считали, как и мы, постановку произведенной близко от берега.

Я видел, что Макаров был озабочен медленным выходом кораблей из порта и часто оглядывался назад. Первое судно, шедшее за нами, было на расстоянии по крайней мере 60 каб. Я понимал заботу адмирала, думавшего о несомненном приближении японцев с превосходящим эскадренным ходом и о наших кораблях, которые около получаса не вступали в строй, хотя он уже шел полным ходом к ним навстречу. Мы не были еще в строю, когда появилась уже вся японская эскадра. Все эти моменты я хорошо помню, ибо израсходовал за это время всю катушку фотографического аппарата.

Нужно также перенестись в атмосферу того периода времени. Адмирал, казалось, должен был думать за всех и обо всем сразу. Мысль всех, за редчайшими исключениями, была, по причине многолетнего отсутствия тренировки, слишком инертна.

Трудно себе представить, какому умственному напряжению был подвергнут мозг Макарова с момента приезда в Артур. Эскадры не существовало, — были только корабли, из них три выведенных из строя. Командиры, за исключением Шенсновича, Яковлева, Эссена и Вирена были мало подготовлены к боевой обстановке. Двое из них уже подлежали смене⁴. Все заботы о порте и морском фронте, об организации всего, лежали на нем. Все ждали приказаний и никто ничего не предлагал, из тех именно, кого это прямо касалось. В штабе, кроме Мякишева и Коробицына, никто Артура не знал. Настоящего начальника оперативной части не было. Великий Князь Кирилл, занимавший эту долж-

⁴ Кронун находился случайно на «Петропавловске». Он должен был в этот день заменить командира, не помню уж какого броненосца. Васильев должен был заменить Римского.

ность, не был к ней подготовлен. Макаров был сам себе Начальником оперативной части с помощником Кедровым, но последний, несмотря на острую мысль, не знал ни Востока, ни Артура, ни кораблей, не имел практики и был всё же слишком молод для роли, которую он играл; правда, что он часто прибегал к Мякишеву, как и Макаров, но у Мякишева были и другие заботы. Нужно было всё переорганизовать, что значительно хлопотливее, чем организовывать. Ко всему — внешние сношения, подчас нелегкие и раздражающие. Необходимость лично появиться там, где, при других условиях, можно было бы положиться на подчиненных. Нужен был громадный опыт Макарова и его выносливость, чтобы нести всё это на своих плечах.

Мое совершенно определенное мнение, что в этот день Макаров совершил, быть может, упущение, временно забыв, но не ошибку или, тем более, глупость.

Этот эпизод войны вызвал нескончаемые толки и принял такие размеры только благодаря тому, что с потерей Макарова весь русский флот оказался потерянным.

Никакие акты личного самоотвержения и подвиги храбрости не могли заменить напряженную работу непрерывной подготовки к войне.

Я имел только четыре случая личного обращения Макарова ко мне по службе. Каждый раз разговор ограничивался 5-10 минутами. Я его понимал с полуслова, сколько же времени он должен был расходовать с теми, которые его плохо понимали.

Осведомленный Кедровым о моем умении рисовать, адмирал поручил мне сделать чертежи и рисунки минных пробоин судов, дав мне точные и ясные указания о том, что чертежи должны были представлять и предоставив сделать рисунок по моему усмотрению. Я начертил пробоину «Ретвизана» (большие чертежи и большой рисунок, сделанный тушью), наиболее интересную, и Макаров остановил работу других, считая, что они менее характерны, и что это отнимет у меня много ценного времени.

Поручение по поводу ТСФ, где я увидел, что он

совершенно ясно понимает теорию, и разговор велся о возможности использования для опытов принципа в существовавших технических условиях.

Дело касалось разных крупных рисунков в кавальерной проекции на основе карты Артура и планов укреплений, что я выполнил сравнительно быстро, благодаря врожденной способности ограничиваться двумя часами сна в сутки.

Дело касалось стрельбы минами с миноносцев в различных тактических комбинациях. Поручение: сделать в свободное от ТСФ время набросок по этому вопросу. Гибель корабля прекратила мою работу. Здесь я опять убедился, что Макаров отлично видел корень работы и обладал большими знаниями в этом вопросе.

Только один раз чисто личный разговор со мной на завтрак у него, на который ежедневно приглашались по очереди офицеры «Петропавловска», и с которыми он хотел ближе познакомиться. Приглашенный сядил рядом с адмиралом. Он вспоминал моего отца, расспрашивал о семье, о моем дядюшке-адмирале, которого хорошо знал. Я помню, как великий князь Кирилл, при упоминании его имени, неожиданно вмешался: «Прекрасный офицер, ваше превосходительство», — и как Макаров так холодно и иронически взглянул на него, что великий князь умолк.

*Капитан 1 ранга
Н. В. Иениш*

ПАСХА 1904 ГОДА

В страстную субботу адмирал Макаров приказал миноносцам «Грозовой» и «Выносливый» подготовиться к походу и перед выходом в море подойти к флагманскому кораблю.

Перед заходом солнца оба миноносца отшвартовались у борта броненосца «Петропавловск». Вскоре появился адмирал Макаров и приказал всей команде собраться на палубе и его окружить. Тут адмирал, со свойственной ему особенной серьезностью и сердечностью, обратился к нам с кратким словом, что «наступает Св. Праздник Воскресения Христова, наш наибольший христианский праздник, но сейчас война, и вот я вас избрал в эту ночь охранять всех нас, дабы все остальные могли на короткое время забыть войну и сосредоточиться в молитве. Дай Бог вам исполнить этот святой долг»!

Как засверкали во всех глазах энтузиазм, гордость и радость за такое доверие. Обоим командирам — Шельтунгу и Рихтеру — он пожал руку и ушел на свой корабль, а мы в море. Какая была темная ночь! Только легкая рябь покрывала море и густые облака только изредка пропускали свет звезд.

Но в нас было светло, никогда еще мы так жадно не ожидали увидеть неприятеля и накинуться на него, как в эти часы. Мы почему-то были уверены, что в эту ночь непременно будет стычка с ним, либо миноносцы появятся, или вновь брандера, но проходил час за часом. Около полуночи к нам прибыл сам адмирал Макаров и провел два часа на «Выносливом», а потом пересел к нам на «Грозовой». Стоит на мостике, иногда пройдет по палубе, осматривает орудия и минные аппараты

— и везде разжигает восторг и внимание. Час проходит за часом и на востоке появляется светлая полоса. Внимание всех обращено на темный западный горизонт, с надеждой, что, может быть, покажется неприятель, но и это тщетно. Адмирал приказывает идти в гавань, высаживается на «Петропавловск» и, прощаясь говорит: «Через час буду у вас разговляться». Вновь охватывает всех восторг. Не чувствуется усталость напряженной ночи. Вот появляется аналой, священник, откуда-то куличи и яйца и уже по набережной приближается адмирал, кивает священнику и радостно, торжественно раздается: «Христос Воскресе из мертвых»!.. и эти же люди, которые только что ночью не только готовы были жертвовать своею жизнью, но даже досадовали, что всё еще не было неприятеля, теперь рады, что — живы и невредимы и славят Господа Бога своим пением «Христос Воскресе»!

По окончании богослужения адмирал сказал, что Господь был милостив, что охранял нас эту ночь от кровопролития, потом похристосовался со всеми и оставил неизгладимую память у всех нас, участвующих.

Это была моя самая лучшая Пасха!

*Капитан 1 ранга
барон Мирбах*

НА «БАЯНЕ» 31 МАРТА 1904 ГОДА

Вечером 30 марта 1904 года на крейсере «Баян» был получен приказ: «Иметь все котлы под парами и быть готовым к выходу в море для поддержки наших восьми миноносцев, посланных на разведку к островам Эллиот». Миноносцы должны были вернуться с рассветом. Около 4 часов 30 минут 31 марта, мы на «Баяне» получили приказание: «Немедленно выйти на помощь нашим миноносцам, так как в море слышна канонада».

Внутренний бон не был разведен из-за поломки машин дежурного портового баркаса, и нам пришлось спустить паровой катер. При его помощи бон был разведен. Уже на ходу мы подняли катер и вышли на внешний рейд. Командир, капитан 1 ранга Г. Н. Вирен, прекрасно управлялся и, пройдя по заранее протраленному пути малым ходом, дал полный ход. И 21-узловым ходом мы помчались по направлению канонады. Погода была тихая, мглистая. Через некоторое время мы начали разбирать силуэты нескольких миноносцев. Шедший навстречу миноносец «Смелый» сообщил нам, что ему удалось вырваться из окружения неприятельских крейсеров и миноносцев, а подбитый «Страшный», повидимому, погибает. Вскоре в бинокль можно было разобрать, что «Страшного» окружили четыре японских миноносца и расстреливают его на близкой дистанции, он же не отвечает на огонь и тонет. Когда мы приблизились к нему на 5 миль, неприятельские миноносцы отошли к показавшимся из мглы четырем крейсерам. На наших глазах «Страшный» потонул. Мы подошли к месту гибели его около 6 час. утра. Море было спокойное и на обломках держались шесть матросов. Немедленно были спущены спасатель-

ный вельбот и шестерка, которые подобрали пять матросов. Шестому я с мостика бросил конец со спасательным кругом и крикнул: «Держись, голубчик», но он не имел сил протянуть к нему руку. Лежал он на спине на решетчатом люке; у него был разворочен живот и все внутренности вывалились и были в воде. Он мне ответил: «Нет сил — всё равно умру». Его не удалось спасти, так как в это время неприятельские крейсера приблизились к нам и открыли огонь из восьми 8-дюймовых орудий и 16-ти 6-дюймовых. (Их было два броненосных крейсера и два — типа «Читозы»). Мы еще не могли дать хода, ибо поднимали наши шлюпки и отвечали из одного 8-дюймового и двух 6-дюймовых орудий. Минут через пять шлюпки были подняты, спасенные снесены в лазарет. Мы дали полный ход и, сражаясь, направились к Ляотишану, чтобы прикрыть наш миноносец, возвращавшийся в Артур. Командир искусно маневрировал, держа неприятеля на выгодном для нас курсовом угле, и прикрывал наш миноносец. Когда мы дали полный ход, команда во всех помещениях закричала «ура», как бы высказывая восхищение командиру за его лихой маневр.

В это время адмирал Макаров на «Петропавловске» с крейсерами шел к нам на помощь. Неприятель, увидев нашу эскадру, начал удаляться и скрылся во мгле. Бой наш продолжался около 20 минут.

Море кишело от взрывов крупных снарядов вокруг «Баяна», палуба была засыпана осколками. Бог нас миловал — прямых попаданий не было.

Приблизившись к нам на видимость сигнала, командующий флотом приказал нам: «Приблизиться». Полным ходом подошел командир «Баяна» к эскадре, лихо развернулся и, подойдя на параллельном курсе к «Петропавловску», доложил о спасении пяти матросов. Адмирал поздоровался с командой, поблагодарил за лихое дело и приказал полным ходом идти к месту гибели «Страшного». Как сейчас помню стоящего на мостике адмирала Макарова и его ласковые слова благодарности. Мы все знали, что он имеет нравственное право посылать нас в самые опасные операции, и шли

совершенно спокойно, ибо знали, что в нужный момент он поможет и ни на мунуту не забудет нас. На корме «Петропавловска» около башни с 12-дюймовыми орудиями стоял в шубе и меховой шапке художник В. В. Верещагин и что то зарисовывал. Через три часа он погиб. Эскадра следовала за нами, но, конечно, значительно отстала от нас, когда мы подошли к месту гибели «Страшного». В тот же самый момент из мглы показались четыре неприятельских броненосных крейсера и немедленно открыли по нас огонь с расстояния 45-50 кабельтовых. Огонь их 16-ти 8-дюймовых орудий и многих 6-дюймовых был очень интенсивен. Как и в первом бою, море вокруг нас кипело от взрывов. Вторично Бог миловал — прямых попаданий не было. Лишь от взрыва 8-дюймового снаряда под выступом мостика были контужены два офицера и четыре матроса с прободением ушных барабанных перепонок, да несколько человек были легко ранены осколками на палубе. Увидев нашу эскадру, японцы начали медленно удаляться, точно желая завлечь наши суда подальше от Порт-Артура. Мгла начала расходиться, и на юго-востоке мы увидели много неприятельских судов. Не прекращая боя, мы старались определить количество их и сообщили об этом сигналом командующему флотом. С «Петропавловска» было произведено несколько выстрелов из 12-дюймовых орудий, но за дальностью расстояния огонь был прекращен. Адмирал, разобрав наш сигнал, повернул в Порт-Артур, повидимому желая принять бой поближе к веркам крепости. Одновременно был поднят сигнал «Баяну» вступить в кильватер». К этому времени все суда вышли на внешний рейд и вступили в строй на свои места.

Японская эскадра в составе 6 броненосцев, 6 броненосных крейсеров (в числе их были новые, недавно купленные крейсера «Ниссин» и «Касуга»), легкие крейсера и очень много миноносцев, медленно приближалась к Артуру. Подойдя на внешний рейд, адмирал Макаров повернул на восток. Броненосцы находились мористой, крейсера во второй линии — ближе к берегу. На флагманском корабле подняли сигнал: «Миноносцам войти в

гавань». Почти одновременно с этим сигналом раздался взрыв на «Петропавловске». Облако черного дыма поднялось над его носом и вырвалось пламя; затем раздался второй взрыв с облаком белого пара (повидимому, взорвались огнетрубочные коробчатые котлы). Нос броненосца с креном на правый борт стал быстро погружаться в воду, корма поднялась над морем и винты продолжали работать в воздухе. Наконец раздался третий ужасный взрыв — поднялось желтое пламя и облако желтовато-бурого дыма. Корабль исчез под водой. Без сомнения, взорвались снаряды в погребе 12-дюймовых орудий под кормовой башней. Немедленно были спущены шлюпки для спасения утопающих. Я был старшим штурманом «Баяна» и записывал моменты различных боевых событий или диктовал их моему помощнику. По моим записям, с момента первого взрыва на Петропавловске до его исчезновения под водой прошло 1 минута 43 секунды. Неприятель продолжал медленно приближаться к нам и был ясно виден. Через очень короткий промежуток времени после гибели «Петропавловска» взорвалась «Победа», и с большим креном стала входить на внутренний рейд. В то время раздалась стрельба со всех наших судов из 75-миллиметровых и ниже калибром орудий. Видимо, на всех судах явилась мысль, что неприятельские подводные лодки взорвали наши суда. Выбрасываемые отстрелянные медные гильзы унитарного патрона 75-миллиметровых орудий, попав в воду, плавали, пока их не заливало водой. Их принимали за перископы. Паника овладела кораблями, и все суда направились к входу на внутренний рейд. Тогда мы, старшие специалисты, находившиеся по боевому росписанию на мостике, обратились к командиру «Баяна» с просьбой поднять сигнал: «Входить по порядку номеров, указанному в приказе адмирала Макарова. Сначала капитан 1 ранга Вирен не соглашался, будучи младшим из командиров судов 1 ранга, но, видя беспорядок, всё же поднял сигнал. Мачта на Золотой Горе отрепетовала его, а затем все суда. Сразу восстановился порядок, и корабли благополучно вошли в гавань и на внутренний рейд. «Баяну» же приказано было остаться на рейде и

наблюдать за неприятелем. Японцы два или три раза подходили на очень близкое расстояние, но почему-то не открывали огня. Господь Бог продолжал быть милостивым к нам, «Баяну» — ведь мы сколько раз проходили совсем рядом с поставленными на рейде минами и не взорвались. На следующий день тральщиками были обнаружены еще несколько японских мин. Только в пятом часу мы вошли на внутренний рейд.

Весь личный состав флота был удручен гибелью адмирала Макарова. Такого другого у нас не было. Тяжело было у всех нас на душе. Нам не везло. Блестящая подготовка к войне, счастье и удача были на стороне японцев.

*Контр-адмирал
К. В. Шевелев*

В ДЕНЬ ГИБЕЛИ АДМИРАЛА МАКАРОВА

— Погиб «Петропавловск» с адмиралом Макаровым, — пронеслась мрачная и страшная весть по внутреннему бассейну.

Все бросились на Дачные Места, откуда видна была катастрофа. Это было в 11 часов утра 31 марта 1904 года. Когда я прибежал на взгорок у берега около Дачных Мест, «Петропавловска» уже не было. От него оставалось рассеивающееся облако дыма. Массы шлюпок еще толпились у одного места между судами эскадры, видимо, спасая тонущих. На вершинах холмистого берега всюду кучками стоял народ, смотря в сторону моря на рассеянную в беспорядке эскадру. Со всех сторон еще сбегались из города и порта люди, потрясенные новым несчастьем и новой неудачей, постигшей флот.

Около меня стояло много моих знакомых офицеров, прибежавших из порта. С ручным фотографическим аппаратом военный инженер, полковник Рашевский, полный серьезности и внимания, не сводил глаз с места гибели броненосца и периодически приставлял аппарат к глазам, делая снимки или готовясь к ним¹.

Вдруг началась частая и беспорядочная стрельба с судов, но мы видели, что снаряды падали близко возле своих же кораблей. Громадные всплески разрывов ясно были видны нам всем. Не понимая происходящего, все стали обмениваться короткими вопросами: «В чем дело? Почему стреляют?»

Потом оказалось, что на японских минах, поставленных неприятелем в ночь накануне, не только погиб «Пет-

¹ Как известно, полковнику Рашевскому удалось запечатлеть в трех снимках гибель «Петропавловска».

Эти единственные исторические реликвии напечатаны в «Правде о Порт-Артуре» Е. К. Ножина.

ропавловск», но подорвался и эскадренный броненосец «Победа», получивший пробоину. Но в тот момент с берега нам ничего нельзя было понять.

По возвращении эскадры в гавань, выяснилось, что после подрыва «Победы», на судах почему-то заподозрили появление японской подводной лодки², увидели якобы перископы и открыли беспорядочный, почти панический огонь, каждый вокруг себя.

И какая была стрельба?! Как друг друга не перебили? А может быть, за перископы принимали головы тонущих?

Когда эта стрельба стихла, и миноносцы стали медленно двигаться в сторону входа в гавань, я бросился опять в порт, чтобы оказать помощь пострадавшим, если миноносцам посчастливилось кого-либо спасти.

Придя к внутреннему бассейну, я пошел по стенке мимо сухого дока ко входу во внутренний рейд и дошел до дома командира порта, у самого входа во внут-

² Старший лейтенант Р. П. Зотов при гибели «Петропавловска», будучи мичманом, находился на эскадренном миноносце 1-го отряда в составе эскадры. Он был свидетелем описываемой драмы.

Даже теперь, через полвека, он с отчетливостью помнит происшедшую катастрофу и уверял меня, что он тоже видел двигавшийся в воде перископ и обратил на него внимание своего командира.

Теперь нельзя сомневаться, что никакого перископа там быть не могло. Такова была сила массового самовнушения перед грозным оружием нового типа, проявившим себя во Вторую великую войну в борьбе за обладание морскими путями.

В то время нигде в мире еще не было подводных лодок, однако, шли работы по испытаниям подлодки во Франции. Мысль о подводных лодках была уже в умах.

В те дни в Артуре железнодорожный техник Налетов, свойственник кап. 1-го ранга Матусевича, начал строить изобретенную им настоящую большую подводную лодку. В Артуре Налетов не мог ее достроить. Она была разрушена в сухом доке при бомбардировке порта. После войны, уже в России, Налетов ее построил, и она вошла в состав русского подводного флота. Замечательно, что подводная лодка, одна из первых в мире, была задумана в Артуре, в 1904 году, и позднее построена, — но не корабельным инженером, и даже не инженером вообще, а всего лишь техником по железнодорожной службе, человеком со скромным, едва со средним образованием. Как трудно ему было добиться внимания властей к своей научно-технической идее! Я это хорошо знаю, т. к. часто встречался с ним в доме моего начальника, ставшего еще в Артуре адмиралом. Налетов ничего не добился бы без помощи Матусевича.

ренный бассейн, где находились и главные портовые ворота.

Гибель адмирала Макарова и «Петропавловска» в течение одной-двух минут потрясла всех до глубины души: рабочие, матросы, офицеры, кто мог отлучиться, были еще на Дачных Местах. Прямо жутко было идти — ни живой души кругом.

Вдруг сзади и справа от себя я услышал топот копей. Оглянулся и вижу — карьером мчатся из портовых ворот два всадника. Они резко остановились у берега, шагах в двадцати от меня, и стали, как вкопанные, устремляя взоры на вход в гавань. Там никого не было видно. Первый офицер зарыдал, содрогаясь всем телом, сидя в седле. Он вынул платок и уткнулся в него лицом. Плакал он так горько, что мне слышны были его глухие рыдания. Это был великий князь Борис Владимирович. Второй был его адъютант.

Вскоре во входе в гавань из-за Золотой Горы показались первые миноносцы и стали втягиваться во внутренний рейд. Часть их потянулась в восточный бассейн.

Я побежал туда. Там обычно становились они бок о бок один к другому, кормами вплотную к набережной. На одном из миноносцев было около десятка спасенных и несколько трупов. Среди живых все были легко раненые, но дрожали от стужи, мокрые. Вода в море была еще очень холодная, но в воздухе было хорошо.

Я взялся за одного, подававшего очень слабые признаки жизни. Это был почти старик, музыкант, сверхсрочный. Он как будто уже не дышал. Едва осязаемый пульс. Мы его положили на стол в кают-компании. Я стал делать ему искусственное дыхание. Офицеры и матросы-вестовые укрывали его одеялами и шинелями и согревали бутылками с горячей водой.

В это время приходит кто-то со стенки и говорит мне:

— Идите скорее, доктор, великий князь ранен. Он на миноносце, отшвартовавшемся там-то в бассейне.

Я спросил, тяжело ли ранен великий князь? Мне

ответили, что у него на ногах мелкие раны, но он очень потрясен и страдает.

— Говорит ли? — спросил я.

— Да, — ответили мне.

— Тогда поищите скорее кого-либо другого. Если я брошу этого, он умрет.

Музыкант постепенно очнулся. Его отправили в Сводный военный госпиталь. Не знаю, выжил ли он. Конечно, ему угрожало осложнение в легких от холодной воды, особенно в его возрасте.

Мичман Петя Воробьев (мой соплаватель по «Пересвету»), в те дни плававший уже на миноносце, рассказал мне потом, что великий князь Кирилл Владимирович плавал на обломках в числе чудом спасшихся. Когда миноносец приблизился к плававшим, Воробьев увидел среди них и великого князя. Всех быстро втащили на палубу и повели в кают-компанию миноносца.

С миноносцев, стоявших в бассейне, я пошел в сторону портового лазарета, так как узнал, что большинство спасенных были доставлены туда. Когда я быстро шел по набережной внутреннего бассейна, навстречу мне два офицера вели, поддерживая под руки, флаг-офицера адмирала Макарова, мичмана Яковлева, только что доставленного на берег. Он был без фуражки и едва передвигался. Голова его всё опускалась и свисала. Лицо было испачкано и измучено.

Мичман Яковлев³, великий князь и другие, оставшиеся в живых, спаслись только потому, что были наверху, на мостике возле адмирала Макарова, — но самому адмиралу спасти не удалось. В море потом видели плавающее адмиральское пальто. Видимо, адмирал сам его снял, чтобы легче было плыть, но, как старик, он не мог удержаться на воде.

Из числа спасенных только два-три десятка человек были не ранены. Несмотря на то, что катастрофа произошла в миле или двух от берега и среди своих

³ Лет десять спустя, когда я служил в морском министерстве в Управлении главного санитарного инспектора флота, этот Яковлев уже был капитаном 2-го ранга и состоял адъютантом при морском министре, адмирале Григоровиче.

судов, все остальные погибли с кораблем: так ужасен был взрыв.

Небольшой портовый лазарет находился очень близко от внутреннего бассейна, направо от портовых ворот, недалеко от знаменитого в Артуре ресторана «Саратов», получившего имя парохода Добровольного флота того же имени от буфетчика его, основателя ресторана.

Там было полно. Старший врач лазарета, д-р Глазко, быстро показал мне спасенных. Все были крайне потрясены взрывом и многие дрожали от нервного шока и холодной воды в море. Их успели уже уложить в кровати.

Мы прошли в мертвецкую. Среди покойных я сразу же узнал мичмана Бурачка, флаг-офицера адмирала Макарова, с которым был дружен. Высокий, тонкий брюнет, совсем еще юноша, лет 20-ти, очень учтивый и деликатный. Он лежал на каменном полу среди только что доставленных трупов, как живой и, казалось, был еще теплым. Я стал делать ему искусственное дыхание и всё что мог сделать. Мне было жаль Бурачка, как родного брата. Чем больше я старалась, тем больше становилось мне жаль этого замечательного юноши. После целого часа тщетных усилий, меня почти оттащили от него. Это потрясло меня настолько, что я всё время говорил о нем, еще несколько дней подряд. Мой сожитель по квартире мрачный доктор Николаенко (брат товарища министра финансов при Коковцеве) сказал мне наконец:

— Если вы не перестанете говорить о Бурачке и думать о нем, вы сойдете с ума!.. Не хочу слушать об этом и настоятельно советую вам взять себя в руки. Завтра, может быть, нас ожидает то же.

Не помню уже, был ли найден труп адмирала Макарова. Кажется, не был найден. Помню, однако, до крайности скромные похороны некоторых жертв «Петропавловска»⁴. Военский наряд был в общем с полуроту.

⁴ Из моей диссертации на степень доктора медицины привожу официальные данные о потерях в личном составе обоих эскадренных броненосцев 31-го марта 1904 года.

На «Петропавловске» находилось, вместе со штабом коман-

Была музыка и около полусотни провожавших покойных по пустынным улицам старого города. Настроение у всех было подавленное. Каждый понимал, что произошло непоправимое для флота.

В день гибели «Петропавловска», часов около трех дня, я был на миноносцах в гавани. По набережной проходил торопливо флагманский доктор А. А. Бунге и спрашивал, не видели ли меня. Ему указали.

— Разыскиваю уже целый час д-ра Агафонова, — сказал мне Бунге, — и не могу найти. Через два часа отходит поезд, в котором будет эвакуирован в Россию раненый великий князь Кирилл Владимирович. Я хотел назначить Агафонова для его сопровождения, но не могу найти, не поедете ли вы с великим князем, хотя бы до Мукдена?

Доктор Агафонов уже назначен был комиссией врачей для возвращения в Россию, по нездоровью. Для меня же это было неожиданно. Я так вошел в свои функции на миноносцах, что мне не хотелось оставлять это дело.

— Может быть, Александр Александрович, вы найдете кого-либо другого. Вы знаете, сколько дел начато мною. Кроме того, что скажут другие? Подумают, что я тоже эвакуирован по нервозности.

Бунге настаивал, я отпрашивался.

— Ну, хорошо, если найду в эти оставшиеся у меня полчаса кого-либо, освобожу вас, а не то вы поедете.

Бунге ушел и до вечера я его не видел. Он послал д-ра Маркова, Николая Македоновича, моего товарища по курсу, младшего врача портового лазарета. Марков так понравился великому князю (у него, действительно, мягкий, ласковый характер), что он довез великого князя Кирилла Владимировича до Петербурга, а оттуда сопровождал его в Германию.

*Морской врач
Я. И. Кефели*

дующего флотом: 705 человек, из них погибло и умерло от повреждений 636. Оставшихся в живых после повреждений было 53 человека. Пострадало 95% экипажа и штаба. Погибло 88%. Уцелел только один из десяти!

На «Побед» из 745 был ранен только один матрос, оставшийся в живых.

ГИБЕЛЬ «ПЕТРОПАВЛОВСКА»

(Свидетельство и личные переживания)

После утомительного раннего утра, полного тревоги, вызванной гибелью «Страшного» и боем «Баяна» и в ожидании возможного боя, несколько офицеров спустились в кают-компанию перекусить и влить в себя горячего. За длинным столом у минного аппарата напротив меня сидел вечно веселый Сейпель (мл. инж. мех.), неподалеку — озабоченный Перковский (старш. инж. мех.), в стороне еще три офицера, лиц которых я не видел. Я держал пред собою на столе мой Фолдинг и переменял израсходованную утром катушку. Через иллюминаторы, открытые для разгона возможных ядовитых газов шимозы, прохладный сквознячок прогуливался по помещению.

Вдруг, характерный звук минного взрыва, сопровождаемый страшным вертикальным толчком, как бы подброшившим наш массивный стол и вырвавшим у меня из рук мой аппарат, заставил нас вскочить на ноги. У всех впечатление взрыва — непосредственно под нами. Одновременно продолжительная вибрация броневой палубы и легкий крен на нос. Кто-то крикнул: «Задраивайте иллюминаторы!» Мы бросились было к ним, но их было слишком много, а продолжающиеся вибрации и какой-то странный шум, проникавший через открытую дверь, вынудил нас побежать к ней (другая была задраена снаружи). Впереди меня Сейпель, нахлобучив фуражку, устремился по коридору в машину. Всё еще находясь под впечатлением взрыва под кормой и считая себя последним, я остановился за дверью и начал ее задраивать. Только я набросил один болт, а со вторым не успел справиться, ибо кто-то сильно давил на дверь изнутри,

как раздался второй взрыв, ясно где-то в носу, и корабль задрожал еще сильнее. Бросив дверь, побежал по трапу. Едва достиг половины — взрыв где-то под соседней башней. Палуба, прилегающая к ее кожуху, раскрылась, стена огня пронеслась сбоку, спалив ворс правой стороны моей меховой тужурки, и исчезла. Но трапа не тронуло.

Во второй палубе поднималась по трапу бегом сплошная струя матросов. У подножия образовалась пробка. Но никаких признаков паники не было. Я приостановился, чтобы пропустить эту толпу и бросился к находившейся рядом моей каюте, желая — курьезная в такой момент идея — взять висевший там на стенке портрет моей тетки, артистки Заньковецкой. Но у самой двери, услыша раскат нового взрыва, где-то в центре и почувствовав усиление крена, повернул к трапу. Он был уже свободен. В этот момент заметил часового у денежного ящика, прикрепленного у кожуха башни. На мой приказ: «бросай всё и беги», ответ: «Никак нет, ваше благородие, не могу». Больше я его уже не видел, ибо был последним, поднявшимся по вздыбленному уже трапу.

Наверху картина полной катастрофы. Направо, — среди взрывающихся на бесконечную, казалось, высоту столбов пламени и клубов дыма, вырывающихся впереди задней трубы из спардека во всю его ширину, взметываются огромные осколки чего-то. Корабль уходит носом в воду, кренясь на правый борт.

«Виктория»¹ — мелькнуло в голове.

Предо мною быстро вздымающийся левый борт, на котором несколько матросов и Перковский в белом кителе бросаются один за другим за борт. Чуть слева от них доктор Волкович в растегнутом пальто поднимается с трудом, на четвереньках, по палубе, к борту. Куски исковерканного железа падают кругом. А вдали, как радостный контраст, ярко освещенные солнцем ли-

¹ Памятная гибель на полном ходу английского броненосца «Виктория», протараненного броненосцем «Компердоун» во время маневров.

кующие высоты Золотой Горы и Электрического Утеса. Весь корпус корабля непрерывно дрожит. За кормой слышится шум работающего в воздухе, быть может, остаточным паром, винта.

Вдруг мозг пронизывают слова моего покойного отца: «Когда корабль гибнет, никогда не бросайся с наветренного борта»².

Я остался на месте, опираясь на раму люка. Несколько секунд, и поваленная по тревоге шлюп-балка поворачивается на оси и скользя по палубе, скашивает Волковича. Навзничь, на своем раскинутом пальто, с раскинутыми руками, бескровным лицом и закрытыми глазами, он проскальзывает по склону палубы. Протягиваю руку, чтобы удержать его за пальто, но могу только коснуться сукна. Повернувшись для этого, вижу на вздымающемся крайнем юте группу — человек в 30 матросов и благородную голову Верещагина, окаймленную барашком высокой шапки и воротника, как бы прикованных к борту звуком вращающегося винта.

Еще несколько мгновений — и новый взрыв выбрасывает, как пробку, правую кормовую 6-дюймовую башню. Соседняя с нею стрела Темберлея срывается с места, с басистым ревом вихрем проносится над моей головой и сметает всю группу Верещагина.

Хороший (в то время) пловец и незаурядный ныряла, я жду только удобного момента, чтобы покинуть судно. Вода быстро подходит по палубе с правого борта. Под впечатлением, что корабль переворачивается³, я отрываюсь от люка, пробегаю несколько шагов по наклону, бросаюсь в воду и ныряю вкось на глубину, уходя от массы броненосца, проходящего надо мной, унося видение сектора голубого неба между накрывающей палубой и морем. Только на мгновение чувствую тянущую в сторону силу и ухожу еще глубже до полного

² Выражение, понятное для людей парусной эпохи, когда «наветренный» борт означал, нормально, борт поднимающийся.

³ В действительности, он не успел перевернуться, как коснулся передней своей частью дна и осел на крене, что доказывает случай спасения флаг-офицера мичм. Шмидта.

истощения запаса воздуха. Открыв рот, как пробка возвращаюсь на поверхность.

Корабль уже исчез. Море черно вокруг от угольной пыли и между траурными волнами ныряют какие-то обломки и головы людей. И над всем этим носится страшный протяжный вой. Кажется, что всё море стонет. Это сливающиеся непрерывные крики людей. А на горизонте всё тот же сияющий под солнцем берег.

Впервые с момента взрыва чувство ужаса влилось в меня с этим стоном и, одновременно, мысль о судьбе адмирала. Неудержимо тянуло удалиться от этой черной пелены. Перевернулся на спину, чтобы отдышаться, снял ботинки. Вдруг находящая волна наваливает сверху и с ног какою-то массу. Взглянул, — спина бушлата матроса, нелепо работающего руками, и его затылок, заливаемый водой, на моей груди. Первое побуждение — поддержать. Вдруг рука матроса захватывает сверху мою тужурку. Явно, он не владеет собой. Растегиваю тужурку, чтобы оставить ее ему, но руки держат за обе полы. Остается погрузиться горизонтально в глубину. Он оставляет меня и я выныриваю в стороне.

За волнами ничего не видно. Плыву дальше. Еще два раза кто-то хватается за меня. И каждый раз я ныряю, чувствуя слабость от холода охватывающего ноги, — напрасно скинул ботинки! Застегнул тужурку. Наконец, вижу группу из четырех матросов, курьезно спаянную на волнах. Кричат: «Сюда, ваше благородие!» Приближаюсь и натываюсь на что-то под водой. Оказывается, шлюпочная мачта, за которую они держатся руками и которая под этим давлением находится под водой. Первые их слова: «Видели адмирала?» И в следующие минуты одна тема: «Что броненосец! Только бы адмирал жив остался!»

Наш горизонт — ноль. Кое-где возвышаются корпуса кораблей. Вдруг начинается пальба. Несколько снарядов падает в нашем направлении. Должно быть начинается бой с японцами. Просыпается инстинкт начальника: «Ну, теперь не до нас, нужно беречь силы и ждать миноносцев». Наша мачта держит нас больше морально. Только кто-нибудь начинает на нее нажимать, как

мы все вместе погружаемся с головой. Почти каждая волна нас накрывает. «Не наваливайся, дыши реже и глубже, смотри волну». Но стрельба быстро прекратилась. (Это суда открыли огонь по воде после взрыва «Победы», воображая атаку подлодок, что проделали также японцы после взрыва «Хатсузе» и «Иошимо»).

Начинаю чувствовать сковывающий холод. Постепенно ощущение тела исчезает, только внутренние органы висят как камни. Но владею дыханием, как хочу. меховая тужурка и шведская куртка спасают. Показались между волнами шлюпки судов и миноносцы, вызванные из порта. Недалеко вынырнул гребной катер с лейт. Рощаковским на транце. Я крикнул: «Александр Сергеевич!» — но не мог продолжать из-за слабости голоса и обратился к матросам: «Кричите, ребята, я не могу». И вот неожиданное: «Александр Сергеевич, офицер здесь, офицер здесь!» Катер направился к нам, но у нас уже не было сил схватиться за борт или за тянувшиеся к нам руки. Тогда гребцы подвели под нас весла и тут произошел изумивший меня эпизод: ни один из моих изнемогших товарищей не двинулся раньше, чем вытащили меня!

Еще 10-15 минут единственных настоящих физических страданий под холодным северным ветром, проникавшим под наброшенные на наши сваленные вниз за решетины тела бушлаты, и мы перегружены на миноносец (не помню названия, командир Скороходов), где нас растирают и накачивают ромом в носовом кубрике. Увидел там лежащего на столе, уже мертвого мичмана Акимова. Он был жив еще несколько минут назад, но сердце не выдержало холода. Затем, в кают-компании лейтенант Любим Кнорринг с перекошенным лицом, кровоподтеком на виске и свисавшим закушенным языком. Через открытую дверь каюты неслись неистовые вопли Унковского, растираемого двумя людьми. Соленая вода проникла ему в легкие и вызывала невыносимую боль.

И тут разговоры были только об адмирале. Никто еще не знал, кого приносили в порт другие миноносцы.

Тотчас по ошвартовании пришел мой брат Влади-

мир с миноносца «Бесстрашный». Первый вопрос его был тоже: «Видел Макарова?»

Отмечаю интересный случай интуиции, когда дальше, на мой вопрос о том, что он думал о моей судьбе, получив в порту известие о гибели «Петропавловска», мой брат, с которым мы были глубоко дружны, ответил, что он ни минуты обо мне не думал, «зная», что я был жив, но что мысль о Макарове не оставляла его.

Сообщаю три совершенно необычайных случая спасения при гибели «Петропавловска»:

1) Матрос, мирно сидевший в правом носовом галюне под второй палубой и под которым находилась малярная каюта, оказался при взрыве в месте излома корпуса и был вымыт из него ворвавшимся вихревым потоком моря, получив предварительно в обе ягодицы хороший заряд красок, растатуировавших его на всю жизнь.

2) Помощник комендора, стоявший на крышке 12-дюймовой башни. Эта крышка была сорвана взрывом и брошена на высоту мачты. Спасшийся совершил с ней воздушный полет и упал в воду далеко от корабля.

3) Случай наиболее изумительный, принимая во внимание давление, которое должно было образоваться внутри башни, чтобы сорвать и бросить в пространство ее броневую крышку.

Комендор, находившийся в башне между двумя 12-дюймовыми орудиями, услышал взрыв, почувствовал какой-то горячий вихрь и очутился в следующее мгновение в воде.

К сожалению, имена этих трех спасшихся совершенно исчезли из моей памяти.

В свое время я повидал всех оставшихся в живых матросов и записал их рассказы.

Командир «Петропавловска» кап. 1 р. Н. М. Яковлев, особенно любимый командой, был брошен взрывом в море. С проломленным черепом и несколькими перебитыми ребрами, он был без сознания. Ватное пальто поддерживало его, однако, на воде достаточно, чтобы позволить двум тоже сброшенным в воду матросам, случайно оказавшимся в воде недалеко от него, подвести под него какие-то деревянные обломки. Постепенно они усилили этот плотик и остались при нем до его спасения.

Мне удалось разными хитрыми вопросами добиться признания его спасителей.

Но когда я имел неосторожность сказать, что я представлю их к Георгию, то получил в ответ:

— Нет, ваше благородие, мы не для того спасали Николая Матвеевича. Ежели так, то это не мы были.

*Капитан 1 ранга
Н. В. Иениш*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

1. МИНОНОСЕЦ «БЕСШУМНЫЙ» И 1-й ОТРЯД МИНОНОСЦЕВ

В марте 1904 года в Порт-Артуре я плывал на эскадренном миноносце «Бесшумный», который состоял в первом отряде этого типа судов. Сперва отрядом командовал контр-адмирал Матусевич, но вследствие полученных ранений в ночной схватке с японскими миноносцами, должен был находиться в госпитале, а командование перешло к командиру миноносца «Боевой», капитану 2 р. Елисееву.

Наш отряд состоял из четырех «немок» и пяти «француженок», кроме «Боевого», на котором держал свой брейд-вымпел командующий отрядом. Миноносец «Бесшумный» был из «немок», как мы называли миноносцы, построенные в Германии; «француженки» — это были миноносцы, построенные во Франции. К нашему отряду принадлежал небольшой миноносец «Лейтенант Бураков» (250 т.), который мы получили во время боксерского восстания от китайцев. Этот последний миноносец был замечателен по своей скорости — 33 узла. Благодаря своей быстроходности, он, под командой своего бравого командира лейт. Долгобородова, не раз прорывал блокаду, имея особое назначение поддерживать службу связи с главной квартирой Главнокомандующего флотом и армией — Наместника его величества на Дальнем Востоке генерал-адъютанта адмирала Алексева.

«Бесшумный» имел водоизмещение около 350 тонн, два минных аппарата, одну 75-миллиметровую пушку Канэ на носу и пять малых орудий. Однако, скорость его была немного более 27 узлов. Все другие миноносцы ему уступали в скорости, кроме, пожалуй, «Боевого».

Миноносец только что окончил капитальный ремонт, всё было на нем исправно, благодаря командиру капитану 2 р. Скорупо. Команда во время ремонта добросовестно помогала мастерам порта и проходила необходимое обучение по всем отраслям морского дела.

Во время ремонта меня часто на время откомандировывали на другие миноносцы нашего отряда, получавшие боевые назначения. Так, например, ночь на 27 января, когда, без объявления войны, произошла внезапная атака японцев на наши корабли, стоявшие на якорях на внешнем рейде, я был на миноносце «Бесстрашный» под командой кап. 2 р. Циммермана. Мы должны были охранять наши главные силы вместе с миноносцем «Расторопный» второго отряда под командой кап. 2 р. Сакса.

Утром я уже получил боевое крещение: у нас была прострелена дымовая труба. С одной стороны было входное отверстие, показывающее калибр снаряда (наверное 10 или 12 мм.), а на противоположной образовалось отверстие с развороченными кусками железа наподобие звезды. Снаряд же с огромной силой разорвался почти у самого борта (правого) в воде, но не причинил нам никаких особенных аварий, — осколки полетели вперед по направлению полета, а всплеск воды представлял огромный столб вместе с дымом. Часть водяного столба упала на «Бесстрашный», и все находившиеся на палубе, получили холодный душ. Этот случай всех приободрил и усталость после ночи, проведенной в беспокойстве и также создавшееся настроение от наших подорванных судов быстро прошли.

Итак, я принял участие в военных действиях, можно сказать, с первого момента войны. Но мне хочется припомнить и познакомить читателя с самыми трагическими событиями, которые оказали роковое влияние на исход борьбы за Артур и на всю войну.

Итак, миноносец «Бесшумный» только что вышел из ремонта и после испытаний вступил в строй. Капитан 2-го ранга Скорупо, окончивший Михайловскую артиллерийскую академию, получил специальное назначение по устройству укреплений Дальнего и Киньджоуских позиций.

Командиром был назначен лейтенант М., прибывший в Порт-Артур вместе с адмиралом Макаровым, назначенный Командующим флотом, вместо вице-адмирала Старка.

Новый командир, прекрасный морской офицер, был весь проникнут горячим желанием нанести урон врагу, чего бы это ни стоило.

С первого же дня мы подружились и я сошелся с ним так, что все приказания и поручения исполнял не только по долгу службы, но и от чувства восхищения и преданности.

Говорил он с чухонским акцентом, т. к. был уроженцем Финляндии. Благодаря акценту он казался добродушным, но на самом деле был очень строгим в служебном отношении и всегда проявлял непреклонную волю.

— Ну, мой мичман, пойдем рупитьца (рубиться), — приказывал он мне. Это означало, что я должен приготовить в кают-компании морские карты, измерительные инструменты, соответствующие лоции, таблицы разных данных сведений о неприятельском флоте, его силуэты и т. п.

Командир предлагал задачу, имеющую боевой характер. Мы рассуждали, изучали, принимали решения, учитывая превосходство сил неприятеля.

Конечно, я, как еще очень молодой офицер, не так глубоко вникал в рассуждения моего командира, инициатива всегда оставалась за ним. Тут же присутствовал другой офицер, лейтенант Тырков (в Артуре было два родных брата — лейтенанты Тырковы), — прибывший добровольно из России, как только он узнал о войне. Будучи в запасе флота и находясь в своем имении, он приехал в Артур в полуштатском, полувоенном, и так явился адмиралу Макарову. Тырков был большой энтузиаст, благородный, сердечный; он очень хорошо говорил с командой, всегда бодрый, любил петь народные песни, аккомпанируя себе на гитаре, которая была украшена лентами по-цыгански. До сих пор я помню его выразительное лицо с черными горящими глазами.

На наших занятиях присутствовал также наш ин-

женер-механик Михайлов (судовые механики в то время не имели офицерских чинов, а только звания старшего и младшего механика).

Я хорошо помню некоторые наши заключения этих совещаний. В большом сражении надо было маневрированием достичь охвата концевых кораблей неприятельской кордебаталии и их уничтожить, чего бы это ни стоило. Если бы наши потери были и больше в сражении, всё же достигалось бы ослабление неприятеля, а с прибытием новых сил из России его превосходство было бы потеряно. Кроме того, наши операции под Порт-Артуром должны были быть разработаны заранее при условиях благоприятных для нас во время ночных походов наших миноносцев. Для этого мы должны располагать точными сведениями о неприятеле и его предполагаемых действий против нас.

2. ПОХОД НА ГРУППУ ОСТРОВОВ ЭЛЛИОТ

30 марта 1904 года мы получили приказание адмирала Макарова подготовиться к походу. Цель похода была известна только командирам миноносцев; они собрались на совещание на «Боевой», т. к. командир его кап. 2 р. Елисеев был в это время начальником нашего отряда и должен был руководить предстоящим походом.

Кроме «Боевого», в экспедицию были назначены: «Грозовой» (кап. 2 р. Шельтинга), «Выносливый» (лейт. Рихтер), а также наш миноносец.

Около 6 ч. вечера, назначенные миноносцы стали выходить на внешний рейд. Уже начинало темнеть и наш выход на фоне берегов Квантуна не должен был быть замечен неприятельскими судами. К нашему отряду подошли четыре миноносца 2-го отряда под командой капитана 2-го ранга Бубнова («Сторожевой», «Смелый», «Расторопный» и «Страшный»).

Около 7 час. вечера оба отряда выстроились в две кильватерные колонны и пошли по назначению, имея ход 18 узлов. Командир объявил нам, что мы идем на рейд островов Эллиота, где, по сведениям, находятся

суда неприятельского флота, а также транспорты для десанта. Наша цель атаковать и потопить эти суда.

Ночь наступала быстро, и темнота ее, как и погода, благоприятствовала удаче нашего похода. Когда мы проходили траверз острова, совсем стемнело и ход пришлось уменьшить до 12 узлов, т. к. при более быстром ходе из дымовых труб миноносцев стали бы вылетать потоки искр, которые могли выдать нас неприятелю и таким образом помешать успеху экспедиции.

Около 9 часов мы уже находились у островов Саншиндао, прикрывающих вход на Талиенванский рейд, где в глубине лежал гор. Дальний. Между тем, видимость становилась всё хуже и хуже из-за легкого тумана и, наконец, заморосил дождь. Трудно было идти соединенно, но наш отряд держался хорошо и испытывал лишь изредка затруднения, но благодаря нашей опытности, открыванию вспышек огня из особого, устроенного судовыми средствами деревянного фонаря (скворешница), мы не теряли друг друга в нашей колонне. Что касается миноносцев 2-го отряда, находящихся на нашем правом траверзе, то они начали теряться из вида, а сблизиться было рискованно.

Я нес вахту на шканцах и на юте и должен был, главным образом, наблюдать сквозь мглу за пространством кругом.

Прислуга орудий находилась при них и тут же стояли открытые ящики со снарядами. Два минных аппарата были заряжены минами и расположены один на правый борт, другой на левый. Мины были проверены и прокачены лейтенантом Тырковым перед походом и были теперь готовы к выстрелу в каждый момент. Время от времени я спускался в кают-компанию и вел прокладку по счислению на карте, лежащей на столе. Прокладку также вел сам командир вместе с лейт. Тырковым, на мостике. При мне находился прапорщик Тейцит, а также боцман нашего миноносца — замечательный человек по своей серьезности, развитию и воспитанности. Он был только что назначен на миноносец. В Артур он прибыл с лейтенантом Колчаком. Оба они возвращались из полярной экспедиции, имевшей целью найти по-

гибшего исследователя барона Толля, но узнав, кажется, в Иркутске, что объявлена война, незамедлительно прибыли в Артур в распоряжение адмирала Макарова, вместо того, чтобы возвратиться в Петербург и представить свой доклад об экспедиции в Академию наук, которая организовала эти поиски.

Около 11 час. мы стали подходить к островам Эллиота, по счислению острова не открывались и видимость горизонта еще более уменьшилась. Около этого времени два миноносца, «Страшный» и «Смелый», не показывались больше в своей линии и кап. 2 р. Бубнов с двумя миноносцами «Расторопный» и «Сторожевой» сблизился с нами и дал сигнал застопорить всем миноносцам свои машины. Произошел обмен мнений посредством мегафона между капитанами 2-го ранга Елисеевым и Бубновым: продолжать ли поход или вернуться? Наш начальник отряда решил продолжать экспедицию и атаковать неприятеля в островах Эллиота; мы находились уже почти у цели нашего похода и должны были, несмотря на туман, войти в группу островов. Кап. 2 р. Бубнов согласился и последовал за нами. Сперва был дан малый ход и постепенно увеличен до 9 узлов. Через несколько минут произошел инцидент: миноносцы 2-го отряда «Сторожевой» и «Расторопный» пересекли нашу линию кильватера, и наш миноносец «Выносливый», лишь благодаря умелому маневру своего командира избежал столкновения.

Два миноносца отряда перешли на левый траверз нашего кильватера, но миноносца нашего отряда «Выносливого» уже не оказалось с нами.

С обеих сторон курса стали заметны темные полосы, что означало, что мы входим в пролив (кажется, Тунгуз), и цель нашего похода уже была близка. В полночь дождь усилился и слабая видимость берегов совершенно прекратилась.

Вдруг слева показался какой-то огонь и через некоторый промежуток другой огонь, но справа от линии курса. Изучая характер этих огней, мы убедились, что таковые могут быть только на берегу. Таким образом стало очевидным, что мы находились в проливе и вхо-

дим на рейд. Всё же появление этих огней беспокоило нас: не были ли это сигнальные огни береговых наблюдательных постов, дающие знать находящимся на рейде неприятельским судам о нашем появлении? Хотя на миноносце всё было готово к атаке, но мы всё-таки стали еще внимательнее следить за окружающим пространством.

Наступило острое напряжение и нетерпеливое желание выпустить мину в неприятеля. Мне казалось, что как только откроется силуэт, надо стрелять по нем миной и не забыть перед выстрелом вытащить предохранительную чеку зарядного отделения, которую потом передать командиру, как полагалось по инструкции. Казалось пришел момент, что и мы можем потопить неприятельский корабль, и подравнять таким образом наши морские силы с японским флотом. Но во мгле ничего не открывалось, и мы, не теряя друг друга из вида, только втроем прошли к северной стороне рейда. Дождь шел всё время. «Выносливого» и двух миноносцев 2-го отряда с нами не было. Затем мы пересекли рейд поперек. Неприятельских судов не было обнаружено.

Обойдя один остров группы, около двух часов ночи вышли в открытое море, считая, что наша миссия ограничилась только разведкой. Надо было возвращаться и спешить к островам Саншандао, где была назначена наша встреча, чтобы собраться всем миноносцам и идти затем в Артур или Дальний, смотря по обстоятельствам. Когда мы немного отошли от острова Эллиота, погода начала проясняться, и мы заметили миноносец «Выносливый» нашего отряда, который шел сзади на довольно большом расстоянии, а в стороне от него оказался миноносец 2-го отряда «Сторожевой». Ход был дан 18 узлов. Начало светать; мы подошли к острову Саншандао, застопорили машины. Подошел «Выносливый» и наш 1-й отряд оказался в полном составе. «Сторожевой» подошел к «Боевому» и начались переговоры о дальнейших совместных действиях.

Вдруг где-то в море, по направлению к Артуру слышалась канонада. Миноносцы построились в кильватер и взяли курс на Артур. Выстрелы становились ре-

же и вскрое всё затихло. Восходящего солнца не было видно из-за тумана. Слева впереди сначала показались подозрительные дымки, а затем ясные силуэты четырех неприятельских миноносцев. Наш отряд повернул на пересечку их курса и сигналом нам было приказано атаковать их.

В это время вправо от нас показался крейсер «Баян», который не шел к нам, а направлялся в море; он открыл сильный огонь. Из белого тумана ему ответили неприятельские выстрелы больших орудий. Неприятельские миноносцы находились от нашего отряда уже довольно близко, но неожиданно сделали поворот на 8 румбов и вошли в туман, из которого стали выходить неприятельские крейсера, числом шесть.

Курс их направлялся между «Баяном» и нами. Мы тотчас повернули и взяли курс, чтобы пройти за «Баян» и находиться под его прикрытием.

Потом, уже в Артуре, мы узнали, что «Баян» вышел на выручку геройски погибшего миноносца «Страшный» (под командой капитана 2 р. Юрасовского) и ему удалось даже подобрать несколько тонувших матросов.

Другой миноносец «Смелый», под командой лейт. Бакирева, благополучно прорвался из окружения неприятелем наших потерявшихся миноносцев, когда мы достигли островов Эллиота. Миноносец «Расторопный» под командой лейт. Лепко, затерявшийся в группе островов Эллиота, благополучно прибыл в Артур, присоединившись перед этим к «Баяну». Крейсер «Баян», под командой кап. 1 р. Вирена, вел неравный бой и стал только тогда отступать, когда наш отряд прошел его траверз. Придерживаясь ближе к берегу, мы шли на рейд Порт-Артура.

Из гавани выходил отряд под командой вице-адмирала Макарова, в составе броненосцев «Петропавловск» и «Победа» и крейсеров «Аскольд», «Диана» и «Новик». Крейсер «Баян» занял место головного корабля и повел этот отряд к месту гибели «Страшного», и снова «Баян» вступил в бой с неприятельскими крейсерами и был поддержан огнем этого отряда и затем вступил в его строй кильватера на свое место. Неприятельские крейсера ре-

тировались, но уже через несколько минут нашего преследования их, показались шесть неприятельских броненосцев и два крейсера «Ниссин» и «Кассуга». Они были приобретены японцами в Италии и первый раз участвовали в военных действиях.

Наш отряд повернул обратно, а неприятельская эскадра остановилась на горизонте. В это время вышли и другие наши корабли и присоединились к отряду Командующего флотом.

3. ГИБЕЛЬ «ПЕТРОПАВЛОВСКА»

Нашему 1-му отряду, возвратившемуся только что из экспедиции, было приказано адмиралом войти в гавань, немедленно пополнить запасы угля и воды, а затем спешить к эскадре, приготовлявшейся к бою, с показавшимися большими силами неприятеля. «Бесшумный» вошел в гавань, а я спустился в кают-компанию, но не успел выпить стакан чаю, как наш миноносец затрясся, точно его бросало в сторону, и раздался звук взрыва необыкновенной силы. Мне казалось, что взрыв произошел у нас, и я поспешил наверх. Когда я шел по трапу, раздался второй взрыв, и через секунду я увидел справа впереди нашего траверза, взорвавшийся «Петропавловск». Погибающий броненосец был окутан черным и бурым облаком. Раздались еще взрывы, но много слабее первых двух. Облако поднималось всё выше и выше. Нос и середина броненосца погрузились в воду; корма была высоко приподнята над водой, и мне было видно, как вертелись винты. Погибающие толпой стояли на юте. Некоторые бросались в воду, но через несколько секунд броненосец исчез в пучине, унося с собою все живые существа, находившиеся в этот момент, как внутри его, так и наверху.

Наш «Бесшумный» полным ходом пошел к месту гибели и через несколько минут мы находились уже там. Поднялся сильный ветер и волнение. На месте, где затонул «Петропавловск», поднималось к небу и расплывалось в стороны столь густое облако, что уже ничего не было видно на поверхности волнующегося моря.

Между этой завесой и нашим миноносцем стали обозначаться плавающие обломки с людьми и без них. Низкая температура воды была причиной гибели многих людей. Многие получили увечья, ранения и теряли способность бороться за свою жизнь.

Миноносец стал против ветра и держался, маневрируя иногда, стараясь держать погибающих под ветром и защищать их от волнения. Шлюпок на миноносце не было, — они были сданы на берег, чтобы не стеснять нас в бою, а на случай необходимого спасения служили пояса и койки. Для спасения погибающих с нашего миноносца были брошены за борт буйки и разный деревянный материал, оставшийся еще на рострах. По обоим бортам были спущены люди из команды на беседочных узлах и им были поданы другие концы. Всякий матрос, находящийся в беседке, мог схватить погибающего, привязать за него конец, а находящиеся на верхней палубе тянули вверх. Эту операцию было трудно производить из-за качки, всё же миноносец спас многих тонущих, которых немедленно отправляли в кочегарки, где с них снимали одежду и отогревали жаром от котлов.

Мы работали с большим напряжением и энергией. Особенно трудно было тем, которые работали на беседках, — они сами в скором времени промокли до костей и заоченели от холода.

Среди спасенных оказался капитан 1 ранга Яковлев, командир «Петропавловска». Я поручил его своему вестовому Андрею Шнурку, бывшему на походе лучшим и выносливейшим кочегаром по своей физической силе. Он взял Яковлева как ребенка на руки и отнес в мою каюту, уложил, передел в мое белье. Командир «Петропавловска» подавал слабые признаки жизни, хотя глаза были открыты, но глядели в пространство и, видимо, он уже мало что сознавал.

Скоро у бортов уже не было тонущих. Иногда проносились трупы людей. Командир приказал мне убрать людей на беседках. Я обратил внимание на ют: прапорщик Тейцит перелез через борт и уселся на отводе над винтами для прикрытия их. Я послал

свою команду и поспешил помочь ему. Недалеко от кормы находился вельбот с крейсера «Гайдамак». Он настолько был перегружен спасенными, что, казалось, при волне его перевернет и все погибнут. Вельбот прикрывался от волнения нашим миноносцем и тихонько подгребал к отводу. Около вельбота под его кормой на воде виднелся большой решетчатый люк и за него держались два человека: великий князь Кирилл Владимирович и мичман Николай Густавович Шлиппе.

Вельбот с трудом подошел к отводу, благодаря брошенному концу, буксируя в то же время люк. Прап. Тейцит, без конца, но крепко держась ногами, с помощью своих сильных рук, помогал карабкаться на отвод, а затем команда хватала и переводила на палубу. Великий князь Кирилл Владимирович с помощью прап. Тейцита также был поднят.

Все спасенные благополучно были доставлены к нам, и вельбот «Гайдамака» снова отправился на поиски. Со многих судов прибыли гребные и паровые суда, но паровым катерам уже трудно было держаться на большой волне, а катер с броненосца «Полтава» был захлеснут волной и пошел ко дну, но люди были спасены на шлюпках. В группе спасенных вельботом «Гайдамака» оказались не только матросы, но и офицеры. Всех поместили в кают-компанию и по каютам. Великий князь Кирилл Владимирович был отведен в командирскую каюту, переодет в сухое белье и уложен на койку.

Я спустился в кают-компанию. Наш фельдшер оказывал медицинскую помощь. На диване сидел лейт. Шлиппе и стонал, рядом с ним два матроса, почти без сознания. На столе лежал мой товарищ по выпуску, мичман Бурачек, но уже бездыханный. На скамейках вокруг стола лежали два матроса, — безнадежные, как сказал мне фельдшер. Я зашел в свою каюту, чтобы посмотреть, в каком состоянии находится капитан 1 р. Яковлев. Я взял его за руку, т. к. глаза были закрыты, рука его показалась мне безжизненной. На правой стороне головы запеклась кровь, наверное от раны или ушиба. Я решил влить ему немного рому в рот. С трудом я сделал это, но т. к. миноносец сильно качало, то несколько

капель пролилось и попало на рану. Больной открыл глаза, немного поднял голову и сказал:

— Не надо! Всё поггло... — и снова закрыл глаза. Фельдшер сделал ему перевязку головы.

В противоположной каюте я нашел двух моих товарищей по выпуску. Они были раздеты до гола (белья им уже не хватило) и согревались, обнимая друг друга. Я прикрыл их одеялом, скатертями, пальто и дал им шампанского.

Вскоре раздался новый взрыв, но не такой сильный, как на «Петропавловске». Началась стрельба. Я поднялся на палубу и увидел, что броненосец «Победа» имеет большой крен и около него облако от взрыва поднималось вверх. На взорванном броненосце готовили к спуску шлюпки, стреляли в воду из мелких орудий; некоторые суда следовали этому примеру. Получилось впечатление, что на рейде происходит атака на наши суда подводной лодкой.

Мы вошли в гавань. Уменьшив ход и маневрируя, подошли к нашей стоянке и быстро ошвартовались. На набережную прибыл медицинский персонал с носилками и колясками и приступил к работе под руководством флагманского врача Бунге.

4. ГИБЕЛЬ ЯПОНСКИХ БРОНЕНОСЦЕВ «ХАТСУЗЕ» И «ИОШИМО»

1-го мая около 4 час. пополудни минный транспорт «Амур» под командой капитана 2 ранга Ф. Н. Иванова, поставил минное заграждение как раз на том месте, где большие неприятельские корабли каждый день утром и вечером встречались, держа блокаду перед Порт-Артуром.

Незадолго до этого выхода, Иванов сам ходил на Золотую Гору наблюдать это движение неприятельских судов. Он убедился, что курс неприятельских кораблей всегда одинаков, и, проложив его на карте, выяснил, что он находится перед Артуром в 11 милях.

Контр-адмирал Витгефт, руководствуясь междуна-

родным правом, указал произвести эту постановку не дальше 8 миль.

Капитан 2 р. Иванов, находясь в море, решил взять на себя ответственность и, пользуясь туманом, поставил в 11 милях от Артура 50 мин поперек курса неприятельских судов. Неприятель в это время был вне тумана, т. е. за туманной полосой и не заметил «Амура», возвращавшегося после постановки мин в Порт-Артур. Наблюдатели с Ляотешана ясно видели туманную полосу, разделявшую японские суда от «Амура», и опасались, что если туман рассеется, то неприятель поймет, для чего выходил в море минный заградитель.

Когда Иванов, возвратясь с постановки мин, доложил о ней адмиралу Витгефту, последний остался очень недоволен. Кап. Иванов объяснил, что он не так понял отданное приказание и должен был руководствоваться в море своими соображениями относительно постановки мин, тем более, что еще находился в присутствии неприятеля.

На другой день на Золотой Горе поднялся сигнал: «Японский броненосец «Иошимо» взорвался».

Командиры нашего 1 отряда решили, не ожидая приказаний, разводиться пары. Воодушевление охватило всех, а также стремление выйти в море, чтобы атаковать взорванный неприятельский броненосец. Все восхищались действием кап. 2 р. Иванова, которое было возмездием за «Петропавловск».

Вскоре после этого сигнала, флот был снова извещен, что второй японский броненосец «Хатсузе» взорвался и затонул немедленно. Громкое «ура» с чувством восторга и энтузиазма кричали все команды на судах.

Адмирал Витгефт сигналом поздравил командира «Амура» с полным успехом, и нам было приказано приготовиться к походу. После полудня мы вышли на внешний рейд и построились в кильватер.

Второй отряд миноносцев тоже в скором времени вышел, но пошел отдельно от нас. Мы шли к взорванному броненосцу «Иошимо», который был виден с рейда накренившимся довольно сильно, имея по сторонам два

крейсера. Он уходил в море и ход его был небольшой, но на довольно большом расстоянии от места, где произошли взрывы и потопление «Хатсузе». Вскоре мы подошли к этому месту и увидели какой-то плавающий большой предмет, похожий на плот; передовой миноносец открыл по нем огонь, но вскоре прекратил.

На горизонте показались другие неприятельские корабли и от них отделился крейсер, который быстро шел к нам навстречу, чтобы преградить нам дальнейшее следование, и открыл огонь. Мы повернули на обратный курс последовательно. Снаряды этого крейсера, хотя и делали недолеты, но ложились недалеко.

Второй отряд миноносцев присоединился к нам и шел параллельно, также в строе кильватера, но с левой стороны. На горизонте уже показалось несколько неприятельских кораблей, идущих на поддержку атакующего нас крейсера. Таким образом попытка атаковать подорванный «Иошимо» оказалась неудачной. Японский крейсер преследовал нас до тех пор, пока по нем не начали стрелять береговые батареи. Наши крейсера не вышли нас поддержать, а мы сами, около 5 час. вечера, получив от адмирала извещение, что он выражает нам свое удовольствие и приказ войти в гавань, вернулись в Артур.

На другой день мы узнали, что подорванный броненосец «Иошимо» не дошел до своей базы и вечером, в воскресенье, утонул. Таким образом, японцы потеряли, два броненосца благодаря сообразительности и принятия на себя ответственности «по-суворовски» капитана 2 р. Иванова.

*Капитан 1 ранга
А. А. Воробьев*

КАПИТАН 2 РАНГА МЯКИШЕВ

Считаю своим священным долгом посвятить несколько строк памяти флагманского артиллерийского офицера кап. 2 р. А. К. Мякишева, погибшего на «Петропавловске», имя которого поросло травой забвения.

Немного непропорционально-большая, но превосходно вылепленная голова с тонкими чертами лица, большим открытым лбом и лучистыми пронизательными глазами, откинута посаженная на небольшом, худеньком нервном тельце, как бы приподнимаемом вздернутыми плечами; тихий, но ясный голос, необычайная точность выражений, редкая скромность в манере держать себя, — вот что крепко запечатлелось в моей памяти.

Молодые офицеры того времени знали его, как ученого артиллериста (Морская и Артиллерийская академия), превосходного преподавателя морской тактики в Морском корпусе, но вряд ли кто подозревал, какая напряженная энергия таилась за завесой этого ясного, пронизательного и, на первый взгляд, несколько холодного ума. Он никогда ничего о себе не говорил.

Кое-кто слышал, однако, о роли, которую он играл в молодости в знаменитом снятии — на рейде и среди бела дня, — часового с английского корабля, последствии бесшабашного пари Скрыдлова.

Полная неподготовленность к стрельбе только что вступившего в эскадру «Цесаревича» (в противоположность блестящей подготовке «Баяна») сильно озабочивала Мякишева, так же как и подготовка к эскадренной стрельбе других броненосцев. Но... неизменный категорический отказ каких бы то ни было совместных эволюций судов из боязни призрака «вызывающих» в

отношении японцев действий встречал все его представления. К сожалению, он не находил никакой поддержки у флаг-капитана, который, несмотря на свои блестящие качества в эту эпоху, был морально далеко не тем, чем он стал впоследствии.

Озабочивало Мякишева также плохое знакомство командиров судов, так и рядовых офицеров, с японским флотом, с его тактическими и огневыми возможностями по отношению нашей Тихоокеанской эскадры.

Он считал, что все офицеры должны быть хорошо ознакомлены с тактическими качествами неприятельских судов, т. к. в случае убыли командного состава убитыми или ранеными, он мог быть заменен рядовыми офицерами.

Не могло, однако, быть и речи об официальной организации такого ознакомления офицеров в условиях строгой цензуры наместником всего, что могло дать повод к слухам о войне. И вот Мякишев постепенно и незаметно отдал себя в распоряжение офицеров, желавших своей подготовки к иной роли, чем роль автоматического исполнителя приказаний или техника.

Весь первый бой с японской эскадрой он провел со своим биноклем и записной книжкой на марсе, что вызвало восхищение его «храбростью». Но Мякишев был на марсе не для парада. Он успел занести в книжку эволюции отдельных судов, что в общих чертах совпало с кальками эволюций (по карте), представленными затем штурманами судов для составления донесения адмирала о бое, а также общую картину маневрирования обеих эскадр и многие характерные падения снарядов.

Но почему он оказался во время боя на марсе, а не при адмирале?

В эту эпоху корабли были в стрельбе абсолютно автономны. Роль флагманского артиллерийского офицера сводилась к общему руководству подготовкой судов к стрельбе, заботе о снабжении снарядами и всем необходимым для поддержания в исправности орудий, выработке «программы» учебной стрельбы — и это, в

общих чертах, всё. Стрельба эскадренная, так, как она стала пониматься позже, несмотря на борьбу, ведущуюся молодыми силами, одним из лучших представителей которых был Мякишев, для ее проведения — не существовала. Вмешательство артиллерийского офицера в тактику маневрирования считалось недопустимым. Это была личная и священная прерогатива адмирала, который обратился бы за советом скорее к флаг-штурману, чем к артиллеристу. В создавшейся обстановке роль последнего, раз завязался бой, обращалась в нуль.

Мякишев хорошо видел, с кем он имел дело в лице адмирала Старка, знал, что смена его неминуема и что будет призван Макаров.

Мякишев, горячий и деятельный практический тактик, не мог упустить случай реального боя, чтобы иметь свежий материал для суждения о сравнительной маневренной и огневой ценности обеих сторон. Не на мостике, не в броневой рубке с ее ограниченным горизонтом, где находилось много судовых специалистов, было его место, но именно на марсе, находившемся к тому же всего на три сажени над мостиком и в сообщении с последним, где он был никем не стесняем и мог наблюдать ход боя, не мешая никому, для пополнения своих ценных сведений.

А что они были ценны — доказательством того служило, что Макаров, едва прибывший в Артур со своей знаменитой секретной «Инструкцией для похода и боя»¹, выработанной им и отпечатанной в поезде, несшим его на восток, начал вводить в нее изменения после совещания с Мякишевым.

Мякишев первый подумал, после первой же бомбардировки японской эскадрой порта и блокированного отливом нашего флота, об организации «перекидной стрельбы по квадратам» и совместно с Коробицыным и Кноррингом составил соответствующую карту. Однако,

¹ Эта «Инструкция для похода и боя», попавшая какими-то путями очень быстро в руки японцев, шпионство которых находило отличную почву в нашей неисправимой беспечности, — стала настольной книгой японских морских офицеров.

нужно было ждать прибытия Макарова, сделавшего к тому же эскизную схему подобной же карты в поезде, вне связи с Мякишевым, чтобы осуществить эту идею.

Мякишев первый обратил внимание на необходимость использования высоты Ляотешаня для удаления района действия огня японских судов от города и бассейна, что и было выполнено впоследствии (хотя и несовершенно), когда случайно Меллер нашел подходящее 9-дюймовое орудие со снарядами (к сожалению, только одно) в никому до него неизвестных недрах китайского склада.

Он первый поднял вопрос об организации наблюдательных пунктов и службы связи, что было осуществлено, но, конечно, далеко не совершенно, за отсутствием технических средств и необходимого натасканного личного состава.

Макаров оказывал Мякишеву исключительное внимание, он несомненно давно знал ему цену.

Мякишев был связан тесной дружбой с Меллером, но я не знаю, о чем они толковали во время их частых встреч. К моему сожалению, я впоследствии, при моих свиданиях с Меллером в Петербурге и Париже, никогда ничего о Мякишеве его не спросил, не подозревая того, что может настать день, когда мне будет дана счастливая возможность вызвать образ этого исключительного человека.

*Капитан 1 ранга
Н. В. Иениш*

ВЗРЫВ И ГИБЕЛЬ «ХАТСУЗЕ»

В неудачной для нас Русско-японской войне был один день, когда судьба улыбнулась русскому флоту. Если бы в этот день во главе Тихоокеанской эскадры, находившейся в Порт-Артуре, стоял не адмирал Витгефт, человек долга, но мягкий, безинициативный и неспособный на быстрые и самостоятельные решения, война на море приняла бы другой оборот и, мне кажется, была бы выиграна русскими.

2-го мая 1904 года утром я по обыкновению обходил эскадренные миноносцы II-го отряда. Большая часть миноносцев, как всегда, стояла бок о бок в Гнилом Углу гавани, пришвартовавшись к стенке. Меньшая же часть, обычно грузившаяся углем, находилась около угольных складов под Золотой Горой при выходе из внутреннего бассейна к внутреннему рейду и одновременно влево, к проходу на внешний рейд, в обход Золотой Горы.

Когда я был еще у Гнилого Угла, я встретил на набережной кап. 2-го ранга Карцева, командира одного из миноносцев I-го отряда (впоследствии адмирала и директора Морского корпуса), который пригласил меня, как он это делал часто, к себе на завтрак. Карцев обещал мне борщ с маслинами, приготовление которого повар его миноносца довел до совершенства.

В разговоре Карцев сообщил мне, что накануне поздним вечером, воспользовавшись отсутствием японских судов на горизонте (что заметили с Золотой Горы) и благодаря мгливой погоде, минному транспорту «Амур» удалось, повидимому, совершенно незаметно для японцев поставить большое количество мин, далеко в море, на месте обычных наблюдательных рейсов японских военных судов, блокирующих нашу базу.

После гибели «Петропавловска» японские корабли не подходили близко к Порт-Артурскому рейду, а вели блокаду с большого расстояния, ходя по радиусу около 10 морских миль от входа в гавань.

Когда после встречи с Карцевым из Гнилого Угла я шел к угольной пристани встречные офицеры нашего отряда сообщили мне, что большой японский броненосец, повидимому, наскочил на мину, накануне поставленную «Амуром», и с Золотой Горы передают, что далеко на горизонте видят японский броненосец под креном и вокруг него много шлюпок. Все эти офицеры торопились на Золотую Гору, чтобы посмотреть на происходящее. На миноносце у угольной стенки я встретил и нашего скромного отрядного артиллериста лейтенанта Колчака (впоследствии Верховного правителя России), который тоже подтвердил мне эту приятную весть.

Окончив свое дело на миноносцах, я тоже стал подниматься на Золотую Гору. На ее вершине высоко-высоко над морем, на площадке у сигнальной мачты было много военных: около сотни офицеров с различных судов, стоявших в гавани, и около двух десятков матросов-сигнальщиков.

Взоры всех были устремлены в дальний и чуть мгlistый горизонт. В бинокли и подзорные трубы старались разглядеть происходящее у врага. Мне с большой высоты море казалось гладкой матовой зеленоватой бесконечностью, сливающейся с небом. Но очень очень далеко простым глазом можно было заметить группу черных черточек разной величины. Сигнальщики рассказывали, что с утра не сводили глаз с горизонта, особенно когда появились едва видимые силуэты японских судов и, как всегда, в том секторе горизонта, где они обычно ходили. Когда «это» случилось, они сразу заметили, что к подорванному кораблю сейчас же стали подходить другие корабли. Как очень дальнзоркие и опытные, они утверждали, что пострадавший корабль имеет большой крен.

В толпе офицеров я заметил и вновь назначенного флаг-капитаном при начальнике эскадры адмирале Витгефте, капитана 2 ранга фон Эссена, бывшего бравого ко-

мандира крейсера 2-го ранга «Новик», уже прославившегося своим мужеством, активностью и инициативой. Н. О. Эссен, небольшой, с рыжей бородкой, совсем не имел воинственного вида. Был со всеми одинаково вежлив и приветлив. При его мужестве, уже всем известном, эти качества еще более располагали к нему. Тогда уже этот выдающийся впоследствии адмирал почитался всеми на первом месте среди достойных флотских командиров.

Мой собственный прекрасный призматический бинокль Цейса, который я купил в Гвардейском экономическом обществе, утонул вместе со «Стерегушим», и я остался в этот исторический день моей службы во флоте без бинокля. Желая посмотреть на наш реванш в отношении японцев, столь радовавший нас всех, я попросил бинокль у соседа и под объяснение сигнальщика стал всматриваться в горизонт, в едва видимые простым глазом маленькие две-три черточки, какими нам казались громадные японские броненосцы.

В бинокль картина прояснилась. Я увидел пострадавший японский корабль, различил его трубы, мачты и вокруг корабля с десятков не-то катеров, не-то миноносцев, которые находились близко к нему и, может быть, снимали с него груз или команду.

Прошло с полчаса. Никто не хотел уходить с Золотой Горы, желая воочию убедиться в нашей удаче.

Едва я возвратил бинокль моему соседу и стал простым глазом всматриваться в драму на далеком горизонте, как вдруг увидел, что с большого, ближайшего к пострадавшему, японского корабля вырвалось черное облако с огнем под тупым углом вверх и в сторону, но такого размера, что в несколько раз (раз в десять) превышало видимые размеры корабля и не очень быстро росло.

За моей спиной вдруг раздался общий крик изумления. Очевидно, вся масса офицеров одновременно со мною увидела эту страшную картину. Через 5-10 секунд с этого же корабля вырвалось второе черное облако с ярким пламенем, размером раза в три больше первого, тоже вверх и под углом к горизонту и направ-

ленное в обратную сторону. Оно так же не очень быстро стало расти и вверх и в ширину. Все замерли от изумления! Затем грянуло могучее «ура» и полетели в воздух фуражки.

Я не мог оторваться от этой картины страшного взрыва, видимого на расстоянии около десяти морских миль от нас. Звуки же взрывов до нас не доходили. Затем оба черных облака чуть оторвались от корпуса корабля и стали медленно подниматься вверх и слегка расширяться. Вдруг из воды высунулся на значительную высоту нос японского броненосца, очевидно, сначала затонула корма, и медленно опускаясь в вертикальном направлении, носом кверху, корабль исчез с морской поверхности.

Гибель взорвавшегося второго японского броненосца казалась точной копией взрыва и гибели «Петропавловска» и совершилась в течение одной минуты. Два облака густого, черного еще, дыма — это всё, что осталось от японца. Темные пятна в небе держались с полчаса и, расплываясь, постепенно исчезли.

Восторгам не было предела. Все восхваляли командира «Амура», так удачно выполнившего постановку мин, задуманную одним из его офицеров.

Все стали говорить, что скорее надо выйти в море всей эскадре и прикончить противника. Я обернулся назад и вижу: за моей спиной на цементной площадке на корточках сидит Н. О. Эссен. Перед ним на полу ящик полевого телефона. Он усиленно звонит на флагманский корабль, стоящий у стенки внутреннего бассейна против управления порта. Группа офицеров, с которыми он объясняется короткими фразами, обступила его. Все высказывают мысль о необходимости немедленного выхода в море.

Уже здесь, в Париже, в 1947 году, через 43 года, на обеде портартурцев в Морском собрании (рю Буассиер, 40), кап. 1 р. Сергей Николаевич Власьев рассказывал нам, как он тотчас после взрыва и гибели «Хатсузе», будучи, как и я, на Золотой Горе в момент этой катастрофы, обратился к флаг-капитану кап. 2 р. Эссену с

просьбой разрешить тотчас же дать радио-сигнал со станции на Золотой Горе по международному коду:

— Флот извещается, что наши подводные лодки потопили японский броненосец!

Эссен разрешил, и радио тотчас же было дано.

Я же со своей стороны ясно помню, что когда я, не отрывая глаз, смотрел на место гибели «Хатсузе» (допуская возможной и последующую удачу), стоящие рядом со мною офицеры, наблюдавшие в бинокли, говорили:

— У них паника! Они стреляют друг в друга!

Теперь я понимаю, что это было следствием находчивой инициативы С. Н. Власьева.

Как сейчас помню доклад Эссена адмиралу Витгефту о происшедшей на его глазах гибели «Хатсузе» и о тяжком повреждении другого японского броненосца, горячую просьбу его и убеждение немедленно развести пары на всей эскадре, чтобы выйти в море до подхода главных сил адмирала Того.

От момента взрыва на mine первого японского броненосца до гибели «Хатсузе» прошло около двух часов, следовательно надо было спешить.

Но повторилась та же преждевременная боязнь подводных лодок и опасная стрельба вокруг себя по воображаемым перископам, как было при гибели «Петропавловска» и взрыве «Победы».

По репликам, которые подавал Эссен, можно было заключить, что адмирал Витгефт колеблется и не соглашается. В период этих переговоров флаг-капитана со своим адмиралом, офицеры сообщили Эссену новые наблюдения о том, что к месту катастрофы подходят новые японские суда, но малого тоннажа, тип которых разобрать трудно. Всё говорило за то, что главные силы Того были далеко.

В то время предполагали, что японский флот для прикрытия уже начавшихся своих десантных операций на Ляодунском полуострове (с целью отрезать крепость Порт-Артур от Маньчжурской армии) базировался на архипелаге мелких островов Эллиот, расположенных

между Кореей и Ляодуном, принадлежащем России на тех же основаниях, как и Квантунский полуостров и Порт-Артур.

Острова Эллиот находятся всё же довольно далеко от Порт-Артура, приблизительно в полудневном переходе, а может быть и больше.

Если в момент гибели «Хатсузе» главные силы японского флота, действительно, находились там, то, конечно, если бы наш флот вышел тотчас же после гибели «Хатсузе» (а еще лучше, после подрыва их первого броненосца), он мог бы разгромить японские суда, находившиеся поблизости к державшемуся еще на воде поврежденному противнику и утопить его. Впоследствии выяснилось, что этот подорванный броненосец сам затонул, не дойдя до японской базы.

Было еще одно обстоятельство, чрезвычайно благоприятное для нас, которое, однако, еще не было известно ни адмиралу, ни флаг-капитану. У наших берегов около Талиенвана погиб еще один, третий, корабль, тоже взорвавшийся на mine. Известие о гибели этого корабля не было сообщено своевременно благодаря очень слабой береговой связи наблюдений.

Если бы гибель третьего японца у Талиенвана стала известна адмиралу Витгефту своевременно, может быть, он и решился бы выйти в море со всеми силами, повернуть успех войны на море в нашу сторону и тем оказать величайшую услугу Российской империи. Но, не зная еще о гибели третьего неприятельского корабля в этот роковой для японцев день, он на это не рискнул, несмотря на энергичнейшие увещания и доводы своего флаг-капитана, которые все мы, в том числе и я, слышали своими ушами.

*Морской врач
Я. И. Кефели*

МОРСКОЙ БОЙ 28 ИЮЛЯ

Ночь на 29-ое июля была тихая, жаркая, но не душная, благодаря слабому ветерку, тянувшему с севера. Закончив необходимые приготовления к выходу в море, все крепко спали, набираясь сил на завтрашний день.

С каким чувством встретили на эскадре зарю 28-го июля — не знаю и не берусь догадываться, так как за последние дни суда почти не имели сообщения между собою. Что касается настроения, господствовавшего на «Диане», — затрудняюсь точно его формулировать. Не было ни того задора, который характеризовал собою кратковременный «Макаровский» период, ни жажды мести, охватившей всех в первый момент после гибели «Петропавловска», ни азарта, вызванного опьянением негаданной удачей 2-го мая, ни радостной решимости, с которой 10 июня был встречен сигнал о выходе в море, — всё это уж было однажды пережито и, хотя оставило в душе каждого глубокий след, повториться не могло... Эти хорошо обстрелянные люди, десятки раз видевшие смерть лицом к лицу, готовились к бою, как к тяжелой ответственной работе.

«Итак, решено: завтра утром идем в море. Смертный бой. Благослови, Господи! — О себе, кажется, мало думают. Надо послужить».

Эти строки я занес в свой дневник, уже ложась спать, накануне выхода.

Был еще оттенок в настроении личного состава, о котором умолчать не могу, это — чувство удовлетворения, сознание глухого разлада, существовавшего между «начальством» с его намерениями, и массами с их желаниями и надеждами.

За последние три дня бомбардировки с суши не раз приходилось слышать почти злорадные замечания:

— Небось теперь поймут, что артурские бассейны — могилы для эскадры!

— Могила еще ничего! — подавали реплику наиболее озлобленные. — А вот, если кратковременная смерть, а затем радостное воскресение под японским флагом! — Вот это уж хуже!

Известие о предстоящем выходе в море вызвало не энтузиазм, а... вздох облегчения. Необходимость этого выхода была до такой степени очевидна, массы были так проникнуты этим сознанием, что упорство «начальства» порождало среди наиболее горячих голов самые ужасные подозрения... Иногда казалось, подобно тому, как рассказывали про первые моменты после внезапной атаки 26 января, что вот-вот по эскадре пронесется злоеущий крик — «Измена! Начальство нас продало!» А что было бы дальше?..

Чуть забрезжил свет, начался выход эскадры. «Диана», стоявшая на сторожевом посту, пропустив всех мимо себя, тронулась последняя в 8 час. 30 мин. утра.

«Совсем тихо — и погода, и на позициях», — записано в моем дневнике.

На востоке, в утренней дымке, смутно виднелись «Сикисима», «Касуга», «Ниссин» и отряд старых крейсеров («Мацусима», «Ицукусима» и «Хасидате»), который начал спешно отходить к О.

В 8 час. 50 м. утра с «Цесаревича» сигнал — «Приготовиться к бою», — а в 9 час. новый: — *«Флот извещается, что государь император приказал идти во Владивосток».*

Этот сигнал был встречен у нас с нескрываемым одобрением.

— Давно бы так! Молодчина Витгефт! Нет отступления!..

Чтобы по мере возможности, ввести неприятеля в заблуждение, тралящий караван, очищавший нам дорогу в течение предшествовавших дней, проложил ее по новому направлению, не имевшему ничего общего с нашим

курсом 10 июня. Теперь прямо с рейда, мы пошли почти вдоль восточного берега Ляотишаня и вышли на чистую воду через собственные минные заграждения, окружавшие мыс с маяком.

В 10 ч. 30 м. отпустили тралящий караван, который пошел в Артур под охраной канонерок и второго отряда миноносцев. Командовавший ими младший флагман поднял сигнал, к сожалению, у меня не записанный. Сколько помнится — «Бог в помощь! Прощайте!».

Когда «Отважный» с этим сигналом проходил мимо нас, все высыпали наверх, махали фуражками... У каждого на сердце была та же мысль: «Прощайте!»... Разве не было бы дерзостью сказать: «До свиданья?»...

Шли в боевом порядке: впереди «Новик» с первым отрядом миноносцев, затем броненосцы с «Цесаревичем» в голове, наконец, крейсера, среди которых (увы!) не хватало «Баяна».

Только что отпустили тралящий караван, как, по видимому, что-то приключилось с машинами «Цесаревича»¹, так как оттуда был сигнал: «Иметь 8 узлов хода».

Это — при прорыве блокады!.. В виду неприятеля!..

Погода благоприятствовала. С востока и с северо-востока находил легкий, низовой туман. Артур вовсе скрылся из виду; ближний берег чуть обрисовывался во мгле.

В 11 ч. 5 м. «Диана», поворотом которой (в качестве концевой корабля) заканчивался поворот всей эскадры, легла на курс SO 50°, в кильватер головному.

Туман стлался вдоль берега, а в сторону открытого моря видимость была довольно сносная.

В 11 ч. 30 м. утра несколько правее нашего курса, очень далеко, обрисовались силуэты 1 броненосного и 3 легких крейсеров, а левее какие-то большие корабли, предшествуемые отрядами миноносцев.

¹ Там в этом отношении всегда было неладно. Завод сам признал свою ошибку в проектировании машин, сделал и выслал в Артур новые эксцентрики для броненосца, но, к несчастью, началась война, и посылка успела добраться только до Шанхая, где и застряла.

В 11 ч. 35 м. правые уходят на SW, а те, что были влево, как будто идут на соединение с ними.

Наши, повидимому, увеличили ход, так как мы, чтобы не отставать, должны были держать 10 узлов.

В 11 ч. 50 м. на «Цесаревиче» подняли флаг К, что означает — «Не могу управляться» — явно опять какое-то повреждение. Все застопорили машины. Ждали, когда исправят... Тем временем японские отряды спешили выполнить свой маневр соединения.

В 12 ч. дня (наконец-то!) сигнал: «Иметь 13 узлов»... Пошли, но ненадолго: в 12 ч. 20 м. «Победа», подняв флаг К, вышла из строя... Опять задержка... А неприятель уже соединился, построился, и в 12 ч. 22 м. раздались первые выстрелы с наших головных броненосцев, двигавшихся черепашим ходом.

— Боевая эскадра! Цвет русского флота!.. — сжимаемая кулаки, задыхаясь от бешенства, не говорил, а рычал мой сосед на мостике «Дианы»...

И смел ли я остановить его? Сказать ему: «Молчите! Ваше дело — исполнить свой долг!..» А если бы он ответил мне: «Те, кто создали эту эскадру, исполнили свой долг?..»

Да, нет!.. Что говорить! — У меня и в мыслях не было его останавливать... У меня, у самого, к горлу подступали слезы бессильной ярости...

В 12 ч. 30 м. «Цесаревич», последнее время всё более и более склонявшийся к востоку, вдруг круто на 4 R повернул направо. Оказывается, неприятельские миноносцы, сновавшие туда и сюда, далеко впереди на курсе эскадры, возбудили его подозрение, и, как выяснилось, не напрасно. Не брезгая никаким, хотя бы самым малым шансом, они набрасывали нам по дороге плавающие мины заграждения (без якорей). Поворот «Цесаревича» избавил эскадру от опасности непосредственного прохождения через эту плавучую минную банку, но мы всё же прошли от нее довольно близко, почти вплотную. С «Новика» (очевидно, по приказанию адмирала), державшегося на месте и пропускавшего мимо себя всю колонну, непрерывно семафорили: «Остерегайтесь пла-

вающих мин!» — Две такие прошли у нас по левому борту, невдалеке. (Вернее, — мы прошли мимо них).

Обогнув минную банку, снова легли на старый курс.

В 12 ч. 50 м. главные силы неприятеля («Миказа», «Сикисима», «Фудзи», «Асахи», «Кассуга» и «Ниссин»), которые около 20 минут держали курс параллельно нашим, ведя редкую перестрелку на дальней дистанции (до 50 каб.), повернули все вдруг на 16 R и, сблизившись до 30 каб., разошлись с нами на контргалсах.

Это был горячий момент! Особенно, когда японская колонна круто повернула «под хвост» нашей и, недостижимая для пушек наших броненосцев, всю силу своего огня обрушила продольно на три концевых крейсера.

Морской устав не указывает старшему офицеру определенного места в бою, по смыслу же выходит, что он должен быть везде, где его присутствие потребуется. На «Диане», применительно к местным условиям, решено было, что я буду находиться на верхнем переднем мостике, где меня можно увидеть с любого пункта верхней палубы, а значит, и позвать меня, в случае надобности, и оттуда сам я буду видеть почти весь крейсер, каждое попадание в него неприятельского снаряда, а значит, даже без зова могу поспешить к месту, потерпевшему поражение. Нельзя не признать, что наблюдательный пункт был выбран удачно. Я видел всё... Вокруг концевых крейсеров море словно кипело. Мы, конечно, бешено отстреливались. Бесперывный гул выстрелов собственных орудий, лязг рвущихся снарядов неприятеля, столбы дыма, гигантские взметы водяных брызг... Какой беспорядок! Какой хаос! И вместе с тем, какая... дух захватывающая красота стихийной мощи! Даже крик — «носилки», даже кровь, струившаяся по палубе, — не в силах были нарушить этих чар, казались неизбежной подробностью... Как поразительно ясно работает мысль в такие минуты! Как всё и все понимают с полуслова, по одному намеку, по жесту!

На «Аскольде» только мелькнули флаги Б и Л (Б —

большой ход, Л — держать левее), а крейсера тотчас же дали самый полный ход и веером рассыпались влево, сразу уйдя со своей невыгодной позиции под расстрелом и, получив возможность действовать почти всем бортом.

Хотел бы я видеть, сколько сложных сигналов потребовалось бы сделать в мирное время, на маневрах, для выполнения такого перестроения, сколько бы времени оно заняло, и какая каша получилась бы в результате.

Счастье благоприятствовало, или японцы плохо стреляли, но в общем нам повезло: «Диана», шедшая концевой, вовсе не получила ни одного снаряда полностью и, даже, хотя борт, шлюпки, разные надстройки, вентиляторы, трубы, мачты были испещрены мелкими пробоинами от осколков, — раненых у нас было только двое; правда, я видел, как на «Аскольде» добрый снаряд угодил в переднюю дымовую трубу, а на «Палладе» в гребной катер правого борта, но и там (как сейчас же выяснилось дружескими справками по семафору) серьезных потерь и повреждений не было.

Повидимому, эта первая схватка закончилась в нашу пользу. Японцы, пройдя у нас «под хвостом», опять повернули к югу и шли правее и сзади нас, поддерживая редкий огонь с дальней дистанции, на который могли отвечать только броненосцы.

В 1 ч. 30 м. у нас пробили «дробь» и команде разрешено было пить послеполуденный чай, не отходя от орудий.

На палубе стоял оживленный говор, смех, шутки, «крылатые слова». Но не без некоторого особого оттенка.

— Заснуть, что ли, пока не застукали? — острил молодой матрос, приманиваясь поудобнее и прикрываясь брезентом от палящих лучей солнца.

— А ты не болтай зря! «Она» всё слышит! — сурово оборвал его старший товарищ.

Маленькая, но характерная подробность: обходя батареи, я поздравил с Георгием комендора 15 орудия, Малахова, который, будучи ранен, после перевязки не-

медленно вернулся к своей пушке и продолжал исполнять свои обязанности.

Странно было видеть, как этот человек, только что смело глядевший в лицо смерти, вдруг потупил вспыхнувшие радостью глаза, и не то смущенно, не то недоверчиво, промолвил:

— Это... уж как начальство...

Я даже рассердился.

— Какое начальство? Пойми ты, рыба голова, что по статусу заслужил! Тут ни командир, ни я — ничего не смеем! Начальство не даст, до самого царя дойти можешь. По закону требовать...

Кругом все примолкли, поглядывая не то с любопытством, не то с недоверием... Кажется, они впервые услышали, что закон выше воли начальства... Я поспешно прошел дальше, сам недоумевая, что сделал неожиданно вырвавшейся фразой: поддержал или подорвал дисциплину?

Около 3 час. дня легли курсом О 62°. Крейсера держались левее броненосцев, на расстоянии от них в 15-20 кабельтовых, вне сферы действия случайных перелетов неприятельских снарядов. Шли средним ходом, а иногда, чтобы не обгонять главные силы, вынуждены были давать даже самый малый.

В начале четвертого часа пополудни стрельба прекратилась вовсе. Главные силы японцев, держась позади нашего правого траверза, удалились на такую дистанцию, что над горизонтом были видны только их трубы, мостики и возвышенные надстройки. Что это значило? Может быть, они исправляли повреждения?.. Во всяком случае, мы, при 12-13 узлах, заметно уходили вперед. Дорога была свободна. Если бы только наши броненосцы могли развить на деле ту скорость, которая значилась за ними по данным справочной книжки.

По сигналу с «Цесаревича» команде дали ужинать.

Наша колонна сблизилась с колонной броненосцев. Начались переговоры флажками (ручной семафор).

Спрашивали соседей и приятелей: что и как? Ответы получались утешительные.

— Кажется, посчастливилось! — не удержался было один из самых молодых.

Но его сейчас же резко остановили: моряки еще суевернее охотников и пуще всего боятся «сглазу». Между тем японцы, оправившись и сделав свои дела (какие? — кто их знает) опять начали нагонять нас.

В 4 ч. 15 м. расстояние было 51 каб.

В 4 ч. 40 м. — 47 каб.

В 4 ч. 45 м. вновь завязался бой.

Так как крейсера оказались в области перелетов, им было приказано отойти от броненосцев на прежнюю дистанцию — 20 каб. Мы повернули все вдруг на 4 R, а затем, удалившись на указанное расстояние, опять легли на эскадренный курс, и в течение 1½ часов были только свидетелями боя, не принимая в нем непосредственного участия.

Японские крейсера, не только старые, но и три «собачки» («Иосино» к этому времени уже не существовало) и два броненосца (как оказалось — «Асама» и «Якумо») тоже держались в стороне, словно ожидая исхода поединка главных сил. Старые с «Чин-Иеном» во главе, смутно виднелись на N, а остальные на SW.

По-моему, за весь день это был промежуток времени самый тяжелый: сложа руки смотреть, как другие дерутся!

Надо заметить, что японские снаряды при разрыве давали целые облака дыму — зеленовато-бурого или черного. Каждое их попадание было не только отчетливо видно, но в первый момент производило впечатление какой-то катастрофы. Наоборот — только в бинокль, да и то с большим трудом, можно было различить легкое прозрачное облачко, которым сопровождался разрыв нашего, удачно попавшего, снаряда, снаряженного пероксилином или бездымным порохом.

Это обстоятельство особенно удручающе действовало на массу команды, мало знакомой с техникой артиллерийского дела.

— Наших-то как жарят!.. А им хочь бы што! Слов-

но заговоренные! Отступилась Царица Небесная!.. — то тут, то там слышались скорбные замечания.

Все бинокли, все подзорные трубы были пущены в оборот: всем наблюдателям было приказано о всяком замеченном попадании наших снарядов в японские корабли сообщать громко во всеуслышание.

— Нечего на своих-то глаза тарашить! Без потерь нельзя! На то и война! Ты на «него» смотри! «Ему» тоже круто приходится! Чья возьмет — воля Божия! — говорил я, обходя батареи.

Однако, настроение становилось всё более и более мрачным. Не скажу, чтобы оно грозило паникой. Нет, до этого было далеко. Люди были хорошо обстреляны, полны решимости драться до последнего. Чувствовалось только, что все они поглощены тревожной думой: «Выдержат ли наши?» — Сомнение... А в бою сомнение — это уже нехорошо.

Между тем, непрерывно наблюдая за боем в бинокль Цейса, оценивая достоинство стрельбы по перелетам и недолетам, я не мог не признать, что наши комендоры действовали во всяком случае не хуже японских. Мне казалось даже, что наша стрельба выдержаннее и строже корректируется, а при таких условиях, особенно принимая во внимание возможность возобновления боя на завтра, — на нашей стороне было преимущество в сохранении боевых припасов. Мне казалось, что иногда японцы слишком горячатся, что они просто «зря бросают снаряды».

По мере развития боя, сопровождавшегося уменьшением дистанции, конечно, не могло не сказаться одно весьма важное преимущество неприятеля — полное наличие его средней и мелкой артиллерии, тогда как у нас добрая треть 6-дюймовок, 75-миллиметровых и вся мелочь остались на сухопутном фронте Порт-Артура.

Еще, чего нельзя отрицать, — счастье, удача — были на их стороне. Наибольшую силу своего огня они, разумеется, сосредоточили на флагманских броненосцах. Не мало снарядов угодило в трубы «Цесаревича» (эти попадания были особенно хорошо видны).

В 5 ч. 5 м. у «Пересвета» была сбита грот-стенга

почти на половине высоты, а в 5 ч. 8 м. у него же сбита верхушка фор-стенги². Повреждение ничтожное, но всем видимое. Снаряд, сбивший верхушку стеньги, это был, конечно, чудовищный перелет, совсем плохой выстрел. Плохой, но счастливый.

Около того же времени на «Полтаве» перебило найтовы стоймя поставленной между трубами стрелы для подъема шлюпок, и она с грохотом рухнула на левый борт. Тоже пустяки. Даже повреждением назвать нельзя, так как при подъеме шлюпок стрела нарочно ставится в такое положение. А со стороны — впечатление громадное.

В 5 ч. 50 м. вечера «Цесаревич» неожиданно круто бросился влево и так накренился, что по крейсеру пронесся крик, напомнивший мне момент гибели «Петропавловска». Казалось, он переворачивается³...

По счастью, это только казалось. На несколько мгновений я, да, кажется, и все окружающие, забыли о себе, и о «Диане». Вся жизнь, все силы души перешли в зрение, были прикованы к наблюдению за тем, что происходило в среде броненосного отряда.

«Ретвизан», первоначально следовавший за «Цесаревичем», тотчас же увидел, что это случайный выход из строя из-за повреждения, и повернул обратно не только на старый курс, но даже на сближение с японцами. Казалось, он хочет таранить неприятеля.

«Победа» осталась на прежнем курсе. «Цесаревич», описывая крутую циркуляцию влево, прорезал строй между «Пересветом» и «Севастополем», словно разделяя последнее намерение «Ретвизана» и собираясь таранить «Севастополь», избегая столкновения с ним, также повернул к югу. К югу же повернул и «Пересвет», видимо еще не решивший, как действует флагманский корабль

² Читатели увидят впоследствии, какую роковую роль сыграли эти сбитые стеньги, лишившие «Пересвет» возможности давать сигналы.

³ Крен получился оттого, что японский снаряд, удачно попавший в самую боевую рубку, всё в ней разрушил, всех перебил, при чем никем не управляемый и к тому же поврежденный рулевой привод положил руль «на-борт», а от внезапного положения руля «на-борт» броненосец получил крен до 12°.

— сознательно, или лишившись способности управляться? «Полтава» шла старым курсом.

Одно время казалось, что готовится решительный удар. В моей книжке записано: «6 ч. 5 м. Наши броненосцы строем фронта идут на неприятеля»... но зачеркнуто и дальше: «Нет. — Кажется, ложатся старым курсом и строем. Порядок — «Ретвизан», «Победа», «Пересвет», «Севастополь», «Цесаревич», «Полтава»... тоже зачеркнуто и поперек написано: «Ошибка. Никакого строя. В беспорядке».

Первая запись соответствовала обстоятельствам, сопровождавшим внезапный выход «Цесаревича» из строя; вторая — тому моменту, когда он, управляясь машинами, пытался занять место в строю между «Севастополем» и «Полтавой», которая шла концевой и сильно оттянула; а третья — моменту полного расстройтва, когда никто не знал, кто командует эскадрой и куда ведет ее.

Затем броненосцы начали одновременно и беспорядочно ворочать на обратный курс. У меня записано: «6 ч. 10 м. наши броненосцы идут на N. W. 6 ч. 20 м. идем нестройно куда-то на W. Разобрали сигнал «Цесаревича» — «Адмирал передает начальство». Никаких других сигналов мы не видели⁴, совершенно терялись в догадках о том, что предполагается предпринять, а главное — кто принял начальство.

Несомненным являлось только то, что адмирал В. К. Витгефт и его непосредственный заместитель в бою — начальник штаба контр-адмирал Матусевич — оба выведены из строя но жив ли следующий по старшинству, контр-адмирал кн. Ухтомский? Правда, на «Пересвете» стены были сбиты, но разве нельзя было поднять адмиральский флаг на их обломках, на марсах, на трубе, вообще на каком-нибудь приметном месте? Если нет флага — вероятно, нет и флагмана. А тогда командующим эскадрой оказывается начальник отряда крейсеров, контр-

⁴ Из-за сбитых стен, контр-адмирал кн. Ухтомский вынужден был поднять сигнал — «Следовать за мной» — на поручне мостика. Даже ближайшие соседи не сразу его заметили, что и было главной причиной замешательства.

адмирал Рейценштейн, тогда броненосцы идут либо без всякого начальства, либо их ведет временно, до соединения с крейсерами, старший из командиров.

Прошу читателей извинить несвязность моего изложения. Я хочу держаться возможно ближе к тексту тех отрывочных заметок, которые я заносил в записную книжку в самый момент совершавшихся событий. Эти заметки кажутся мне особенно ценными тем, что они — не воспоминания, а как бы моментальные снимки действительности.

Когда «Цесаревич» неожиданно бросился влево, «Аскольд» (флагманский крейсер) тоже круто повернул к северу, но, как только выяснилось, что это не маневр, а выход из строя, как только стало очевидным, что броненосный отряд пришел в расстройство, которым может воспользоваться неприятель, — контр-адмирал Рейценштейн решительно повел свои крейсера на соединение с броненосцами. Мы все сразу поняли его мысль: принять непосредственное участие в бою, хотя бы и слабыми, но свежими силами поддержать броненосцы, дать им время оправиться. Они шли куда-то на NW нестройной кучей обгоняя друг друга, отстреливаясь так беспорядочно, что иные снаряды ложились близ нас, спешивших к ним на выручку.

А под кормой у них проходили, склоняясь к NO, главные силы неприятеля — кильватерная колонна из шести броненосных кораблей, на тесных ровных интервалах, словно не в бою, а на маневрах.

«Так ли? Не обманывает ли расстояние? Может быть, они потерпели не меньше наших? Может быть, двух-трех удачных выстрелов с нашей стороны было бы достаточно, чтобы их привести в расстройство, их заставить покинуть поле сражения? Почему они уходят? Почему не пробуют добить, разгромить отступающего врага? Не могут? Не смеют?» Эти отрывочные мысли назойливо лезли в голову, но я гнал их... упорно гнал. Какой-то туман стоял перед глазами, и сердце было полно одним желанием — скорее подойти, скорее открыть огонь, чтобы грохотом собственных орудий заглушить

это ужасное сознание, в горячке боя забыть это страшное слово — разбиты, отступаем.

Тяжело вспоминать, — но надо говорить по порядку. Ведь тогда я же записывал всё с указанием часов и минут...

Около 7 час. вечера мы примкнули справа к броненосному отряду, который как будто пытался выстроиться в линию кильватера. Головным шел «Ретвизан». Опять тот же вопрос: «Кто ведет? Кто командует эскадрой. На «Аскольде» был поднят сигнал: «Быть в строе кильватера» — без позывных. К кому относился этот сигнал? — к нам ли только (крейсерам), или же, нигде не видя флага, наш флагман вступал в командование всей эскадрой и делал сигнал общий?

Судя по тому, что «Аскольд», не ожидая, пока примкнут к нему два другие крейсера, дал полный ход и обгонял эскадру, как бы желая выйти под нос «Ретвизану» и стать головным — скорее можно было предположить последнее. Вероятно, так же думал и командир «Паллады», которая не только не увеличила хода, чтобы следовать за «Аскольдом», но даже уменьшила его с явным намерением пропустить эскадру мимо себя и вступить на свое место по диспозиции — в кильватер концевому броненосцу. Наше место в строе было — в кильватер «Палладе». С нетерпением ждали дальнейших распоряжений.

Выйдя под нос «Ретвизану», «Аскольд» опять без позывных, сделал сигнал — «Следовать за мной» — и начал круто ворочать влево. Мы поняли этот сигнал и этот маневр, как намерение повернуть эскадру в море, снова повести ее на неприятеля, видимо уже не искавшего боя.

На мостике «Дианы» слышались радостные восклицания, приветствовавшие смелое решение, но радость была непродолжительна, и тотчас же сменилась недоумением и тревогой. «Ретвизан» продолжал идти прежним курсом; броненосцы не последовали за «Аскольдом», а сам он, работая полным ходом, с тем же сигналом на мачте, словно летучий голландец, пронесся мимо, расходясь с эскадрой на контр-галсах и направляясь к югу.

— Значит, не он командует эскадрой! — воскликнул командир. — Но мы-то должны идти за ним!

Обогнать броненосцы и повернуть у них под носом, как это сделал «Аскольд», нам с нашей скоростью, было бы слишком долго, а потому командир, ни минуты не колеблясь, решил прорезать их нестройную толпу. Несмотря на тяжесть переживаемого момента, я не мог не любоваться спокойствием и уверенностью, с которыми он выполнил этот рискованный маневр. Однако, первый момент недоумения, когда броненосцы не пошли за «Аскольдом», затем прорезывание строя, — всё это заняло время, добрых 10-15 минут, и, выйдя на чистую воду, мы увидели нашего флагмана далеко на юге, скрывающегося за горизонтом в перестрелке с неприятельскими крейсерами...

Командир сохранял по внешности полную невозмутимость и только нервно пощипывал бородку.

— Ну, как я буду «следовать за ним» с нашими 17 узлами! — проговорил он сквозь зубы и, вдруг, махнув рукой, резко скомандовал: — Право руля!

«Диана» круто повернула влево и вступила в кильватер «Палладе», которая даже и не попыталась следовать за «Аскольдом»⁵.

В 7 ч. 20 м. мы были атакованы с севера отрядом — «Чиен-Иен», «Мацусима», «Ицукусима» и «Хасидате»; с востока подошли отделившиеся от главных сил «Касуга» и «Ниссин», а с юга насели «собачки». Добить нас им не удалось, и после короткого жаркого боя в дистанции не свыше 20 кабельтовых, неприятель поспешно ретировался. В этой схватке «Диане» не посчастливилось.

Я стоял на моем обсервационном пункте, на верхнем мостике, когда увидел поднявшийся на правом шкафуте гигантский столб черного дыма и тотчас же поспешил к месту происшествия. Оказалось, что снаряд угодил в стрелу Темперлея, лежавшую на дымовом кожухе, разбил ее, изрешетил осколками ближайšie вентилято-

⁵ Придя в Шанхай, контр-адмирал Рейценштейн доносил по телеграфу, что, сделав сигнал «следовать за мной», развил скорость 20, а затем 22 узла, и с тех пор «Паллады» и «Дианы» не видал... Немудрено.

ры, дымовую трубу, самый кожух, палубу, перебил отросток трубы пожарной помпы (это было на пользу) и вывел из строя 17 человек — 5 убитых на месте (в том числе мичман Кондратьев) и 12 раненых⁶.

Не могу при этом случае не похвастать постановкой службы на крейсере. Несмотря на всю поспешность, с которой я спускался с верхнего мостика и бежал по палубе, к моменту моего прибытия всё уже было сделано. Я увидел только последние, скрывающиеся в офицерский люк, носилки; убылые номера орудийной прислуги уже были заменены людьми с левого (не стрелявшего) борта; пушки, счастливо не получившие никаких повреждений, поддерживали энергичный огонь, а мичман Щ., за смертью Кондратьева вступивший в командование средней батареей, сердито размахивал грязной щеткой для подметания палубы и этим грозным оружием гнал на левый борт, под прикрытием от осколков, излишних добровольцев, стремившихся заменить убитых и раненых, чтобы принять личное участие в бою.

— Лишние прочь! — скомандовал я, бросаясь к нему на помощь. И перед окриком «старшего» наши молодцы, только что добивавшиеся права стать со смертью лицом к лицу, поспешно и послушно разошлись по своим местам. Мне ничего не пришлось ни указывать, ни приказывать, а только одобрить то, что уже было сделано, после чего я пошел в боевую рубку доложить командиру о результатах попадания, но едва ступил на нижний мостик, где помещалась броневая рубка, как из нее до меня долетели слова доклада (кажется, говорил мичман С.) — «...подводная... под лазаретом»... и резкий голос командира: — «Доложите старшему офицеру! Скорей!».

— Есть! Слышу! — крикнул я что было мочи, в просвет между броней и крышей рубки и почти скатившись с трапа, побежал на ют.

— Палубный дивизион⁷, за мной!

⁶ На другой день среди обломков мы нашли донышко этого снаряда с маркой 18. Очевидно, был получен с «Касуги» или «Ниссин», которые одни имели такую артиллерию.

⁷ По старой терминологии «палубным дивизионом» называлось небольшое число людей с боцманом во главе, находивших-

— Здесь! Здесь! Все — тут! — отозвался старший боцман.

Чтобы не утруждать читателей передачей различных догадок и предположений, которые во время боя и тотчас после него высказывались по поводу характера и размеров подводной пробоины, полученной «Дианой», — позволю себе забежать вперед и вкратце изложить то, что выяснилось после ввода крейсера в док для исправления.

10-дюймовый снаряд попал в подводную часть крейсера с правой стороны под очень острым углом в направлении от носа к корме и сверху вниз, как раз в пространстве между скатом броневой палубы и обыкновенной железной палубой, служившей полом аптеки, лазарета и судовой канцелярии. Снаряд как бы разорвал борт продольной щелью, длина которой была около 18 фут, а наибольшая высота достигла 6 фут. Благодаря тому, что удар пришелся продольно, вся сила его израсходовалась на разрушение борта. Броневая палуба дала только небольшую течь, а главное — не была разрушена легкая железная палуба, находившаяся выше броневой. Эта палуба спасла крейсер, воспрепятствовав воде немедленно хлынуть во внутренние его помещения. Правда, палуба не могла бы долгое время сопротивляться напору извне; ее тотчас же начало выпучивать, рвать по швам... Но это был выигрыш драгоценных минут, в течение которых мы успели ее подкрепить, зажать подпорами, словом — локализовать вторжение в недра корабля самого грозного его врага — забортной воды.

Первое, что я увидел, сбегав вниз, это — раненых и больных, которых доктор, фельдшера и санитары вы-

ся в распоряжении старшего офицера, и во время боя занимавшихся тушением мелких пожаров, исправлением незначительных повреждений. В Порт-Артуре при Макарове эти «дивизионы» были значительно усилены, снабжены всеми необходимыми средствами для заделки пробоин и специально обучались этому делу. В состав их входили наиболее опытные и расторопные люди, как-то: боцмана, лучшие унтер-офицеры и марсовые, а также специалисты и мастера — водолазы, плотники, парусники, слесаря, кузнецы и т. под. Название осталось старое.

носили и выводили из угрожаемых помещений. Опасность была слишком очевидна. Метлахские плитки, которыми была выстлана палуба в лазарете и в аптеке, с треском отскакивали со своих мест, а из-под них с шипом и свистом вырывались струйки воды. Каждое мгновение швы могли окончательно разойтись и палуба вскрыться. Трюмный старшина, заведывавший кормовым отсеком, и его подручные тотчас вслед за ударом снаряда начали ставить подпоры. Им помогали некоторые из числа раненых. С прибытием дивизиона работа закипела.

Надо ли говорить о том, как работали? С каким искусством, с какой силой сыпались удары тяжелых молотов на клинья, которыми крепились подпоры? Ведь эти клинья, зажимавшие расхлывшиеся швы палубы, удерживали само море, мощному напору которого не могли противостоять надорванные железные заклепки. Двери в непроницаемых переборках были задраены; выхода наверх не было; победи море — мы были бы первыми его жертвами. Сильно мешала правая кормовая 6-дюймовка, находившаяся прямо над нами. От ее выстрелов палубы так сильно вибрировали, что клинья сдвигались со своих мест, часто самые подпоры грозили рухнуть, и их приходилось поддерживать с боков раскосинами. А чуть где ослабевало крепление — тотчас же появлялась вода. «Хоть бы подбили эту проклятую пушку!» — мелькнуло в голове преступное желание... И вдруг она замолкла. Дело пошло быстрее. Мы одолели.

— Теперь уж не пустим! — торжествующе воскликнул трюмный старшина, топая ногой по палубе.

— Наша взяла! — подтвердил боцман.

— Ну, вы не сглазьте! — остановил я их ликование. — Еще накликаете, чего доброго!

Сколько времени мы работали? Под первым впечатлением мне показалось, несколько секунд, но, оглянувшись на выполненную работу, припомнив различные ее эпизоды, я впал в другую крайность и решил, что прошло не менее полчаса, а то и больше. Посмотрел на часы, — они подмокли и остановились.

Лазарет, ванна, аптека, судовая канцелярия пред-

ставляли собой какую-то фантастическую колонаду. Под ногами была железная палуба, плитки, ее покрывавшие, частью сами отскочившие, частью сорванные при работе обнажения швов, лежали беспорядочными кучами. Вода стояла по щиколотку, но прибыль ее успешно откачивали такими примитивными средствами, как ведра и брандсбойты. Она только просачивалась через швы покоробленных листов, да через заклепки, частью надорванные, частью вовсе вылетевшие из гнезд. Такие дыры, если они были одиночны, просто заколачивали деревянными пробками, там же, где их был целый ряд, — клали подушку или матрас, сверху доску, а затем ставили подпору и зажимали, подгоняя клинья. Это уже были мелочи: не борьба с пробойной, а прекращение течи. Поручив эту работу трюмному механику, приказав ему же затопить соответственные кофердамы левого борта для уничтожения крена, оглядев соседние отделения и опросив — всё ли благополучно? — я пошел наверх с докладом к командиру.

Выйдя на палубу, я случайно оказался как раз у правой кормовой 6-дюймовки и сразу понял, почему она так своевременно перестала стрелять: ее разряжали с дула, пытаюсь вытолкнуть обратно снаряд, в горячке боя особенно энергично посланный на место и крепко севший в нарезы.

— Что такое?

— Некалиброванный попался, ваше высокоблагородие! — почти со слезами выкрикнул комендор.

«Нет худа без добра, — думал я, отходя прочь. — Не случись этой дряни, вряд ли бы мы внизу справились». Мой доклад командиру, которого я нашел в боевой рубке, весь полный технических терминов и определений, был бы не только не интересен, но и непонятен большинству читателей, а потому я его опускаю.

Здесь я справился о времени. Было 7 ч. 40 м. вечера. Справился о курсе — NW 30°. Вышел на крыло мостика и огляделся. Шли нестройно. Не то — кильватер, не то — две колонны. Головным «Ретвизан», мы — концевыми, а впереди нас — «Паллада». «Ретвизан» и еще кто-то, шедший за ним (не «Победа» ли?) провожали ред-

ким огнем неприятельские крейсера, поспешно уходившие на северо-восток.

Я вынул памятную книжку и при свете зари начал записывать.

— Окончательно! теперь уж — окончательно! — раздался неподалеку голос, звеневший негодованием. Я обернулся. На мостике стояла группа офицеров.

— Что такое? Что — «окончательно»? — спросил я.

— Окончательно возвращаемся в Порт-Артур! Торжественно шествуем на погребение эскадры!

— Тише! Команда слушает! — проговорил я вполголоса и затем громко: — Почему? Что за вздор. Пополним запасы, исправим повреждения и снова пойдем в море. Разве не видите, как нерешительно действует неприятель? Им попало наверно не меньше нашего. Нам до Артура — 100 миль, а им до Сасебе — 500 с лишним. (Надо ли сознаваться, что я сам не верил тому, что говорил и что это возвращение самому мне представлялось похоронной процессией?).

— Полноте! Полноте! — заговорили все вокруг, перебивая один другого. — Если повреждения незначительны — нечего возвращаться, а если значительны, то где же их исправить в Артуре, да еще при бомбардировках с суши, когда что ни день, то новые повреждения? Да и дойдут ли еще? — Миноносцы так и лезут! — Что миноносцы! — ведь идут напрямик и через наши и через японские минные банки. Не каждый раз Бог пронесет, как 10 июня. Всё на Николу Угодника! Запасы? — да нам их не только не дадут, а еще и наши остатки отберут для крепости. — Нас-то уж ни в коем случае чинить не станут. Просто переписут всех в морскую пехоту. Пушки снимут на батареи, а самый крейсер... Крейсер — в виде бесплатной премии японцам при сдаче крепости. Еще поплавает под японским флагом.

— Ха-ха-ха-ха!

Смеялись нервно, говорили громко и резко, с явным намерением, чтобы слышал командир...

Он вышел из боевой рубки на крыло мостика. Вид, как всегда, невозмутимый, почти беспечный. Всё стихло. Кругом воцарилось напряженное безмолвие.

— Покойный адмирал, — заговорил он, словно читая по книге, — показал сигналом, что государь император приказал идти во Владивосток, а наш флагман ушел на юг с сигналом «следовать за мной». Как только стемнеет, мы отделимся от эскадры и пойдём во Владивосток, если можем это сделать. Надо — маршрут, и надо спросить механиков, хватит ли угля.

Никто не посмел громко высказать свое одобрение, но оно чувствовалось.

Маршрут был сейчас же намечен: обогнуть Кельпарт с юга; располагать скоростью так, чтобы к восточной его оконечности подойти к закату солнца; тут дать самый полный ход и за ночь кратчайшим путем проскочить Корейский пролив; если удастся — к рассвету будем в Японском море, вне вида берегов, как Кореи, так и Цусимы; дальше идти во Владивосток, как Бог даст. Старший механик удостоверил, что на 12 часов самого полного хода и на остальной путь экономическим (10 узлов) ходом у него угля хватит, даже с запасом, на всякий случай.

*Капитан 1 ранга
В. Семенов*

5-Й ПОЛК

(Исторический рассказ)

Страницы военной истории, это — имена сражений и боев и неразрывно связанные с ними имена воинских частей и военных кораблей, в них отличившихся. Нельзя представить себе баталии Полтавской без преображенцев и Аустерлица без кавалергардов, как в итальянском походе нельзя забыть Суворовских «чудо-богатырей» — московских grenадер и бутырцев, — в покорении Кавказа — апшеронцев и ширванцев, а при Чесме — «Св. Евстафия».

В нескольких строках не перечесать, конечно, даже наиболее выдающихся имен русской воинской славы.

На знаменах, штандартах и знаменных флагах с белым крестом Св. Георгия, на трубах, рожках и шапках были запечатлены те походы, кампании и сражения, с которыми связали себя жертвенной доблестью полки и батареи Российской армии и Флотские экипажи.

Упорная оборона Порт-Артура, — эти ожесточенные бои с фанатично храбрым противником, эта напряженная и отчаянная борьба без тыла, без источников пополнения, снабжения и продовольствия, борьба за каждую пядь земли, — создали боевую славу бывших в Артуре полков. Среди них 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, — был той единственной воинской частью, которая в войну 1904-5 гг. удостоилась получения трех боевых наград: Георгиевского знамени за Киньчжоу и Порт-Артур, Георгиевских труб за бои на Высокой Горе и Георгиевских рожков за Порт-Артур¹.

На вековых, нетленных скрижалях истории имя 5-го полка и имя Порт-Артура навсегда скованы между собою.

¹ А. Керсновский, «История русской армии», Ч. III.

КИНЬЧЖОУ

В 50 верстах к северу от Артура гористый Квантунский полуостров узким перешейком соединяется с материком. С обеих сторон — воды Желтого моря. Если стать лицом к северу и смотреть туда, куда уходит рельсовый путь на Родину, то направо, в сторону Кореи и Японии, лежит бухта Хунузза и немного севернее от нее бухта Керр. Налево, на запад, в сторону Китая, — залив Киньчжоуский с его пологими берегами, широко оголяющимися в часы отлива.

Сам перешеек — шириной около 4 верст, и это узкое дефиле запирается громадой горного массива Нань-Шань, — Южная Гора по-китайски. С нее на много много верст открывается незабываемый кругозор, и стоит она, как часовой, преграждая путь из Южной Маньчжурии в Артур. Сама природа создала здесь передовую позицию Квантуна.

За год, примерно, до начала Русско-японской войны в Киньчжоу прибыл из Китая 5-й полк. Работы по укреплению позиции еще не были даже начаты, и многое предстояло сделать для усиления ее естественных оборонительных качеств. Командиром полка был строевой офицер, участник двух кампаний, турецкой и китайской, — по образованию академик и военный инженер. Это последнее обстоятельство было, конечно, учтено при назначении полка. Он был выделен из родной 2-й Сибирской стрелковой дивизии, бывшей до 1904 года бригадой и находившейся в Маньчжурии, и придан 4-й, — Квантунского укрепленного района. Стал он, таким образом, по словам некоторых² «Пасынком в чужой семье», но японская война показала, что и «пасынок» может быть не хуже других, «природных сынов» дивизии.

Весною 1904 года Киньчжоуская позиция уже грозно щетинилась против врага: 8 редутов и люнетов были опорными пунктами вырытых в полный профиль, местами в два, местами в три яруса окопов с блиндажами, ко-

² Шт.-кап. Костюшко, «Ноябрьские бои на Высокой Горе под Порт-Артуром».

зырьками от шрапнели и бойницами, с ходами сообщения и широкой телефонной сетью. Многочисленные препятствия, засеки, волчьи ямы, 84 фугаса и пр. прикрывали ее с фронта. Лишь «техники» было мало: только в марте, через два месяца после начала войны, были доставлены, наконец, 65 артиллерийских орудий, да и это были, главным образом, трофеи Китайской кампании, — поршневые орудия с предельной дальностью шрапнели меньше трех верст. Стрелять с закрытых позиций еще не умели, и артиллерия устанавливалась на открытом склоне гор и возвышенностей. За два дня до японского штурма прибыла одна 6-дюймовая пушка системы Шнейдера-Канэ, но для нее требовалось особое оборудование. Быстро закончить эту работу не удалось, и она не смогла принять участия в бою.

Но если количество «техники» было сугубо недостаточно, то и численный состав гарнизона не соответствовал значению и протяжению Киньчжоуской позиции. Этот гарнизон составляли 3 неполных батальона 5-го полка, из коих 3-й, недавно сформированный, лишь в конце марта прибыл к полку. Всего было 11 рот, так как 1-ая рота находилась в Пекине, при Российском посольстве.

Этим ротам 5-го полка были приданы 3 роты и 2 охотничьих команды других полков. Общая численность, таким образом, была немного более 4000 штыков, которые, даже при расположении в одну линию, могли занять лишь часть окопов и укреплений четырехверстной позиции. Резервы сводились до минимума и считались полуротами. Поэтому прорыв позиции не мог быть допущен: боевая стойкость русского офицера и солдата, — в данном случае, 5-го полка — должна быть доведена «до отказа».

Правда, позже, когда появилась действительная угроза атаки японцами Киньчжоуской позиции, в непосредственный ее тыл были подвинуты три полка 4-й стрелковой дивизии, но в дело они введены не были.

В середине апреля 1904 года берега Ляодунского полуострова совершенно очистились от льда, и японское командование отдало распоряжение о высадке 2-й армии генерала Оку в северо-востоку от Киньчжоу.

Было раннее утро 22 апреля. Туман медленно подымался от морской поверхности. Всё было тихо вокруг. Небольшой офицерский разъезд 1-го Верхнеудинского полка, после короткого ночлега, только что подтянул подпруги и вытягивался на наблюдательный пункт около города Бицзыво на восточном берегу Ляодуна. Казачий офицер внимательно смотрел в бинокль на полосу тумана, и она казалась ему в то утро особенно темной. На краю поля зрения этот туман совершенно почернел и, неожиданно быстро поднявшись, сразу оголил силуэты многих дымивших судов. Офицер и казаки еще считали, сколько их было, а от них уже отвалили и быстро шли к берегу катера с вооруженными людьми. Широким наметом помчался на своем малорослом коне забайкальский казак с донесением на ближайшую станцию полевого телефона. Еще накануне поздней ночью в штабе 4-й дивизии были получены донесения наблюдательских постов о появлении японских судов. Началась новая глава в истории Русско-японской войны.

35 транспортов с войсками под прикрытием трех военных кораблей, под флагом адмирала, подошли ближе к берегу. В первый же день Оку удалось высадить одну пехотную дивизию. Десант прочих частей и артиллерии занял еще три дня. Коротким броском японская кавалерия достигла западного побережья полуострова и прервала сообщения. Киньчжоу и Порт-Артур оказались отрезанными от Маньчжурии и России.

В тот же день 5-й полк занял окопы и укрепления Киньчжоуской позиции. Однако, прошла еще неделя прежде, чем главные силы японцев начали подходить.

3-го мая два батальона полка с прочими полками 4-й дивизии произвели усиленную рекогносцировку с боем в северо-восточном направлении. Еще и раньше были стычки передовых частей, но на этот раз наше продвижение было быстро остановлено. Ружейный и в особенности артиллерийский огонь противника значительно усилился. Правда, наши стрелки вышли из боя с молодецкими песнями, но потеряли около ста солдат убитыми и ранеными. В 5-м полку в этом бою был смертельно ранен капитан Гамзяков.

Усталые физически, но бодрые духом роты 5-го полка возвратились в свои окопы. Ночь оказалась беспокойной: то там, то сям вспыхивала перестрелка, и наши сторожевые посты, выдвинутые вперед, были принуждены местами отойти. Части 2-й японской армии постепенно занимали расположенные к северу от Киньчжоуской позиции высоты. Потребовалось еще около недели для сосредоточения главных сил с их многочисленной артиллерией. Генерал Оку решил штурмовать 12-го мая позицию, «где три бесстрашных русских батальона приготовились встретить три японских дивизии»³, поддержанных отдельной артиллерийской бригадой (всего около 35.000 штыков при 198 орудиях и 48 пулеметах). С запада, со стороны Киньчжоуского залива, атаку должны были поддержать канонерские лодки, но они запоздали, и штурм был отложен поэтому на один день.

Рассвет 12 мая начался грохотом японских орудий: ураганный огонь неприятельской артиллерии обрушился на Киньчжоускую позицию и ее защитников. Столбы камней, земли, щебня, балок от блиндажных настилов скоро обратились в густой дым, окутавший русские окопы. Наша артиллерия не заставила себя долго ждать, и грохот ее выстрелов слился скоро в одно с грохотом рвущихся снарядов. То была лишь артиллерийская подготовка, но ее размеры, ее невиданная еще мощность говорили уже о напряженности предстоящей борьбы, и длилась она, без перерыва, до самой темноты.

В тот вечер 12 мая командир 5-го полка приказал подполковнику Еремееву, начальнику небольшого гарнизона (2½ роты), занимавшего самый город Киньчжоу, расположенный впереди левого фланга позиции, отойти назад. Японцы могли легко обойти город с юго-востока и отрезать наш передовой отряд. Эти опасения оказались правильными: японская пехота, пользуясь темнотой дождливой ночи, уже обходила город, и отряду подполковника Еремеева не без труда удалось присоединиться к своим. Стрелки последней полуроты, уже отрезанные

³ А. Керсновский.

от ворот высокой городской стены, прыгали вниз с двухсаженной высоты.

Темная, грозовая ночь на 13 мая с бесчисленными раскатами грома, со сверкающими ударами молнии проходила тревожно. Было 4 часа утра, когда в обрывках утреннего тумана, из горных ущелий, из-за седловин и перевалов гористого массива показались густые колонны. Они выходили в долину одни за другими и быстро приближались к нашей позиции. Казалось, не было им ни счета, ни конца. Развернувшись в густые цепи, маленькие люди в защитной, цвета хаки, одежде, поблескивая штыками в лучах восходящего солнца, быстро подвигались вперед. Повсюду были видны офицеры, одни, помахивавшие казавшимися игрушечными саблями, другие, сжимавшие в руке сталь револьверов. Доносилась издали резкая, гортанная команда, и скоро буквально вся Киньчжоуская долина была заполнена солдатами. Те, что были вдали, тащили пулеметы, а передние, подойдя к искусственным препятствиям, уже резали проволоку или бросали настилы на ямы.

Частый огонь нашей артиллерии окутывал их разрывами шрапнелей, вырывал целые клочья в живой массе атакующих, но на место их выступали новые и новые солдаты. Один за другим начали взрываться фугасы, и черные столбы земли, камней и человеческих тел высоко взлетали на воздух, но японская пехота продолжала настойчиво продвигаться, цепляясь уже за первые скаты русской позиции.

А там, на горных склонах Нань-Шаня, едва виднелись белые рубахи сибирских стрелков. Их было так мало, между ними были такие широкие пустые промежутки, что они казались тонкой, тонкой прерывчатой и слабой линией. Японское командование полагало, что без особого труда удастся сбросить и разбить русских.

По звуку пехотных горнов раздались новые команды, и сразу в нескольких местах вспыхнуло громкое и дружное «банзай»: японская пехота ринулась на штурм Киньчжоуской позиции.

Теперь не только огонь русской артиллерии бил по атакующим, — уже часто-часто стучали русские пуле-

меты, и прицельно метко стреляли из винтовок солдаты 5-го полка. Всё гуще падали японцы и длинными веревками ползли назад или плелись, согнувшись, раненые.

Несмотря на брошенные на штурм батальоны, несмотря на фанатичное упорство атакующих, на разрушающий ураган артиллерии, — роты 5-го полка остановили японские дивизии, и их стремительная атака захлебнулась в ружейном и пулеметном огне.

Однако, в 7-м часу утра в Киньчжоуском заливе появились неприятельские канонерские лодки, затем к ним присоединились миноносцы, и Киньчжоуская позиция была взята в продольный огонь морской артиллерии крупного калибра. Разрушения русских окопов и укреплений не поддаются описанию. Очень много наших орудий было приведено к молчанию или разбито.

Сменив потрепанные батальоны свежими, Оку бросил их на новый штурм, но и этот штурм, после упорного боя, был отбит: 5-й полк продолжал защищать свою позицию.

В это время, около 9 часов, в бухту Хунуэза, за правым флангом позиции, вошли наша канонерская лодка «Бобр» и миноносцы «Бурный» и «Бойкий». Их орудия открыли огонь по фланговой 3-й дивизии японцев. Там произошло замешательство и атакующие отхлынули назад. Несколько японских батарей было подавлено артиллерией наших военных судов.

Защитники Киньчжоуской позиции радостно встретили эту неожиданную помощь, но их ликование, к сожалению, продолжалось недолго. Уже в 10 часов русские корабли ушли и отныне одни японцы обладали морской артиллерией. Трудно было бороться с ее разрушительным огнем. К полудню наши батареи начали постепенно умолкать: на одних — много орудий было подбито, на других не было больше снарядов или не хватало орудийной прислуги: много артиллеристов было убито, еще больше ранено. Начальник одного из боевых участков подполковник Радецкий был убит. Легко был ранен в ногу командир 5-го полка, находившийся на центральной батарее № 13.

Но в полдень и с японской стороны наступило за-

тишье. Однако, его причины были совершенно другого порядка: надо было вынести раненых из сферы огня, привести в порядок смешавшиеся части, заменить или укрепить их резервы, накормить людей, пополнить снабжение, занять более выгодные артиллерийские позиции. То было грозное затишье перед новой бурей, перед новым штурмом.

Стрелки 5-го полка лихорадочно торопились приводить в порядок разрушенные окопы и укрепления, но не прошло и двух часов, как японская артиллерия снова открыла огонь. Казалось, он еще более усилился. Тогда Оку бросил свою армию на новый штурм, на тот штурм, который, по его мнению, должен был дать победу.

Но так же стойко, как и раньше, стоял русский полк. В дыму, в свисте и в грохоте рвавшихся японских снарядов, тяжелых и легких, в настоящем огненном аду, неся огромные потери, бросаясь временами в рукопашную борьбу, роты 5-го полка продолжали доблестно отражать атаки врага.

«На каждую русскую роту японцы двинули полк, по каждому батальону били из 12 батарей⁴, но 5-й полк выдержал это эпическое единоборство, и к 4 часам дня и этот штурм японских дивизий был отбит.

«В это время в положении армии Оку настал опасный кризис: 1-я дивизия, бывшая сначала несколько впереди других понесла столь большие потери, что ее усилили двумя батальонами из резерва армии. 3-я дивизия, поражаемая во фланг русской канонерской лодкой («Бобр») и тяжелой артиллерией... также несла большие потери... ее положение стало настолько трудным, что ее решили поддержать последним батальоном, оставшимся в резерве армии...»⁵.

Сам генерал Оку доносил: «Из-за упорного сопротивления неприятельской пехоты, положение не изменилось до 5 ч. дня... В виду этого я был вынужден приказать нашей пехоте предпринять штурм позиции и овладеть ею, даже тяжелой ценой, а нашей артиллерии приказано

⁴ А. Керсновский.

⁵ «Осада Порт-Артура». Кр. ист. исслед. Сост. герм. Генеральным Штабом.

было расходувать оставшиеся снаряды... Пехота нашей первой дивизии бросилась вперед на позицию неприятеля, храбро и отважно, но благодаря жестокому фланговому огню неприятеля, большое количество наших людей было быстро убито или ранено. Положение стало критическим, так как дальнейшее наступление казалось невыполнимым»...⁶

В этот исторический час надо было играть последнюю карту, и Оку решился на новый штурм. Главный удар было приказано вести правой 4-й пехотной дивизией, часть солдат которой еще днем залегла в морской воде, обходя левый фланг русской позиции и пользуясь небольшой глубиной вдоль пологих берегов во время наступившего отлива. Этим частям было приказано во что бы то ни стало выйти в тыл русских укреплений левого фланга. Здесь еще утром траншеи и блиндажи, занятые 5-й и 7-й ротами 5-го полка и двумя охотничьими командами, были совершенно разбиты огнем японской морской артиллерии. Обе роты понесли большие потери. Начальник боевого участка полк. Сейфуллин был ранен.

Вскоре ураган японских снарядов обрушился на центр и левый фланг Киньчжоуской позиции. Здесь на побережье залива положение русских становилось критическим. Находившиеся на самом берегу охотничьи команды 13-го и 14-го стрелковых полков, понеся большие потери, не могли больше держаться в разбитых морскими орудиями окопах и отошли несколько назад. Японцы начали просачиваться в тыл нашего левого фланга.

Во-время заметив это, командир 5-го полка приказал одной из 2½ рот, остававшихся у него еще в резерве, восстановить положение. Это была рота 13-го полка, которой было приказано занять окопы влево от батареи № 10 и преградить таким образом дорогу просачивавшимся японцам. Однако, по неизвестной причине она вышла не к западу, а к востоку от батареи и не выполнила поставленной ей задачи: японцы продолжали накапливаться к северо-западу от батареи.

⁶ «Русско-японская война», Т. VIII. «Оборона Квантуна и Порт-Артура», Ч. I.

Эта ли угроза или что-либо другое побудила начальника русской 4-й стрелковой дивизии генерала Фока приказать ординарцу поручику Глеб-Кошанскому передать левофланговым ротам 5-го полка в первую очередь, а потом и прочим приказ об оставлении Киньчжоуской позиции.

Не зная еще ничего об этом приказе, командир 5-го полка, находившийся на батарее № 13 и обеспокоенный продолжавшимся проникновением японцев в охват левого фланга позиции, решил лично со своим последним резервом отбросить японцев. Приказав подать себе коня, он поскакал к остававшейся еще в резерве одной роте, чтобы направить ее к батарее № 10, но в это время части 4-й японской дивизии уже показались на ее верхах и в тылу левофланговых рот 5-го полка. Нечего было и думать с одной ротой выбивать оттуда японцев.

Теперь только оставалось выполнить приказ об отходе и обеспечить последний, преградив дорогу выходящим в наш тыл японцам. Дравшиеся впереди батареи № 10 левофланговые роты 5-го полка, — 5-я и 7-я, несмотря на тяжелые потери, продолжали оборонять свою позицию и начали отходить лишь тогда, когда получили приказ⁷.

Несколько позже начали отходить по приказу и роты правого фланга, но в центре позиции упорная борьба за каждую пядь земли продолжалась до самой темноты. «Окруженные роты 5-го полка продолжали упорно сражаться. Японцы лезли со всех сторон, но славные сибиряки встречали их в штыки и гибли в неравной борьбе. Ни один солдат не сдался в плен»⁸.

Офицеры полка отказывались оставить позицию и раненые продолжали защищаться. Невозможно перечесть всех подвигов, совершенных в этом бою. Офицеры помнили еще прежний приказ о том, что отступления с позиций не будет и теперь отказывались верить словесному приказанию об отходе. Здесь, под командою подполковника Белозора, две роты — 4-я капитана Ше-

⁷ Lieut. General N. A. Tretyakov. "My experiences at Nashan and Port-Arthur with the Fifth East Siberian Rifles."

⁸ Ген. А. И. Сорокин, «Оборона Порт-Артура».

стина и 8-я капитана Маковеева — продолжали сражаться. Они были обойдены японцами, которые отрезали также и 3-ю и 12-ю роты. Японцы, уверенные, что они захватят обойденные ими части, кричали им о сдаче и махали им белыми платками, но стрелки под командою подполковника Белозора и своих офицеров бросились прорываться и в страшном пулеметном и ружейном огне проложили себе дорогу. Полковник Белозор и капитан Шастин были тяжело ранены, но их подвиг позволил стрелкам присоединиться к своим. Никто не сдался японцам.

Капитан Макавеев, отказавшись покинуть окопы, занятые его ротой, пал смертью храбрых, расстреляв в упор последние патроны своего револьвера. Капитан Соколов, командир 9-й роты, бросился с шашкой на японцев и пал, поднятый на штыки. Пал также и поручик Крагельский, отказавшийся отступить и пропускавший мимо себя отходивших солдат своей роты⁹.

Спустились уже сумерки, когда командир 5-го полка, лично объехав новую позицию на склонах Тафашинских высот, всего в 2-3 верстах к югу от прежней, убедился, что она занята отошедшими ротами и батальоном 14-го полка. По всему фронту японцы были остановлены, и наши стрелки готовились к новой упорной обороне.

Однако, вскоре от генерала Фока был получен письменный приказ об отходе в Артур.

Уже в полной темноте сворачивались в колонну остатки полка и выходили на большую дорогу.

В это время сзади раздалась какая-то беспорядочная стрельба, несколько обозных двуколок понеслись вскачь прямо по полю, а в тревожных криках можно было разобрать отдельные возгласы: «японская кавалерия». Командир полка и офицеры бросились восстанавливать порядок. Полковому оркестру было приказано играть, и в ночной темноте раздались звуки военной музыки. Сразу тревожное настроение исчезло, и всё быстро успокоилось. Стройные ряды стрелков с офицерами

⁹ Lt. Gen. Tretyakov. Op. cit. c. 55, 58-59.

и унтер-офицерами на местах, отбивая ногу шли мимо своего командира. В темноте южной ночи мерно колыхалось полковое знамя, и зловещий отсвет окружавших пожаров играл на его малиновой шелковой ткани. Когда смолкал на время оркестр, русская песнь, солдатская песнь раздавалась в маньчжурской ночи:

Взвейтесь соколы орлами,
Полно горе горевать...

Конные охотничьи команды прикрывали отход усталого, но сохранившего воинский дух полка. Там, позади, то и дело вспыхивала ружейная перестрелка. Еще дальше ухали японские пушки, и тогда над отходившей колонной пела шрапнель.

Много раненых с просочившимися кровью перевязками шло в строю или передвигалось рядом. Когда через несколько дней генерал Стессель произвел смотр полку, то он приказал вызвать вперед всех стрелков, которые, будучи ранены, тем не менее остались в строю, и намеревался наградить их всех знаком отличия Военного ордена. Но, по его мнению, вышло так много, — 300 человек, — что он отказался от своего первоначального намерения и наградил георгиевскими крестами лишь 90 стрелков, из наиболее тяжело раненых. Больше наград за этот бой солдатам не было дано.

Под Киньчжоу мы потеряли 20 офицеров и 770 солдат убитыми и пропавшими без вести. Восемь офицеров и 640 солдат были ранены. Об упорстве борьбы и героизме русских офицеров и солдат свидетельствовали потери 5-го полка. В нем выбыло из строя 51% офицерского состава и 37% стрелков.

Японцы потеряли, по их данным, убитыми 33 офицера и 716 солдат, и ранеными 100 офицеров и 3355 солдат. В этом сражении армия Оку израсходовала свыше 40.000 артиллерийских снарядов и около 4 миллионов патронов.

Так окончилось двухдневное сражение у Киньчжоу, где один русский полк схватился в кровавом бою со всей армией Оку и «где три русских батальона пригвоз-

дили к месту три японских дивизии». То было «геройское единоборство 5-го Восточно-Сибирского полка со 2-й японской армией. И русский полк остановил японскую армию... У японцев, кроме армии, действовал и флот... Сокрушить же вместе с армией и флот врага пехотному полку, — даже Российской Императорской пехоты, — было не по силам. Киньчжоуская позиция пала, но ни один офицер, ни один стрелок не сдались японцам».

*Офицер 5 Восточно-сибирского полка
Б. Н. Третьяков*

НА МИННОМ КАТЕРЕ

Большая часть моей службы в Порт-Артуре во время войны протекала на миноносцах. Вскоре после гибели «Петропавловска» я, по давнишнему моему ходатайству, был, наконец, переведен с крейсера «Диана» на эскадренный миноносец «Боевой».

С этим кораблем и его личным составом я уже раньше тесно связался в период практического плавания летом 1903 года в Корейских шхерах, в которое я был командирован в качестве младшего штурмана «Дианы» для изучения этих шхер.

Плавать под командой лейтенанта Е. П. Елисеева, выдающегося, как по своей образованности, так и по блестящим военно-морским качествам офицера, было моей давней мечтой, и, действительно, на «Боевом» я прошел отличную школу, включительно до самостоятельного управления при входах и выходах из гавани, этого самого большого тогда миноносца нашего флота (410 тонн), в то время как на большинстве других миноносцев это почиталось чуть ли не священной привилегией одного командира. Да и не мудрено: в мирное время по лихости этих маневров начальство не редко судило о достоинствах его, и вся его карьера могла от них зависеть. А так как старший офицер, лейтенант А. И. Смирнов, был минным офицером и при том исполнял должность флагманского минера первого отряда миноносцев, то на меня легли обязанности и штурмана, и артиллерийского офицера и флаг-офицера Елисеева, командовавшего отрядом.

Неоднократное участие миноносца в ночных крейсерствах по охране внешнего рейда нередко приводило к столкновениям с японскими миноносцами, а постанов-

ка мин и траление впереди судов эскадры дополняли мою боевую школу.

И когда в одном из ночных боев Елисеев и Смирнов оба были тяжело ранены, а миноносец выведен из строя, и мне, мичману по второму году службы, пришлось временно вступить в командование и отвести корабль на буксире другого миноносца, сперва в Голубиную бухту, а на утро в Порт-Артур, школа эта оказалась мне в высшей степени полезной.

Не могу по этому поводу не вспомнить с благодарностью имя флагманского врача отряда Я. Кефели. В ночь этого боя он находился в Порт-Артуре и на миноносце имелся только фельдшер, могший оказать раненым лишь первую помощь. Легко понять мою радость, когда внезапно из темной ночи к нам подошла китайская шампунька и в ней наш доктор. Оказалось, что, узнав о нашем бое, он немедленно верхом прискакал в Голубиную бухту, нанял шампуньку и разыскал нас среди ночи в открытой бухте. Благодаря, быть может, такому глубокому сознанию своего долга доктором Кефели, своевременно оказавшему помощь раненым, была спасена дорогая для меня жизнь моих начальников.

По окончании ремонта и вступлении миноносца в строй, Командующий эскадрой контр-адмирал В. К. Витгефт оставил меня временно, до выздоровления Елисеева и Смирнова, командующим миноносцем, с тем, однако, что на выход в море к нам присылались командиры стоящих в ремонте миноносцев по очереди. В один из таких походов под командой лейтенанта барона Косинского в июле месяце «Боевой» в ночном бою был почти разорван пополам попавшей в середину борта торпедой. Мне пришлось руководить мерами подкрепления палубы при помощи находящихся, к счастью, на борту бревен, употреблявшихся при тралении для предохранения буртика, и при этом даже вмешаться в распоряжение командира, давшего, не оценив положения миноносца, ход машинам, что могло иметь последствием разрыв его на две части. Отдав приказание в машинное отделение застопорить машины, я побежал на мостик и

объяснил командиру, почему я отменил его приказание. К чести лейт. Косинского, он не только не обиделся на меня, но в своем рапорте приписал мне спасение миноносца и представил к боевой награде. В этих моих действиях мною руководила та же школа Елисеева, всегда поощрявшего инициативу подчиненных.

На этот раз отремонтировать «Боевой» не пришлось. Док понадобился минному заградителю «Амур» и нас вывели. А так как «Амур», в конце концов, был в доке разбит японскими снарядами с суши, то оказалось невозможным вывести его оттуда.

Но и не до того было! Эскадра готовилась к выходу в море, и Елисеев, поправившись от ран, вступил в командование отрядом, и с ним я перешел на «Выносливый» в качестве флаг-офицера.

По возвращении эскадры, после боя у Шантунга, в Порт-Артур, Елисеев в непродолжительном времени вынужден был снова лечь в госпиталь для удаления застрявшего возле сердца осколка, и оба отряда миноносцев были сведены под общую команду кап. 2 ранга Е. И. Криницкого, к которому я и перешел, так сказать, по наследству, флаг-офицером. Штабная служба на стоявшем на бочке учебном судне «Забияка» меня тяготила, и вскоре, с разрешения Криницкого, я подал рапорт о переводе меня на сухопутный фронт. Однако, командующий минной обороной Порт-Артура отказал в этом и перевел меня флаг-офицером в свой штаб на канонерскую лодку «Отважный», стоявшую на внешнем рейде и несшую охранную службу.

Единственным развлечением в этой новой должности были ночные походы на миноносцах, некоторые командиры которых, как например лейтенант А. И. Непенин, Лепко и др., нередко просили штаб командировать меня на поход, как штурмана, хорошо знающего берега Квантуна.

Целью этих ночных поисков было найти и атаковать японские вспомогательные суда, повадившиеся бомбардировать днем из бухты Луиза наши сухопутные позиции левого фланга крепости, а на ночь удалявшиеся в

Печилийский залив. Поиски эти, однако, успеха не имели, и нам ни разу не удалось найти их базу, на которой, по картинному выражению командира «Властного» лейт. Карцева они «ночевали», став на якорь и мирно склонившись на один борт.

Единственным результатом одного из походов был захват лейтенантом Лепко японской парусной шхуны, груженной пивом для армии. Эту шхуну я с призовой командой привел в Порт-Артур под обстрелом двух японских миноносцев, с которыми Лепко, прикрывая меня, вступил в бой. Придя на рейд, я прежде всего свез несколько ящиков пива в кают-компанию на «Отважный», за что призовой суд наложил на меня начет, что-то 12 рублей. Начет этот, однако, так и замотался, а свою призовую долю, примерно в таком же размере, я получил по возвращении в Россию. А вот Командующий флотом В. А. Скрыдлов, бывший во Владивостоке, получил по закону за эту самую шхуну что-то около — 800 рублей! Такова горькая доля мичмана!

Начальник Обороны ген. Стессель и Комендант крепости ген. Смирнов настаивали, чтобы флот защитил фланг крепости от японских судов, безнаказанно бомбардировавших его из мертвых углов обстрела наших фортов в бухте Луиза. Особенно сильно стало сказываться это в ноябре, когда японцы повели отчаянные атаки с фронта на левый наш фланг.

С этой целью наши миноносцы поставили целый ряд минных банок в Печилийском заливе, но после гибели на минах крейсера «Хей-Иен» японцы стали проявлять сугубую осторожность. Неприкрытые огнем мины вытраливались, а к бухте Луиза японские корабли подходили в сопровождении тралящего каравана.

Особенно докучал нашим позициям крейсер «Сай-Иен», старый китайский броненосец, взятый японцами еще в Китайскую войну. Хотя небольшой размерами (2159 тонн) и с ходом всего около 15 узлов, он имел солидное вооружение (2 — 8-дюймовых; 1 — 6-дюймовая; 2 — 75 мм.). Положение нашего штаба становилось прямо невыносимым.

Обсуждая его с флагманским штурманом штаба

мичманом С. М. Поливановым, я высказал мысль, что, так как по наблюдениям с Золотой Горы «Сай-Иен» отпускает обычно трали перед самым входом в бухту Луиза, то единственным шансом потопить его является постановка мин в глубине самой бухты. Для миноносца произвести такую операцию представлялось невозможным, т. к. несомненно на берегах узкого входа должны были быть расположены наблюдательные посты неприятеля. Даже если бы миноносцу и удалось войти в тесную бухту и поставить там мины, его присутствие там было бы обнаружено и внезапность постановки пропала, а значит, на другое же утро бухта была бы протравлена. Только с более мелких судов можно было бы рассчитывать произвести такую постановку, и для этой цели наиболее подходящими представляются минные катера с «Победы» и «Пересвета»

Разработав совместно план такой постановки, мы доложили о нем адмиралу, который вполне его одобрил, получил согласие Командующего эскадрой К. А. Вирена на представление для этой цели указанных катеров и поручил Поливанову и мне привести его в исполнение. Так как Поливанов был старше меня по выпуску, то командование экспедицией было возложено на него.

Под личным нашим руководством катера были оборудованы деревянными салазками для спуска мин, которых оказалось возможным взять по три штуки на катер, сохраняя достаточную устойчивость на волне.

На мою долю выпало командование катером с «Победы», уже отличившимся под командой мичмана Дмитриева в ночной атаке на японский миноносец, и я быстро проникся любовью и уважением к его украшенной Георгиевскими крестами команде и молодцу-старшине катера.

В безлунную ночь с 16-го на 17-ое ноября (ст. ст.), приняв с вечера мины, мы вышли в море, пробираясь вдоль берега Ляотешаня, чтобы не напороться на дозорные японские миноносцы. Перед самым нашим выходом береговым прожекторам было отдано приказание, не прерывая освещение рейда, чтобы не привлечь этим внимания неприятеля, отнюдь не освещать до полуночи

прибрежную полосу, по которой пройдут наши катера. Несмотря на это, один из прожекторов у б. Белый Волк, не только дважды нащупал нас своим лучем, но даже некоторое время провожал им нас, словно желая убедиться, что это действительно те самые катера, о которых было сделано предупреждение. В морской крепости береговая оборона находилась почти всегда в руках армии, что нередко и приводило к подобным недоразумениям, благодаря сложности передачи приказаний в порядке подчиненности через ряд посредствующих инстанций. К счастью, не только ни один из наших фортов нас не обстрелял, но, повидимому, наши бессильные проклятия не в меру усердному минеру, оперировавшему прожектором, какими-то таинственными путями долетали даже до японцев и они нас не заметили.

В маленькой, укрытой от волн и ветра бухточке у мыса Ляотешань, пришвартовавшись борт о борт, стали катера на якорь. Еще и еще раз повторяли мы план постановки. Произвести ее было решено около четырех часов утра, когда бдительность японских постов должна была быть наиболее ослабленной, и в то же время мы могли вернуться до света к Ляотешаню. Выйдя для этого около двух часов ночи к острову Мурчисон и точно по нему определившись, мы ложились на курс, ведущий прямо в проход в бухту Луиза. Впереди — Поливанов, за ним — я. По входе в бухту катер с «Пересвета» поворачивает на 8 румбов вправо и ставит свои мины с промежутками в 50 фут, и затем снова ворочает на 8 румбов вправо. Катер с «Победы» идя на левой раковине первого, начинает тогда свою постановку и, окончив ее, ложится в кильватер ему. Таким образом избегалась необходимость в каких либо сигналах или командах, могущих привлечь внимание неприятеля. В случае, если бы катера потеряли друг друга из виду, мы должны были возвращаться по способности на наше свидание у Ляотешаня.

Когда мы снялись с якоря, волна в Печилийском заливе стала увеличиваться. Ветер крепчал и катер то поднимало на гребень, то совершенно скрывало у подошв волн. При большой нагрузке на палубе положе-

ние становилось не очень приятным. К счастью, вскоре о. Мурчисон прикрыл нас и, хорошо определившись, мы от него легли по волне, при чем боковая качка уменьшилась.

На фоне далеких прожекторов крепости выглянула довольно отчетливо полоса берега. На левом крамболе встал входной мысок в бухту. Волна под берегом слегка улеглась. Однако, никакого приметного пункта для точной проверки нашего места найти было нельзя. Когда, по моему исчислению, нам оставалось еще около 5 минут хода до намеченного места банки, катер с «Пересвета» повернул и начал постановку. Следуя его движению, произвел ее и катер с «Победы». На берегу никакого движения мы не заметили. Но когда мы отошли приблизительно на милю в море, на катере с «Победы» вдруг выкинуло из трубы факел. Очевидно, прибавляя ход, кочегар не в меру пошуровал в котле. В тот же момент на берегу вспыхнул прожектор и повел свой бледный ус по морю. Но мы уже вышли на волну и среди беляков он нас не нащупал.

Вернувшись в нашу бухточку, мы стали составлять рапорт о наших действиях, причем у нас вышло небольшое разногласие. По моему исчислению мы поставили банку у входа в бухту; по наблюдениям Поливанова — внутри ее. Так как точных наблюдений быть не могло, а Сергей Матвеевич был прекрасный штурман, то я уступил и подписал общий рапорт.

На рассвете мы благополучно вернулись в Порт-Артур.

Около полудня 17 ноября, при хорошей видимости, с Золотой Горы донесли, что японские суда, как обычно, приближаются к бухте Луиза. Поливанов тотчас же отправился на пост, чтобы лично наблюдать за результатами нашей ночной работы.

В 2 часа дня с Золотой Горы стали поступать по телефону на «Отважный» донесения: «Сай-Иен» подходит к бухте; «Сай-Иен» отпустил тралы; «Сай-Иен» входит в пролив; и, наконец, в 2 ч. 30 м. дня «Сай-Иен» взорвался и, еще через две минуты — «Сай-Иен» потонул.

Вот как описывает этот эпизод официальное японское донесение: «Описание военных действий на море в 37-38 гг. Мейдзи» (стр. 80 и 81) — «Сай-Иен» и «Кориу-Мару» вышли 30 ноября (н. ст.) от острова Мурчисон и, придя в б. Луиза, встретили там «Акачи», которая для стрельбы по берегу подошла к мысу С. Аббс и высадила на берег офицеров для наблюдения за падением снарядов. Держась в удобном для себя положении, лодка обстреливала батареи у Жда-ху-Тсиу и позиции полевых орудий; в 1 ч. 40 м. дня один неприятельский снаряд разорвался в воде близ лодки и разлетевшимися осколками было ранено два нижних чина».

«В это время «Сай-Иен» вместе с «Кориу-Мару» шел на помощь к «Акачи» и для передачи ей наблюдений о падении снарядов; вдруг в 2 ч. 24 м. дня, находясь на Норд-Вест-тень-Борд от мыса С. Аббс, с правого борта «Сай-Иен» близ передней кочегарки раздался грохот взрыва, сопровождавшийся сильным сотрясением судна. Капитан 2 р. Тадзима (командир «Сай-Иена» и начальник отряда судов, действовавших у б. Луиза. — Б. Д.), понял, что судно наткнулось на мину, немедленно приказал закрыть непроницаемые двери, дал знать о катастрофе прочим судам и, чтобы спасти судно от потопления, повернул носом к берегу. Однако вода сильно прибывала; не прошло и минуты после взрыва, как судно стало тонуть носом и предпринять для спасения ничего было нельзя. Видя это, кап. 2 р. Тадзима приказал экипажу покинуть судно, спустить шлюпки и бросить в море плавающие предметы, на которых можно было бы держаться. Судно легло на правый борт и, спустя три минуты после взрыва, окончательно затонуло. Все принялись за спасение людей... Командир кап. 2 р. Тадзима, 38 офицеров и нижних чинов пропали без вести».

И флаг-капитан Штаба минной обороны кап. 2 р. Н. Г. Львов и офицеры «Отважного» уже поздравляли нас с успехом нашей постановки, когда Начальник минной обороны контр-адмирал Лощинский пригласил нас к себе для тщательного разбора дела. Видя, что в нашем рапорте место банки показано в самой бухте, а по наблюдениям с Золотой Горы «Сай-Иен» затонул у вхо-

да в нее, адмирал не мог, без всяких сомнений установить, что он погиб именно на наших минах. Ввиду этого он вызвал в штаб командира последнего миноносца, ставившего мины вблизи бухты, лейтенанта Степанова, банка которого была показана на карте мористее места гибели «Сай-Иена». Лейтенант Степанов не брался со своей стороны утверждать точности ее положения, т. к. определял его по исчислению, а при сильных приливо-отливных течениях мины могло за прошедшее время сдвинуть так же с места.

Принимая во внимание, что «Сай-Иен» погиб приблизительно по середине между банкой Степанова и нашей, адмирал вышел из затруднительного положения с чисто Соломоновой мудростью.

В виду того, что лейтенант Степанов поставил почти в пять раз больше мин, чем мы, и потому, по теории вероятностей, выходило, что было в пять раз больше шансов, что «Сай-Иен» мог взорваться на его минах, Начальник минной обороны вынес такое решение: «Лейтенанта Степанова за потопление «Сай-Иена» представить к ордену Св. Георгия 4-й степени, а мичманов Поливанова и Дудорова за постановку мин в районе, занятом неприятелем, — к орденам Св. Владимира 4-й степени с производством в лейтенанты за отличие в делах против неприятеля. Всей команде катеров выдать знаки Военного Ордена очередных степеней».

Но самым главным результатом этой работы минной обороны явилось то, что с этого дня заход японских судов в б. Луиза прекратился и наши батареи левого фланга вздохнули свободнее.

Уже много лет я был эмигрантом в Америке, когда адмирал Номура был назначен японским послом в Соед. Штаты. Я и ранее нередко встречался с ним в Японии по должности морского агента, т. к., будучи адъютантом морского министра, он ведал сношениями с иностранными агентами. Но как-то ни разу не при-

шлось спросить его о том, что он делал во время Русско-японской войны.

И вот в одном американском журнале появилась его биография. Оказалось, что он был в числе немногих офицеров, спасшихся с «Сай-Иена», и сам приписывал свое чудесное спасение лишь тому, что на нем был бинокль, лично пожалованный ему императором за отличное окончание Морского училища.

Случайно я упомянул об этом одному сослуживцу по заводу Хенди, на который я поступил в 1943 году для работы по обороне. Совершенно неожиданно для меня мой рассказ о нашей минной постановке почти 40 лет тому назад, вызвал сенсацию. Меня интервьюировали репортеры больших газет; дважды я повествовал о ней по радио на всю Америку; мои портреты печатались в прессе; я даже, ввиду получившейся рекламы заводу, получил на нем повышение по службе.

Конечно, причиной всей этой шумихи вокруг незначительного самого по себе факта потопления сорок лет тому назад небольшого старого японского корабля, была не моя личность, а лишь случайное совпадение того, что именно на нем находился тот самый Номура, который так предательски затягивал переговоры в то время, когда, подобно январю 1904 года, вопрос о войне уже твердо был решен японским правительством и шла подготовка удара флоту Соединенных Штатов в Перл-Харбор, по существу своему повторившего предательскую атаку на русский флот в Порт-Артуре без объявления войны, пример, которой не послужил на пользу тем, кто в свое время так безжалостно осуждали нас за то, что мы не смогли ее предотвратить, и втайне даже радовались успеху японцев.

Контр-адмирал

Б. П. Дудоров

В Ы С О К А Я

Очертания горных высот особенно ясно и четко сохраняются в памяти. Проходят годы, но всё так же стоят перед глазами когда-то виденные горные вершины. Тому, кто бывал на Кавказе и в Крыму, не забыть ни снежной шапки Эльбруса, ни остроконечного Казбека, ни сурово-скалистого Ай-Петри.

Так и те, кто были в осажденном Артуре, не забыли, конечно, двугорбой вершины Высокой Горы. Не потому, что она поражала своей красотой и величием, не потому, что она радовала и веселила взор, — а потому, что слишком много переживаний, больших переживаний было связано с нею.

Впереди незаконченных долговременных сооружений Западного фронта крепости, — форта № 4, укрепления № 4 и форта № 5, в общем направлении к бухте Луиза возвышался горный массив. Как и в других местах Квантуна, здесь было то же, столь характерное нагромождение многочисленных сопок и тот же извилистый лабиринт горных склонов, небольших долин, горных троп и второстепенных дорог. Не трудно было и заблудиться, но среди этих вершин сразу бросалась в глаза одна высота. Это была та гора Высокая (иностранцы ее называли Высотой 203 метра), — тактический ключ крепости, с вершины которой вся Артурская гавань со всеми ее портовыми сооружениями была видна, как на ладони. Лежала эта высота в одной версте к северо-западу от передовых люнетов укрепления № 4, и от вершины ее до Морского госпиталя на набережной Нового города в Артуре не было и трех верст. В плане крепостного строительства ее обошли, и не было сооружено на ней ни форта, ни редута. Лишь с весны, после начала военных действий приступили к ее укреплению.

В сентябре, во время второго штурма крепости, японцы направили сюда свой главный удар. Им удалось было закрепиться на одной из ее вершин, но тем не менее 5-й полк с приданными ему ротами других полков и моряков, в тяжелых упорных боях, продолжавшихся несколько дней, отстоял Высокую и отбросил в конце концов японцев.

Быстро и как-то незаметно прошли и лето и осень. Теперь стояли холодные ноябрьские дни и ночи. Всё чаще и чаще подымался ветер или с моря или со стороны Маньчжурии. Темные тучи неслись низко над сопками, и снежные завихрухи прерывали дождливые дни. По ночам вода начала замерзать, и на позициях, в окопах, было холодно.

Запасы продовольствия еще осенью заметно уменьшились. С 10 сентября мясной паек солдата на фронте был сокращен до $\frac{1}{3}$ ф. конины, и то только два раза в неделю. Но и конины хватило не надолго. Лошадей надо было беречь: они были нужны, чтобы подвозить на позиции снаряды, патроны и проч. снабжение. На 14 ноября солонины, консервов и мяса оставалось только на одну выдачу. Отпуск консервов для войск был прекращен, и лишь больные и раненые получали по $\frac{1}{2}$ банки в день в течение 5 дней недели и по $\frac{1}{4}$ ф. конины в остальные два дня. Кривая болезней, в особенности цынги и дизентерии, непрерывно шла вверх. Много больных офицеров и солдат оставались в строю, на фронте, но и в госпиталях число их возрастало изо дня в день.

Над Старым и Новым городами Артура то и дело, грозно завывая, пролетали тяжелые снаряды или неслись по воздуху с глухим, нарастающим гулом огромные «паровозы» 11-дюймовых гаубиц (весом в 12 пудов). Они рвались, сотрясая землю и разрушая всё вокруг. Но на улицах города, несмотря на этот обстрел, там и сям стояли группами мирные жители, раненые и больные солдаты, женщины, дети, китайцы. Временами останавливались проходившие офицеры и матросы, и на лицах всех можно было прочесть одну и ту же тревогу, один и тот же волнующий вопрос: «устоит или не усто-

ит», — осилят ли японцы наших изнуренных защитников или 5-му полку удастся снова, как и два месяца тому назад, преградить дорогу врагу.

Лица всех были обращены в сторону Чайной долины. Так называли эту долину не из-за чая, который там, конечно, и не рос, а всего лишь из-за находившейся там чайной лавки одного из стрелковых полков. В глубине долины виднелась Высокая Гора, и казалось в те дни, что это была не обыкновенная маньчжурская сопка, а какой-то огнедышащий вулкан, где всё горело в артиллерийском огне японцев. Там непрерывно, одна за другой, взрывались шимозы, высоко вздымались столбы земли и камней, и вся вершина была окутана густым сизым дымом. Грозный грохот, не умолкая, доносился оттуда, и тоскливо-тревожно вторила ему в Артуре дрожь оконных стекол.

Между тем осадная армия генерала Ноги усиливалась. В самом начале ноября прибыла из Японии новая, 7-я пехотная дивизия. Артиллерия также непрерывно возрастала. Парк тяжелых 11-дюймовых гаубиц пополнялся новыми батареями. Японские орудия вели огонь непрерывно, днем и ночью, наши же отвечали теперь редко: надо было беречь снаряды.

После неудачных и кровопролитных трех штурмов, Ноги надеялся теперь, главным образом, на минные работы против русских фортов, но японское командование настойчиво торопило со взятием Порт-Артура. В ноябре последовал приказ немедленно штурмовать крепость и уничтожить остатки русской эскадры.

С 8 час. утра 13 ноября японцы усилили артиллерийский огонь, подготавливая штурм на восточном фронте, а в 12 часов взорвали бруствер форта № 2. Это было сигналом для всеобщей атаки. Вскоре отчаянный бой перешел в рукопашную схватку. Дрались чем попало — штыками, прикладами, саперными лопатами и просто камнями, и так продолжалось до позднего вечера. Японцы вводили в дело всё свежие и свежие войска, но наши части отбивали все атаки. Японцы были отброшены.

В тот же день поздно вечером расположенную недалеко Курганную батарею атаковал отряд «Белых помочей» генерала Накамура. Этот отряд был составлен исключительно из отборных храбрейших солдат японской армии. Без единого выстрела ворвались они на батарею, но после ожесточенного боя их натиск был отбит. Они еще раз повторили атаку, но были опрокинуты и разбиты подоспевшими тремя десантными ротами моряков, ударившими прямо в штыки под командою доблестного лейтенанта Мисникова. Японцы в панике бежали, а раненому Накамуре едва удалось спастись.

После этой кровавой неудачи Ноги понял, что штурмовать снова на Восточном фронте безнадежно и решил перенести свой главный удар на Западный, дабы овладеть, наконец, Высокой Горой. Для нанесения удара первоначально была назначена 1-я пехотная дивизия и 5 батальонов других частей. Осадная артиллерия на этом участке была усилена батареями 11-дюймовых (275 мм.) гаубиц, тремя батареями 100-миллиметровых полевых гаубиц и 3 батареями мортир.

Этот район крепостной обороны был 1-м отделом Западного фронта под начальством командира 5-го полка, имевшего в своем распоряжении около 3,5 тысяч штыков. Высокую Гору занимали 2-я, 4-я и 6-я роты 5-го полка и 4-я рота 15 стр. полка.

За два месяца, прошедших со времени сентябрьского штурма, укрепления Высокой были значительно усилены: окопы углублены, сделаны траверсы, блиндажи из железных балок, рельс, камня и бревен. На одной из вершин построен специальный редут со рвом в 2 метра глубиной, на другой — батарея 6-дюймовых морских орудий, окруженная рвами и окопами.

Но накануне штурма японские параллели стояли всего в 150-200 шагах от наших окопов.

14 ноября рано утром начался сильнейший артиллерийский огонь японцев. За один только этот день на Высокую Гору упало несколько десятков 11-дюймовых снарядов, 300 6-дюймовых и свыше 1000 других ка-

либров. Причиненные разрушения были огромны, вся вершина горы была изрыта воронками разрывов.

В 5 ч. дня японцы ринулись в атаку. Им удалось захватить часть наших окопов, но упорный бой продолжался беспрерывно до полуночи. В конце концов неприятель был повсюду отброшен.

Утро следующего дня началось ураганом японских снарядов, обрушившихся снова на Высокую. Японцы снова стремительно атаквали и вскоре японский флаг был водружен на левой вершине горы. Комендант Высокой 5-го полка капитан Стемпневский 1-й быстро организовал контратаку и, после короткого боя, японцы и их флаг были сброшены. Однако, они снова пытались и неоднократно повторить атаку, и сила их всё нарастала и нарастала. Командир полка приказал капитану Стемпневскому держаться во что бы то ни стало, и, сняв с соседней дивизионной горы одну роту, отправил ее на Высокую.

Но японцы бросились на новый штурм и на этот раз им удалось занять наши окопы справа и слева от редута. Положение стало сразу угрожающим. Наши роты понесли большие потери, резерва больше не было. Командир полка решил личным присутствием поднять дух своих стрелков и отправился на гору. В это время ружейной пулей под ним была ранена лошадь, и многие увидели в этом дурное предзнаменование.

Прибыв на гору, командир полка собрал всех стрелков, что можно было собрать, усилил их нестроевыми и солдатами запасного батальона и с наступлением темноты направил их выбивать японцев. Однако, эта контратака не имела успеха. Пришлось снова приводить в порядок перемешавшиеся роты. В это время подошла рота моряков и рота 5-го полка. Ночь была темная. Ружейный огонь тем не менее не смолкал, и пули свистали во всех направлениях. То и дело взрывались ручные гранаты, которыми японцы забрасывали наши окопы. Взлетали осветительные ракеты, рвались артиллерийские снаряды. Командир 5-го полка стал во главе

своих стрелков и моряков и повел их сам в штыки на японцев, засевших около редута.

Несмотря на всю стремительность удара, произошло замешательство, и в страшном огне японцев наши солдаты отхлынули назад. Вся вершина Высокой была оставлена, и на горе около командира полка оказались лишь зауряд-прапорщик Ермаков и несколько стрелков. Командир полка послал прапорщика Ермакова вернуть отошедших, а сам организовал, как мог, сопротивление. Узнав, что командир не покинул горы, солдаты начали быстро возвращаться, и не успели еще японцы занять наши окопы, как удалось снова организовать контратаку. На этот раз за командиром полка бросились на японцев поручик минной роты Феттер, прапорщик Ермаков, стрелки и моряки. Стремительным ударом начался короткий рукопашный бой. Японцы его не выдержали и около полуночи остатки их были сброшены с горы. Высокая была снова спасена.

«Радостная весть облетела весь Артур, лихорадочно ожидавший результата. Какая радость была у всех, можно судить по телефонограмме, полученной от Стеселя в штабе 5-го полка в 1 ч. 30 м. ночи: «Ура! Вам, героям, дать достойное награждение. Благодарю... Всех вас крепко обнимаю»¹.

Ожидая возобновления японских атак, командир полка решил не покидать Высокой. И, действительно, на утро неприятельская артиллерия снова обрушила свой огонь на Высокую. В это время пехота накапливалась в сапах и траншеях, готовясь к новому штурму.

Уже утром 16 ноября японцы несколько раз пытались штурмовать, но их попытки были остановлены ручными гранатами и короткими рукопашными схватками.

Было 4 часа дня, когда крупные соединения неприятельской пехоты бросились снова в атаку. Невозможно было остановить эту лавину яростно-фанатичных японцев, и после рукопашного боя наша линия была прорвана, и левый редут оказался в руках врага. Командир 5-го полка, собрав ближайших к нему стрелков и

¹ Шт. кап. Костюшко.

57 матросов с броненосца «Севастополь», повел их сам в контратаку. С другой стороны, с небольшой группой стрелков ударил в штыки новый комендант Высокой Белозоров, сменивший на время Стемпневского. Японцы в рукопашном бою не выдержали нашего удара и бежали с горы. Наши потери были очень велики. Капитан Белозоров был смертельно ранен. Но Высокая Гора была снова спасена.

За день на ней разорвалось несколько сотен 11-дюймовых снарядов. Японцы понесли за эти два дня боев такие потери, что генерал Ноги приказал сменить 1-ю пехотную дивизию. На ее место была выведена в первую линию свежая 7-я дивизия, состоявшая из кадровых, хорошо обученных солдат.

Но нечем было сменить обескровленные, понесшие также огромные потери русские роты. Сражение за Высокую продолжалось. 125 дней и ночей сибирские стрелки, артиллеристы и моряки доблестно отражали многократные штурмы японцев. В ночь на 17 ноября на гору подошел последний «резерв», то была «рота» слабосильных, т. е. не оправившихся еще от ранений и болезней солдат.

На 126-й день обороны артиллерия японцев с утра сосредоточила свой огонь по Высокой. Очень скоро всё, что было восстановлено за ночь, снова было разрушено ее губительным огнем. Снова это был огнедышащий вулкан. И в 8 час. утра японцы пошли на новый штурм. На этот раз это были свежие части 7-й пехотной дивизии.

Начальник 1-го отдела, командир 5-го полка, лично руководил на вершине Высокой нашей обороной. Под горой в штабе полка находился генерал Кондратенко. В тяжелые часы ожесточенного боя он приказал: «Убить лошадь, сварить ее, порезать на порции и в таком виде отправить на Высокую, чтобы там каждый боец мог взять кусок мяса и хлеба и, вернувшись в окоп, съесть, когда ему будет удобнее».

Было 9 час. утра, когда штурмовая колонна японцев ворвалась снова на левофланговый редут и водрузила свой флаг. Наши защитники были почти все пе-

ребиты. Кондратенко взял отдохавшие две роты и спешно направил их на вершину, но командир 5-го полка, еще до их прибытия, собрал несколько десятков стрелков и бросился с ними на японцев. Японцы были выбиты лихим штыковым ударом и редут снова оказался в наших руках. Японский флаг был сорван.

Но через час новые массы японцев пошли на штурм. Кондратенко снял с Северного фронта одну роту, с другого участка еще одну и послал их в распоряжение командира 5-го полка. В ожесточенной контратаке японцы были снова отброшены.

Прошло едва два часа, как японцы пошли на новый штурм, и в третий раз японский флаг в тот день зареял на Высокой. Ряды наших защитников на горе сильно поредели, но новой стремительной контратакой командир полка восстановил положение и снова японский флаг исчез с горы. Разрывом тяжелого снаряда командир 5-го полка был ранен, но не покинул Высокой и продолжал на месте руководить обороной.

Поздно вечером японцы бросились на новый штурм и снова овладели было левым редутом, но в это время подоспела лихая 1-я охотничья команда 5-го полка. Командир полка повел ее сейчас же в атаку и снова выбил японцев с горы. Ночью этого числа он доносил, что положение на Высокой было удовлетворительное. «Около полуночи вновь полетели радостные вести по всему Артуру. Не одна благодарность, не одна похвала сорвалась с языка артурцев по адресу героев Высокой Горы»².

«За четыре дня сражения укрепления Высокой были сравнены с землей, из 43 блиндажей уцелело всего два. Ночью измученные боями солдаты были вынуждены строить импровизированные укрытия для себя и восстанавливать то, что можно было восстановить... Через каждые пять минут на горе разрывалась 11-дюймовая бомба»³.

На 127-й день Ноги убедился, что хотя на Высокой

² Шт. кап. Костюшко.

³ Ген. м. А. И. Сорокин.

не было долговременных укреплений, стрелки 5-го полка так же доблестно держались, как и другие русские части. Теперь вся надежда была лишь на инженерную подготовку. Продолжая держать под артиллерийским огнем вершину горы, Ноги направил сюда всех сапер осадной армии и они начали днем и ночью рыть землю, подводя сапы и параллели к самому гребню горы.

Часть гарнизона Высокой была сменена в эти дни двумя ротами моряков Квантунского экипажа и воздухоплавательной ротой.

Был прекрасный солнечный и холодный день 21 ноября, когда вершина горы снова клубилась в разрывах японских шимоз. Неожиданным ударом, накопившись в скрытом мертвом пространстве, японцы снова бросились на штурм и снова японский флаг был водружен на вершине, где был левый редут. Командир полка, вызвав быстро в ружье одну из рот 5-го полка, сейчас же бросился с ней в контратаку, и снова лихим штыковым ударом левая вершина горы была очищена от японцев. Положение опять было восстановлено, и еще раз Высокая была спасена.

Но японская артиллерия вела целый день сокрушающий огонь. Вся земля на вершине клубилась в разрывах. Защитники так привыкли к этому огню, что мало кто обращал на него внимание. Когда вечером в тот день огромный 11-дюймовый снаряд налетел, грозно завывая, на гору, его почти и не заметили. Но он разорвался на главном наблюдательном пункте в стоявшей там группе офицеров и солдат. Перед самым разрывом он снес половину головы находившемуся здесь коменданту Высокой капитану Веселовскому... Раздалось столь обычное в эти дни: «Санитары, носилки! Носилки сюда!» Когда солдаты разобрали груды убитых и раненых, они нашли среди них и командира 5-го полка. Получив несколько ранений, главным образом в голову, он тяжело дышал и был без сознания. На кожаной куртке виднелась кровь и куски мозга. (Позже выяснилось, что это были куски мозга убитого рядом капитана Веселовского).

Положив своего командира на носилки, солдаты по-

несли его вниз с горы. Тяжелое предчувствие и уныние охватило защитников Высокой.

Командира полка заменил сначала доблестный его помощник подполковник Сейфуллин, потом подполковник Бутусов.

22 ноября пять полков японцев снова штурмовали Высокую и Плоскую Горы. Им удалось овладеть вершиной Высокой, и наша контратака была неудачна. Защитники горы таяли безостановочно. Офицеры были перебиты. Русские коменданты, раненые, сменялись один за другим. Последним комендантом горы оказался инженер-механик флота Лосев, который в 4 ч. 30 м. доносил по телефону, что японцы закрепились уже в нескольких шагах от его блиндажа.

В 5 ч. 30 м. на 131-й день обороны крепости японцы окончательно овладели Высокой. Правда, ночью нами была произведена попытка отбить гору, но она не увенчалась успехом.

Теперь началась агония Артура, агония и находившейся в нем эскадры.

В боях за Высокую обе стороны понесли большие потери. У японцев выбыло из строя 12 тысяч офицеров и солдат. Одна только 7-ая японская дивизия потеряла 6.000 солдат. Ее командир генерал Осака после боев смог сформировать из оставшихся едва два батальона.

Велики были и наши потери. У нас было убито и ранено 4.500 человек, в том числе 1.500 моряков. В ротах 5-го полка оставалось по 30-50 стрелков, и в 10 час. вечера 22 ноября в командование полком вступил старший из уцелевших офицеров, — штабс-капитан Фелицын.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прошло десять лет. Казалось, уже давно отгремели грозы японской войны, но снова загрохотали орудия на окраине Российской Империи.

Был солнечный день конца сентября, когда непрерывный гул канонады доносился от предместья Варшавы. Макензен с двумя корпусами рвался могучим на-

тиском захватить город. Казалось, ничто не могло уже остановить германских солдат.

В тот день, на широком Краковском Предместье, у памятника русского полководца генерал-фельдмаршала графа Паскевича Эриванского Светлейшего князя Варшавского, пропуская мимо себя ряды шедших в бой Сибирских стрелков, стоял русский генерал. На золотых его погонах было вышито имя 5-го Сибирского стрелкового полка.

Как и тогда, в темную ночь после сражения у Киньчжоу, или позже на Зеленых Горах Квантуна, оркестр играл военный марш и твердым, уверенным шагом проходили русские солдаты. Чуть колыхались знамена с крестом Св. Георгия на окованных золотом древках. При виде их привычным движением поднималась рука к козырьку фуражки и начальнически внимательно смотрели глаза в загорелые лица шедших офицеров и солдат.

Вокруг бежал народ. Женщины, а порой и мужчины подносили, торопясь, букеты цветов, передавали солдатам папиросы, пакеты с продовольствием, и громкие клики «ура» заглушали грохот близкой орудийной стрельбы.

Так шла в бой 1-я Сибирская дивизия, только что прибывшая через всю Сибирь на Европейский фронт. За ней шел и 5-й полк. Брошенные прямо из вагонов в жестокий огонь Варшавского сражения, без неуспешной еще прибыть артиллерии, Сибирские стрелки преградили доступ врагу и, после упорных боев у Пясечны и Прушкова, отбросили его от Варшавы. Город был спасен.

Потом была Рава, был германский разгром у Лодзи. Было еще много кровопролитных боев, но было и много побед, много новых лавров, вплетенных в венок воинской славы.

На Равке и Бзуре 5-й полк напомнил эпические бои Порт-Артура. Еще позже, 11 февраля 1915 года, под Праснышем Сибирские стрелки первых двух дивизий разгромили в двухдневном сражении первый германский резервный корпус генерала фон-Моргена, и захваченное после жестокого боя 1-й Сибирской дивизией знамя Померанских фузилер с горделивым прусским орлом

лежало, как боевой трофеей, у ног генерала в погонах 5-го полка.

30 июня XII германская армия генерала Гальвица под тем же Праснышем, под грохот 1400 орудий, обрушилась на стык 1 Сибирского и 1 Туркестанского корпуса. На 2-ю и на 11-ю Сибирские дивизии в этот день было выпущено 2 миллиона снарядов, — количество достаточное чтобы обратить в пепел сотни тысяч людей, но 2-я Сибирская дивизия отразила натиск 13 Вюртембергского корпуса. «От 5-го Стрелкового полка, героев Киньчжоу и Высокой, — говорит военный историк, — к концу дня осталось только 150 человек... Соверши такие дела не русские войска, а иностранцы, о них твердил бы весь мир...»⁴.

Так не иссякла традиционная доблесть Сибирских стрелков, и на полях далекой для него Европы 5-й полк сражался так же геройски, как и на сопках Дальнего Востока.

Отныне на скрижалях военной истории имя полка неразрывно связано с именами не только Хунмыра, Киньчжоу и Артура, но и Варшавы, Равы и Прасныша.

*Офицер 5 Восточно-сибирского полка
Б. Н. Третьяков*

⁴ А. Керсновский.

ДОБРОВОЛЬНАЯ СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

В Морских Записках, издаваемых О-вом бывших Русских Морских Офицеров в Америке в 1944 году — том II, № 2, были помещены мои воспоминания. Мне всё же хочется и в книге в память 50-летия осады Порт-Артура, не занимая много места, написать еще о своих личных наблюдениях и переживаниях.

Я прибыла в Порт-Артур 2-го ноября 1903 года со своей сестрой М. И. Бек-Джевагировой. Муж ее, лейтенант А. А. Бек-Джевагиров пришел 19 ноября того же года в Порт-Артур на крейсере «Баян», которым командовал капитан 1-го ранга Р. Вирен.

Война застала Порт-Артур в период усиленной стройки. Город делился на две части: старый Порт-Артур и новый. Старый был, собственно, китайской деревней, какой был весь Порт-Артур до занятия его Российским флотом. Новый же только строился, прокладывались асфальтовые мостовые, строились каменные дома.

В Порт-Артуре было порто-франко. Были хорошие магазины со множеством товара как нашего русского, так и заграничного.

К началу войны Порт-Артур был переполнен военными и их семьями. Вся эскадра стояла в закрытой гавани, почти у самой набережной, на виду всего города, так что, проходя по ней, можно было слышать пение молитв на кораблях и видеть церемонию поднятия и спуска Андреевского флага.

Вся эта мирная, кипучая жизнь была оборвана в 10 час. вечера 26-го января 1904 года, — неожиданным нападением японской эскадры на наш флот, окончившимся гибелью наших лучших кораблей: «Цесаревича», «Ретвизана» и «Паллады».

Моя сестра и я во время нападения жили рядом с

Портом, и услышав стрельбу, испуганные побежали в Порт узнать, в чем дело. Туда же побежал в испуге и тревоге народ.

При слабом рассвете утра я увидела три наших корабля, стоящих в проходе, с большим креном, с которых на катерах стали свозить на берег убитых и раненых.

С этого момента всех жителей Порт-Артура, весь гарнизон и флот охватил глубокий патриотизм, в течение всей осады гарнизон дал пример самоотверженности, жертвенности и исполнения долга перед своей родиной.

27-го января, на следующий день, японская эскадра подошла в 11 ч. утра к Порт-Артуру, открыв оглушительный огонь, но огнем наших морских батарей и флота была отогнана. Все дальнейшие попытки японцев бомбардировать Порт-Артур с моря, а также загородить выход русской эскадры из Порт-Артура брандерами были для японцев неудачны.

Сестре и мне пришлось бросить нашу квартиру и переехать в помещение 3 батареи под Перепелиной Горой, рядом с Сводным госпиталем. Сестра решила разделить участь крепости и мужа, и мы остались в Порт-Артуре, поступив на курсы сестер милосердия. Вначале мы работали в Сводном госпитале.

В конце июля 1904 года японцы впервые бомбардировали город с сухопутного фронта, подвезя крупную артиллерию. Началась полная осада, и мы, спасаясь от снарядов, перешли на батарею на Перепелиной Горе, которой командовал муж сестры, т. к. часть орудий с судов была перенесена на береговые позиции. Жили мы в блиндаже, где также помещались и 16 человек матросов.

Все помещения 3 батареи были уничтожены, так же, как и наша квартира. С этого времени японцы не переставали стрелять и днем и ночью, с небольшими перерывами.

Через некоторое время сестра и я были назначены на пловучий госпиталь «Казань». После усиленных бомбардировок, и попаданий снарядов в госпитальные суда, решено было раненых и больных свезти на берег и мы

были назначены в 11-ый госпиталь на Тигровом Хвосте, где лежали исключительно тяжело больные тифом, цынгой, дизентерией и другими болезнями. 11-ый госпиталь назывался — Госпиталь смерти.

Попадавшие в Арсенал снаряды вызывали взрывы и пожары. В воздухе носились куски железа и горящие головешки дерева, освещая весь замученный и разбитый город и истощенных голодом, холодом и болезнями его защитников.

Госпиталей были уже без самого необходимого. Был один ужас и страдания! Вещи многих защитников погибли и они одевались во что попало. Так например, лейт. Бек-Джевагиров носил штатское пальто с пришитыми к нему золотыми пуговицами и погонами, саблю и револьвер при высоких сапогах. Многие были в таком же виде.

Японцы занимали позицию за позицией, медленно подвигаясь к ключу Порт-Артура — Высокой Горе. Наконец, к великому горю всех защитников, по несколько раз, переходящая из рук в руки, — пала Высокая Гора, где японцы потеряли колоссальное число убитыми и ранеными.

20-го декабря 1904 года оглушительная стрельба, длившаяся 11 месяцев, вдруг смолкла: Порт-Артур пал!

Морской врач А. П. Стеблов достал где-то катер и перевез свою жену Г. В. Стеблову и меня с Тигрового Хвоста в старый разрушенный город и мы видели, как входили японцы в Порт-Артур. Первым ехал на белом коне сам генерал Ноги, потом кавалерия и пехота. Войска были хорошо обмундированы, воротники на шинелях были белые барашковые. Лошади у кавалерии сибирские, низкорослые.

Вблизи нашего госпиталя на Тигровом Хвосте японцы водрузили свой флаг. С каким ужасом я смотрела на эту церемонию — поднятия флага неприятеля! И задавала себе вопрос, зачем такие жертвы, мучения и потеря такой эскадры?.. Всё в голове мутилось от досады, жалости и горя!

Я видела, как японцы заходили во все дома, выбрасывали всё оттуда, складывали всё в одну кучу и сжига-

ли. Затем дезинфицировали помещения, приготавливая их для себя.

Гарнизону крепости было приказано выйти на станцию Инчензы и там ждать отправки дальше. Первыми вышли морские команды и размещены были на станции по кораблям, под открытым небом в ожидании дальнейшей отправки в г. Дальний. Лейт. А. А. Бек-Джевагиров, сестра и я прибыли в Инчензы на двуколке, т. к. Бек-Джевагиров был болен. Затем нас отправили к поданному поезду. Прибыл и ген. Стессель с женой и первым вошел в поезд.

Поезд, наполненный пленными, главным образом, офицерами направился в г. Дальний, где после многих проверок днем и ночью, всех отправили пешком на пароход «Ганго-Мару», доставивший всех нас в Нагасаки. Приблизительно через месяц мы отправились в Шанхай на французском пароходе — «Эрнест Симон», где лейт. Бек-Джевагиров лег в госпиталь, у него оказался гнойный плеврит. Пролежал он в госпитале один месяц; затем на немецком пароходе «Принц Регент Луитпольд» мы дошли до Порт-Саида, а дальше по железной дороге доехали до Александрии, а оттуда на пароходе Русского О-ва пароходства и торговли — «Святой Николай» прибыли в Одессу. Это было в мае 1905 г. Мне Бог дал счастье через 50 лет объединить всех живущих еще порт-артурцев и дать им возможность на страницах этой книги вспомнить геройскую и самоотверженную службу защитников крепости, дабы русские люди — наше молодое поколение — знали о их подвиге. Через 50 лет, в эмиграции, я вспоминаю крепость Порт-Артур, вспоминаю всех живых ее защитников и склоняю свою, скоро уже седую голову в память погибших в Порт-Артуре за веру, царя и отечество.

В. И. Астафьева-Пухирь

СЛУЧАИ ИЗ ЖИЗНИ КРЕПОСТИ

I

В начале войны я часто бывал в Новом городе у военного следователя барона Пфейлицера. Его жена очень боялась бомбардировок и была особенно беспокойна и полна тревоги 25 февраля 1904 г. 26-го была бомбардировка. Японская эскадра стреляла, находясь в мертвом пространстве. У нас было ощущение человека, привязанного к столбу и не могущего ни противиться наносимым ударам, ни ответить на эти удары.

Когда бомбардировка кончилась и мы стали расходиться, бар. Пфейлицер и его жена предложили мне пойти с ними позавтракать на дачу г. Свидерского. Я не считал возможным воспользоваться их приглашением к незнакомому мне лицу.

В эту пору японцы стреляли с полчаса, затем прекращали. Вдруг раздался выстрел. Шальной снаряд разорвался перед дачей Свидерского. Осколками тяжело ранило хозяина дачи и г-жу В., а наиболее крупным оторвало голову у г-жи Пфейлицер на глазах ее мужа и детей. Не была ли ее исключительная тревога предчувствием? И почему я решительно отказался от завтрака, столь трагически окончившегося?..

II

Война является борьбой с противником, но не кровавой забавой. Офицер одного из стрелковых полков Г. К. решил развлечься и стал подстреливать, как куропаток, показывающихся японцев не во время боя. Вдруг пуля, влетевшая через прорезь блиндажа, попала в лоб этому охотнику.

III

В одном из стрелковых полков был офицер, который, будучи юнкером военного училища, убил 15-го июля своего однокурсника, доведшего его до исступления насмешками и издевательствами. Убийцу не судили, а исключили из училища с переводом простым стрелком в один из Туркестанских полков. Прошло много лет, и убийца дослужился до офицерского чина. Попавши, наконец, в Порт-Артур, он был 15-го июля 1904 года, в годовщину совершенного им убийства, — в свою очередь убит в бою.

Совпадение или возмездие?

IV

Во время одной из бомбардировок был убит служащий железной дороги. Во время похорон — снова бомбардировка, и на глазах всех собравшихся, влетевший осколок никого не задев, попал в покойника.

Что это значило? Не было ли за ним такого греха, что даже мертвому не было покоя, как будто его надо было доконать?

V

Адмирал Вирен, трагически погибший в первые дни революции, оставил в моей памяти из Порт-Артурской эпопеи одно воспоминание.

Как-то, во время одной из бомбардировок я встретил его около «Этажерки», шедшим на дачные места. Застигнутые бомбардировкой, мы стали искать укрытия и изменили свой маршрут подальше от обстреливаемого пространства.

Вирен никуда не свернул и продолжал идти в том же направлении по обстреливаемой площади, как будто на прогулке. Здесь проявилась его черта характера — идти в избранном направлении, наперекор стихиям.

*Генерал-лейтенант
Л. Д. Твердый*

ПЕЧАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Вследствие больших потерь, понесенных японцами во время октябрьских и предшествовавших атак на северо-восточном фронте, Порт-артурская армия была пополнена свежими частями. Затянувшийся характер действий осадной армии и приближение эскадры Рождественского, настоятельно требовавшее освобождения японского флота от охранной службы под Порт-Артуром, ставили перед японским штабом задачу немедленного захвата крепостных позиций, удобных для обстрела и сохранившихся еще в крепости русских военных судов. Такой позицией, являлась, прежде всего, Высокая Гора (высота ее 203 метра).

4 ноября¹ прибыла на Ляодунский полуостров, под командой генерал-лейтенанта Озака, японская 7-ая армейская дивизия. Она состояла из молодых солдат, уроженцев Хоккайдо, прибывших прямо с родины, и считалась одной из лучших дивизий в армии. Вновь прибывшие под Артур войска были единственной дивизией, не принимавшей еще участия в Русско-японской войне и оставшейся на родине в то время, когда все остальные дивизии уже отличились в боях. Слушая рассказы своих товарищей, солдаты 7-й дивизии испытывали естественные муки неудовлетворенного воинского честолюбия. Наконец, пришел и их черед проявить свою доблесть. Император поручил им взять Артур, около которого уже много месяцев разбивались все японские планы и расчеты.

Хотя дивизия и была полна пыла и жажды подвига, но, чтобы не дать царившему в ней настроению остыть, ей не разрешили иметь общение с другими частями, в которых уже начали сказываться упадок духа и неуверенность в скором овладении крепостью.

Войска осадной армии от непрерывного тяжелого напряжения — физического и морального, — стали проявлять признаки массового нервного расстройства. Так,

¹ По старому стилю.

среди осаждавших создалось наводившее на них сверхестественный ужас представление о том, будто бы около форта № 2 (Северного Киквана) имелась превосходно замаскированная русская позиция, местонахождение которой им не удавалось установить. Этой воображаемой позиции дано было наименование, отвечавшее производимому ею впечатлению: «Траншеи привидений».

7 дивизии приказано было атаковать Высокую Гору.

Еще в начале сентября по ст. ст., японцами было произведено энергичное наступление на укрепления западного фронта крепости, в результате которого ими были заняты Длинная Гора (Намаока) и вся территория к западу от Высокой Горы, вплоть до проволочных заграждений. Завладеть же самой Высокой Горой японцам, невзирая на все их усилия, не удавалось.

Как Высокая Гора, так и смежная с ней Длинная не были укреплены долговременными фортами, фортификационные сооружения на них состояли из хорошо защищенных траншей и блиндажей. К этим укреплениям японцами были подведены очень глубокие и широкие подходы.

14 ноября на рассвете начался девятидневный бой за Высокую Гору. Первый штурм — утром, второй — после полудня, и третий — в 4 часа дня — были русскими отбиты.

Атаки с неослабевающей яростью производились до 17 ноября. В эти дни были пущены в дело части 7-й дивизии. Страшное испытание постигло молодых солдат, никогда не видевших сражений.

Тысячами ложились они на склоне Высокой Горы, стремясь к поставленной им микадо цели и не достигая ее. Русские удержали вершину с ее тылом, обращенным к городу и оттеснили японцев к их апрошам и паралелям.

Утром 17 ноября был предпринят общий штурм всех вершин Высокой. Дважды в этот день японцы на короткое время овладевали господствовавшими на позициях пунктами. С началом усиленной стрельбы в штаб 5-го Восточно-сибирского стрелкового полка прибыл генерал Кондратенко, наблюдавший за ходом боя.

Дружными усилиями нескольких рот 5-го и 28-го полков, 1-й пешей охотничьей команды и морских десантных частей оба раза положение было восстановлено. В следующие дни осаждавшие атак не предпринимали, но уничтожили артиллерийским огнем всё, что могло служить прикрытием для оборонявшихся. Снаряды всех калибров, начиная с 11-дюймовых мортир и кончая 37-миллиметровыми «свистульками», непрерывно сверлили землю Высокой. Траншеи были разрушены полностью. Дерево, рельсы, стальные части превратились в бесформенные груды. И среди этих дымящихся обломков ползали русские стрелки, пользуясь телами убитых товарищей, как брустверами.

По единодушному свидетельству очевидцев, вид Высокой Горы в дни последних на ней боев был необычайно страшен. Так как атаки отбивались, главным образом ручными гранатами, то не было почти ни одного трупа, не истерзанного от взрывов динамита и пироксилина. У большинства трупов, от громадного количества которых почернела Высокая, не хватало или ног, или рук, или головы. Все эти трупы сбивались в кучу, вышиной в 4-5 фут.

«Это было какое-то рагу из изуродованных тел и оторванных частей в соусе из крови, мозгов и внутренностей», — сообщал своей газете один из иностранных корреспондентов, описывая место сражения на Высокой.

Высокая Гора сделалась ареной не боя, но бойни.

Воодушевленный своими храбрыми начальниками, полковниками Ирманом, Третьяковым, Семеновым, Сейфуллиным, гарнизон Высокой Горы делал всё возможное для ее защиты, но с каждым днем численно уменьшался, так как сильная демонстрация японцев на восточном фронте, связывая русское командование, препятствовала ему бросить резервы на место главной атаки.

Тот, кто отправлялся на Высокую, уже не рассчитывал на благополучное возвращение. В начале боя комендантом Высокой Горы состоял капитан Веселовский, помощниками коменданта — поручики Оболенский и Рафалович. Капитану Веселовскому оторвало голову до нижней челюсти, рядом стоявшего Рафаловича осыпало землей и залило кровью убитого коменданта. Рафалович

попросил полк. Семенова сменить его, хотя бы на несколько часов. Разрешение было дано и Рафалович явился к своему начальнику. Красивый юноша, рослый, здоровый и сильный, дрожал как в лихорадке, глаза его были налиты кровью и блуждали точно в горячечном бреде. Семенов спросил его:

— Что это у вас лицо в крови, вы ранены?

— Никак нет, господин полковник, — отвечал тот, — это не моя кровь, это мозги капитана Веселовского.

Через несколько часов было получено донесение, что пулей в лоб убит поручик Оболенский. Рафалович немедленно был отослан обратно на Высокую, и в скором времени его постигла та же участь.

В виду серьезности положения ген. Кондратенко высказал пожелание о командировании в качестве коменданта на Высокую Гору подполк. Бутусова, пользовавшегося предоставленным ему на несколько дней отдыхом. Кондратенко со своей обычной деликатностью обратился к Семенову:

— Скажите Бутусову, что я не приказываю, а очень прошу отправиться ему на Высокую, он там нужен, просите его от моего имени.

Семенов, провожая Бутусова, направившегося к месту назначения, сказал своему адъютанту: «И этот не вернется»... На следующий день Бутусов был убит. Здесь же погиб и генерал-майор Церпицкий, инспектор госпиталей, выехавший на Высокую для осмотра перевязочных пунктов.

В полдень 22 ноября японцы приступили к окончательному штурму. После 12-ти часового непрерывного боя гарнизон Высокой Горы ранним утром 23 ноября очистил свои позиции и отступил к форту № 4.

В этой операции русские потеряли 5000, а японцы 10000 человек. Потеря Высокой означала для Порт-Артурской эскадры неотвратимость предстоявшей ей гибели в самом непродолжительном времени.

*Из собрания
полковника В. И. Сейфуллина*

«МОРСКОЙ ПО-ПЕШЕМУ»

...Начало ноября 1904 г. ...Шли бои по защите Высокой Горы — ключа Артура.

После гибели нашего миноносца я был прикомандирован в порт к механическим мастерским. В одно пасмурное утро вошел ко мне матрос рассыльный и, поискав за обшлагом конверт, подал его мне. С большим любопытством я прочел его: «Приказ и т. д. ...инженер-механик В. П. Орлов назначается и. д. командира Квантунской роты. Немедленно явиться в экипаж и принять роту от заболевшего мичмана Бухе»... Подумал, поразмыслил... Война, значит, — так надо... Являюсь в экипаж и принимаю роту, в которой числилось 262 человека. Фельдфебель Шуба и прапорщик по морской части Сероштан. Как водится, опросил претензии, проверил деньги и проч. Подошел ко мне Шуба и говорит:

— Так что, господин ротный, вестового я вам посоветовал бы не менять, — возьмите старого от господина Бухе, кочегара Носика, он парень подходящий.

Ну, ладно, а потом, после приемки роты, в сопровождении Носика, нагруженного, как верблюд, с винтовкой, малым и большим чемоданами и шинелью, я отправился к себе на квартиру. Носик оказался человеком, действительно, «подходящим»; он моментально развернулся у себя в углу, смастерил себе койку с занавеской и пр. и вечером у меня уже был горячий чай и закуска и вкусно поджаренный «военно-морской консерв» — щи с кашей.

На третий день, придя в роту, я узнал, что меня уже ожидало приказание: «К рассвету следующего дня вам надлежит с вверенной вам ротой отправиться на Высокую Гору на такой-то участок, явиться к начальнику обо-

роны оного и сменить роту мичмана В. Провизии взять с собой на три дня. Выступить вам надлежит ночью с расчетом произвести смену до света, дабы отход сменной роты был в темноте».

Ладно, думаю — вот пришлось действовать — «морской по-пешему». Вызываю Сероштана и говорю: «Нужно приготовить, осмотреть людей, раздать сухую провизию, патроны, позаботиться о двуколках, дабы вечером перевезти тяжести в окопы. Не тащить же всё на себе. Конечно, нужно дать конвоирам запас топлива и шанцевого инструмента. Не забыть баки с кастрюлями для «варева». Принять вино, да с опаской, чтобы не знали ни конвоиры, ни возницы. О своем харче не заботьтесь, — я позабочусь о вас». Я послал Носика за кониной для пельменей и за прочей закуской, приказал к вечеру всё привезти в роту, нагрузив на двуколку, с которой отправиться и самому. Относительно же пельменей — приказал приготовить их в большом количестве (их ночью можно заморозить, т. к. температура падала до 5 гр.), а следующая операция — бросить их в соленый кипяток, и харч готов. Потом я завернул в Морское собрание, зашел к себе, где Носик уже авралил и укладывал в мой старый очень вместительный альпийский мешок весь наш запас — с литром спирта и бутылкой коньяку.

Вечером рано пошел в экипаж, где и промаялся до 2-х с половиной часов ночи в комнате дежурного офицера на диване и вот, около 3 час. ночи, 242 стрелка (включая Шубу), Сероштан с огромной саблей (тупой) и револьвером (времен Очакова) и ваш покорный слуга с сучковатой палкой и карманным браунингом отправились к месту назначения. Вид у меня был глубоко мирный, матросы шутили: «Наш-то ротный будет драться-то на кулачках».

Рота выступила, а ночка была морозная... Луна скрылась. Шли отбивая ногу, пока не согрелись и не устали. По пустынным улицам шел гул от подошв, иногда прерываемый крепкими сибирскими ругательствами споткнувшегося матроса. Во главе шли мы с Сероштаном, куря во-всю, изредка обмениваясь замечаниями. Прошли

Новый город. Идти делалось труднее, идем всё время в гору, но торопимся. Вскоре мы уже прошли тылы и нами был взят проводник. Было темно и потому ходами сообщения не пользовались. Но всё кончается, кончился и наш дальний путь. Стрелок доложил, что здесь стоят «флотские», здесь, мол, блиндаж Начальника обороны этого участка. Остановил роту — сам зашел в блиндаж, где сидел лейтенант В. Затем я начал принимать участок, расставил часовых, а остальных послал в укрытие по блиндажам. Рота лейтенанта В. отбыла, мы же взялись за ранний завтрак и чаепитие. Засветилась полоса на востоке; в воздухе заметно похолодело и стало быстро светать. Японцы начали вяло постреливать, где-то затахтели пулеметы, но далеко-далеко. Начали падать 11-дюймовые чемоданы в бассейн и Старый город. Но мы были уже настолько обстреляны, что на это не обращали внимания. Матросы серьезны на постах, а в блиндажах нескончаемое чаепитие и рассказы, иногда смех, шутки, словом — настроение очень хорошее, но иногда можно заметить и нервность. Наконец, пришел к нам генштабист, начальник нашего участка, и сообщил, что правее нас японцы повели наступление; это мы и сами отлично сообразили по усилению огня японской артиллерии (очевидно, бывшей по тылам). Прилег вздремнуть, но не успел, как мне показалось, и глаз закрыть, как Носик дергает за рукав: «Так что время обедать, ваше высокоблагородие, солнце высоко, пригревает и отогрело замерзшую грязь...».

— Ну что ж, харчить, так харчить давай, да буди г-на Сероштана. — Обед. Хлебнули это мы по чарке под разогретые пельмени — команда прислала «пробу», она оказалась вкусной, несмотря на то, что здорово приелась. Но дело в том, что Носик, как сибиряк, набрал где-то на склоне что-то в виде дикого лука, поджарил его на сале и сдобрил щи. Было очень хорошо.

Люди были разделены на вахты, чтобы не очень их утомлять, с строгим приказом «зря не шляться», так как уже четыре человека шальной шрапнелью были выведены из строя, причем один был ранен довольно сильно.

Сумерки надвигались быстро. Закат солнца был великолепен, особенно, если смотреть на Артур и бассейн, которые были, как на ладони. Часто появлялись столбы пыли (снаряд разрывается на земле) и «свечи» (водяные столбы) от снарядов, рвавшихся в воде.

Ночь наступила быстро. Мы опять сели за чай. Вскоре из «путей сообщения» выныривает генштабист, заходит в блиндаж и, при огарке свечи, развертывает карту нашего участка и начинает нас учить уму-разуму, показывая наши траншеи, окопы и сапы неприятеля, — возможное обстреливание площади и пр. и пр. Мучил он нас с Сероштаном часа полтора. Результат всех этих учений и нравоучений — приказ: с заходом луны нам идти и выбить японцев из 1-й траншеи, лежащей впереди нас, так как, мол, оттуда бьют по нашим путям сообщения и «большой вред приносят резервам». Здесь уже и тактика и стратегия. А двинуться нам в атаку по ракете, которая будет пущена из укрепления № 4.

После ужина раздал роте патроны, ручные гранаты. Осмотр, — есть ли сухари, вода и т. п. Матросы нервничали и шуток уже не было слышно. Чувствовалось что-то грозное, непонятное в душах этих простых хороших людей. Часовые были начеку и секреты всё время доносили о движении и шуме в окопах японцев. Луна медленно ползла к своему закату. Вывели роту, расположили для наступления. Напомнил, что лучше всего — вскочить в окоп и бросить туда ручную гранату... Правда, настоящих у нас не было, но исполняли их должность консервные банки, набитые пироксилином или шашки пироксилина, действующие «подходяще». А патроны беречь, «работать» штыком, как теперь мне помнится, этой-то работе мы были не обучены, а потому ран от них было не более 30%, остальные — это действие винтовкой, как дубиной (за ствол взявши — и удары прикладом), словом винтовку превратили в ударное оружие.

Время идет, вернее, ползет удивительно медленно. Наконец, ракета, маленькая заминка, — вперед...

И только мы, выскочив из окопа, побежали в глубоком молчании по данному направлению, шагов за 150 до цели, затрещали пулеметы и ружейные выстрелы. Про-

бежав еще некоторое время, мы залегли, чтобы отдышаться, а потом — могучее «ура»...

Все, несмотря на то, что смерть косила, — все стихийно двинулись вперед... Что-то необъяснимое, какой-то бешеный порыв охватил всех нас, какая-то сверхестественная сила заставила ни о чем не думать. Всё кричало: вперед! бей!.. Невообразимый ружейный огонь, свист пуль, треск пулеметов и нечеловеческое — ура!

Вскочив на валики окопа, матросы остановились, не зная, что делать, но два-три выстрела со стороны японского офицера, крики: бей!.. в ответ на выстрелы и удары японских кинжалов-штыков... Наши молодцы поняли, как нужно отвечать, что нужно делать... Треск, крики, стоны, Боже мой, что может быть ужаснее этой картины!.. Хорошо, что из-за темноты многое было скрыто от глаз... Бились, кусались, душили, добивали поднимающихся, сами падали, но мне не пришлось слышать разрыва наших ручных гранат. В человеке пробудился зверь, доверяли только своим рукам... Словом, пришли мы в себя, ворвавшись в третий ряд окопов, где выдохлись и залегли, но каков удар, каков порыв!

Отдыхались, ...идти назад невозможно, — казалось, тысячи шрапнелей рвались и засыпали наши тылы. Ладно, устроимся здесь, и пора было устраиваться, так как нас уже начала накрывать артиллерия неприятеля. Скоро-скоро приспособили занятую линию к обороне, завалили ходы сообщений... За неимением времени — прямо-таки трупами, как нашими, так и японскими. Но едва мы кое-как это устроили, а на нас контратака.

Светало, а потому огнем нашим ее скоро затушили. Повторная с обходом, наша артиллерия сразу же накрыла цепи. Японцы залегли и нашим одиночным огнем были приведены в расстройство...

Итак, когда было уже совсем светло, мы кое-как обосновались в наших окопах. Многих, многих уже не доставало... отошли... Сероштан был убит еще в первом окопе; убит был Носик недалеко от меня, когда мы врывались в окоп; и фельдфебель Шуба... Они сложили свои буйные головы во время первой перебежки. Пореди мы здорово-таки... Много раненых (и тяжело) при-

шли и приползли к нам. Но увы, ни доктора, ни фельдшера с нами не было, а потому мы, как могли, перевязали и легко и тяжело раненых. А раны в штыковом бою — ой, как сильно кровоточили и какие они ужасные!

Я только на последней перебежке сообразил, что я без оружия, поднял винтовку свалившегося (сразу убитого) матроса, с которой и побежал вперед. Конечно, что-то кричал и старался быть впереди. Когда я вскочил на валик окопа, внизу вижу японца, сменяющего обойму, и с силой ударил его штыком в живот, но тотчас же был оглушен ударом, к счастью плашмя, кинжалом штыка другого японца, который покатился с раздробленным черепом от подоспевшего ко мне матроса.

— Вы спросите об ощущении... Скажу по совести, — его не было. Был угар, что-то такое, что я не могу этого объяснить. Жаркая схватка, жуткий бой; сколько он длился — невозможно сказать. Мозг затуманен, даже когда отдохнули и отлежались. Теперь главная задача — спрятать людей, дать им отдохнуть, закрыв их от огня (как отдыхать?), так как нужны были часовые и наблюдатели. Собрали оставшиеся брошенные японцами винтовки, набрали патроны и, уложив их по направлению к неприятелю, — почили на лаврах. Спасибо, что днем все попытки новых атак были затушены нашими молодцами-артиллеристами. Мы целый день были начеку. Японцы решили во что бы то ни стало нас выбить... И положили много людей, только к полудню успокоились.

Солнце припекало. Разлагавшиеся трупы издавали невыносимый запах, и даже едким дымом табака-махорки невозможно было его заглушить.

Прошел день. Были убитые, были раненые. Мы сильно редели. Готовились к худшему, т. е. к ночи. Мы как будто на острове, впереди прибой океана, сзади — рифы и буруны. Выставили секрет, т. е. люди выползали за 50 шагов вперед окопа; люди сами вызывались и спорили из-за чести пойти в секрет.

— А где здесь командир? — спрашивает прибывший через рифы и буруны стрелок В. Б. — Вот вам цидулька.

При свете спички разбирали на клочке старой бума-

ги: «в ночь такого-то числа, после полуночи, с заходом луны, вам с вверенной ротой надлежит возвратиться на исходные позиции». — «Ладно, говорю, а куда же теперь?» — «А обратно, ваше благородие».

Людей одолела апатия; мрачно и тяжело, не слышно уже было шутки, зато до остервенения курили... Раздал всем по чарке (благо бак со спиртом сохранился в ранце с перевязочными средствами).

Перед заходом луны была новая атака... Но две-три шрапнели, пущенные нашими артиллеристами, успокоили японцев. После полуночи разделили людей на отделения, назначив старших, т. к. унтер-офицеров строевых почти не оказалось, и около 4 ч. ночи поползли назад. Трупный запах, несмотря на мороз, еще сильнее, чем в окопах. Не успели мы доползти до первого окопа и немного отдохнуть, как началась стрекотня пулеметов. Японцы, видимо, проведали о нашем отходе и пошли вперед. И вот, отстреливаясь по проблескам огня выстрелов, неся раненых и убитых, мы, наконец, впрыгнули в наши окопы. Какой подъем радости охватил всех! В блиндаже горячий чай, а главное — чарка! И, конечно, спать, спать и спать. Резервная рота уступила нам место в блиндаже, да и много-то не нужно было. Тяжело раненых после докторской перевязки немедленно отправляли в город.

Вместе с легко ранеными нас было не больше 62 человек, 200 было убитых, тяжело раненых и пропавших...

Так кончилось мое «морское по-пешему сухопутному».

Вечером ушли в экипаж на отдых и пополнение...

Труп Сероштана всё-таки был нам доставлен на нашу позицию и был похоронен уже без нас. А бедный Шуба и Носик, плюс другой герой без имени остались на склоне Высокой Горы.

*Капитан 1 ранга
В. П. Орлов-Диабарский*

БРАНДЕРЫ

В век Екатерины брандерами называли небольшие деревянные суда, нагруженные горючими и взрывчатыми материалами. Их, путем попутного ветра, или иным способом, неожиданно пускали в места якорной стоянки вражеского большого флота, уже пылающими; и таким образом поджигали и целиком уничтожали неприятеля, часто в его собственной, укрепленной гавани.

Адмирал граф Орлов так уничтожил турецкий флот в Чесме и потому получил название Чесменского.

Японские брандеры имели не такую задачу. Но русские допускали, что они также начинены взрывчатыми материалами, чтобы, войдя в проход гавани, разрушить свое дно и затонуть так прочно, чтобы трудно было потом вновь очистить проход для выхода в море их противнику.

По этой аналогии с Чесменскими, наши моряки и японские заградители окрестили брандерами.

Японцы четыре раза пытались проникнуть в проход Артурского порта, чтобы забить его и, несмотря на героические акты, успеха не достигли.

Много я слышал об эффектной картине первых брандеров, упорно шедших в проход, несмотря на десятки снарядов, пробивавших им борта. Храбрость японцев, шедших на верную смерть 11 февраля 1904 г. поражала русских.

Уже на половину затонувшие брандеры точно держали курс на проход до последней минуты. С треском уткнувшись в берег, они останавливались. Только тогда их незначительные храбрые экипажи, собравшись у трапа, сбегали на шлюпки, чтобы не сдаться живыми неприятелю. Наши орудия и пулеметы косили их на па-

лубе брандеров. Не многие, спустившись по шторм-трапам, на веслах уходили в сторону моря. Ярко освещенные нашими сильными прожекторами, легендарные воины были беспощадно перебиты в своих шлюпках наполнявшихся водою через изрешеченные борта.

Артиллеристы полагали, что никому из них не удалось добраться до миноносцев и катеров, поджидавших их мористее. Однако, скоро мы узнали, что кое-кому это удалось.

Это было уже в середине марта 1904 года. Я спал у себя на квартире. Мой домик выходил окнами на внутренний бассейн и отчасти на Золотую Гору. Моим гостем в квартире тогда был морской врач Николаенко, мрачный человек, иногда по трое суток не произносивший ни слова и не отвечавший даже на вопросы.

Около двух часов ночи вдруг весь приморский фронт сразу разразился страшной пушечной канонадой. В окне моей комнаты беспрерывно сверкали молнии от выстрелов наших береговых орудий и дребезжали стекла.

Я стал быстро одеваться, не зная в чем дело, допуская всё до высадки десанта включительно. Стоял такой грохот, так быстро одна молния за другой освещали мое окно, и лучи прожекторов бороздили небо, что я не мог расслышать тихого всегда голоса д-ра Николаенки, появившегося из своей комнаты на пороге у меня. Видя, что я очень спешу, Николаенко уговаривал меня никуда не уходить. Он служил в госпитале и мог оставаться до утра, я же был отрядным врачом на миноносцах и должен был в такую минуту быть хотя бы поблизости к тому миноносцу, на котором плавал, как чин штаба, чтобы начальник отряда мог найти меня в случае надобности.

Николаенко упорно и мрачно застращивал меня, пока я не скрылся за наружной дверью, выходившей из дворика на улицу, огибавшую сверху Этажерку.

Я быстро пошел к порту, через малые ворота, подошел к сухому доку и в Гнилом углу зашел на свой миноносец. Там не знали, что делается на рейде. По грохоту стрельбы, направленной в сторону открытого моря со всех батарей нашего побережья, думали, что, как

уже было 11 февраля, японцы, видимо опять пустили брандеры.

Тревога и громоносная пальба воскресили в моей памяти рассказы о первых брандерах. Любопытство разбирало меня. Сказав на своем миноносце, что сейчас же хочу подняться на Золотую Гору, я быстро пробежал угольные склады и стал карабкаться в темноте по склону Золотой Горы, пользуясь для отыскания троп молниями выстрелов.

Трудно было взобраться на крутой холм, почти в 200 метров высоты, да к тому же вне дороги и почти без тропинок. Земля сыпалась из-под ног, я полз почти на четвереньках, хватаясь руками за торчащие камни скал. Я не хотел потерять ни минуты и стремился напрямик к Золотой Горе, под ее сигнальную мачту, чтобы самому увидеть новую историческую драму. Едва дыша, я достиг вершины и вбежал на площадку под мачтой.

Начальник станции офицер и все сигнальщики с биноклями и трубами в руках стояли на краю балюстрады, смотря из полутьмы в черную бездну пред собою, по которой в разных направлениях лучи света бороздили небо, черное-черное в эту безлунную ночь, в этот безлунный час.

Широким углом с Ляотешаня, Крестовых Гор и Плоского Мыса, сходясь на какой-то небольшой серой точке на минуту, длинные лучи прожекторов указывали на черной поверхности безбрежного моря то как будто шлюпку, то, где-то далеко, неясный силуэт корабля. И тотчас же все батареи обширного берегового фронта, в десятках верст, разражались затяжным громом выстрелов крупных орудий и лентами пулеметной дробы.

Свежему человеку нельзя было понять, неужели из-за столь ничтожной и едва заметной цели такая героическая артиллерийская симфония сотни орудий?

Из отрывочных слов моих соседей матросов-сигнальщиков и коротких команд их начальника, раздававшихся в полутьме, неизвестно по чьему адресу, я понял, что опоздал.

Первый акт морской трагедии нового типа, атака брандеров, только что окончилась. Четыре больших ком-

мерческих корабля, как и при первых брандерах, уткнулись в берег у подножия Золотой Горы, на которой мы находились. Отчасти войдя уже в проход гавани, они как будто остановились на мели у берега и прохода не загроздили. Слабые силуэты их можно было заметить при вспышках пушечной стрельбы.

Но, можно ожидать новой атаки с новыми брандерами!

Одни прожектора стараются нащупать неприятеля далеко в море, ища его появления одновременно во всех секторах горизонта. Другие выскивают шлюпки с остатками экипажа брандеров уже уткнувшихся в обочины берегов Узкого пролива. Эти шлюпки сейчас топят. Оттого и такая частая стрельба в смеси пулеметов с пушками. Дело осложняется тем, что в море и на внешнем рейде находятся несколько наших миноносцев, охранявших рейд ночью.

Судя по стрельбе, слышной далеко в море, одновременно идет бой между нашими миноносцами и какими-то судами неприятеля, не то с новыми брандерами, не то с судами неприятельской охраны.

Трагедия не окончилась. До восхода луны еще далеко, и все ждут еще нового коварного наступления японского флота.

Я старался, глядя в бинокль, уловить в черноте воздуха и морской поверхности хоть какую-нибудь тень в свете бегающих лучей, но ничего заметить не мог. А сигнальщики, мои соседи, что-то видели, старались мне указать, но я ничего не мог разобрать, хотя острота зрения у меня в те годы была двойная, т. е. 20/10.

Непрекращающаяся порывистая канонада начинала надоедать, а новой серии брандеров не было.

Вдруг, как будто не очень далеко в море, как казалось со столь большой высоты в 200 метров, ярко несколько раз заблестал огонек из нескольких коротких и длинных вспышек, погас и вновь повторился. Все сигнальщики сразу поняли: сигнал! И стали его расшифровывать в закрытой будке по секретному сигнальному коду.

Через полминуты в ночной тьме, среди грохота стрельбы сигнал вновь заблестал. Затем опять и опять.

— «Сильный», «Сильный» дает свои позывные, — закричали сигнальщики. Сигнал снова повторился, но уже в другом сочетании вспышек.

— Терплю бедствие! — было новым сигналом с «Сильного».

И мы заметили, что за эти две минуты огни сигнала стали как будто ближе к берегу.

Ясно стало, что отдаленная стрельба, которую слышали раньше в море, это были отзвуки боя «Сильного» с неприятелем.

Сигнал о бедствии повторился еще несколько раз и замолк, уже в расстоянии как будто ближе, чем на милю от нашего берега, левее подножия Золотой Горы.

Мне сразу пришла мысль, кто на миноносце есть раненые и, так как он не шел ко входу в гавань, а просто к ближайшему берегу против своего носа, ясно стало, что катастрофа! «Сильному» угрожает гибель, если он не доберется до отмели.

К этому времени уже на всех судах эскадры и на береговых постах флота были в наличии готовые повязки для артиллерийских ран, предложенные мною еще до начала войны, во время плаванья на миноносцах с осени 1903 года, в качестве первого отрядного их врача, ибо ранее в нашем флоте не было такого скопления (25 вымпелов) этого рода судов, и врачей на миноносцах не было. Не было даже фельдшеров, хотя на каждом эскадренном миноносце было с офицерами до 70 человек команды. Но зато команды были обучены самопомощи и взаимопомощи в боевой обстановке, которая сводилась к рациональному наложению на рану стерильной готовой повязки даже грязными руками при любых внешних условиях.

Кроме того, по несколько человек на миноносцах и в малых береговых командах обучены были мною более тщательно этому искусству. Им вверялось хранение повязок и размещение их по боевой тревоге. Такие обученные санитары из числа строевых матросов были и на Золотой Горе.

Я обратился к начальнику поста на Золотой Горе:
— Разрешите мне взять вашего санитара с повязками. Я попробую добраться до «Сильного».

— Пожалуйста, — ответил он мне, — но как же вы доберетесь туда?

— Может быть, он выбросится на берег, — ответил я.

— Идем скорее, бери мешок, — сказал я санитару, и в кромешной тьме, совершенно не зная приморского склона Золотой, под которой стояла большая батарея 10-дюймовых орудий Электрического Утеса, мы с матросом стали сползать вниз. Стрельба в это время усилилась, и вспышки выстрелов освещали нам скат Золотой.

Матрос, лучше меня знавший эти места, предупредил, что наибольшая опасность грозит нам, если мы попадем в срез горы, где стоят наши пушки, тогда можно свалиться в такой обрыв с высоты в несколько сажен.

Когда мы прошли, как нам казалось, с половину пути до берега и особенно боялись попасть в обрыв, выстрелы стали реже и ничего не было видно.

— Мимо, мимо! — вдруг услышали мы крики снизу, глухие и отдаленные. Решив, что сползаем прямо к срезу в горе и можем свалиться и разбиться на смерть, мы повернули резко влево, в сторону обратную тому, откуда слышны были отдаленные крики, предупреждавшие нас об опасности. Затем мы неожиданно напали на хорошую тропу и быстро вышли на широкий песчаный берег.

Канонада гремела. Вспышки усилились; нам легко стало идти по плоскому песчаному берегу, заливаемому крупными пенистыми волнами с открытого моря. Во тьме при вспышках мы заметили как будто силуэт «Сильного», но далеко, не менее полуверсты от берега и совершенно без огней.

Решили на пустынном берегу найти плоскодонную шампуньку, которые китайцы обычно легко отволакивают далеко от берега и воды, чтобы их не унесло в море.

Сначала мы повернули направо ко входу в гавань, рассчитывая, что там батарея, людно и легче напасть на шампуньку. Не сделали мы по мокрому песку и и де-

сяти шагов, блеснули выстрелы над нашими головами и вдруг в нескольких шагах от себя я увидел огромную рыбу, выскочившую на берег и бьющую хвостом в воде. Сначала нас инстинктивно от нее отбросило. Затем мы решили посмотреть, неужто такая огромная рыба? Не шлюпку ли, выброшенную на берег, я принял при вспышке за рыбу?

Подошли, и о ужас! Это огромная мина Уайтхеда, сажени полторы длиною. Воткнувшись носом в песчаный берег, она билась хвостом о волны и качалась от движения прибоя.

— Мина, мина! — закричал я матросу, заглушаемый шумом волн. — Скорее в обратную сторону! Может взорваться от удара волны!

Мы отбежали. Тогда только поняли (потом это подтвердилось), что нам в темноте кричали: «мина», «мина». Мы же, опасаясь свалиться в обрыв, поняли «мимо», «мимо».

Конечно, эта мина была пущена в «Сильный» во время его перестрелки с судном неприятеля, охранявшим свои брандеры. Был промах и она уткнулась в наш берег.

Пройдя несколько десятков сажен по берегу влево, мы набрали, наконец, на шампуньку. Отволокли ее к берегу, спустили в воду и вскочили в нее, уже будучи по колено в воде. Матрос стал на кормовое весло и начал им юлить. Стоя на шампуньке (на них всегда плывут стоя), мы направились в сторону открытого моря, стараясь держаться направления, где заметили силуэт «Сильного». Скоро его увидели и стали приближаться. Он был в одном-двух кабельтовых от берега.

Нас заметили уже издали. «Кто гребет?» окликнули с миноносца. — «Офицер», ответил я. — «А, наш доктор!» сразу же отозвался командир миноносца, кап. 2 р. Криницкий. «Скорее, скорее! Как хорошо, что прибыли. У нас масса раненых!» — кричал он издали.

Подали шторм-трап, и мы были на борту.

Выяснилось, что, в бою с японской охраной брандеров, снарядом, попавшим в машинное отделение «Сильного», перебило паропроводную трубу. Пар под большим давлением, конечно, повалил и заполнил сразу всю ма-

шину, где во время боя, по боевой тревоге, находилась почти вся машинная команда и старший инженер-механик Зверев, уже пожилой инженер, которого я хорошо знал.

Машинисты, находившиеся близко к железному трапу, ведущему из машины на палубу, бросились к нему. Человек десять успело выскочить. Однако, около люка наверху пар был очень высокой температуры и все выскочившие получили тяжкие ожоги как раз у самого люка. Половина из них вскоре умерли в госпитале от этих ожогов. Находившиеся же вдали от трапа не могли этого сделать. Они все заживо сварились в горячем пару.

Пар еще долго валил из перебитой трубы в машинное помещение. Когда я прибыл на миноносец, к люку из машины еще нельзя было подойти. Впоследствии оставшихся в машине и сварившихся там на смерть, нашли в позах, ищущих спасения, под различными частями машин, куда они успели подползти от идущего на них сверху горячего пара. В первую минуту они искали спасения на полу, где воздух с паром, обжигавший при дыхании легкие, еще не был столь горячим. Сразу сварилось на смерть и осталось в машине всего пять человек, среди них один офицер, старший инженер-механик Зверев. Умерло от ожогов впоследствии тоже пять. Обваренных и раненых, оставшихся в живых, было еще 15 человек. Всех пострадавших, при команде в 67-70 человек, было 25.

Интересны технические особенности этого горестного события.

Благодаря тому, что была перебита не самая большая паропроводная труба, давление пара в котлах оставалось настолько значительным, что машина некоторое время работала при мертвом уже ее экипаже, и миноносец, постепенно теряя скорость хода, всё же мог отойти от выстрелов неприятеля, направляясь к своему берегу. Временно действовало и электрическое освещение. Иначе, от действий неприятеля, погибли бы и сам миноносец и все бывшие на нем. Всё же «Сильный» не дошел до берега и, истощив энергию машин, остановился, не приткнувшись к береговой мели.

Когда я уже был на палубе, командир сказал, что выбежавшие из машины перенесены в носовой командный кубрик, и повел меня туда.

При свете свечей и керосиновых ламп я увидел, что на лавках вдоль кубрика лежало несколько человек, укрытых одеялами и бушлатами. Они дрожали и тихо судорожно стонали. Лица их были бледны со следами пузырей и облезшей кожи. Глаза закрыты. Тут же сидели отделавшиеся сравнительно легкими ожогами и ранами.

Я потребовал готовые повязки и стал раздевать одного из тяжелых. Кожа слезала с одеждой с его рук и ног. Принесли ножницы, разрезали брюки, сняли сапоги. Стало ясно, что безнадежен. Ожог занимал явно большую часть кожи. Наши манипуляции зря причиняли только непереносимые мучения, которые должны были вскоре повториться и в госпитале. Сделав только вид, что хочу и могу помочь, я кое-как забинтовал им лица и кисти рук и шепнул командиру Криницкому, что скорее надо их в госпиталь, а то и здесь Богу душу отдадут.

Ясно стало и другое, что готовыми повязками для ран нельзя перевязать средний и даже малый ожог. Нужно было по несколько повязок для того, чтобы перевязать хотя бы одну целую ногу человеку. Покрой повязки для ран от осколков артиллерийских снарядов совсем не был пригоден для ожогов, особенно обширных обвариваний паром. Эта операция в той обстановке, в которой мы находились: в полутьме в тесном кубрике и при массе обожженных затянулась бы на часы. Главное — была бесцельна и даже вредна; во всяком случае, напрасно мучительна для случаев тяжелых и явно безнадежных.

Я стал перевязывать более легко обваренных и раненых. На всё это не хватило того небольшого мешка повязок, что мы принесли с Золотой Горы. Весь запас их, находившийся на «Сильном», также был израсходован мною и моими двумя помощниками санитарями с «Сильного» и с Золотой Горы.

В этот момент выяснилась новая опасность — нос миноносца стал тонуть, и у нас под ногами появилась вода. Командир встревожился, вышел наверх, чтобы принять меры, а я с санитаром и свободными матросами

стали готовить тяжело раненых, чтобы опять вынести их наверх. Хотя «Сильный» был близко от берега, но нос его был на плаву, и в случае затопления мог совсем уйти в воду. Мы медленно, но тонули.

Пока мы старались закутать больных в одеяла и разное матросское тряпье, смотрю — вода в узком проходе между рундуками, на коих лежали тяжелые, уже доходит нам по щиколотку. Скоро она поднялась еще выше. Мы стали выносить тяжелых. Задача оказалась трудной: тьма, свет — только свечи, трап крутой, выход узкий, больные кричали от боли, когда прикасались к их обожженной коже, а ожоги у них были повсюду. Можно было выносить только на руках, устроив кресло из встречных ладоней двух носильщиков. А как трудно было таким образом пройти сразу втроем в люк носового кубрика.

Прошло около часу моего пребывания на миноносце. Тяжело раненые еще не все были вынесены наверх, а нос тонул всё больше, вода доходила уже нам по колено. Грозил вот вот залить и рундуки, когда мы вынесли последних тяжелых.

В этот момент с палубы сообщили, что подошел паровой катер с офицером от адмирала Лощинского, начальника морской обороны, державшего флаг контр-адмирала на канонерской лодке «Отважный», стоящей в проходе в гавань, ближе к стороне Золотой Горы, в двух-трех кабельтовых от нас. После сигнала «Сильного» о бедствии помощь от адмирала пришла только через час. Почему так опоздали, я не знаю, но думаю, что внимание властей было еще занято продолжающимися действиями на внешнем рейде. Всё же час для терпящего бедствие на море — срок опасный!

Вскоре подошли большие портовые катера. Было уже не очень темно, когда повезли всех тяжело и легко раненых в порт, чтобы оттуда отправить их в Сводный госпиталь или Красный Крест, лучшие госпитали в то время в Артуре, так как Морской госпиталь еще не был открыт.

Командир кап. 2 р. Криницкий был очень занят. Он спасал эскадренный миноносец от затопления его, — о

ужас, — у самого Артурского берега. На палубе была беготня и суета. Раздавались командные крики. В это время стрельбы уже не было. Рассветало. Из порта на внешний рейд выходили мелкие суда, вероятно, тральщики и буксиры. Некоторые из них направлялись в нашу сторону к «Сильному». Погода была хорошая, но было прохладно, море спокойное. Стало светло. Мы с моим учеником с Золотой Горы вскочили в нашу шампуньку и двинулись к берегу.

После такой активной ночи я отправился в порт к Гнилому Углу, где обычно стояли бок о бок миноносцы, пришвартовались к стенке гавани, против портовых мастерских.

Осмотрев заболевших на одном из миноносцев, я пошел в кают-компанию, куда был приглашен рассказать о ночных переживаниях на «Сильном». В разгаре нашей беседы вахтенный доложил, что портовый буксир ведет японские баркасы с брандеров, пойманные в море и направляется к берегу около нас. Все тотчас же поспешили наверх. На портовой стенке, куда приближался буксир, уже собралась большая толпа народа: матросы и офицеры с миноносцев, портовые рабочие и даже рабочие-китайцы.

С интересом и шумным веселым оживлением все ждали трофеев японской вторичной неудачи и хотели воочию увидеть пленных. По мере приближения каравана оживление слабело. Буксир тащил лишь несколько больших баркасов, двенадцати-весельных, очень глубоко сидевших в воде, но ни души на них не было видно.

Когда один из баркасов подтянули вплотную к набережной, длительное и грустное изумление изобразилось на лицах всех и протяжное «А-а-а-а-а! а-а!» огласило воздух. Огромные баркасы были полны воды, а в воде, как в рыбном садке, плавало с десятков мертвых мальчиков, лет 15-17 на вид, коротко, ежиком, подстриженных с почти детскими личиками, одетых в чистенькие, новенькие матросские костюмчики и без фуражек. Тела их полностью покрывала вода, на поверхности которой плавало несколько промокших фуражек.

— Господи, да это ж дети!

— Какой ужас!

— Вот тебе, — война! — раздавались грустные одинокие голоса в толпе. Одни крестились. Другие вздыхали, иные и прослезились.

Гром победы умолк и сменился надгробным рыданием.

Японцы сделали четыре попытки забить выход нашему флоту и принудить его к безактивности при подготавливаемых ими десантных операциях для захвата Квантунского полуострова. Каждый раз они увеличивали число брандеров, доведя их до двух десятков в последний раз, но не только не достигли цели, но чем дальше, тем легче отбивали их наши. Кажется после третьих брандеров и я в числе многочисленных офицеров на утро поехал на один из них, выбросившийся под Золотой Горой. Погода была прекрасная, весенняя, солнечная. Опасались, что японцы заложили внутри брандеров адские машины, и так как они еще не дали о себе знать, то могут взорваться с опозданием под нами.

Опасение было чрезмерным. Эти взрывы им были нужны для утопления брандера в проходе. Они не готовляли же их против случайных любопытных?!

Однако, еще все боялись, с опаской входили и осматривались, ища электрических проводов. Для опасения налицо была странная приманка: на верхней палубе на стене машинного отделения крупными буквами по-русски мелом была сделана надпись, притом с грамматическими ошибками:

«Русские моряки, запомните мое имя! Я капитан-лейтенант Токива́ Хирозэ. Мне (вместо я) здесь уже в третий раз...» (далее я забыл).

Офицеры, приезжавшие осматривать брандер, подолгу останавливались пред этим посланием своего мужественного противника, обсуждали его и даже снимали с него фотографии. Потом выяснилось, что для бедного Токива Хирозе это был последний раз... Он был убит в шлюпке, как мы потом узнали от японцев.

Многие флотские офицеры хорошо знали Хирозе. Он был до войны морским агентом в Петербурге. Ухаживал, но безнадежно, за красавицей-дочкой начальника

Главного гидрографического управления, генерала Вилькицкого, сестрой мичмана Вилькицкого (впоследствии флигель-адъютанта), тоже очень красивого, моего соплывателя, первым пришедшего на «Таймыре» и «Вайгаче» из Великого океана в Атлантический через Северный Ледовитый.

Русские моряки запомнили твое имя, герой-неприятель, и на восьмом десятке лет свято хранят твой завет, мелом написанный в предсмертный час. Он рассказывает своим внукам и правнукам о легендарных экипажах брандеров и о тебе, наш доблестный противник, герой японского флота, капитан-лейтенант Токива Хирозэ!

Когда эскадренный миноносец «Сильный» был уже в гавани, я прибыл как-то туда по службе.

Командир кап. 2 р. Криницкий с радостной улыбкой, очень оживленный, пошел мне навстречу, жал мне руку, благодарил и повел в свою каюту. На столе у него был развернут статут ордена Св. Георгия и на бюваре бумаги, которые он писал.

— Я представляю вас к офицерскому Георгиевскому кресту 4-й степени, — сказал он мне, стал приводить текст статей и прочел свой рапорт, в котором (мне запомнилось) особенно напирал на то, что я приехал на шампуньке, по собственной инициативе, оказался на миноносце еще в разгаре пальбы и на час раньше, чем офицер, пришедший от адмирала на паровом военном катере. Это был камешек в огород адмирала.

Я поблагодарил, высказал сомнение, т. к. я не строевой офицер, чиновник, никаких боевых функций не исполнял и т. д. Когда я уходил Криницкий проводил меня до сходни.

Хотя два моих товарища, однокурсники по Военно-медицинской академии, морские врачи с «Варяга» и «Корейца», Банщиков и Меркушев, к тому времени уже получили Георгиевские кресты, но это было в исключение из статута, по особому высочайшему повелению.

«Георгий, конечно, не дадут, подумал я, но «клюкву» могут дать» (это Анна 4-й степени — красный темляк).

Криницкого я мало знал, так как он прибыл из Рос-

сии на эскадру уже после начала войны. Его постоянная крайняя оживленность мало импонировала; я не верил в успех его размаха. Потом оказалось, что Криницкий умелый и храбрый офицер. К концу артурских событий он стал начальником всей флотилии миноносцев.

После приема у Криницкого и его представления меня к Георгию, через неделю или две, 31 марта, погиб «Петропавловск», а с ним адмирал Макаров и весь его штаб. Погиб и весь архив штаба, а с ним, вероятно, и представление меня к офицерскому Георгию.

События круто повернулись к худшему. Флот спешился. Перешел на сушу, и я перестал видеть Криницкого.

До наград ли тут было? Я не получил не только Георгия, но и «клюквы». До конца осады я не получил ни одного ордена. Один же из моих товарищей однокурсников по академии, уже в Артуре, получил двух Станиславов и двух Анн, 3-й и 2-й степени с мечами.

По возвращении в Россию, как мои сверстники, младшие врачи, я получил Станислава и Владимира 4-й с мечами. Всё же, как-то в дружеской пирушке семи молодых морских врачей, после падения Артура, при японцах уже, сидевший против меня младший врач Гвардейского экипажа, и когда-то величественный дирижер на академических балах в Дворянском собрании, Владимир Владимирович Григорович, бывший навеселе, встав с бокалом вина в руке, сказал:

— Если кто-либо из нас, господа, заслужил Георгия в Артуре, так это ты, Яшка!

Он обнял меня через стол и обращаясь к полупьяной компании моих друзей: Арнгольду, Кистяковскому, Ковалевскому, Ферману (седьмого не могу вспомнить), сказал: «Целуйте его!»

Григорович умер до Первой великой войны, Арнгольд, Кистяковский и Ковалевский — расстреляны во время революции. Ферман до Второй войны был профессором в Риге.

Но история брандеров еще не окончена.

В апреле Артур был отрезан с суши. Осада стала неминуемой. Во всех казармах пооткрывались военные

госпиталя. Сообщение с Тигровым Хвостом было возможно только по большому внутреннему рейду.

Я обратил внимание флагманского доктора эскадры, что необходимо уже теперь организовать регулярную перевозку больных и раненых по рейду на три госпитальных судна: «Монголия», «Казань» и «Ангара» и особенно на Тигровый Хвост в береговые военные госпиталя.

Доктор Бунге доложил адмиралу, и затем мне было поручено обдумать и организовать это дело.

Баркасы, собранные в море с брандеров, полуза-топленные стояли по углам гавани, всеми забытые. Чтобы узнать, можно ли их починить и использовать, я обратился к очень благоволившему ко мне шлюпочному мастеру, эстонцу или латышу, человеку простому, но очень болевшему неудачами флота и патриоту. Он делал носилки по моему заказу, и так хорошо — из весельной ясени, — что они пружинили, не ломались, как военные интендантские из простого дерева, и просто разбирались. За усердие я представил мастера к медали. После этого мы подружились.

Баркасы были обследованы и в десятке из них были законопачены дырки от пулеметных пуль, баркасы починены, покрыты съемными палубами, окрашены в белый цвет с зеленой полосой вдоль борта и красными крестами по бокам. Точно по международной конвенции о военно-госпитальных судах. Флотилия большой подъемной силы была готова, но не было буксиров.

Адмирал Витгефт разрешил взять для этой цели два старых паровых катера с разоруженных по старости: моей родной «Забияки», на которой я начал свою морскую службу в 1902 году, и с полупарусного «Разбойника», пришедшего в Артур со строевыми квартирмейстерами из кругосветного плавания почти накануне войны. Оба катера были таким образом много старше меня по возрасту, но для навигации по бухте они годились.

Катера также были окрашены в белый цвет с зеленой полосой и на трубах отмечены красными крестами с обеих сторон.

Японские и русские единицы медицинского флота оделись в общую нейтральную форму для службы невин-

ным жертвам ужасной, непростительной Русско-японской войны.

Назначены были экипажи, и японо-русская эскадра была готова. Назвали ее Санитарным караваном, а меня назначили его начальником.

Не будь брандеров, не было бы и этого морского единения обоих враждующих флотов.

Как раз в эти дни, 13 мая, японская армия генерала барона Ноги повела атаку на Киньчжоу, самую передовую позицию Квантунского укрепленного района. Сразу же с утра положение стало опасным. Военные власти просили помощи флота: поддержать с моря фланги узкой позиции. Адмирал Витгефт сигналом приказал двум канонерским лодкам выйти в море для этой цели. Операция была крайне опасной. Дойти до Киньчжоу они могли успеть, так как на большой видимости очень близко не было неприятельского флота. Успели бы, вероятно, оказать и временную помощь армии. Но на возвращение обратно, в виду господства на море японского флота, надежды почти не было столь слабым силам в одиночку.

Оба командира, старые капитаны 2 ранга, ссылаясь на непорядки в машинах, медлили и не выходили, несмотря на повторные приказы. Тогда третий, капитан 2 ранга Шельтинг, командир канонерской лодки «Бобр», самой слабой по ходу и вооружению, предложил адмиралу послать его. Тотчас же выйдя в море, «Бобр» оказал свою поддержку армии и благополучно возвратился.

Обратно его сопровождало несколько японских миноносцев, которые легко могли его атаковать и утопить. Однако, как потом объяснили сами японцы, они этого не сделали, главным образом потому, что были восхищены храбростью кап. 2 р. Шельтинга.

Адмирал Витгефт в негодовании на командиров двух первых лодок, так и не вышедших из гавани, сместил их с должностей. Все тогда думали, что оба они будут отданы под суд. Но мягкий адмирал сделал в отношении их другой гневный жест.

Через день после моего назначения начальником Санитарного каравана, приходит ко мне в Гнилой угол флагманский доктор А. А. Бунге. Его, как очень часто

бывало, сопровождали два морских агента-германца, состоявших при нашем флоте от имени германского императора. Оба немца, брюнет и блондин, прекрасно говорили по-русски.

— Адмирал поручает вам приспособить к вашему делу капитанов 2-го ранга X-1 и X-2, бывших командиров канонерских лодок, — говорит он мне тихо, как бы желая, чтобы немцы не обратили на это внимания.

Не понимая в чем дело, я решил, что вместо меня перевозка раненых по рейду поручается им.

— Александр Александрович, — отвечаю я Бунге — да там же нечего делать двум командирам судов!

Он замял разговор, а потом, без немцев, объяснил мне, что адмирал хотел для ущемления самолюбия, как провинившихся, назначить их под мое начало для перевозки раненых и больных на шлюпках по внутреннему рейду. Конечно, это назначение не состоялось. Добряк Витгефт его отменил.

Один из этих капитанов погиб смертью храбрых во главе десантного батальона матросов в августовские штурмы. А другой — всё время осады пролечился в госпиталях. Когда же крепость пала, и японские военные власти оставили офицерам холодное оружие, он, на сборном пункте пленных, опоясываясь морским палахом, обратился к другим, тут же стоящим офицерам и сказал: «Ну, мы еще послужим!».

После первых крупных неудач нашего флота авторитет высших начальников, адмиралов и командиров, естественно, пошатнулся во мнении команды и младших офицеров.

Матросы ничем, кроме стараний и мужества, не могли помочь делу. В ином положении были молодые офицеры, особенно специалисты, только что окончившие артиллерийские, минные и штурманские классы, а также механики-инженеры и молодые врачи. Они были заедены рутинной времен парусного флота. Они были ближе к веку, знали многое такое, что трудно доходило до сознания стареющего высшего начальства.

Не выходя из рамок дисциплины и порядка, молодежь стала проявлять свою инициативу. Усомнившееся

в себе начальство тому не препятствовало. Это очень помогло, но, к сожалению, не в морских делах, которые были испорчены сразу и почти непоправимо.

В делах же крепостной обороны инициатива молодых имела большое значение для их успешности и продолжительности. Укажу лишь кое-кого из стаи славных:

1. Прогремевшего на всю Россию лейтенанта Подгурского с его бомбочками.

2. Зборовского, капитана, военного инженера, предложившего, в виду отсутствия сухого дока, починить «Цесаревича», «Ретвизана» и другие поврежденные минами суда при помощи присасывающихся кессонов.

3. Власьева, мичмана, придумавшего миномет.

4. Офицера — имени не помню — обложившего крепость электрической проволокой, очень пугавшей японских солдат¹.

5. Берга, инженер-механика, соорудившего змей для подъема наблюдателя. И так далее. Десятки и сотни таких молодых новаторов знал Артур. А сколько было стратегических и тактических молодых инициаторов! В Артуре строился воздушный шар (лейт. Лавров), строилась подводная лодка (техник путей сообщения) и прочее, и прочее.

Не дремали и молодые морские врачи: на старом транспорте «Ермак» была устроена фабрика готовых повязок, где собирались молодые доктора, обменивались идеями, стараясь помочь общем делу.

После одного из таких собраний я предложил всей молодежи полюбоваться моим медицинским флотом.

Все мы были лекарями, без чина пока, но лишь с правом на чин титулярного советника (одна черная полоска, без звездочек, на узком серебряном погоне). Только один из нас, уже на пятом годе службы, был в чине коллежского ассессора (две полоски с двумя звездочками). Он, как штаб офицер, имел право подходить на шлюпке к правому трапу корабля. Это был Эдуард Егорович Арнгольд, «голландский рыцарь», как звали его друзья, и

¹ Лейтенант Н. В. Кротков, мой соплаватель на «Пересвете» в 1903 г., впоследствии адмирал.

«доктор Ап», как называли его на флоте. Он всеми был любим и все знали, что когда он поднесет рюмочку ко рту, всегда произносил междометие: — ап! Отсюда и кличка. Эту привычку, вероятно, западного происхождения, Ап заимствовал от своего пращура, голландца-плотника, привезенного в Россию Петром Великим.

Когда весь медицинский конгресс любовался чистеньким новым японо-русским флотом и я представлял его старшему д-ру Арнгольду, он обращается к коллегам:

— Господа, а где же поднимет свой флаг наш шлюпочный адмирал? Твое превосходительство, а что ты скажешь?

— На «Забияке» или «Разбойнике», — ответил я. — Чем не крейсера?

На самом же деле мой флаг пришлось поднять над моим береговым штабом, против ресторана «Саратов», на берегу, где была вырыта небольшая яма для укрытия от бомбардировок для чинов моего штаба.

Эту яму и небольшую, в две доски пристань с причалом, мы назвали «Порт Саратов». Другой порт по ту сторону бухты был назван «Под Тигровым Хвостом».

Кроме того, была еще третья плавучая база вблизи Морского госпиталя у Нового города. Третий порт получил название «Пьянчуга». Старая большая баржа стояла на мели на плоском берегу перед Морским госпиталем. Во время прилива она всплывала и качалась, как пьяная, а во время отлива она вновь становилась на дно и... трезвела. Но не на долго! И так по два раза в сутки... неисправимая пьяница.

Моим флаг-капитаном был строевой квартирмейстер из запасных, сибиряк с черной бородой а-ля Пугачев, лет сорока с хвостиком. Командирами портов — два более молодых квартирмейстера, молодцы хоть куда. А флагманским доктором — 20-летний тщедушный мальчишка фельдшер Чаев. Матросов было дюжины две. Сила могучая!

Флот этот с началом тесной осады так напрактиковался, что был ценим, и все пригляделись к большому красиво реющему флагу красного креста, под которым

была вывеска из материи «Перевозка раненых и больных по рейду».

Когда начались кровавые события в августе, я редко бывал под своим адмиральским флагом, работая на сухопутном фронте с 1-м Морским санитарным отрядом, которым командовал до конца осады. Флотилией же под моим флагом, точно по Морскому уставу, управлял мой строевой квартирмейстер.

*Морской врач
Я. И. Кефели*

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ИНЖЕНЕР-МЕХАНИКА В. Ф. БЕРГ

Прибыл я в Порт-Артур в январе 1902 года. Тогда еще только начинали создаваться вооруженные силы, нужные для закрепления нашего положения. Для стоянки флота была гавань, построенная еще катийцами, в которой могла помещаться незначительная часть флота; был лишь один док, недостаточный для судов водоизмещения наших новейших в то время броненосцев типа «Петропавловск».

Постройка нового дока, достаточного для этих броненосцев, только началась. Внутренний рейд, на котором впоследствии должен был помещаться наш весь Дальне-Восточный флот, только в самом начале своем у входа с моря к бухте был пригоден для стоянки одного, много двух крупных судов, вся остальная площадь его была еще настолько мелка, что в отлив китайцы пешком переходили от Тигрового Хвоста в Новый город. Громадный караван землечерпалок и «грязнух» (барж для вывоза в море вычерпанного грунта) работал день и ночь под руководством Корпуса флотских штурманов полковника Престина. На складах порта были очень ограниченные запасы угля, смазочных и других материалов, а также артиллерийских снарядов и зарядов.

Из боевых судов в то время в Артуре стояли броненосцы «Петропавловск», «Полтава», «Севастополь», устаревший крейсер «Нахимов», устаревший минный крейсер «Всадник», 4 эскадренных миноносца типа «Бдительный», один английского типа «Боевой» и один немецкого же типа, взятый у китайцев, — «Лейтенант Бураков». Последний был взят в совершенно негодном состоянии и стоял в капитальном ремонте.

На все нужды флота и его базы Порт-Артура отпускались очень ограниченные средства, тогда как на соседний с ним коммерческий порт Дальний, детище министра финансов Витте, как из рога изобилия сыпались деньги, как на постройку самого порта, так и на постройку города при нем. Витте всё время урезывал кредиты на флот и на его базу Порт-Артур.

По предписанию из Петербурга, суда, в целях экономии, большую часть года стояли в вооруженном резерве, плавали только 3-4 месяца в году, и то лишь умеренной скоростью, чтобы меньше расходовать угля и прочих материалов.

По прибытии в Артур я был назначен сперва на броненосец «Севастополь» младшим судовым механиком, через три месяца старшим судовым механиком на эскадренный миноносец «Бдительный». На всех четырех миноносцах этого типа, которые лишь недавно лихо совершили поход из Кронштадта в Порт-Артур, к тому времени стали уже совершенно негодными водогрейные трубки котлов, вследствие того, что толщина стенок первых двух рядов их была 2 мм.; всех же остальных лишь 1,5 мм., и была недостаточная циркуляция воды, а вода в Артуре была очень плохая для наполнения котлов. Только в конце 1903 года установили на набережной миноносцев опреснители для наполнения котлов миноносцев; до этого котлы наполнялись водой из так называемого «пресного озера» — бывшего залива, который был превращен в озеро тем, что залив перегородили широкой насыпью. Вода в нем опреснялась десятилетия дождями, но всё же была еще с сильной примесью морской воды.

В результате трубки давали свищи, и даже на малых походах приходилось выводить то один, то другой котел из действия, залезать в только что продутый котел, заглушать трубки, дававшие свищи, чтобы скорее готовить котел на случай, что даст свищи другой котел. Тонкостенность трубок и плохая циркуляция воды в котлах — это ошибки немецких конструкторов. Судовым инженер-механикам и кочегарной команде приходилось зорко следить и потеть, чтобы по мере возможности

бороться с этим недочетом. Борьба с недочетами заводской работы приходилось судовым инженер-механикам и на броненосцах. Так, например, на «Севастополе» на пробном ходу максимальной скоростью так нагревался головной подшипник лев. Ц. В. Д., что ни усиленная смазка, ни поливание полной струей воды, не могли снизить температуру до допустимого нагревания. Когда разобрали бронзовый подшипник, он оказался весь задран, а шейка шатуна его сильно наплавлена медью. Подшипник стучал и при меньших ходах, что указывало на то, что причиной нагревания не должна была быть малая слабина, в чем убеждали и измеренные раньше зазоры. Оставалось предполагать перекося параллели. Ни слова не доложив по начальству, старший судовой механик на свой риск приступил к проверке, разобрал крышку цилиндра, вынул поршень, шток, разобрал шатун, снял щеки параллели, протянул проволоку по оси цилиндра к оси вала. Предположение старшего механика оказалось правильным: измерения рейсмасом показали, что площадь параллели была под углом к оси вала. Пришлось отдать и самую параллель, и под одну сторону ее пригнать прокладку, чтобы привести площадь параллели в положение параллельное оси вала. Не успели еще установить параллель правильно, как по флоту был сигнал «Пол. 1», т. е. броненосцам быть готовым к выходу в море через 24 часа. Срок более чем скромный для того, чтобы закончить надлежащим образом сборку, приведя всё в порядок. Работали непрерывно сутки, и корабль был готов к сроку. Это лишь отдельные примеры из ряда других случаев, обнаруживших, насколько судовые инженер-механики были подготовлены своей школой не только к управлению исправными механизмами, но и к тому, чтобы управляться своими средствами с недочетами, допущенными опытными судостроительными заводами, и обучать тому же команду, сплошь да рядом набранную из землеробов и других, раньше не имевших никакого дела с механизмами и котлами.

На том же «Севастополе», по почину старшего судовой механика и тоже без доклада по начальству, помещение вспомогательных котлов было превращено в

литейную и кузницу. Для этого сняли дымовые ящики и дымоходы обоих цилиндрических вспомогательных котлов, расположенных над главными котлами, чтобы выиграть место для кузницы и литейной и в оставшуюся часть дымоходов отвести газы горнов и плавильных печей. Старший механик руководился тем, что на практике вспомогательными котлами всё равно никогда не пользовались, а кузница и литейная вышли такие, что в них производились работы, которые в значительной мере обеспечивали независимость корабля от перегруженных работой портовых мастерских. Когда всё было готово, донесли в Петербург. Ясно, что из Технического Комитета немедленно последовала нахлобучка за самовольное упразднение никчемных вспомогательных котлов, — это однако мало тронуло старшего механика, который руководился пользой дела, а там — суди его Бог и военная коллегия.

Было начало кампании. Начали плавать и наши «бдительные», но с трубками стало еще хуже. Нас послали, между прочим, к берегам Кореи — в Чемульпо и миль на сто южнее. Вскоре, однако, котельные трубки стали уже совсем сдавать.

В Порт-Артур тем временем подошли давно уже заказанные трубки для замены старых. К осени нас поставили в ремонт.

За эти полтора года в Артур подходили всё новые и новые суда. Прибыли крейсера «Диана» и «Паллада», прибыло 5 эскадренных миноносцев типа «Властный», французской постройки.

Число миноносцев постепенно увеличивалось и таковыми, которые собирались на верфи Невского завода на Тигровом Хвосту из частей, заготовленных на том же заводе в Петербурге. Всего их вышло с верфи 12, последние уже во время войны.

Подошли броненосцы «Пересвет» и «Победа», минные заградители «Амур» и «Енисей», крейсера «Аскольд», «Новик», «Варяг», «Боярин» и «Богатырь» (последний направили во Владивосток), броненосец «Рет-

визан» и уже глубокой осенью 1903 года броненосец «Цесаревич» и «Баян».

Миноносцы, как и остальные суда, продолжали стоять в резерве. Настроение в Артуре, хоть и было временами тревожное, но всегда скоро успокаивалось; по мере прихода всё новых судов, всё меньше верили в возможность, что Япония рискнет ввязаться в войну. Перестал и я верить, что разразится война, и в декабре попросился в отпуск в Москву, чтобы провести Рождество дома. В Москве, куда ни придешь, везде был первый вопрос, будет ли война? После того, как Государь на Высочайшем новогоднем приеме объявил, что войны с Японией не будет, все успокоились. В Москве жизнь была ключом — театры, концерты, балы, балы и балы. Из Москвы меня потянуло в Петербург, ознакомиться с состоянием достраивавшихся кораблей, предназначенных к отправке в ближайшем времени на Восток.

Потянуло меня и в мою «алма матер» в Кронштадт. За 7 лет нашел там большие перемены, на всём был отпечаток деятельности администрации, которая по всем частям усовершенствовала училище.

27 января я ехал в Москве на один из вечеров, на улицах было обычное спокойное движение. И вдруг картина переменилась: со всех сторон бежали продавцы газет, крича:

— Япония прервала дипломатические отношения с нами!

Не доходя до дома, куда был приглашен, заехал в открытое еще бюро по продаже железнодорожных билетов и взял билет на следующий же сибирский экспресс, который отходил через сутки, и послал телеграмму командиру: «Никоим образом не держите котлы под парами». Эту телеграмму дал потому, что когда в Артуре бывало тревожное положение и миноносцам объявляли «пол. 1», штаб требовал, чтобы миноносцы стояли под полным давлением во всех котлах. Требование это было совершенно абсурдно, т. к. было совершенно достаточно иметь пониженное давление в одном котле, чтобы сейчас же начать разворачиваться и поспеть развести пары в остальных котлах, чтобы выскочить полным ходом из

гавани в море. Держать же котлы под полным давлением, без расхода пара, было очень вредно.

В Комендантском управлении были очень удивлены, что я еду назад, не использовав своего отпуска до конца, и в возможность войны не верили, — раз Государь сказал, что войны не будет.

Каких бы то ни было приготовлений по войскам в Москве не было видно, даже и на следующий день, когда шел мой экспресс. Известие о взрыве наших кораблей японцами мы получили лишь на следующее утро после отъезда из Москвы. В вагоне-ресторане только и было разговоров и расспросов по этому поводу.

В Уфе подсел мой друг и соплаватель по «Севастополю», мичман Малеев, геройски затем погибший на миноносце. Всегда бодрый, здоровенный, отличный товарищ и чуждый какого бы то ни было пессимизма. С его появлением в столовой сразу повеяло бодрой уверенностью. Мы выпили с ним за успех в Артуре и всей кампании и поддерживали весь путь повышенное настроение. На третий день пути мы начали обгонять воинские поезда с пехотой, артиллерией и кавалерией. По мере дальнейшего продвижения эшелоны эти всё учащались.

Экспресс, раньше проходивший до Артура, теперь, шел только до Иркутска. В Иркутске нам пришлось пересест в воинский поезд. Вместо обычных 10 дней экспрессом, мы были в пути больше двух недель.

В Артуре нашли мрачное настроение. Помимо взорванных японцами внезапным нападением броненосцев «Цесаревич» и «Ретвизан» и крейсера «Паллада», которые стояли перед входом в порт, приткнувшись к берегу, мы за это время потеряли еще минный заградитель «Енисей» и крейсер «Боярин», взорвавшиеся на своих же минах у Дальнего. В Чемульпо погибли крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец». Настроение было настолько подавленное, что говорили чуть не шопотом. О каких либо планах активных действий не было и речи.

Взорванные суда держались, однако, на плаву. Были заведены кессоны, быстро сооруженные в порту и подведенные под пробоины. Каждую ночь японцы пытались новыми атаками завершить свое дело и потопить взор-

ванные суда, но тщетно. Этому противодействовала артиллерия, как взорванных судов, так и береговых батарей, особенно Золотой Горы.

Свой миноносец я, к сожалению, застал с совершенно загубленными вновь котлами. Вопреки отправленной мною телеграмме, командир, повинувшись распоряжениям штаба, держал все котлы под полным давлением. Результаты сказались немедленно, трубки рядов с наименьшей циркуляцией давали свищ за свищом. Чтобы предупредить дальнейшее разрушение трубок, немедленно оставил пары только в одном котле, и в нем лишь с малым давлением. Остальные котлы держали заряженными. Никакой задержки с выходом ни разу не произошло. Но роль наша осталась печальной: нами пользовались лишь для охраны рейда и входа и для траления.

Вскоре после моего возвращения в Артур прибыл и адмирал Макаров. С его приездом сразу изменилось настроение. Адмирал всюду являлся, чтобы поднять дух личного состава, нажал все пружины, чтобы взорванные суда как можно скорее были отремонтированы и вошли в строй. Для ускорения ремонта этих судов он привез с собой целую артель мастеровых Балтийского завода со специальными пневматическими инструментами под руководством энергичного корабельного инженера Кутейникова. Результаты сказались быстро. Соединенными усилиями корабельного инженера Кутейникова и портовых инженеров — кор. инж. Свирского и инж. мех. Шилова в краткий срок все три корабля были сняты с мели и введены в порт, чем избавили их от опасности дальнейших атак на внешнем рейде и от сильной волны, временами грозившей бить корабли о берег и причинить еще большие повреждения. Ремонт в порту шел быстрым темпом. Корабли, неподвижно стоявшие в порту до прибытия адмирала Макарова, начали выходить навстречу неприятелю, как только он появлялся на горизонте. Помню, как однажды все главные силы японцев подходили к Артуру. Адмирал Макаров приказал немедленно выходить судам навстречу. Выскочили миноносцы, крейсера с «Баяном» во главе; броненосцы не так-то свободно выходили со своих мест на внутреннем рейде через уз-

кий выход из порта между Золотой Горой и Тигровым Хвостом. Этот пролив к тому времени не был еще достаточно углублен, чтобы броненосцы с полным запасом угля могли проходить через него при отливе. Приходилось ждать почти полного прилива. Поэтому в данном случае могли проскочить немедленно только два броненосца с меньшим запасом угля, остальным пришлось ждать дальнейшего прилива. Адмирал Макаров вышел на одном из них, не дожидаясь остальных. Курс на неприятеля. Команда застыла было при виде такого неравенства сил. Боцман «Бдительного» обратился ко мне:

— Ваше благородие, как же это мы с ими будем драться, коль в их вся сила, а у нас только два броненосца?

— Да у нас же адмирал Макаров! — ответил я. Сразу и боцман и все стоявшие кругом матросы воспрянули духом, и все бодро и уверенно готовились померяться силами с сильнейшим врагом.

Вера в адмирала Макарова сразу же подняла дух всего личного состава от мала до велика. Не поколебала его и потеря двух миноносцев в геройских боях.

Но вот настал день роковой гибели адмирала. Обстоятельства гибели «Петропавловска» достаточно известны всем. Остановлюсь только на обстоятельствах, свидетелем которых был лично.

Два дивизиона миноносцев, в том числе и наш дивизион типа «Бдительный», шли впереди возвращавшейся с моря эскадры под флагом адмирала Макарова на головном корабле и протраливали фарватер для входа в порт. Когда мы были уже совершенно близко от входа, адмирал поднял сигнал:

— Миноносцам идти в гавань, пополнить запасы угля.

Не успели мы ошвартоваться у угольного склада, как нам в порту был передан сигнал:

— Немедленно вернуться.

Выскочив сейчас же обратно на рейд, мы «Петропавловска» больше уже не увидели... Потеря адмирала была страшнейшим ударом личного состава, большую часть которого снова охватило уныние, и флот опять

впал в бездействие, ограничиваясь лишь самыми незначительными выходами близ порта.

Задача миноносцев сводилась к очистке рейда от мин, так как миноносцы в темные ночи всё больше забрасывали рейд минами заграждения и плававшими ящиками с импровизированными минами; специальных же тральщиков в Артуре не было. Не помню точно, сколько при этом погибло миноносцев, вероятно, до восьми из общего числа 23, из которых, кроме того, три погибли в бою, и один выкинулся на берег под Ляотешанем.

Кроме нудной работы по тралению, миноносцы несли и еще более нудное занятие, — дежурства по охране входа в Артур, с тех пор как японцы пытались загородить узкий вход в порт затоплением пароходов в самом проходе. Один из пароходов чуть не забил пробку, сев на мель у самого прохода.

Задача двух дежурных миноносцев состояла в том, чтобы при появлении пароходов с подобными вожделениями, выскакивать и топить их. Всё это было скучно, мертво.

Одна же работа меня увлекала. Когда после сражений на р. Ялу японцы вошли в Маньчжурию, и армия Ноги, отрезав Артур с севера, стала наступать в направлении на Артур, в последнем всполошились. Раньше и мысли не было у власть имевших, что Артуру когда-либо могла угрожать опасность осады с суши. Поэтому все укрепления вокруг Артура для защиты с севера были очень примитивны, не говоря уже о том, что более удаленные от Артура позиции были совершенно не укреплены. Были даже сняты орудия с таких позиций, как Киньчжоуская, на которой у китайцев, помимо более мелкой артиллерии, были 10-дюймовые дальнобойные орудия. Всё это по распоряжению свыше было снято.

При изменившихся обстоятельствах взялись за ум. При энергичном воздействии флота начали в первую голову усиливать вооружение ближайших к Артуру позиций. Так как у сухопутных было очень мало орудий в арсеналах (бывших китайских), можно было произвести усиление только орудиями 6-дюймовыми и 75 мм., которые флот, скрепя сердце, согласился отдать на су-

хопутные позиции. Душой работ по установке этих орудий был лейтенант на окладе Клюпфель. По его инициативе в порту заготавливались фундаменты для них. Лейт. Клюпфель предложил мне быть его помощником по надзору и сбору фундаментов и по установке морских орудий по всем укреплениям фронта. Эта работа была мне по сердцу, и почти все морские орудия на фронте Артура были установлены мною. Мною же были подняты и 10-дюймовые, бывшие китайские орудия на Ляотешане. Пришлось выпросить у сухопутного начальства целых две роты солдат в дополнение к небольшому отряду матросов под руководством боцмана.

Однажды вечером в офицерском собрании командир 5 полка объявил:

— Завтра с утра будет бой. Отступления не будет!

На следующее утро бой разгорелся, когда солнце еще не взошло. Японцы сразу открыли ураганный огонь по всей позиции. Был полный штиль. Я обходил позиции. С раннего утра буквально ни одна проволока не уцелела. Пробовал сосчитать по часам, сколько снарядов рвалось в минуту поблизости. Привык считать обороты машины на миноносце до 300 в минуту, — тут же не справился со счетом, столько было разрывов. Отправился и к установленным нами двум морским 6-дюймовым орудиям. Там с утра уже была перебита вся прислуга. На бруствер был выброшен труп великана артиллериста. До сих пор еще у меня в памяти клочья его красной рубахи, которые развевались при пролете над ним снарядов. Когда поднялся к орудию, нашел его целым и очень соблазняло зарядить и ахнуть по наступавшим уже близко густым рядам неприятеля; но одному невозможно было дотащить тяжелые заряды и снаряды. Чтобы не дать неприятелю в руки орудия, совершенно годные к действию, ограничился тем, что снял прицелы и отнес их командиру полка.

Неравный бой кончился. С нашей стороны был всего лишь один полк и рота другого; артиллерии было всего лишь одна полевая батарея; была еще одна спешенная конная охотничья команда и, наконец, прибывшие со мною около двух десятков матросов. Японцев

же было две дивизии, при них много крупной и мелкой артиллерии. Японцы с утра наступали густыми колоннами, всё время поддерживаемые ураганным огнем своей артиллерии. Их наступление было приостановлено лишь временно около полудня, когда канонерская лодка «Бобр» по личной инициативе ее кап. 2 р. Шельтинга, использовав насколько возможно прилив, с залива Дальнего энергично обстреляла наступавших японцев во фланг по всей ширине перешейка. Дрогнувшие от понесенных этим обстрелом потерь, японцы стали отступать, но как только канонерская лодка с наступившим отливом принуждена была отступить, чтобы не сесть на мель, наступление японцев возобновилось, и к вечеру нам было приказано отступить. Погрузив свое хозяйство, с закатом солнца тронулись все в путь на Артур. Шли сами запряженные в свои тележки, местами по вспаханым полям, пока, приблизительно на полпути до Артура, не добрались до поезда, который принял нас.

Я со своей командой попал на платформу, на которой были сложены убитые. Это была жуткая картина, но выбора не было. Дальше плестись со своими тележками по ухабистым путям не было сил. Сон так одолевал, что мы разлеглись среди убитых, и я редко спал так крепко, как тогда, положив голову, вместо подушки, на одного из более целых покойников.

В конце октября «Бдительный» взорвался на рейде на mine. Я как раз стоял в кочегарке и еле почувствовал взрыв, который случился под помещением команды в корме. Миноносец всё же остался на плаву и был введен в гавань.

2 ноября 1904 г. я был назначен на миноносец «Расторопный». Лейтенанту Павлу Плену было поручено отвезти на этом миноносце в Чифу донесение Государю императору о положении Артура. Как только пришли в Чифу, перед входом в него стали патрулировать 4 японских миноносца, а за ними крейсера. Пробриться через них было невозможно. Памятуя случай, когда миноносец «Решительный», вопреки всем положениям о международном праве, на том же нейтральном рейде Чифу был забран японцами, мы решили затопить «Расторопный»,

чтобы не попал в руки врага. Сняв команду и взорвав машину, затопили миноносец; из воды торчала лишь фок-мачта с реей, будто крест над могилой миноносца. По соглашению командира, консула и китайских властей, мы все были отправлены на канонерскую лодку «Маньчжур», интернированную в Шанхае, на которую и были зачислены. Чтобы не сидеть сложа руки, предложил свои услуги военному агенту полк. Десино, работавшему с нашим бывшим посланником в Корее Павловым. После падения Артура работал по просьбе Павлова по отправке многих тысяч артурцев, возвращавшихся через Шанхай в Россию.

*Генерал-Лейтенант
Инженер-Механик
В. Ф. Берг*

ПОДПОЛКОВНИК МЕЛЛЕР

Деятельность Меллера в Артуре? Ответить систематически теперь уже не могу. Постараюсь дать общую картину и только кое-какие детали.

Прежде всего удивляешься определенности и быстроте выбора средств и материалов, которую он проявил, привезя с завода в Артур, в нескольких вагонах, прицепленных к экспрессу, то, что он считал необходимым на первое время для работы. Он не знал ни средств порта, ни его нужд; не имел практики военного времени. Однако, всё привезенное, помимо исключительно искусных рабочих с большой инициативой, оказалось именно тем, в чем порт нуждался в совершенно непредвиденных его технической организацией обстоятельствах. Ему помогло, быть может, и то, что он был бывший моряк, но кто из строевых моряков знал, как он, структуру — не на бумаге только — корабля? Я думаю, что во всем флоте, кроме Макарова, Яковлева и Шенсновича¹, — никто!

Отличный корабельный инженер Вешкурцев был очень ограничен в возможности выполнения своей задачи вследствие недостатка технических средств, немного оторванный к тому же от новейших, по тому времени, методов. Он нашел превосходного сотрудника и советника в лице Меллера. Применение термосварки, например, оказало огромные услуги, особенно в виртуозном выполнении Меллера: сварка кронштейнов гребного вала и исправление башни на «Севастополе», наварка разных приспособлений на станках пушек, сварка всевозможных трещин в стали или железе и проч. Для установки орудий на берегу Вешкурцев, конечно, мог рассчитывать платформы и пр., но у него не было практики и

¹ Шенснович был минер. Однако, он изучил в Ревеле с моим отцом тактику артиллерийского боя, а во время постройки «Ретвизана» в Филадельфии, с американскими инженерами, корабельную архитектуру.

чутья Меллера, который делал это применительно к частным условиям, как бы играючи. Я говорил уже об исправлении 12-дюймового орудия «Петропавловска», батарей Электрического Утеса.

Недра китайского склада, унаследованного нами при занятии Артура и содержавшего всевозможные предметы и материалы, оставались тайной для порта в течение 6 лет. Никакого инвентаря не было и склад охранялся печатями. Он стал добычей Меллера, открывшего в нем дальнобойные пушки разных калибров и снаряды к ним, всевозможные лафеты, примитивную подводную лодку, автомобиль, динамо постоянного и переменного токов; громадное количество стальных тросов и электрических кабелей, чугунные болванки, какие-то зубчатки, валы, болты всевозможных величин, стальные листы, фабричные станки и массу всякого неожиданного добра. Всё это послужило ему, в разных комбинациях, для множества крупных и мелких, но необходимых в крепости или на судах работ.

Автомобиль оказался для него приятной забавой. Как теперь вижу его, спускающегося по какому-то скату недалеко от малого сухого дока, делающего эволюции между наваленным на земле портовым добром и проносящегося по ботопорту с ловкими ухватками современных американских солдат. Автомобиль остался потом без применения, за неимением людей, способных им управлять или его поддерживать. Лодку спустили на воду, но потом стало не до нее, хотя механизм и был приведен в порядок, но испытания и тренировка людей были уже невозможны.

Динамо переменного тока, совместно с другой машиной, реквизированной мною в городе, послужила для установки станции, выполненной лейтенантом Кротковым для снабжения током высокого напряжения проводочной сети впереди фортов. Вначале она оказала услуги при первых атаках японцев, но ее оказалось невозможным поддерживать по условиям каменистой почвы. А затем японцы слишком приблизились сапой.

Приспособление прицелов орудий к условиям действия на береговом фронте, снабжение изготовленными

им прицелами части китайских пушек и т. п. было исключительной заслугой Меллера. Не говорю уже о ценных советах, даваемых им командирам сухопутных батарей и всевозможным техникам, обращавшимся к нему.

Вспоминаю, хотя и некстати, забавный эпизод. После японской бомбардировки, приветствовавшей Макарова, один 12-дюймовый неразорвавшийся снаряд остался лежать на Тигровом полуострове, недалеко от бассейна. Меллер поехал, чтобы исследовать его. Картина: комендоры с какого-то судна отвинтили запал, устроили снаряд на камнях и развели под ним огонь. Меллер устремился к ним, разбросал дрова и обозвал их самоубийцами. Из их объяснений выяснилось, что они слышали, будто для извлечения шимозы нужно погрузить снаряд в бак с водой и кипятить: шимоза выползет из снаряда. Так как бака у них не было, то они решили разогреть снаряд, при этом поливая его водой. Меллер говорил, что у него холодный пот выступил при виде этого.

После первого боя в стволе правого 12-дюймового носового орудия «Петропавловска» образовалась продольная сквозная трещина, идущая от дужки на 8 приблизительно футов и происшедшая, как предполагали, от попавшей в дуло непосредственно перед выстрелом морской воды. При последующих выстрелах трещина должна была продолжиться до следующей обертки и повлечь или окончательную невозможность пользоваться им, или вызвать взрыв пушки с повреждением соседнего орудия, не говоря уже об опасности для людей. Орудие считалось выведенным из строя. Его замена была весьма проблематична, — в Артуре ни одного запасного орудия не было.

Подполковник Меллер, прибывший с Макаровым, исследовав на следующий же день орудие, заявил, что это пустяки, т. к. после нескольких дней работы оно будет действовать, что дальность не уменьшится, только рассеяние будет несколько большим. Стоит только остановить распространение трещины сквозной дырой, просверленной нормально к оси орудия, и заплавить эту дыру металлом для избежания крупного прорыва газов в

этом месте. Но работа была очень деликатна. Хотя Меллер и привез с собою с Обуховского завода отборных мастеровых, но, к всеобщему изумлению, считал необходимым выполнить работу своими руками.

В следующие дни можно было видеть редкую картину: подполковник в пальто верхом на пушке, нажимая обеими руками на ручки пневматического сверла, ведет напряженную борьбу со сталью. Работа продолжалась несколько дней с раннего утра до захода солнца с кратким перерывом на обед. Она не остановилась даже во время бомбардировки порта японцами, когда два 12-дюймовых снаряда упали в нескольких саженях впереди броненосца, а один пролетел между мачтами немного выше трубы и взорвался в воде так близко, что шканцы облило водой. Я был на вахте во время обстрела и в первый раз в жизни испытал на себе действие контузящей энергии снаряда. В момент пролета снаряда над трубами, когда я находился на спардеке, одновременно с услышанным ревом я почувствовал, как мою голову мгновенно, с необъяснимой силой, рвануло назад. Секунда, — и я с удивлением убедился, что она не улетела в пространство. Но шейные мускулы в течение нескольких часов работали как-то нелепо. А между тем Меллер, когда слезал с пушки, казался менее утомленным, чем его рабочие, регулировавшие действие гидравлического насоса и положение шланга. Вечером, вымыв бензином облитые маслом руки, он выпивал стакан чая с ромом, отправлялся к себе ужинать, проигрывал на привезенной с собой виолончели несколько арий, уделяя своему инструменту такое же внимание, как и сверлу, и сваливался в каюту до утра. Он сам лично залил просверленную дыру металлом и орудие приняло участие в перекидной стрельбе при следующем обстреле японцами порта.

Подполковник Александр Петрович Меллер, бывший морской офицер. Отличный математик. По наружности, как говорится, «невидный». Не то мастеровой, дошедший до станкового, не то коробейник какой-то. Среднего ро-

ста, худой, сутуловатый, подавшийся вперед, словно жизнь за точильным станком проводит. Костистая голова с открытым лбом, с горбинкой нос, рот приоткрытый — того и гляди забавную историйку выкатит, беспорядочная борода клином. Самое странное: судачьи глаза — бесцветные, ничего не выражающие. Только при пристальном наблюдении открываешь где-то в глубине их светящуюся сконцентрированным огнем точку. Длинные руки, с могучими мускулами; длинные, тонкие, нервные пальцы. Эти руки — что щупальцы спрута, вечно ищут, что бы зажать; они то в масле каком-то, то чорт знает в чем, — только когда за виолончель берется, оказываются неожиданно чистыми. Одет небрежно — напялил, ну, и ладно; так и просится: «зипунишко на ём...». Галстук, когда есть — на-сторону. Погоны изломаны и покручены — сынишка ему их помял, чтобы позабавиться. Фуражка нахлобучена, как пришлось.

Говорит просто, чисто, куда-то в пространство, словно описывает то, что видит где-то. Но, тут-то за внешней небрежностью скрывается точность выбора слов, краткость, ясность и картинность; словно на экране мелькает ряд образов поражающей отчетливости, — хорошо наведено!

На ходу — едва голову повертывает. Кажется, словно невидимым удилом помахивает, — того и гляди забросит куда-нибудь, да и вытащит с первого же маха.

Таким же он был подполковником, мастером Обуховского завода; таким остался, когда стал полным генералом; таким же, только с переменной фуражки на смятую шляпу и форменного пальто на потертый эмпермеабль, когда оказался со-директором Шнейдер-Крезо в Париже.

Громадные и разносторонние теоретические знания, замечательно ассимилированные, как бы переработанные его внутренней лабораторией для немедленного практического применения. Непревзойденная практика как в руководстве техническим делом, которому он себя посвятил, так и в личном практическом исполнении чисто ручной части работы. Мгновенное приспособление к обстоятельствам: изобретательность и способность извлечь

пользу из самых, казалось бы, неподходящих материалов.

Знание людей, умение увлекать их и толкать на работу не за страх, а за совесть. Редкая способность на ходу какой-нибудь работы схватиться за другую, почему-нибудь его заинтересовавшую, и вести обе с одинаковым успехом — словно у него было два или три независимых друг от друга мозга. Неутомимая деятельность. Я очень хорошо его знал. Временами казалось, что он не выдержит необычайного нервного и мозгового напряжения, — ничуть не бывало! Делал он всё как бы забавляясь. К тому же прирожденный музыкант и хороший виолончелист. Превосходный стрелок из какого угодно орудия. Его личный метод позволил ему бозошибочно попадать в цель со второго выстрела и без таблиц, чем он изумлял неоднократно как сухопутных, так и морских артиллерийских офицеров в Артуре. Метод — простой, но нужно было иметь его глаз и его ошеломляющую быстроту наводки.

Будущее выявило его крупный талант организатора и администратора, не останавливающегося ни перед какой ломкой традиций, и как будто только и искавшим всё большей и большей ответственности и независимости в своей деятельности от центральных учреждений.

Простота обращения необычайная, независимо от того, с кем он имел дело: адмирал или мастеровой безразлично².

Одной из отличительных черт его характера была неспособность возвращаться к прошлому, — ему немедленно делалось скучно и он угасал. Так, в моих частых встречах с ним в Петербурге и затем в Париже мы никогда об Артуре не говорили. У него всегда были увлекавшие его новые перспективы, но он так же мог увлечься и проектами собеседника, подчас не имевшими ничего общего с его деятельностью.

Натура, — почвой деятельности которой должна была бы быть Америка, а не Россия того времени.

*Капитан 1 ранга
Н. В. Иениш*

² Последняя черта напоминала Н. М. Яковлева, командира «Петропавловска».

ДЕЙСТВИЯ МОРСКОГО ДЕСАНТА 8-10 АВГУСТА 1904 ГОДА

В середине июля месяца на судах I и II ранга было приказано составить списки офицеров, унтер-офицеров и матросов для десанта, который в случае необходимости должен был бы помочь сухопутным войскам в защите наиболее опасных мест крепости. Заведующим десантом и его организатором был назначен кап. 1 р. Р. Н. Вирен, — командир крейсера «Баян», т. к. после взрыва на mine «Баян» был введен в сухой док. Состоящим при капитане 1 р. Вирене был назначен мичман К. В. Шевелев, старший штурман крейсера «Баян», которого предполагали назначить адъютантом начальника десанта. Десант должен был состоять из двух батальонов трехротного состава. Численный состав должен был быть: не менее 1200 штыков, двух обер-офицеров на роту, двух батальонных командиров, начальника десанта штаб-офицера и адъютанта. Кап. 1 р. Вирен вместе с мичманом Шевелевым немедленно начали знакомиться с позициями правого фланга. В начале августа был назначен начальником десанта кап. 2 р. А. В. Лебедев. 6-го августа десант был вызван и расположился около Перепелиной Горы; 7 августа десант перешел к северу от Перепелиной Горы и днем был обстрелян артиллерийским огнем японцев, а 8 августа, после ожесточенных штурмов японцами нашего правого фланга, десант был вызван для занятия позиций впереди Орлиной Горы, по Китайской стенке. Около 8 час. вечера десант подошел к месту назначения и поступил в распоряжение генерала В. Н. Горбатовского. Погода в этот день была прекрасная, но стояла сильная жара; было очень душно и всех мучила жажда. Немедленно было приказано десанту занять Китайскую стенку одной ротой. Полуроту с мичманом Арбеньевым (который в ту же ночь был ранен и отправлен в госпиталь) послали на редут № 1 в распоряжение коменданта

мичмана Б. И. Бока, который командовал на этом редуте батареей из четырех 75-миллиметровых морских орудий, и уже выдержал ожесточенные бои с штурмующим нас врагом. Комендант этого редута кап. Гусаковский и заменивший его поручик Приклонский, блестящие и храбрые офицеры, были отнесены в госпиталь после нескольких серьезных ранений, и единственным офицером оставался на редуте мичман Бок, также несколько раз раненый и контуженный. Только одно 75-миллиметровое орудие уцелело на редуте. На правом фланге нашей позиции один взвод при офицере был послан в окопы ниже Китайской стенки по направлению к Куропаткинскому люнету. Расстановка команд, незнакомых с сухопутными позициями, ночью была очень трудна. Окопы в некоторых местах были не выше колена. Пришлось идти согнувшись, т. к. ружейная стрельба японцев ни на минуту не умолкала. Всё пространство между Китайской стенкой и Орлиной Горой, а также склон ее были завалены трупами японцев и нашими, которые, за неимением времени, не были убраны, да и японцы немедленно открывали огонь при попытках убрать трупы. Запах от разлагавшихся трупов был ужасен. Матросы при занятии окопов ночью натыкались на тела убитых. Жажда мучила всех. Только около 12 час. ночи удалось привезти бочку с водой на двуколке, которую вез мул. Ее наполнили водой из ручья в долине между Скалистым Кряжем и Орлиной Горой. Вода была теплая, красноватая и пахла кровью, но пить так хотелось, что пили ее все — и матросы, и офицеры. Кучером при этой бочке был бородач солдат из второочередных, который рисковал своей жизнью, развозя воду и говорил: «Молодым сынкам воинам нужно дать попить». Бог его миловал, и он и его мул остались живы. Только к двум часам ночи расстановка команд была закончена, и об этом было доложено генералу Горбатовскому. За время занятия позиций и особенно на первом редуте были убитые и раненые. Рано утром 9 августа, были отправлены две полуроты, одна под командой лейтенанта Зельгейма, а другая под командой лейт. Будзко на редуты №№ 1 и 2 и в окопы около них. Они героически сражались, выбили врага из

редутов и окопов, но сосредоточенный артиллерийский огонь неприятеля и массовые повторные атаки японцев принудили их отойти. Из их рядов уцелело около 40%, а оба офицера были убиты.

С наблюдательного пункта ген. Горбатовского, на Скалистом Кряже, откуда он руководил защитой, был ясно виден в цейссовский морской бинокль весь бой на редуте № 2. Лейтенант Зельгейм, в белом кителе, с саблей в руке, впереди своей роты ворвался на редут № 1 и вместе со своей ротой бросился в штыки на японцев. Минут десять длился бой, и японцы были выкинуты из редута, а лейт. Зельгейм, взмахнул руками и упал. Он был убит.

Повторными атаками японцев редуты №№ 1 и 2 были снова заняты ими. Около 10 час. утра канонада затихла, и команде в 11 час. был подвезен обед. Около 2 час. дня японцы опять начали сосредотачивать свои войска, и через час бесконечные цепи их со всех сторон начали подходить к нашим позициям. Опять губительный огонь японской артиллерии был сосредоточен на наших укреплениях. Ген. Горбатовский приказал десанту двинуться на редут № 1 и подкрепить наши цепи по Китайской стенке. Была пробита боевая тревога и оставшиеся две роты десанта, во главе с кап. 2 р. А. В. Лебедевым двинулись на Китайскую стенку, а оттуда узким проходом начали спускаться на редут № 1. Впереди шли кап. 2 р. Лебедев и мичман Шевелев с обнаженными саблями и револьверами в руках. За ними два горниста и два барабанщика, которые играли поход, далее батальонный командир лейт. Хмелев и ротный командир мичман К. Ломан. Мы шли вдвоенными рядами, как на параде. Грешным делом, плохо мы, моряки, знали сухопутное дело и из-за этого у нас были большие потери. Наши моряки сразу храбро бросились на японцев в штыки и заставили их отступить. Японская артиллерия, заметив нас, открыла шрапнельный огонь по редуту. Потери у нас сразу оказались огромными: был ранен в ногу батальонный командир и затем ротный командир. Начальник десанта приказал адъютанту немедленно лично пе-

редать ген. Горбатовскому о положении и просить подкреплений с эскадры. Почти одновременно с отдачей приказа, над начальником десанта разорвалась одна из многочисленных шрапнелей и ее стаканом был наповал убит кап. 2 р. Лебедев. После доклада ген. Горбатовский отправил телефонограмму начальнику эскадры с просьбой прислать подкрепления. И вскоре был получен ответ, что рота моряков, под командой лейтенанта А. В. Колчака (будущего Верховного Правителя), будет послана в распоряжение генерала. После доклада адъютант десанта отправился на редут № 1 и застал следующую картину: около глинобитной стены, несколько выше человеческого роста, стоял ротный командир, спиной к ней. Когда мичман Шевелев подошел к нему, он сказал, что по другую сторону стенки находятся японцы. Как они, так и мы протягивали руки поверх стенки и стреляли. Нам пришло в голову послать за шрапнелями к нашей десантной 2,5-дюймовой пушке. Очень скоро посланные принесли нам штук 20 шрапнелей и несколько подрывных пироксилиновых патронов. Сейчас же наши комендоры и минеры начали ставить шрапнели на 1 или 1½ секунды, ударяли ее о камень и бросали через стенку, бросали также и пироксилиновые патроны с зажженным бикфордовым шнуром (по примеру лейт. Подгурского). Эффект получился замечательный: все японцы быстро ушли с редута, они остались лишь на его гласисе.

Во время этого боя, в котором участвовало более двух дивизий японцев, наш десант понес следующие потери: из 16 офицеров было убито 3 и ранено 6, т. е. более 50%, а нижних чинов около 50%. Так как у нас не было санитарных повозок, то многих раненых пришлось нести на руках, и относившие вернулись лишь ночью. По подсчету, к 8 ч. вечера у нас оказалось около 350 штыков и 5 офицеров. К этому же времени прибыли генералы Кондратенко и Фок, которые имели совещание с ген. Горбатовским и старшими сухопутными начальниками правого фланга. На этом совещании присутствовал адъютант десанта мичман Шевелев, как старший из оставшихся в строю. Ген. Горбатовский доложил совещанию о геройских подвигах моряков и особенно командира

батареи морских орудий мичмана Бока. Генерал Горбатовский представил его к ордену Св. Георгия 4-й степени.

В своей книге «Порт-Артур, японская осада и русская оборона его с моря и суши» Ф. И. Булгаков говорит, что после трех серьезных ранений комендант капитан Гусаковский, геройский защитник редута № 1, был отправлен в госпиталь, его заменил поручик Приклонский, безукоризненно храбрый офицер, который был также несколько раз ранен, и его в ночь на 9 августа отнесли в госпиталь. По сообщению порт-артурской газеты «Новый Край»: «комендантом и единственным офицером на редуте остается мичман Бок. Его энергия ни на минуту не ослабевает: он в окопе у стрелков, и у морской батареи, всюду он... Жарок и жесток огонь противника... Снаряды густо сыпятся, рвутся, но наши орудия не смолкают, неся врагу с каждым выстрелом смерть и разрушение. Нижние чины с силою сверхъестественного героизма сражаются, но число их с каждым моментом уменьшается. Огонь настолько сосредоточен, что часто посылаемая помощь почти вся выбывает прежде, чем успеет попасть на редут. Холодное дыхание смерти царит кругом; кровь, потоки ее по склонам гор, груды трупов и бесформенных кусков окровавленных человеческих тел, стоны раненых, грохот орудий, вой и визг рвущихся снарядов в течение 90 часов — вот фон той величавой, но мрачной картины, на первом плане которой горсть героев, исполненная сознанием долга: «не уступить врагу ни одной пяди русской земли». Но сила солому ломит. Из числа героев, в течение четырех дней защищающих редут, остается одиннадцать человек. Офицер вновь контужен и лежит пластом в бессознательном состоянии на груди осколков снарядов, — засыпавших редут... Последнее орудие подбито. Редут защищается лишь одиннадцатью винтовками против многих батальонов врага, который всё ближе и ближе... Зловещая тишина, полная ужаса и темного неизвестного будущего... Одиннадцать героев, чудом уцелевших, сняли фуражки, перекрестились широким взмахом руки, на всякий случай вынули замки у разбитых пушек, положили на носилки своего

начальника, не приходящего в сознание, и тихо двинулись с редута, который с таким напряжением, упорством, жертвами, до конца защищали... Долг совести выполнен до конца».

Через несколько часов морской десант под начальством кап. 2 р. А. В. Лебедева вновь занял редут № 1. Начальник десанта погиб геройской смертью.

Как иллюстрацию храбрости и быстрой приспособляемости наших матросов к сухопутному фронту приведу два случая, имевших место в этих боях.

1) Матрос Шипелов, который ни на шаг не отходил от мичмана Бока на редуте № 1 и сопровождал его в госпиталь, долго мучился, что не смог уничтожить последнее орудие, а только вынул замок. С разрешения мичмана Бока он 13 августа забрался на редут, занятый японцами, и взорвал орудие и патроны.

2) 9 августа, около 9 час. вечера ко мне, адъютанту десанта, подошли унтер-офицер и матрос Сибирского экипажа, с какого корабля, не помню. Оба они были сибиряки и звероловы. Они спросили меня: «Правда ли, что за взятие в плен неприятельского штаб-офицера полагается по статуту Георгиевский крест?» Я ответил, что это правда. Они просили меня дать им разрешение отправиться к японцам и к рассвету обещали привести живого японского штаб-офицера. Я доложил об этом генералу Горбатовскому, который рассмеялся и дал разрешение. Обоим матросам дали пропуска, и они ушли. Около 12 ч. ночи чины штаба подсмеивались надо мною, но к двум часам ночи мне доложили, что оба матроса явились и привели японского офицера, и просят меня немедленно придти к ним. Я быстро спустился, и действительно увидел между ними тяжело раненого штыком в живот майора. Его тотчас же перевязали и отправили в госпиталь, а все документы отобрали. Это был офицер генерального штаба с очень важными документами, вышедший на разведку. Оба храбрых сибиряка получили Георгиевские кресты. Из разговоров с ними выяснилось, что они очень боялись, что не доведут его живого и не получат крестов.

*Контр-адмирал
К. В. Шевелев*

МИНОНОСЕЦ «РЕШИТЕЛЬНЫЙ»

В душный летний вечер, когда замер приносивший днем прохладу ветерок с моря, окна небольшого двухэтажного домика, в котором помещалось Российское Императорское Консульство в Чифу, были ярко освещены. Неподалеку, на расстоянии всего 70 миль от этого китайского порта шла борьба не на жизнь, а на смерть, японцы яростно осаждали Порт-Артур. Они гибли тысячами, но и русская кровь текла там рекою.

Консульство в Чифу было тем местом, той отдушиной, через которую окруженная врагами со всех сторон русская крепость сносилась с далекой Родиной.

В этот вечер 10 августа (н. ст.) 1904 года в стенах консульства шла усиленная работа. Несколько человек кропотливо разбирались в таблицах шифров. Нужно было приготовить для отправки в Петербург по международному телеграфу только что доставленные на китайских джонках депеши из Порт-Артура.

Тревога была ясно написана на лице консула Петра Генриховича Тидемана, совсем молодого представителя нашего министерства иностранных дел. Судьбе было угодно, чтобы его консульство, считавшееся скромным, второразрядным, неожиданно оказалось в самом центре мировых событий благодаря войне.

Тревожился он потому, что последние известия из осажденной крепости были совсем не радостные. Положение там становилось всё более и более угрожающим для запертой в Порт-Артуре нашей эскадры. Японцам удалось установить на берегу осадную батарею из морских дальнобойных 6-дюймовых орудий. Сейчас они могли безнаказанно обстреливать порт и район стоянки судов.

Спешной шифровкой телеграмм занимался сам Тидеман, два его секретаря и мистер Дональд Никсон. В сущности, этот последний был совсем не Дональд и не

Никсон. Равным образом не был он ни «мистером» ни иностранцем, а был исконным православным россиянином, состоящим в чине лейтенанта флота.

Состоять в положении «инкогнито» в Чифу приходилось этому молодому офицеру по воле начальства. Его прислали сюда для работы по установлению связи с Порт-Артуром. «Вам придется записаться там иностранным именем — предупреждали его власти предержавшие. — Мы не можем командировать в Китай военнотружущего. Это было бы нарушением тамошнего нейтралитета. Поэтому, живите там под видом штатского иностранца, а фамилию себе, осторожности ради, выберите такую, чтобы инициалы ее с вашими совпадали. Иначе — отдадите ваше белье прачке и вся ваша тайна обнаружится».

Так мистер Дональд Никсон и сделал. Прибыв кружным путем из Порт-Артура, он записался в отеле под указанным ему именем. Но персонал консульства в Чифу и все члены местной русской колонии, имевшие постоянные сношения с консулом, отлично знали, что прибывший — лейтенант флота Д. В. Никитин, которому много лет спустя суждено было писать в Америке эти строки.

Было далеко за полночь, когда закончилась в этот вечер работа в консульстве, и Никсон отправился в свой номер «Чифу Отеля». Никто из русских людей, бывших в Чифу, не подозревал, что в этот день, 10-го августа, наша эскадра билась с японцами в бою у Шаньдуна.

Рано утром на следующий день Никсон вышел в столовую отеля, чтобы выпить кофе и идти в консульство на работу. Повидимому, управляющий этой гостиницей безошибочно угадывал, к какой национальности принадлежат его постояльцы. Он как будто поджидал Никсона, чтобы сообщить ему новость.

«Русский миноносец пришел сюда ночью и сейчас стоит неподалеку от нас на рейде».

Никсон забыл и о кофе и обо всем на свете и бегом направился на берег. Действительно, наш четырехтрубный миноносец, типа «Сокол» стоял на якоре. Всё было тихо и спокойно как на нем, так и вокруг него. Каза-

лось, будто вернулось довоенное время и миноносец, совершая практическое плавание по иностранным портам, зашел с визитом в Чифу. Совсем по мирному развешано было на нем на леерах командное белье для просушки.

Опасение за одинокий миноносец, который стоит на рейде совершенно открытом и никакой крепостью не защищенном, невольно охватило Никсона. «Как же это так, — пронеслось у него в мыслях. — Ведь японский флот сейчас безусловно хозяйничает в море, а китайский нейтралитет — какой же это к шуту нейтралитет, когда он военной силой не обеспечен. Правда, есть на рейде китайский крейсер, есть и германский. На обоих сидят адмиралы. Но мы хорошо знаем, что войди в бухту японский флот, никто из этих господ пальцем о палец не ударит, чтобы заступиться за русский корабль, находящийся в нейтральных водах». Свежим в памяти остается пример Чемульпо, когда погибли «Варяг» и «Кореец».

Через несколько минут Никсон входил в здание консульства. Он встретил погруженного в хлопоты Тидемана, одетого в консульский мундир и направлявшегося к китайским властям.

— Миноносец «Решительный» прибыл ночью, — сообщил озабоченный Тидеман. — Командует им лейтенант Рощакровский. Он привез нам для отправки в Петербург телеграммы первостепенной важности. Наша эскадра под командой адмирала Витгефта вчера утром вышла из Порт-Артура, чтобы прорываться во Владивосток. Вероятно, она в море уже встретила японский флот.

— А как же миноносец? — спросил Никсон. — Ведь оставаться ему в Чифу и нейтрализоваться здесь нельзя. Вы лучше меня знаете, что китайский нейтралитет, не поддержанный серьезной военной силой, гроша ломанного не стоит.

Тидеман безнадежно развел руками.

— Что тут поделаешь, — сказал он. — Во-первых, Рощакровский, прежде чем повидать меня, сам обратился к китайским властям и уже уговорился с ними о разоружении миноносца и передаче боевого его снабжения здешнему береговому начальству. Во-вторых, когда я

пояснил ему положение вещей в Чифу и опасность для нейтрализованного корабля быть захваченным японцами, то получил ответ, что он имеет письменное категорическое приказание адмирала Витгефта разоружиться в Чифу и нейтрализоваться после отправки телеграмм о выходе эскадры.

Надо немедленно повидать Рощаковского, решил Никсон. Быть может еще не поздно и удастся уговорить его уходить сейчас же из Чифу и прорываться к Дзин-Тау, к немцам. Идти ведь можно всё время вблизи береговой черты. Если же на пути японцы нападут в превосходящих силах, то есть возможность выброситься на камни, спасти команду и взорвать миноносец. Всё же это много лучше, чем давать япошкам возможность захватить разоруженный корабль в здешней гавани.

Никсон сел на «юли-юли», вольнонаемную китайскую шлюпку и поспешил направиться на «Решительный». Первое, что он увидел, выходя на палубу миноносца — это была группа плотных широколицых китайских чиновников. Они распорядились выгрузкой с корабля орудийных замков, патронов и зарядных отделений мин Уайтхеда. Зрелище это показалось Никсону оскорбительным для русского национального чувства. Как будто самодовольство было написано на лицах дородных китайцев, охотно вошедших в роль хозяев на палубе «Решительного». Повидимому, им было в высшей степени лестно принимать корабль с людьми белой, господствующей в мире расы, под покровительство Китая. Это было событием, небывалым до сих пор в истории Серединного государства.

На дне китайской баржи, пришвартованной к миноносцу лежало аккуратно размещенное рядами боевое снабжение «Решительного».

Никсон с грустью убедился, что жребий, увы, был уже брошен. Он понял, что никакое его вмешательство делу сейчас не поможет. Миноносец был совершенно разоружен.

В кают-компании Никсона приветствовали, расспрашивали его об особенностях жизни в городе Чифу. Захватывающе интересными для него были рассказы офи-

церов очевидцев событий последних дней в Порт-Артуре. Но опасение за судьбу лишенного артиллерии и мин «Решительного» камнем продолжало лежать на душе Никсона.

**
*

Вечером в этот день в консульстве был званый обед в честь лейтенанта Рощаковского. Присутствовал также агент железнодорожного пароходства Ф. Н. Лаврентьев и мистер «Никсон».

Все жадно слушали интересный и глубоко волнующий рассказ Рощаковского о последних днях, пережитых осажденным Порт-Артуром, когда снаряды японских орудий стали попадать в наши стоящие в гавани суда. Накануне выхода эскадры в море одним из этих снарядов был легко ранен начальник ее, адмирал Витгефт.

В конце обеда, когда подавали кофе, к Тидеману подошел его мажордом, старший китаец-бой. В консульстве он занимал очень важный и ответственный пост, т. к. через него Тидеман узнавал обычно, что творилось в городских китайских кругах. Он сообщал о циркулирующих среди местного населения слухах и предупреждал о возможности тех или других событий.

Сейчас этот китаец шепнул на ухо Тидеману повидимому что-то очень важное. «Господа... минутку внимания, — обратился к присутствующим консул. — Сейчас мой Тен Ху сообщил мне, что по его сведениям два японских миноносца подошли к здешней гавани и сейчас входят на рейд».

Обед был прерван. Присутствующие вышли на берег, где у маленькой пристани стояла наготове принадлежащая агенту пароходства шлюпка с несколькими китайцами-гребцами, одетыми в матросскую форму. На шлюпку сели: консул, Рощаковский, Лаврентьев и Никсон.

Ночь была темная, безлунная. В море стоял мертвый штиль и гладкой, как зеркало, была водная поверхность. Далеко среди тишины разносился дружный всплеск весел гребцов. Но, повидимому, всё было пока спокойно на рейде. Никаких признаков японских судов не было.

Подошли к «Решительному». Команда на нем спала на верхней палубе. Внутри корабля, борта которого накалились в течение дня, было жарко и душно. Рощакровский вышел на свой миноносец, остальные прибывшие остались на шлюпке. Старший офицер, лейтенант В. В. Каневский встретил командира у трапа.

— Никаких судов, входящих на рейд, мы не видели, — доложил Каневский. — Пока всё было тихо и спокойно.

— Быть может, мой Тен Ху нас напрасно переполошил, — сказал Тидеман. — Кажется, мы можем пожелать господам офицерам спокойной ночи и возвращаться к себе домой.

Но беспокойство о судьбе «Решительного» не покидало Никсона. — Скажите, как у вас обстоит дело насчет пироксилиновых подрывных патронов? — обратился он к Рощакowski. — Ведь не ровен час... Вдруг они могут вам понадобиться?

— По этой части всё благополучно, — ответил командир миноносца. — Ни патронов, ни бикфордовых шнуров я китайцам не сдавал. Все они лежат наготове в носовом погребе.

Еще раньше, за обедом, на вопрос Никсона о сигнальных книгах «Решительного» и о секретных картах и документах, Рощакowski пояснил, что еще утром судовая комиссия спустилась в кочегарку и в ее присутствии всё секретное, что имелось на судне, было сожжено в топке.

— Ну, будемте отваливать, — сказал консул. — Позвольте вам пожелать всего лучшего, — обратился он к офицерам миноносца.

*
**

Не прошло и часу после отбытия консула, когда вахтенные на миноносце услышали всплеск весел. К трапу подошла небольшая шлюпка. Гребцами на ней были матросы японского военного флота. Людей этих было довольно много. В руках большинства из них виднелись винтовки.

На корме сидел морской офицер, японец в белом ки-

теле, вооруженный саблей. Рядом с ним восседал дородный штатский японец, нарядно одетый в светло серый костюм.

«Некто в сером» — обратился к подошедшему к трапу Рощакowski, сказав по-русски:

— Японьски офицер просит разрешения войти на паруба.

Рощакowski в ответ пояснил, что разрешения этого он дать никак не может, т. к. миноносец разоружен китайскими властями и находится сейчас в ведении этих властей.

— Японьски офицер просит... начал опять повторять ту же фразу господин в сером, впоследствии оказавшийся секретарем японского консульства в Чифу.

Тем временем к борту миноносца в носовой части подошла вторая шлюпка с вооруженными японцами. Они прямо полезли на палубу, уже не спрашивая разрешения. После этого офицер и переводчик также стали подыматься по трапу. Одновременно с тем из ночной темноты начал вырисовываться силуэт японского миноносца.

Вооруженные винтовками люди, как только они попадали на палубу «Решительного», сейчас же занимали посты по видимо заранее составленному расписанию. Появились часовые у сходных люков. Особенно много японцев скопилось в носовой части. Там они стали проникать и внутрь корабля. Безоружная команда миноносца понемногу как бы оттеснялась японцами к корме.

Выйдя на шканцы, офицер отдал честь, вынул из кармана какую-то бумагу и, обратившись к Рощакowski, начал громко читать на своем языке этот документ. Прочитав фразу, он останавливался и тогда переводчик «некто в сером» возглашал эту фразу по-русски. Чтение бумаги заняло некоторое время. Содержание ее было приблизительно такое:

«Я, начальник такого-то отряда миноносцев императорского Японского флота, заметил вчера ночью русский миноносец, направлявшийся в Чифу. Я его преследовал до тех пор, пока он не скрылся в порту. Сейчас я предлагаю командиру этого миноносца немедленно выйти в море и вступить со мною в бой. Если же у него не-

исправна машина, то я предлагаю взять его на буксир и вывести его в море».

Рощаковский ответил, что к глубокому его сожалению, он выйти в море и вступить в бой не может, ибо миноносец, которым он командует, уже нейтрализован и находится в ведении китайского начальства. Все боевые припасы и замки от орудий сданы этим властям.

Выслушав ответ Рощаковского, офицер-японец опять взял в руки ту же бумагу и снова слышались те же фразы:

«Я, начальник такого-то отряда миноносцев императорского японского флота»...

Тем временем Рощаковский увидал около себя молодца — минера Валовича, надежного и храброго человека, на которого он мог вполне положиться. «Валович! Спустись сейчас в носовой погреб и подожги фитили подрывных патронов», — шепнул он ему.

Валович исчез.

Рощаковскому надо было выиграть время, дабы дать Валовичу возможность устроить взрыв миноносца.

— Я вам покажу сейчас наши орудия, чтобы вы могли убедиться, что замки из них вынуты, — сказал он японцам и повел их офицера с переводчиком к кормовому 47-миллиметровому орудью.

Пока они туда шли, один из судовых офицеров заметил, что матрос-японец чем-то занят у кормового флагштока. Оказалось, что тот пристопорил к фалам японский военный флаг и собирается его поднять.

— Пошел к чорту, с... сын, — гневно прикрикнул он на японца. Тот растерялся, видимо оробел и удалился, унося свой флаг.

Время шло, а Валович не возвращался. Трудная задача была возложена на молодца-министра — проникнуть в носовой патронный погреб, пройдя через цепь часовых-японцев. Рощаковский старался продолжать свой разговор с неприятельским офицером.

Наконец, Валович появился. Подойдя к командиру, он доложил:

— Фитили зажжены — через две или три минуты будет взрыв.

Среди темноты ночи можно было видеть, что второй японский миноносец подходит к «Решительному». Японцы сразу же стали более нахальными.

— Я вам приказываю без всяких хлопот сдать нам миноносец, — нагло обратился офицер к Рощаковскому.

— Тогда васи зизни мозна будит поссадить, — закончил переводчик фразу.

— Как ты смеешь, негодяй, такие предложения мне делать, — закричал Рощаковский. Одновременно с тем, размахнувшись, он из всех сил ударил японца-офицера по физиономии. Удар был такой сильный, что получивший плюху упал на планширь и, перевалившись через него, свалился как груз за борт. Но, падая, офицер ухватился за полу кителя Рощаковского и увлек того за собой. Оба оказались в воде. Барахтаясь, японец вцепился зубами в руку командира «Решительного» и чуть было начисто не откусил ему один из пальцев.

— Ужасно противно было в тот момент чувствовать свою руку во рту этой гадины, — рассказывал потом Рощаковский.

Бравый минер Валович, видя, что командир схватился с японским офицером, не задумываясь, бросился ему на выручку. Ударив ближайшего неприятельского матроса, он стал вырывать из рук его винтовку. Чтобы оценить по достоинству всю доблесть его самоотверженного поступка, нужно представить себе картину этой страшной ночи, когда вся палуба корабля была в руках вооруженных японцев, а наши люди были без всякого оружия.

Два-три японца разом навели свои винтовки на Валовича. Раздалось несколько выстрелов и он пал смертью героя.

Когда офицер-японец полетел за борт, его подчиненных охватила паника. Столпившись на баке, они открыли частый, беспорядочный огонь из винтовок.

Старший офицер лейтенант Каневский стоял перед этим как раз против японца переводчика. Когда началась стрельба, «господин в серой паре», будучи штатским человеком, перетрусил и в отчаянии бросился к Ка-

невскому. Обеими руками он крепко ухватился за руки старшего офицера и возопил умоляющим тоном:

— Не нада война... Пажаласта — не нада вайна. Мозно все халасо, без вайна делать.

Каневский, видя, что субъект этот крепко держит его за руки, пришел в ярость и негодование. Он не привык к тому, чтобы его хватали за руки и их держали. А тут, в довершение всего, перед ним была препротивнейшая японская образина с лицом, искаженным страхом.

Василий Васильевич в этот миг, вероятно, вспомнил, как он в юности «кикингги» делал, играя в футбол. Там требовалось мгновенное сосредоточенное напряжение мускулов ноги и тогда разом с большой силой выбрасывался вперед носок сапога. На этот раз меткий удар пришелся как раз по толстому животу господина в сером костюме. Тот взвыл во весь голос от боли и затылком вперед полетел за борт. Но за руки Каневского он продолжал попрежнему цепляться и при своем падении увлек и того за собой в воду.

Огни выстрелов беспрерывно прорезывали темноту ночи. Пули летели и вдоль палубы миноносца и во все стороны. Безоружная команда «Решительного», лишившись разом и командира и старшего офицера, не видя другого выхода, стала прыгать в воду.

Японцы, находившиеся на шлюпке, стоявшей у трапа, были сначала ошеломлены зрелищем своего офицера, кубарем полетевшего за борт. Но затем они приблизились и стали спасать свое, побитое по морде, начальство.

Рощакровский, освободившись от японца, быстро поплыл к кормовому отводу (род ограждения из стальных прутьев над гребными винтами). Он торопился вернуться на миноносец, вскарабкавшись сначала на отвод, а с него на палубу. Но у отвода уже были видны желтые физиономии.

— Я начал вылезать, — рассказывал потом М. С. Рощакровский, — а эти два японца навели на меня винтовки и открыли частый огонь. Стреляли оба почти в упор, расстояние было не больше трех шагов. Стрелки они были, видимо, неважные. Выстрелов 15 по мне сделали и всё мимо. Наконец, одному из них удалось по-

пасть и прострелить мне ногу у бедра. Я почувствовал, что через отвод мне не взобраться, отплыл в сторону и стал ожидать взрыва.

Стрельба из винтовок продолжалась. Когда Рощаковский плыл на груди, то попадания в воду вблизи его не было. Попробовал для отдыха лечь на спину — сразу же пули защелкали у самой головы. Видимо, лицо его белело среди темноты ночи и давало возможность японцам целить. Пришлось снова плыть на груди: голову трудно было рассмотреть в воде.

Вдруг яркий сноп огня разрезал темноту ночи и гул взрыва раскатился по рейду. Взлетел кверху носовой грибовидный мостик с кусками палубной настилки. Силой взрыва сорвало со станка стоявшую на этом мостике трехдюймовую пушку. И станок и пушка летели отдельно.

Громкий крик «А—ай», выражающий ужас и отчаяние бывших на «Решительном» японцев огласил рейд. Подоженные минером Валовичем патроны взорвались, когда самого его уже не было в живых.

Как раз перед моментом взрыва японцы кучей собрались около грибовидного мостика. Там находился столик, в котором обычно хранились сигнальные книги. Можно думать, что они усиленно искали эти книги. Рощаковский, находясь в воде, видел, как в снопе огня летели кверху и разорванные взрывом куски этих людей и целые люди. Нос миноносца стал заметно погружаться.

Впоследствии, когда японцы опубликовали свои потери при захвате ими «Решительного», выяснилось, что более 20 человек было убито взрывом. Секретарь их консульства в Чифу оказался показанным в числе «легко раненых». Видно В. В. Каневский был хорошим игроком в футбол. Через несколько дней, находясь на улице в Чифу, так сказать, на нейтральной почве, он повстречал «легко раненого» им господина в светло серой паре.

— Ну что же, — спрашивали его сослуживцы, — раскланивался с вами этот ваш знакомец?

— Нет, не раскланивался, — отвечал Каневский, — просто прошел мимо и только сердито на меня посмотрел.

В. В. Каневскому удалось доплыть до стоявшего вблизи бывшего в ремонте плавучего маяка; командир и офицеры на нем были датчане, или голландцы. Они в высшей степени гостеприимно приняли, как русского офицера, так и нескольких матросов «Решительного». Они оказали, кому нужно, медицинскую помощь, переодели всех в сухое платье, обогрели, накормили.

Большинству команды миноносца удалось добраться вплавь до берега, находившегося в расстоянии около трех четвертей мили. Спасение людей облегчалось тем, что ночью был штиль.

М. С. Роццаковский после взрыва подплыв к стоявшей неподалеку на якорь большой китайской джонке и крепко уцепился за ее толстый тросовый якорный канат. Ранение и потеря крови стали оказывать на него свое действие. Силы начали его оставлять.

Китайцы на джонке заметили его. Они забегали, загалдели и засуетились. «Вот хорошо-то, — подумал Роццаковский. — Сейчас они придут мне на помощь и вытащат из воды». Но китайцы, пошумев, притащили длинную бамбучину и принялись самым решительным образом отпихивать Роццаковского прочь от их якорного каната. «Плыви, — дескать, — миленький, куда хочешь, только к нам, пожалуйста, не подплывай больше».

Потом люди, знакомые со своеобразными обычаями Китая, объясняли, что у бывших на джонке китайцев были все основания так поступать. Они говорили, что по китайским законам обыватель, спасший утопающего, возлагает этим на себя обязанность содержать на свой счет спасенного им человека до конца своих дней. Кому же при этих условиях придет в голову блажь заниматься спасением людей.

Роццаковский, по всей вероятности, погиб бы, если бы в это время к нему не подошел паровой катер с китайского крейсера. Он был доставлен на этот корабль, где его рана была перевязана.

Штиль, бывший в ту памятную ночь, помог спасению попавших в воду людей. Но в то же время он, к сожалению, оказался полезен и для японцев. «Решительный» при взрыве получил большую подводную пробоину

и носовая часть его целиком ушла в воду. Ушла настолько, что весь форштевень до самого верха был погружен. Будь малейшая волна — миноносец неминуемо затонул бы. Но благодаря необычайно тихой погоде, японцам удалось утащить его из Чифу на буксире. Впоследствии они его починили и он вошел в число судов японского флота.

Рассказывали, что когда японский миноносец с «Решительным» на буксире проходил мимо китайского крейсера, стоявшего на рейде, то адмирал-китаец, державший на крейсере флаг, был возмущен наглым нарушением японцами основ международного права. Но остановить их орудийным выстрелом он всё-таки не решился, а стал поднимать сигналы с требованием «остановиться». Голосом, по мегафону, это приказание было передано на японский миноносец, шедший вторым.

Тот приблизился к китайскому судну для переговоров.

— Это очевидно недоразумение, — сказал командир-японец. — Я сейчас догоню ушедший вперед миноносец и передам ему ваше требование. Он, несомненно, немедленно повернет обратно и возвратит вам русский миноносец.

Китайцы обрадовались и успокоились.

Лучи рассвета озарили район происшедшей драмы. Люди команды «Решительного», выбираясь по одному на берег, стали постепенно стекаться к русскому консульству. Большинство их было в одном белье. По проверке наличия оказалось, что не хватает трех, считая в том числе убитого Валовича. Впоследствии выяснилось, что два матроса были задержаны на «Решительном» японцами и увезены в плен.

Много заботы и хлопот разом выпало на долю консула Тидемана. Но одной из первых задач было для него — это снять с китайского крейсера раненого командира «Решительного».

— Если японцы настойчиво потребуют, то китайцы, чтобы избежать осложнений уступят и отдадут лейтенанта Роццаковского в плен в Японию, — говорил консул.

Он немедленно отправился на германский крейсер, стоявший на рейде. Адмирал-немец принял его очень любезно. Но как только зашел разговор о возможности перевезти Роццаковского с китайского крейсера на немецкое судно, то последовал тотчас же отказ. — Вы нас, пожалуйста, извините, — сказал адмирал, — но ранение этого офицера есть результат вашей войны с Японией. А ведь Германия с самого начала войны объявила свой нейтралитет.

В конце концов М. С. Роццаковский был благополучно перевезен на берег и помещен в местный госпиталь, принадлежащий католической духовной миссии. Внимание к русскому офицеру членов этой миссии и медицинского персонала было выше всяких похвал. Роццаковский стал быстро поправляться при таком прекрасном уходе.

До случая с «Решительным» настроение проживавших в Чифу англичан и американцев было ярко антирусское. Японцы же были в моде и прославлялись. После наглого выступления представителей страны Микадо всё это вдруг изменилось. Комната в госпитале, в которой помещался Роццаковский, была полна цветов. Приношения эти были от людей всех национальностей белой расы, проживавших в Чифу. Они как будто тогда поняли и уяснили себе, что такое в действительности Япония и японцы.

Тело героя матроса- минера Валовича было найдено. Состоялось торжественное погребение его на кладбище в Чифу. Гроб до места вечного упокоения провожал весь состав консульства, офицеры и команда «Решительного» и ружейный взвод с китайского крейсера под командою офицера. Было много представителей разных проживающих в Чифу наций. Полагающаяся воинская почеть, ружейный залп, была отдана при опускании гроба в могилу.

С тех пор прошло много лет. Много событий свершилось, много воды утекло за эти годы. Сейчас только скромный каменный крест на могиле Валовича в Чифу напоминает о том, что произошло в ночь с 11 на 12 августа 1904 года на рейде Чифу.

*Контр-адмирал
Д. В. Никитин (Фокагитов)*

НОЧНОЙ ПОХОД

В темный поздний сентябрьский вечер, вскоре после отражения второго трехсуточного штурма на крепость, и в последовавшее за ним затишье, в тесной маленькой кают-компании «Стройного» были собраны командиры нашего дивизиона на совещание.

Морское начальство, учитывая возможность стоянки неприятельских крейсеров в бухте на островах Миа-Тао, находящихся в сорока милях от Артура, предложило обсудить план прорыва блокады и атаки этих крейсеров одним из миноносцев.

Насколько нам представлялось понятным старание начальства, сохранившимися в его распоряжении средствами нанести хоть какой-нибудь ущерб неприятелю, настолько же мы находили трудным и рискованным выполнение такого плана.

По мере того как общее положение обороны ухудшалось, всё меньше считались с потерями во флоте, а вследствие невольного бездействия поврежденных больших судов, работа морских сил ограничивалась действиями уцелевшей еще минной дивизии, личный состав которой, как говорится, «своими боками» расплачивался за все неудачи, постигшие флот.

На некоторых миноносцах к тому времени командиры были заменены более молодыми, сохранившими в себе больше энергии и бодрости. Много офицеров из старого состава перевелись на береговые должности и были заменены новыми. Благодаря этому, понемногу профильтровался весь личный состав миноносцев и создались кадры, вполне соответствовавшие требованиям тяжелой службы на этих судах.

Миноносцы нашего дивизиона были наскоро до-

строены в Артуре перед самым началом войны и мало уступали по всем качествам, не исключая и артиллерии, японским того же тоннажа. Только вместо кормового 75-миллиметрового орудия имелось 47-миллиметровое, и отсутствовали пулеметы. Впоследствии установили на каждом миноносце по пулеметной тумбе и отпустили два пулемета на дивизион, которые переносились на дежурные миноносцы.

Отсутствие сильного кормового вооружения не раз давало себя знать, когда приходилось отступать под натиском сильнейшего неприятеля, а нехватка пулеметов — при внезапных встречах в темные ночи.

8-го августа в бухте Тахе, при обстреле неприятельских позиций, во время общего штурма крепости, мой миноносец понес некоторые повреждения и поэтому ремонтировался. Носовой частью он был введен в особый кессон для заделки пробоин, а подбитое носовое орудие — исправлялось. Пользуясь этой небольшой передышкой, я решил попытаться найти себе 75-миллиметровое орудие и установить его на корме.

Обращаться в порт с подобной просьбой было бесполезно. Запасных орудий вообще не имелось в Артуре; и вследствие постоянного в то время обстрела японцами района порта, даже получить рабочих было не легко. С трудом получали мы необходимые материалы и всякое снабжение из портовых складов, т. к. чиновники порта, конечно, избегали находиться под огнем. Начал ощущаться недостаток в одежде; наступившие же холода вызывали необходимость одеть команду более тепло. Явилась нужда в меховых полушубках. Требования возвращались часто с резолюциями портового начальства: «отказать», или в лучшем случае: «отпустить в половинном количестве». Команда в походах начинала мерзнуть, поэтому командирам приходилось прибегать к своеобразным способам устранения этого недостатка. Однажды, получив отказ в полушубках, я вместе с другим командиром написал новое требование, увеличив, на всякий случай, почти вдвое число просимых полушубков. Затем, выждав день и час, когда порт подвергался более сильному обстрелу, мы вместе отправились в контору

порта. Подходя к входным дверям, мы встретили командира спасательного парохода лейт. Б., направлявшегося в контору с тем же намерением, как и мы. Этот известный во флоте бравый офицер, улыбаясь, сказал нам: «мы с вами выбрали подходящий момент, и необходимо использовать его полностью, а потому я сейчас подготовлю чиновников». Войдя с нами в контору, которая была уже переведена в подвальное помещение, он своим громким басом сказал: «Здорово ахнул! Ведь проклятый разорвался у самых ваших дверей. Хорошо, видимо, пристрелялись!» Ожидаемое оправдалось: быстро, без всяких противоречий, несколько не твердой рукой, были начертаны резолюции на всех трех требованиях: «срочно отпустить!»

Мои поиски орудия тоже увенчались успехом. Я усмотрел на одном подорванном и лежащем у берега миноносце совершенно исправное орудие. Офицеров не было, и лишь несколько матросов бродило по палубе. В этот же день мы подвели небольшую баржу с краном, и без долгих рассуждений погрузили на нее орудие со всей установкой. Затем, чтобы не смущать любопытных, прикрыли баржу брезентом, отвели в сторону и стали выжидать, не поступит ли от кого заявления с жалобой на самоуправство. Через два дня, не видя ни от кого протеста, подвели баржу к нашему миноносцу и под руководством судового инженер-механика приступили к постройке добавочных креплений палубы: приклепали полдюймовый железный лист, а в трюме под орудием установили еще два пиллерса. Ко дню конца ремонта на корме миноносца красовалось 75-миллиметровое орудие. Вся работа была выполнена исключительно судовыми средствами, без особых расчетов, а потому в первую же перестрелку с неприятелем судовой инженер-механик спустился в трюм под орудие. Его заключение: «Крепление вполне надежно, вибрация палубы незначительна. Но сидеть под орудием — отвратительно, ибо каждый выстрел форменно оглушает».

Мне редко выпадало плавать со столь мужественным, всегда спокойным в минуты большой опасности, находчивым и симпатичным инженер-механиком. Не раз

судьба всего миноносца зависела от его расторопности, распорядительности и умения справиться в критические минуты. В моем последующем изложении похода читатель найдет подтверждение этому, а пока я считаю своим долгом упомянуть имя этого славного моего сослуживца: Алексея Николаевича Копысова.

Приехав на упомянутое мною вначале заседание, я застал всех командиров в сборе. Прочитав и обсудив предложение, полученное от начальника морской и минной обороны, мы установили, что миноносцу, вышедшему в такой поход, предстояло: всё время не превышать скорости 13 узлов, дабы избежать пламени из труб; в нескольких милях от Артура прорвать блокаду, т. е. незаметно миновать завесу неприятельских миноносцев, состоявшую обыкновенно из 3-х или 4-х полудивизионов; подойти в темноте к незнакомым нам берегам островов и найти неосвещенный вход в бухту, имея единственный компас, который на качке сильно ходил; миновать при входе и выходе заграждения неприятеля; вторично прорвать блокаду и, наконец, подойти к совершенно неосвещенным входным воротам Артура между нашими минными заграждениями и бонами.

Уяснив себе всю картину, мы молча сидели и смотрели друг на друга, не зная, что сказать.

В результате все пришли к определенному заключению, что шансы на успех такого похода минимальны.

К сказанному можно еще прибавить, что миноносцы Артурской эскадры до войны находились по девять месяцев в году в резерве, и поэтому стояли в гавани; и за короткое трехмесячное плавание командирам было невозможно подробно ознакомиться с прилегающими к Артуру берегами и бухтами, тем более, что большинство командиров было назначено уже во время войны.

До этого случая, не было ни разу, чтобы кто-либо из командиров нашего дивизиона сомневался в возможности выполнения поставленной ему задачи, какой бы трудной она ему ни представлялась. Но на этот раз никто из нас не верил в выполнимость задуманного.

Всё же надо было придти к определенному решению.

Мой миноносец до сих пор всегда с гордостью вы-

полнял все самые трудные поручения, выпадавшие на его долю. Неужто на этот раз он не выполнит? «Сильный» имел теперь 75-миллиметровое орудие на корме. Ему надлежало идти в поход.

Еще около получаса обсуждали мы детали предстоящего похода, а затем было приступлено к составлению рапорта в штаб, в котором сообщалось о готовности «Сильного» попытаться выполнить эту задачу.

Весь гарнизон чувствовал себя страшно утомленным после отражения штурма. Наши миноносцы, ошвартовавшись кормами у набережной внутреннего бассейна, по распоряжению с батареей, часами — днем и ночью, обстреливали штурмующие колонны, заходившие в тыл батареям. В моменты затишья миноносцы грузились снарядами, подвозимыми на баржах, и приводили в порядок орудия. Немудрено, что мы все чувствовали себя крайне утомленными и каждого клонило ко сну.

Когда вопрос о том, кому идти в этот поход, был решен и приступили к составлению краткого протокола и донесения, я тут же крепко уснул, так велика была моя усталость. Разбудили меня слова одного командира: «Сейчас решается ваша судьба, а вы спите!»

Штаб утвердил мое назначение и предоставил мне выбрать день и час моего выступления в поход. Перед съемкой с якоря было приказано — сдать все секретные документы и сигнальные книги, и в виде последнего напутствия — прислали пулемет.

Наступило 23 сентября. Надвигалась темная ночь. Небо заволкло тучами. Дул легкий ветер и развел порядочную волну. Около 8 час. вечера я снялся с якоря и вышел в море. Быстро исчезали берега Квантунского полуострова в темноте, и тем самым обрывалась всякая связь с крепостью и флотом. Отойдя на 8 миль от Артура, мы увидели с правого борта приближающийся к нам силуэт небольшого корабля, а затем рассмотрели силуэты трех миноносцев, идущих навстречу. Клотиковая лампочка на головном миноносце начала мигать. Это означало, что неприятель нас тоже заметил и опрашивал позывные. Не обращая внимания на сигнал, я продолжал идти тем же ходом и курсом. Миноносцы быстро скры-

лись в темноте, но лишь на несколько минут. Мы их скоро увидели в кильватере за нами. Насторожившись, я выжидал, что неприятель предпримет дальше. Взоры всех находившихся на палубе, естественно, обращались на корму, так что мне неоднократно приходилось напоминать сигнальщикам и назначенным: «смотреть вперед!»

Первая мысль была: как действовать, если неприятель внезапно откроет огонь? Каким маневром, пользуясь ходом и темнотой, нарушить их строй и запутать стрельбу?

Вполголоса предупредил инженер-механика о необходимости быть готовым дать разом самый полный ход. За движениями неприятеля следил с корчмы мичман. Прислуга у орудий и минных аппаратов стояла на «товсь». У пулемета находился мичман Т.

Время шло... Напряжение длилось уже второй час... Стоя на мостике, я недоумевал и старался найти объяснение — нежеланию более сильного неприятеля первым вступить в бой. Неужели он ошибся и думал, что во главе его дивизиона идет свой, т. е. японский миноносец? Если это так, то оставалось лишь желать скорейшей встречи с одним из неприятельских крейсеров, чтобы при атаке его «Сильным» — мы, все четыре миноносца, оказались бы под огнем крейсера... Дай-то Бог! Это лучший выход при создавшемся положении. Но такой выход был бы слишком большой удачей, и я боялся даже мечтать о нем. Вернее всего, неприятель нас распознал, и теперь, ничем не рискуя и удаляясь вместе с нами от нашей базы, уменьшал наши шансы отступления на Артур, лишая нас одновременно возможности пробраться незамеченными в бухту к крейсерам. Оставалось только надеяться на встречу с крейсером, когда лишь сам неприятель мог выручить, ибо в противном случае всё кончится боем и, увы, — слишком неравным.

Мне приходилось не раз читать и слышать, что в самые тяжелые и опасные минуты внимание человека может быть внезапно отвлечено мыслью о совершенно другом, не связанным с данными переживаниями, даже незначительном. В эту ночь, или вернее, в часы похода,

когда наше положение представлялось весьма трудным, мне часто приходилось заставлять себя сосредоточивать свои мысли на том, что происходит в данный момент, а не думать о другом. Я помню, как мысленно переносился в Артур, на наш дивизион, и с завистью представлял себе картину отдыхающих и ничего не переживающих командиров.

Мне казалось, что я слышу голос, полный иронии, нашептывавший мне: «Сам ведь лез в петлю, теперь и выкручивайся. Никто о тебе сейчас не думает, никто тебе не поможет»...

«Смолкни!.. Не в петлю лезет «Сильный», а исполняет свой долг перед Родиной».

Мои мысли полетели дальше, на госпитальное судно «Монголия», на котором в эту ночь не смыкает глаз одна из сестер милосердия — моя жена, моля Всевышнего о благополучии похода «Сильного».

Так, при сильно напряженном состоянии нервов, бродили мысли, перебрасываясь с одного на другое, как бы ища, на чем можно остановиться и успокоиться. Между тем, вырывавшееся время от времени пламя или искры из труб неприятеля снова приковывали мое внимание к ним и грозно напоминали о предстоящей развязке.

Мы подходили уже к островам. Надежда на встречу с крейсером была потеряна; вход в бухту был отрезан идущими за мной миноносцами. Продолжать идти так дальше становилось бессмысленным. Рассвет близился и неминуемо должен был принести гибель, а потому необходимо было принять какое-то решение и приступить, не медля, к его выполнению.

Всё это время мы поддерживали полное давление пара и имели возможность сразу развить полный ход и, не усиливая огня в топках и не пуская вентиляторов, сохранить его в продолжение нескольких минут. Я условился, что по моим двум звонкам в машину, инженер-механик разом даст полный ход и будет держать таковой, пока не падет пар.

Наши переговоры с инженер-механиком внезапно были прерваны подбежавшим ко мне сигнальщиком и мичманом, наблюдавшим на корме. Они доложили, что

ближайший к нам миноносец отклоняется вправо, а идущий за ним — влево. Их маневр был ясен: поставить «Сильного» с кормы в два огня. Теперь каждая потерянная секунда могла быть роковой. Я дал два условных звонка в машину и миноносец, будто подпрыгнув, рванулся вперед — быстро с 13-ти узлов переходя на 24...

Содрогаясь всем корпусом, врезаясь и будто ныряя сквозь волны, принимая целые каскады воды на палубу, и дождь и брызги на командный мостик, неся «Сильный» от неприятеля. Он неся в непроглядном мраке ночи, под шум своих мощных машин и быстро вращающихся винтов. Враг, который два часа предвкушал легкую добычу и испытывал наши нервы, начинал отставать. Схватившись за поручень мостика, я впился глазами в неприятельский миноносец, который быстро скрывался из виду, и через несколько мгновений оба они исчезли. Выждав еще несколько секунд, я положил лево на борт. За кормой взвился бурун от положенного руля и миноносец, накренившись на левый борт, покатился влево, принимая правым бортом удары волн... Отскочив на несколько кабельтов в сторону и исчезнув из вида неприятеля, мы снова легли на прежний курс. Пар стал быстро падать. Уже через несколько минут машины еле вращались, развивая всего 2-3 узла. В кочегарках шла лихорадочная работа: осторожно, под непосредственным наблюдением инженера-механика, поднимали пары, не пуская в ход вентиляторы.

У каждого было одно на уме: где противник? что он предпринимает? Бросился ли ко входу в бухту, чтобы предупредить свои крейсера об угрожающей опасности, или идет полным ходом к Артуру, полагая, что мы повернули и спешим проскочить в свою базу?

Я лично почувствовал в эти минуты большое облегчение. Напряжение нервов ослабело, и можно было спокойнее обдумать последующие шаги.

Вскоре я повернул на обратный курс, пары удалось поднять, и мы шли опять 13-ти узловым ходом. Миноносец медленно покачивался с борта на борт на попутной волне. Машины работали более спокойно, и их шум, сливаясь с шумом винтов, точно твердил всё тот же напев:

«Не так страшен чорт... Вывезу вас... выведу... Не плошайте сами, не плошайте!»

Я вызвал на мостик инженер-механика и горячо его поблагодарил за столь блестящее управление котлами и машинами, во время нашего рискованного маневра, благодаря которому мы выскочили из мертвой петли... Но не всё это было еще. Предстояло еще раз прорвать блокаду и благополучно проскочить в Артур.

Мы всего уже в 3-4 милях от крепости. Туман еще не рассеялся, но всё же слева начинают обрисовываться гористые берега Ляотешанского полуострова. К сожалению, определиться пока нет возможности.

Изменив курс несколько вправо, я спросил рулевого: «Что на румбе?» и вдруг слышу голоса сигнальщика и комендора у орудия: «Слева что-то видно»...

Действительно, обрисовываются силуэты миноносцев, шедших на пересечку нашего курса. Опять зазвонили звонки в машину и миноносец полным ходом понесся по направлению к входным воротам... На прощание мы «просалютовали» неприятелю и получили в ответ несколько снарядов, просвиставших над нами... И миноносец стал входить в ворота.

К сожалению, наши клотиковые сигнальные лампочки не имели под собою щитов, не допускающих свет на палубу корабля, что было предусмотрено у японцев. На это я невольно обратил внимание при первой нашей встрече нынешней ночью. Недочет этот не позволял нам, находясь вблизи неприятеля, показывать свои позывные, не освещая им миноносец и не ослепляя себя.

Вдруг два наших сильных прожектора осветили нас прямо в лоб и повесили перед нами пелену, через которую мы ничего не могли видеть, будучи совершенно ослепленными. Я несколько раз стопорил машину, дважды давал задний ход, боясь выскочить на берег, или врезаться в полавки сетевых заграждений, так как эти прожектора мешали ориентироваться даже в расстояниях.

В конце концов, положительно каким-то чудом удалось проскочить ворота и войти в гавань. Уже недалеко

оставалось до рассвета и до подъема флага, после которого надо было ехать с докладом к адмиралу.

Я прилег одетым. Но от физического и нервного переутомления заснуть не мог. Моментами мне всё еще мерещились то прожектора, то темные скалистые берега, то даже слышались раскаты орудийных выстрелов.

И заканчивая свою краткую повесть, я опять обязан сказать, что только благодаря милости Божией и талантности нашего инженер-механика, славного моего сослуживца Алексея Николаевича Копысова, всё кончилось благополучно.

Контр-адмирал

Г. О. Гадд

ОСАДА ПОРТ-АРТУРА

Вспыхнувшая война застала крепость в плачевном состоянии. Приморский фронт был почти закончен, но на сухопутном фронте, из предполагавшихся к постройке шести фортов, был закончен лишь форт № 4. Форты №№ 1, 2 и 3 были закончены вчерне; только что был начат постройкой форт № 5, а форт № 6 и вовсе не начинался.

В гарнизоне Порт-Артура находилось 9 стрелковых полков (трехбатальонного состава), 3 запасных батальона, 10 полевых батарей, крепостная артиллерия, саперный батальон и сотня казаков. Всего, считая моряков и дружинников, около 50 тысяч человек.

Начальником Квантунского укрепленного района был назначен генерал-лейтенант Стессель, а комендантом крепости генерал-лейтенант Смирнов. Этим создавалось в Порт-Артуре двоевластие, вредно отозвавшееся на деле обороны крепости.

Первый период военных действий: (от начала войны 27 января до высадки японцев в Ляодун, 22 апреля) заключал: внезапную атаку японского флота на Порт-Артурскую эскадру, бомбардировки Порт-Артура с моря и попытки японцев заградить коммерческими пароходами, нагруженными камнями, проход из Порт-Артурской гавани, где находились суда нашей эскадры.

Второй период: от высадки японцев на Ляодун 22 апреля до тесного обложения крепости 17 июля.

Японцы высадили 3 дивизии у Бицзыво и, захватив железную дорогу на участке между станциями Вафан-дьян-Пуландьян, прервали связь крепости с Маньчжурской армией.

13 мая японцы атаковали Цзиньчжоуский укреплен-

ный перешеек (около трех верст шириною), обороняемый 5-м Восточно-сибирским полком (одиннадцать рот. Одна рота была на охране Российского императорского посольства в Пекине).

В течение 13 мая 5-й полк отбивал атаки японцев. К вечеру, под влиянием флангового огня японских канонеров, 5-й полк, потеряв половину своего состава, принужден был отойти. Для противодействия дальнейшему наступлению японцев к Порт-Артуру войска наши заняли так называемую передовую горную позицию, которая, после боев 13 и 14 июля, вследствие прорыва японцев на правом фланге, была 15 июля нами очищена. Наши войска в полном порядке отошли на Волчьи Горы, которые в бою 17 июля были заняты японцами.

Третий период: от начала тесного обложения крепости 17 июля до сдачи крепости 20 декабря.

Заняв Волчьи Горы, японцы тотчас же приступили к возведению осадных батарей. Утром 25 июля, когда на городской площади служили молебствие, началась бомбардировка города, укреплений и гавани, с этого дня уже не прекращавшаяся до конца осады.

К 3 августа японцы овладели на правом фланге крепости командующими высотами Дагушань и Сяогушань, а на левом фланге предгорьями Угловой Горы.

Японцы не сомневались в успехе штурма открытой силой. Ген. Ноги объявил иностранным корреспондентам, что в ближайшие дни они будут свидетелями падения крепости и приглашал их на это зрелище. С утра 6 августа японская артиллерия открыла сильнейший огонь по всему фронту крепости. После двухдневной артиллерийской подготовки штурма японская пехота перешла в наступление, ведя главный удар на Восточный фронт. К утру 11 августа штурм был отбит, однако, в руках японцев остались редуты №№ 1 и 2 на восточном фронте и Угловая Гора на западном фронте.

Потерпев неудачу при попытке овладеть крепостью открытой силой, японцам пришлось обратиться к постепенной атаке, т. е. приближаться к фортам и укреплениям при помощи траншей и окопов.

6-го сентября японцы атаквали Высокую Гору на

западном фронте и Кумирненские и Водопроводный редуты на Северном фронте. Редуты японцы заняли, но их атаки на Высокую Гору были отбиты.

С 18 сентября японцы начали бомбардировать Порт-Артур 11-дюймовыми бомбами, которые легко разрушали все закрытия и даже бетонные казематы, своды коих были рассчитаны на сопротивление лишь 6-дюймовым снарядам.

17-го октября японцы вновь предприняли штурм Восточного фронта на участке от батареи литеры «Б» до укрепления № 3. Штурм был отбит, но японцы удержались на гласисах атакованных фортов.

К 13-му ноября японцы уже были полными хозяевами во рвах фортов № 2 и 3 и укрепления № 3. В промежутках между этими фортами японцы подошли своими окопами на 60 шагов к Китайской стенке и на 45 шагов к батарее литеры «Б» и к Куропаткинскому люнету. С утра 13-го ноября японская осадная артиллерия открыла адский огонь и ровно в 12 часов дня японская пехота бросилась на штурм названных укреплений Восточного фронта. Все неоднократные атаки японцев к вечеру были отбиты. Ночная японская атака Курганной батареи 13 ноября также была отбита.

В третий раз потерпев неудачу на Восточном фронте, японцы вновь направили свои усилия против Высокой Горы (201 метр высотой) на Западном фронте. В течение 9 дней с 14 по 22 ноября японцы вели яростные атаки на Высокую Гору, на которой имелись лишь окопы и укрепления полевого типа, и непрерывно долбили ее снарядами всех калибров. Одних 11-дюймовых бомб они выпустили за это время более 4 тысяч. За истощением наших пехотных и морских резервов, для обороны Высокой Горы были использованы нестроевые и даже госпитальные команды.

Вечером 22 ноября Высокая Гора была взята японцами. С утратой Высокой положение крепости становилось крайне тяжелым. У начальника сухопутной обороны крепости ген. Кондратенко вырвались слова: «Это начало конца».

На другой день, 23 ноября, японцы, соорудив на Вы-

сокой наблюдательный пункт, приступили к расстреливанию нашей эскадры, стоявшей в гавани. Через пять дней все суда Порт-Артурской эскадры были затоплены 11-дюймовыми бомбами.

Вечером 2 декабря японской 11-дюймовой бомбой, пробившей бетон и разорвавшейся в каземате форта № 2, был убит генерал Кондратенко.

Взорвав брустверами свои минные галереи: 5 декабря под фортом № 2, 15 декабря под фортом № 3 и 18 декабря под укреплением № 3, японцы овладели этими фортами и укреплением. Таким образом, после пятимесячной упорной борьбы, японцы, заняв форты № 2 и 3 и укрепление № 3, прорвали первую линию обороны на Восточном фронте.

19 декабря японцы атаковали вторую оборонительную линию Восточного фронта: от курганной батареи до Большого Орлиного Гнезда, на которой в окопах малого профиля находилась лишь жидкая цепь стрелков¹, и после ряда ожесточенных атак заняли высоту Большое Орлиное Гнездо — тактический ключ позиции.

При таких условиях ген. Стессель пришел к заключению, что дальнейшее сопротивление крепости невозможно, и выслал парламентаря к ген. Ноги. 20-го декабря была подписана капитуляция Порт-Артура и генерал Стессель отправил Государю телеграмму: «Великий Государь, прости нас. Мы сделали всё, что было в силах человеческих. Суди нас, но суди милостиво. Одиннадцать месяцев непрерывной борьбы истощили наши силы»².

¹ Численность пехотного гарнизона, включая моряков, не превышала к концу осады 14 тысяч, что на 20-верстную линию обороны было недостаточно. На 19-ое декабря в госпиталях состояло около 18-ти тысяч раненых и больных.

² Ген. Стессель Верховно-Уголовным Судом был приговорен к расстрелу, что, по высочайшему повелению, было заменено десятилетним заключением в Петропавловскую крепость, откуда ген. Стессель по болезни, незадолго до своей смерти, был освобожден. «Единственная вина генерала Стесселя только в том, что он не дал картины под занавес», — сказал его защитник, полковник Вельяминов в Верховно-Уголовном Суде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Насильственная смерть Артура не надолго предупредила естественное падение крепости. Японцы дорожною ценою купили свой успех под Артуром: за время осады они потеряли убитыми и ранеными до 110 тысяч человек. У нас убито и умерло от ран и болезней при обороне крепости 17 тысяч, т. е. третья часть всего гарнизона. Наши потери ранеными доходили до 100%. Если и были в гарнизоне еще не раненые, то зато другие были ранены по несколько раз.

Порт-Артур оборонялся значительно дольше, чем можно было рассчитывать при его незаконченности, слабом вооружении и снабжении. Россия всегда будет в праве гордиться подвигами многострадального Порт-артурского гарнизона, каковому высочайше было повелено службу считать, как и при обороне Севастополя, по расчету: один месяц — за один год.

В признание высокой доблести, проявленной при защите крепости Порт-артурскими войсками, японский император предоставил ген. Стесселю и всем сухопутным и морским офицерским чинам гарнизона сохранить свои сабли.

В ПОРТ-АРТУРЕ. ПЕРВЫЕ БОЕВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

В Артур я приехал 15 апреля, т. е. за несколько дней до перерыва железнодорожного сообщения с крепостью. Явился командиру дивизиона полковнику Мехмандарову и батарейному командиру подполковнику кн. Чхеидзе. В батарее, расположенной в Старом городе в казармах, недалеко от сводного госпиталя, под горой Перепелиной, я провел лишь несколько дней, неся службу по обучению людей верховой езде и действиям при орудиях.

Было получено распоряжение отправить два орудия под командой офицера на недельное дежурство в Большой Голубиной бухте. Подполк. кн. Чхеидзе вызвал офицеров батареи, взглянул на меня и отдал приказание: «Вот подпоручик Юзефович за тем и приехал. Отправляйтесь немедленно». В Большой Голубиной бухте я по-

ставил орудия в заранее приготовленные на берегу окопы, а сам поместился в ближайшей фанзе со стрелковым капитаном Неклюдовым. По утрам, лежа на походной койке (чемодан-кровать), я за перегородкой слышал телефониста, передающего донесения: «на горизонте в море, на далеком расстоянии показались японские суда». Слыша о далеком расстоянии, я продолжал спокойно спать.

12-го мая нашей батарее приказано было выступить из Порт-Артура на передовые позиции в дер. Суанценгоу. Под каким-то предлогом батарея выступила в поход лишь с четырьмя орудиями. Остальные четыре были оставлены в городе.

13 мая в дер. Суанценгоу мы проснулись рано. Была слышна орудийная стрельба у Киньчжоу. Батарейный командир и подполк. кн. Чхеидзе с кап. Скрыдловым и шт. кап. Костровым выехали вперед на разведку позиции на случай, если наша батарея будет вызвана. Подпоручик Соколовский и я оставались сидеть в китайской фанзе в деревне Суанценгоу. Вдруг появляется вестовой с докладом: «Так что, ваше благородие, в бухту Инчензы вошли два японских миноносца». — «Послать конного за батарейным командиром, — отдает приказание подпоручик Соколовский, как старший и временно командующий батареей. — Подать лошадей, батарее выезжать на позицию». Через несколько минут мы рысью выехали из деревни Суанценгоу на песчаный берег бухты. «Батарея с передков!» — командует Соколовский. Два японских миноносца отчетливо видны в бухте. Они стоят неподвижно в кильватерной колонне, бортами обращенные к нам. Великолепная цель. Солнце позади нас и в глаза японцам. Они нас, вероятно, не замечают. Я, как младший, ожидаю команды открыть огонь, но таковой от подпор. Соколовского не последовало. Возможно, что он полагал, что наша задача лишь препятствовать высадке японцев, ожидать спуска шлюпок. Прошло еще некоторое время. Прискакал к батарее подполковник кн. Чхеидзе со старшими офицерами. Смотрят на японские миноносцы, которые медленно задвигались и начали выходить из бухты. Я подумал: «Верно расстояние велико, только ка-

жется, что близко, ведь по воде расстояния сокращаются». Когда мы вернулись в нашу фанзу, я измерил расстояние по карте, — оказалось, около четырех верст, т. е. дистанция, вполне возможная для стрельбы (предельная дальность для полевых скорострельных 3-дюймовых орудий — шесть верст). «Эх, — сказал подполк. кн. Чхеидзе, — следовало обстрелять японские миноносцы. Верное золотое оружие».

К вечеру 13 мая Киньчжоуская позиция была занята японцами, и наш боковой отряд у дер. Суанценгоу (батальон стрелков, четыре орудия нашей батареи, конная команда разведчиков и четыре колесных пулемета морской команды) получил 14 мая приказание, с наступлением темноты, отходить на Волчьи Горы, соблюдая полную тишину. Однако, на походе, соскучившиеся стрелки грянули: «Соловей, соловей, пташечка, канареечка жалобно поет»... С Волчьих Гор мы были немедленно возвращены на нашу прежнюю позицию у дер. Суанценгоу, так как японцы не преследовали наши войска, отошедшие от Киньчжоуского перешейка.

БОЙ НА ПЕРЕДОВОЙ ГОРНОЙ ПОЗИЦИИ 13 И 14 ИЮЛЯ

В ночь на 13 июля в нашу палатку, позади наших орудий, стоявших на позиции, где я помещался с моим батарейным командиром штабс-капитаном Швиндтом, вошел вестовой и принес записку. Зажгли свечу и прочитали: «Завтра в шесть часов утра будет наступление японцев. Полковник Ирман». Мы были удивлены, как это можно знать о намерениях японцев, однако, приказали вестовому разбудить нас пораньше. Ровно в 6 ч. утра мы были у орудий. Впереди и несколько влево на расстоянии около 6 верст была видна идущая на нас вдоль берега в походной колонне японская пехота. Прекрасная цель, но мой батарейный командир огня не открыл, помня, что запас патронов к нашим орудиям весьма ограничен, а также желая подпустить японцев ближе. Вдруг хлынул проливной дождь и ничего не стало видно. Когда дождь прекратился, на нашу батарею посыпался град

японских снарядов (шимоз и шрапнелей) из двух японских батарей верстах в четырех от нашей позиции. В свою очередь, мы открыли огонь по ним. Официальная история Русско-японской войны говорит: «Площадка, на которой стояла батарея штабс-капитана Швиндта, была как бы вспахана снарядами». Утром 15-го июля нам было приказано отойти на Волчьи Горы.

БОЙ НА ВОЛЧЬИХ ГОРАХ 17 ИЮЛЯ

С утра японцы атаковали Волчьи Горы и быстро заняли их. Наша батарея пробовала стрелять, но гаолян, превышавший человеческий рост, скрывал продвижение японской пехоты. Штабс-капитан Швиндт верхом отправился узнать, в чем дело. Присланный им ординарец передал мне приказание снять орудия с позиций и следовать к нему. Скатили орудия с позиций, взяли в передки и я команду: «Номера садись, батарея рысью ма-арш», хотя в строю было только два орудия (одно было подбито в предыдущем бою, на другом был испорчен угломер). Вижу моего батарейного командира, стоящего на возвышенности и подающего мне сигнал обнаженной шашкой: «Усилить аллюр». «Галопом» команду я. Прискакали к командиру. «С передков», — командует штабс-капитан Швиндт. «По наступающим японцам прицел 40» (дистанция менее двух верст). Японцы приближались. Их артиллерия обнаружила нас и засыпала снарядами наши два орудия, стоящие на открытой позиции. За убылью орудийной прислуги положение наше становилось критическим. Штабс-капитан Швиндт дает сигнал: «Подать передки». Подскакали передки и лихо взяли «налево кругом», но ездовые не сумели сдержать разгоряченных лошадей и сделать остановку для надевания орудий на передки. Наши передки ускакали прочь без орудий. «Вынуть замки из орудий» — приказал Швиндт. Вдруг в этот момент на помощь нам подбегает со своей охотничьей командой поручик Бурневич и на руках с криком «ура» откатывает наши орудия к передкам. Наши раненые также были унесены. Убитые остались на поле сражения. Видевшие, в каком отчаянном

положении мы находились, донесли генералу Стесселю, что 2-ая нештатная батарея захвачена японцами. Впоследствии поручик Бурневич за спасение орудий был награжден Георгием 4-й степени.

После боя на Волчьих Горах нам был дан пятидневный отдых, а затем батарея была назначена на Кумирненский редут. Редут был сооружен по всем правилам эпохи гладкостенной артиллерии. Штабс-капит. Швиндт категорически заявил, что мы поставим наши орудия вне редута на закрытой позиции.

29 июля я получил самостоятельную боевую задачу. Я был послан с двумя орудиями на гору Сиротку, согласно приказанию начальника Северного фронта крепости полк. Семенова. В его телефонограмме, между прочим, говорилось: «Прошу поставить прикрытие так, чтобы оба орудия были безопасны. Для намечения цели и позиции, заранее послать офицера на верхушку горы Сиротки, а затем уже этому офицеру встретить полубатарею, чтобы она зря не находилась вблизи неприятеля. По окончании обстреливания немедленно вернуться обратно». В этом приказании обращает на себя внимание отсутствие сведений о противнике и излишняя опека над исполнением. Я полагал, что противник находится верстах в двух от горы Сиротки, а оказалось, что они были в 250 саженьях. Гора Сиротка была лучшим наблюдательным пунктом перед всем Северным и Западным фронтом, «окном крепости», по выражению ген. Стесселя, и с нее производились самые точные наблюдения над противником. Она была занята охотничьей командой подпор. Наседкина. Японцы неоднократно пытались занять ее и держали ее под сильным огнем. Заметив усилившееся движение неприятеля, подпор. Наседкин просил о присылке взвода артиллерии. На следующий день была моя вылазка, очевидцем ее был командир артиллерийской бригады полк. Ирман, который как раз во время моей стрельбы прибыл на гору Сиротку (он всегда ходил в опасные места). Впоследствии я испытал радость представления за это дело к высокой награде и горечь отказа Георгиевской Думы...

В начале сентября японцы овладели Кумирненскими

редутами и, заняв полотно железной дороги, проходившей между редутами и укреплением № 3, приблизились к укреплению на 600-700 шагов. По Порт-артурским понятиям — расстояние не слишком близкое. С укрепления № 3 можно было наблюдать за неудачной японской сентябрьской атакой на Высокую Гору. Удержанию Высокой Горы, как известно, не мало способствовал лейтенант флота Подгурский. Он в ночь на 10-е сентября подполз к блиндажу в окопе, уже занятом японцами, и бросил пироксилиновые шашки. От взрыва шашек взорвались сложенные в блиндаже японские ручные гранаты и японцы бежали.

С 18-го сентября японцы начали обстреливать Порт-Артур 11-дюймовыми бомбами. Форт № 3 и укрепление № 3 были первыми, подвергшимися бомбардировке этими тяжелыми снарядами. Вскоре японцы открыли огонь по городу и стреляли также 11-дюймовыми снарядами.

В конце сентября я заболел тифом и принужден был оставить укрепление № 3. Я был помещен в госпиталь «Монголия». Однажды, лежа в полузабытье, я вижу, входит в мою каюту священник и, ничего не говоря, дает мне крест. Я приложился и с того момента почувствовал себя много лучше. К началу ноября я выздоровел.

Японцы, зная, что единственным источником пополнения убыли в гарнизоне являются наши госпиталей, т. к. выздоравливающие возвращались в строй, обстреливали госпиталей. Генерал Стессель послал генералу Ноги письмо, прося его прекратить огонь по нашим госпиталям. Он ответил: «Ваше храброе сопротивление столь продолжительно, что наши орудия изнашивались и не позволяют точной стрельбы».

Позволяю себе привести здесь две-три записи в журнал военных действий моего бывшего батарейного командира штабс-капитана Швиндта: «13 ноября штурм на укрепление № 3. В час дня показались японцы, влезавшие на бруствер. Только что мы успели сделать по ним первый выстрел, как японцы поспешнее, чем взбирались вверх, сбегают вниз, преследуемые нашими стрелками. Некоторые молодцы, стоя во весь рост на валу, стреляли

по бегущим японцам. Такая же картина вскоре повторилась еще раз».

Ночью 13-го ноября японцы атаковали Курганную батарею отрядом «белых помочей» генерала Накамура (японцы были крестообразно обвязаны белыми шарфами, чтобы в темноте различать друг друга). Вот приказ генерала Накамура: «Наша задача разрезать крепость на две части. Атака будет произведена штыками. Как бы ни был силен огонь русских, мы не должны отвечать ни единым выстрелом, пока не закрепимся. Никто не должен рассчитывать вернуться живым. Если я паду, полковник Ватанабе примет командование».

Атака японцев застала малочисленный гарнизон Курганной батареи врасплох. Находившийся вблизи батареи с полуротой моряков лейтенант флота Мисников, не ожидая приказаний, по собственной инициативе, кинулся в штыки на японцев. Затем подоспели роты резерва и окончательно прогнали японцев. Штабс-капитан Швиндт записал в журнале военных действий: «После ночного штурма на скате Курганной батареи трупов японцев, что мух на бумаге с клеем».

Взорвав и заняв форты № 2 и 3 и укрепление № 3, японцы прорвали линию обороны на Восточном фронте. Вот запись штабс-капитана Швиндта в журнал военных действий 2-й нештатной батареи от 18 декабря: «В 9 часов утра большой взрыв на укреплении № 3, за которым последовал адский огонь по всему правому флангу. Через несколько минут в брешу показалась лестница и японцы по одному лезут вверх. Батарея, за неимением снарядов, стреляла по ним редчайшим огнем».

В ПЛЕНУ У ЯПОНЦЕВ

Капитуляция Порт-Артура 20 декабря явилась для гарнизона неожиданностью, т. к. готовность защитников жертвовать собой еще не иссякла, несмотря на безнадежное положение крепости. Мичман Васильев мне однажды заметил: «Мы все здесь приговорены к смертной казни». Какие-то слухи ходили за несколько дней до сдачи. Так, мой вестовой сказал мне: «Так что, ваше благо-

родие, всем портным приказано шить японские флаги». Японцы из своих окопов бросали нам иногда прокламации. Вот одна из них с сохранением орфографии: «По причине печального приключения в другом месте светю вам сдавайтесь. Один командир японской армии». Печальное приключение в другом месте — очевидно, были неудачи генерала Куропаткина.

Все части Артурского гарнизона 21 декабря были собраны на равнине к юго-западу от форта № 5 и по очереди переходили через проход в проволочном ограждении, на японскую сторону. «Такая-то рота — 15 человек; такая-то рота — 11 человек, и т. д. Убыль в гарнизоне, особенно среди стрелков, была огромная. Капитан Голицинский записал в своем дневнике: «...налицо в батальоне было 47 людей при одном офицере. Вот, что осталось от моего батальона, который 1 мая выступил из гор. Дальнего в составе тысячи человек»...

Число всех собравшихся для сдачи японцам оказалось около 23 тысяч человек, т. к. многие больные и раненные вышли из госпиталей, чтобы идти в плен со своими частями. Японцы вернули в госпиталь около двух тысяч человек, как совершенно неспособных сделать двухдневный переход до железнодорожной станции Чанлиндзы.

Слова генерала Стесселя: «Люди стали тенями» — не были пустой фразой.

*Генерал-лейтенант
А. М. Юзефович*

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД КРЕЙСЕРА «НОВИК»

Адмирал Витгефт убит. В командование эскадрой вступает адмирал князь Ухтомский. В это время на «Аскольде» адмирал Рейценштейн, как командующий отрядом крейсеров, поднимает сигнал: «Следовать за мной». За ним последовательно ложатся: крейсера «Новик», «Паллада» и «Диана» и дивизион миноносцев («французов»). «Аскольд» развивает полный ход. Эту скорость выдерживает только «Новик». Остальные сильно отстают. Японские крейсера ложатся параллельным курсом с нами, слева четыре крейсера, справа — три. Задача, определенная: вырваться из окружения. Бой в полном разгаре. Вот-вот как будто выходим, но вдруг правая машина «Новика» сдала: загорелись подшипники. Неприятель настигает нас, но, решив очевидно, что мы покончены, погнался за «Аскольдом». Мы малым ходом начали отходить вправо, и вскоре скрылись в темноте, взяв курс на Киау-Чау (Центау). Войдя в форт, командир пригласил нас на военный совет, на котором все единогласно поддержали командира: не разоружаться, а следовать во Владивосток, но для прорыва через Цусимский пролив у нас из-за изношенности машин не было достаточной скорости, и решено было идти кругом Японии. От немцев мы получили уголь и всё для нас необходимое, и около 4 час. утра покинули гостеприимный порт. Через семь дней мы счастливо достигли Мац-Мая, как поворотного пункта к заливу Анива (Сахалин). Туман покровительствовал нам. При огибании мыса он, однако, рассеялся, и мы на берегу увидели станцию неприятельского беспроволочного телеграфа. Настоятельная необходимость пополнить запасы угля заставила нас идти в Корсаковский порт, расположенный в глубине бухты Анива

(Сахалин). Сразу началась погрузка угля. Однако, около 2 час. дня наш беспроволочный телеграф начал принимать неприятельские разговоры. Мы немедленно снялись с якоря, но тут же на горизонте появился крейсер типа «Цусимы», вооружение которого было значительно сильнее нашего. Первое время пришлось идти на сближение. «Новик», не обладая своим нормальным ходом, не мог не принять боя. Мы легли параллельными курсами и бой начался. В продолжение часа мы обстреливали друг друга безрезультатно. Но вот несколько снарядов попадает в кормовую часть корабля. Румпельное, а за ним и кормовое отделение наполняются водой. Кормовая батарея имеет большие потери в людях. Ранен лейтенант Штер. В это время раздается громовое «ура». «Цусима» прекратил огонь и под креном направился к своим берегам. На короткое время «Новик» усиливает интенсивность огня, но тут выяснилось катастрофическое положение нашего корабля. При получении пробоины в конце боя, был подведен пластырь, оказавшийся поврежденным, но не столько он, сколько количество и род пробоин определили катастрофическое положение корабля. Лишившись управления рулем, мы медленно идем вглубь бухты. Крейсер всё больше садится кормой и ложится на правый бок. Приходилось с левой стороны открывать кингстоны для выравнивания крена. «Новик» смертельно ранен. «Новик» погибает, не сложив оружия, а заставив сильнейшего себя противника отступить. Уже недалеко от берега «Новик» опустился на дно. Команда сошла на берег. На следующий день появился крейсер «Титозе» и еще выпустил по останкам «Новика» несколько снарядов.

Капитан 2-го ранга

С. П. Бурачек

НА «БАНКЕ» МИННОГО ЗАГРАЖДЕНИЯ

Пятый месяц осаждалась Порт-артурская крепость.

Неприятель, неся крупные потери, постоянно возмещал их новыми и большими силами, подвозил всё более крупную и дальнобойную артиллерию. На установление связи с нашей армией надежды уже не было.

В начале войны флот потерял, при гибели броненосца «Петропавловск», своего блестящего начальника адмирала Макарова, а затем в бою, при попытке соединиться с Владивостокским крейсерским отрядом, и его заместителя — адмирала Витгефта.

Сильно поврежденные стояли на внутреннем рейде линейные корабли, вернувшиеся в Артур. Лишь двум крейсерам и одному броненосцу удалось после боя прорваться в нейтральные порты, где они были вынуждены разоружиться.

Совет флагманов и командиров не находил возможным для уцелевших кораблей предпринять новую попытку прорваться во Владивосток. Японский флот продолжал блокировать крепость с моря и принимать всевозможные меры, чтобы не дать нашим мелким быстроходным судам прорывать блокаду.

Перекидным огнем своей дальнобойной артиллерии ему удавалось иногда обстреливать внутренний рейд, нанося повреждения линейным кораблям, поджигая угольные и масляные склады и мешая миноносцам принимать боевые и угольные запасы.

Для усиления обороны артиллерия с наших линейных кораблей свозилась на береговые позиции, и из личного состава формировались батальоны, под командою морских офицеров.

Настроение осажденного гарнизона, несмотря на то,

что всё более стягивающееся кольцо неприятельских сил представляло роковую угрозу, было сравнительно бодрое. Но на многих защитников крепости пережитое тяжелое время наложило свою печать, однако, бесчисленные примеры проявления исключительной доблести, самоотвержения и исполнения долга, во время отражения штурмов, — восстанавливали дух одних, а других вызывали на новые подвиги, всегда дорого стоившие неприятелю.

К этому периоду от нашего флота осталась боеспособной лишь часть минной дивизии, но с крайне утомленным личным составом.

В день последнего выхода нашей эскадры, который, как упоминалось, закончился боем, я был назначен командиром одного из миноносцев. На мою долю выпало идти с тралом в головной паре, впереди эскадры, пока последняя выходила в открытое море, и получить первое боевое крещение в бою с мелкими неприятельскими крейсерами.

Морское начальство старалось использовать до конца боеспособные миноносцы. Мы постоянно высылались в море, где вступали в перестрелки и бои с блокировавшими выход из крепости неприятельскими мелкими судами. В разгар боя неприятель обыкновенно получал поддержку в виде крейсеров, с помощью которых старался отрезать нас от нашей базы. Под покровом ночи наши миноносцы ставили мины на путях крейсерства неприятеля, а днем готовились к ночным походам. Во время наступления неприятельских войск вдоль берега, во фланг береговым батареям, миноносцы высылались для обстреливания наступающих частей.

Мне пришлось принять участие при таком обстреле в бухте Тахо. Обстреляв из орудий и пулеметов неприятельские войска и подбив одно их полевое орудие, я неожиданно попал под огонь искусно скрытой полевой батареи. Чтобы выйти из-под огня, пришлось дать полный ход, и при этом миноносец совершенно случайно миновал две неприятельские мины заграждения. Обстрел оказался успешным, но мой миноносец сильно пострадал — в носовой части была пробоина, носовое орудие сбито

и много раненых и убитых. Но хорошо было и то, что удалось избежать мин. Мелко поставленные мины при отливе находились около одного фута под поверхностью, и в прозрачной воде были ясно видны, но лишь в расстоянии двух-трех футов. Такие две мины и были тогда внезапно замечены командой, и я услышал крики: «мина — по правому», «мина — по левому борту». В этот момент я как раз был занят управлением миноносца, чтобы избегать накрытий неприятельской артиллерии, и эти крики страшно усложнили мою задачу.

На память об этом бое у меня сохранилась золотая монета: вечером, когда мы вернулись в гавань, ко мне обратился один из матросов с просьбой обменять золотую пятирублевку. Он мне доложил, что во время боя одним из осколков разорвавшегося в миноносце снаряда, был пробит его чемодан и срезана часть этой монеты. Он боялся, что после этого она потеряет полную свою ценность, а потому и просил дать другую. Я с удовольствием это сделал и, вернувшись в Россию, приделал к монете колечко и выгравировал дату боя. По настоящее время она служит украшением браслета жены, напоминая ей перенесенные тревоги.

Совместные переживания тяжелых испытаний всегда особенно сближают людей, поэтому за время осады мы, офицеры, сблизились со своими командами и у нас установились чисто братские отношения.

Однажды ко мне на миноносец явился вновь назначенный матрос, взамен отправленного в госпиталь. На мой вопрос, имеет ли он заявить какую-нибудь претензию, в смысле недополученного обмундирования или денежного оклада, он доложил следующее:

В самом начале войны он состоял на крейсере «Боярин», взорвавшемся на mine заграждения. Срочный своз команды на конвоировавший крейсер миноносец лишил его возможности спасти свои вещи, а затем они были возмещены ему лишь частично.

Вторично он потерял свои вещи, находясь на миноносце «Стерегущий», который погиб в бою, при этом матрос был поднят из воды; конечно, у него всё погибло, кроме того, что было на нем. В третий раз он поте-

рял всё при гибели броненосца «Петропавловск», когда его опять подобрали из воды. В его деловитом и простом докладе не было и оттенка рисовки или жалобы, казалось, что он находил естественным всё им пережитое. Теперь он лишь имел желание быть назначенным офицерским вестовым. Свою просьбу он объяснил желанием постоянно находиться в кормовой части миноносца, т. к. опыт привел его к заключению, что, взрываясь на mine, корабли получают пробоину в носовой части. Записав всё то, что ему следовало из вещей дополнить, я постарался внушить ему надежду, что у меня на миноносце ему уже не придется пережить четвертую катастрофу. Увы, бедняге пришлось пережить еще худшее: хотя он и был снова спасен, но на этот раз был тяжело ранен.

Вследствие участвовавших внезапных обстрелов внутреннего рейда и гавани, миноносцы и там не могли найти покоя. Неприятель, получая со своих наблюдательных постов точные сведения о месте, где стоят миноносцы, немедленно открывал огонь и быстро пристреливался, поэтому нам то и дело приходилось менять стоянку. Несмотря на свежие ветра и сильную волну, мы часто были вынуждены по ночам отстаиваться на наших маленьких якорях на наружном рейде или швартоваться к выбросившимся на берег японским транспортам, которыми в свое время японцы пытались загородить выход из гавани. С наступлением более длинных ночей, участились и наши ночные походы.

Стоял октябрь. Этот месяц для меня был роковым, в течение его мне всегда выпадало переживать нечто особенно серьезное и неприятное. Между прочим, это вполне совпадало с тем, что было предсказано мне в первые годы службы.

В ночь с 30 на 31 октября предстоял опять поход нашего дивизиона в составе восьми миноносцев. Перед походом утром один из моих офицеров в шутку сказал: — «вот видите, ваш несчастливый месяц прошел вполне благополучно». Но я перебил его: «а какое сегодня число?» — Он ответил: «Тридцатое». — «Значит, остается

еще тридцать первое, а русская пословица говорит — не говори скок, пока не перескочишь».

Однако, поход прошел вполне благополучно и дивизион подходил к месту якорной стоянки на наружном рейде. Казалось, на этот раз действительно октябрь закончится благополучно.

После еще одной бессонной ночи, мы все предвкушали радость хорошего отдыха, совершенно не думая, что самое неприятное нас ждет впереди.

Внезапно раздался хорошо знакомый, роковой звук. Совсем близко от нас поднялся огромный столб огня и воды и как бы ожог нас. К своему ужасу мы увидели, что взорвался на мине «Стройный». Она взорвалась под его серединой и он буквально переломился пополам и стал быстро погружаться. Рейд огласился криками погибавших. Мы бросились спасать уцелевших. В первую голову раненых, а большинство оставшихся невредимыми сами доплыли к нам.

Прошло не более трех минут, как не стало «Стройного», а шлюпки миноносцев уже возвращались, спасши всех, кто был на воде.

Всё это время, как меня, так очевидно и других командиров сверлила мысль: «Случайная это мина, или мы на целом минном заграждении?»

На моем миноносце нашли спасение: легко раненый командир «Стройного», тяжело раненый лейт. Я., мичман А., инженер-механик Н. и десять матросов.

Командир «Стройного», входя на палубу пошутил: «Спасибо за помощь». Я всегда говорил ему: «Кому быть повешенным, тот не потонет». Взглянув на него, я невольно подумал: какой молодчина, и в такие минуты всё такой же выдержанный, спокойный и шутник. За командиром внесли тяжело раненого лейтенанта Я. Уложив его на одну из коек в кают-компании, мы стали пытаться своими неопытными руками его перевязывать и оказывать первую помощь теми средствами, которые имелись в нашей маленькой аптечке.

Среди спасенных был инженер-механик Н. За день до похода мне случайно пришлось услышать его разговор. Он, вернувшись вечером с берега, говорил, что пред-

чувствует скорую смерть и оттого закончил все расчеты с берегом. Мне не нравились такие разговоры среди офицеров, так как это было падение духа, а офицер, павший духом, бесполезен и даже вреден на службе и особенно на миноносцах, постоянно подвергающихся большому риску. Поэтому, прервав его, я посоветовал не делиться с другими такими предчувствиями, а лучше стараться найти себе замену и перейти на службу на берег. Увидав его теперь между легко ранеными, я напомнил ему его разговор и указал на ошибочность его предчувствия.

Когда перевязки были закончены, я объявил, что постараюсь срочно доставить всех раненых на госпитальное судно «Монголия», чтобы передать их в руки опытного хирурга. Но, увы, не суждено мне было это выполнить. Смерть безжалостно продолжала протягивать свои цепкие руки к тем, кто только что избежал ее.

Я вместе с офицерами и командиром «Стройного» вышел на палубу. Последний, прихрамывая и опираясь на мое плечо, дошел до машинного кожуха и расположился там, а я поднялся на командный мостик.

Заработали машины и дивизион медленно пошел в гавань. Новый взрыв. На этот раз под моим миноносцем, под кают-компанией и находящимся под ней бомбовым погребом. Меня сбило с ног. Ошеломленный ударом, я почувствовал сильную боль в голове, ломоту во всем теле и резкую боль в боку.

Высоко взлетевшие и разрывавшиеся над миноносцем снаряды дождем железных осколков осыпали палубу. Вопли и крики раненых на палубе и в воде снова огласил рейд.

Собравшись с силами я сбежал с мостика. К тонущим полетели спасательные пояса, круги и койки. На всех миноносцах стали снова спешно спускать шлюпки и принимались все меры к спасению людей. Миноносец потерял устойчивость и накренился. Почти оторванная кормовая часть его с орудием продержалась несколько минут на воде, перевернулась и исчезла.

Добравшись до места взрыва, я увидел ужасную картину: Мичман А. и инженер-механик Н. были бук-

вально растерзаны на части. Всюду среди развороченного помещения оказались части их тел. На койке, которая уцелела, продолжал лежать, как нам казалось, мертвый лейт. Я.

Механик доложил, что переборка машинного отделения полностью уцелела и через нее проникала вода лишь через подшипники оторванных гребных валов. Однако, помпы успевали выкачивать просачивающуюся воду и, таким образом, часть миноносца, приблизительно на две трети корпуса, осталась на плаву и не угрожала затонуть. Мы стали грузить на шлюпки раненых, а затем и остальную команду, чтобы они скорее добрались до берега. Остальные миноносцы дивизиона благополучно сошли с минного заграждения и направились ко входу в гавань.

При входе одной из шлюпок с ранеными я услышал обращенный ко мне возглас командира «Стройного»: «Спасибо за гостеприимство». Он был вторично ранен у меня, и всё же не падал духом, и юмор его не покидал.

Как командиру корабля, мне не надлежало покидать его и в настоящем состоянии, а потому во время посадки людей на шлюпки я предложил желающим остаться со мной. Три офицера из четырех и семь нижних чинов заявили готовность вместе со мной разделить участь миноносца.

Снова взвился кормовой Андреевский флаг, но, за отсутствием кормы, на задней трубе. Мой корабль, как говорится, остался «без руля и без ветрил», в буквальном смысле, и ему оставалось плыть «по воле волн». Но это было бы еще полбеды, — но ведь плыть-то приходилось по минному заграждению, да еще без всяких спасательных средств. Признаюсь, я чувствовал себя весьма неуютно, более неуютно, чем когда-либо раньше. К тому же страшно усилилась боль — в голове и боку, начались головокружения и схватки в сердце. Это мало способствовало улучшению моего настроения.

Накренившийся миноносец, с оторванной кормой, исковерканной палубой, с развороченными и задранными вверх стальными листами, кое-где лужи крови и, наконец, два растерзанных и как бы прикованных

к корпусу корабля труп. Всё это представляло собою удручающую картину.

С трудом удавалось поддерживать пар в одном котле для работы машинной помпы. У уцелевшего носового орудия, под руководством бравого лейтенанта Т., приготавлился запас снарядов на случай появления неприятеля.

Время шло, и миноносец всё время несло ветром в море, так что мы уже могли считать себя вне минного заграждения.

Да, не удалось утомленным людям на береговых наблюдательных постах оберечь наружный рейд от неприятельской постановки мин. Береговые батареи были вынуждены соблюдать строгую экономию в расходе боевых ракет и пользовании прожекторами, поэтому рейд освещался только, когда замечалось что-либо подозрительное. Дорого обходилась эта вынужденная экономия нам, и на этот раз мы заплатили двумя миноносцами и жизнью многих людей. Каждый день осады неумолимо требовал своих жертв.

Стоя на палубе и опершись на боевую рубку, я обегал взором мрачный горизонт, над которым при свежем ветре неслись темные тучи в сторону неприятеля, будто желая сообщить ему о нас и вызвать за легкой добычей.

Не ошибались, в таком случае, тучи, забывая, что над миноносцем, хотя и подбитым, всё еще развевался Андреевский флаг.

Не осиротел еще корабль, не оскудели силы и сознание долга его готовых защитить его борцов. Если будет надо, они найдут в себе силы под грохот последнего орудия прославить свой флаг и исполнить свой последний долг, не сдадут миноносца врагу.

Только после двухчасового такого тяжелого состояния подошла к нам помощь из Порт-Артура и буксирный пароход притащил миноносец в гавань.

Из моей разрушенной каюты мне был передан уцелевший, но поврежденный осколком образец, сопутствовавший мне с первых лет моей службы, во всех моих плаваниях и странствованиях.

Когда всё благополучно закончилось, мои нервы больше не выдержали, и к вечеру, в почти бессознательном состоянии, я был доставлен на госпитальное судно «Монголия».

Теперь, вспоминая всё пережитое, я могу только преклониться перед той доблестью, которую проявил в эти трудные минуты экипаж миноносца, свято исполняя свой долг и помогая своему командиру в часы тяжелых испытаний.

*Контр-адмирал
Г. О. Гадд*

НОЧЬ НА 20 ДЕКАБРЯ

Кроме случайной осведомленности о ходе боевых действий в этот знаменательный день сдачи Порта-Артура, я знал также о состоянии здоровья гарнизона к этому дню и его численности. Эти мои сведения не были случайными. Мало того, они были собраны мною лично и по собственной инициативе.

В виду важности их для оценки боевой мощи гарнизона к последнему дню обороны, я расскажу, как и почему они были собраны мною. Это поможет понять происшедшее около форта III и укрепления III 19-го декабря 1904 года.

С ноября месяца цынга приняла характер опасной эпидемии. На I-м боевом участке сухопутного фронта крепости, начинавшемся от берега моря и Крестовых батарей, и оканчивавшемся фортом I, в течение 6 месяцев тесной осады находился один из перевязочных пунктов моего отряда.

Хотя почти никаких боевых действий на этом участке, кроме бомбардировок не было, за медицинской помощью на пункт в ноябре месяце стали приходить из окрестных батарей и окопов более 100 человек ежедневно. К концу месяца число это дошло до 160 и более. На 90% это были больные цынгой, среди которых было очень много тяжелых случаев.

Обеспокоенный этим фактом, особенно по причине нашей беспомощности в борьбе с этой болезнью (точных причин которой тогда мы не знали), я решил выяснить ее размеры, хотя бы на своем участке и произвести однодневную перепись всех больных, путем осмотра всего личного состава боевого участка.

При этом учитывались случаи с очевидными объек-

тивными признаками: кровоподтеки на теле, опухоли на лице, разрастания и опухоли на деснах, затвердение и анкилозы (опухания суставов — твердые и безболезненные на конечностях).

Перепись, произведенная 28 ноября, показала, что на участке состояло всего 1.200 человек, из коих больных цынгой было 21%.

Ввиду явного и быстрого разрастания эпидемии, перепись была повторена 12 декабря. Из 1.100 человек цынготных среди них было уже 40%.

Среди больных одна треть состояла из калек, которые по причине опухоли суставов совершенно не владели рукой, ногой и т. д. и требовали еще постоянного ухода за собою¹. Команда за эти две недели на этом участке не переменилась, поэтому статистика была точна. Если же учесть, что гарнизон участка, уменьшившийся на 100 человек (8% за счет ушедших в околотки и госпитали), то процент больных в строю на этом участке был не 40%, а больше.

Питание на всех боевых участках крепости было одинаково. Поэтому можно думать, что во всей крепости к 12 декабря в строю на линии обороны находилось также 40% больных, не годных к бою или мало активных.

Если цынга за две недели удвоилась, то это была опасная эпидемия, и ко дню сдачи крепости, в ночь на 20 декабря, процент больных в строю, вероятно, равен был половине наличного состава. Цынга съела Артур!

Официально в последний день в строю на линии

¹ Все эти данные в моем рапорте были мною доложены генералу Стесселю через флагманского доктора эскадры А. А. Бунге и дошли до него своевременно. В этом же рапорте я рекомендовал властям использовать полным рационом муку, которую недели за две до падения крепости доставил прорвавший японскую блокаду английский коммерческий пароход под мистическим именем «Кинг Артур». Я наивно полагал, что достаточно бороться с голодом, чтобы побороть цыngu. Из-за бомбардировок, корректируемых с Высокой Горы, пароход не успели полностью разгрузить.

Эти данные о переписи были мною напечатаны в журнале «Морской врач», вошли в официальную историю войны комиссии генерала Гурко и помещены в томе, составленном полковником А. В. Шварцем, позднее генерал-лейтенантом, профессором и начальником Военно-инженерной Академии.

обороны в 25 верст состояло около 25.000 человек (пехоты, артиллерии, сапер и моряков), а фактически бойцов было лишь половина этого числа. Если же учесть эту грозную действительность, нам легче будет понять всё то, чему я был свидетелем у штаба генерала Горбатовского 19-го декабря и в ночь на 20-ое, и то, что я видел в городе на утро.

Недостаточность боевого элемента стала очевидной уже в середине ноября, в критические дни штурма Высокой Горы. Недостаток резервов был так трагичен, что генерал Стессель особым опубликованным приказом потребовал спешного формирования особых рот из частей госпитальной прислуги. В эти дни сами госпитали были переполнены и ранеными и больными. Смертность в них была очень велика.

Эти госпитальные роты из нестроевых наполовину полегли на Высокой Горе в штыковом бою.

Одной из таких рот добровольно командовал военный врач Прусс. Другой ротой моряков из десанта командовал в бою морской врач Рейнвальд.

Кроме того, призвано было и ополчение, которого, однако, за незначительностью русского населения в этом крае, в самом Артуре оказалось что-то только полтора-ста человек. Во главе их упражнялся в стрельбе председатель местного русского Красного Креста Иван Петрович Балашов. Никакого значения ополчение не имело.

В качестве командиров рот в штыковую атаку на Высокую Гору посылали нестроевых инженер-механиков флота. Тогда инженер-механики не имели даже чинов, а носили звание «младшего» и «старшего» инженер-механика. Солдаты механикам чести не отдавали, а матросы — только своего корабля. В форму одежды их совсем не входила морская сабля (которую в то время носили даже морские врачи), а только кортик.

Одной из таких рот по назначению начальства командовал и ныне здравствующий в Париже, тогда «младший инженер-механик», а теперь капитан I ранга В. П. Орлов-Диаборский.

С вечера получив приказ о назначении его командиром роты матросов, на утро Орлов повел ее на Высокую

Гору. Там в штыковом бою из роты в 262 человека было убито 60 и ранено 140. В числе убитых был и его единственный субалтерн морской прапорщик Сероштан из коммерческих моряков.

Сам Орлов пошел в атаку с палкой в руках, и только во время боя взял винтовку, лежавшую возле убитого матроса, и сам штыком убил японца.

Всё это Высокой Горы не спасло. После более чем недельного штурма она пала.

Сколько там погибло народу за этот десяток дней? Вспоминаю только моих знакомых и соплавателей: мичманов Соймонова и Алексеева, лейтенанта Лаврова...

С этого дня, кажется, это было 22 ноября 1904 года, Новый город стал обстреливаться с Высокой Горы прицельным ружейным огнем, а перекидная стрельба из осадных орудий по стоявшей на рейде эскадре стала корректироваться с этой же горы. Участь наших кораблей с этого дня была решена окончательно. Всё это произошло еще при жизни души обороны — генерала Р. И. Кондратенко.

Генерал Кондратенко оставался активным руководителем сухопутной обороны и после падения Высокой Горы. Он был убит 2-го декабря на форту II.

К этому печальному дню крепость Порт-Артур в своей боевой мощи сильно ослабела на обоих сухопутных фронтах, и на западном, и на восточном.

Если учесть к тому же очень быстрое развитие цынги в последний месяц, то станут понятными и события последнего дня обороны.

В ожидании ночных событий я решил прикурнуть и лег в носилки в одном из более спокойных магазинов, укрывшись шинелью.

Только я задремал, слышу: меня окликает прапорщик Савицкий, сын командира 14-го стрелкового полка, мой знакомый, наш частый гость. Он был в пальто и фуражке и, стоя у открытой двери, с волнением сказал мне:

— Доктор, доктор, сейчас послан парламентар с белым флагом! Я только приехал верхом из города. Там все говорят об этом! Послан прапорщик такой-то. Крепость сдается!

Я оторопел от этих слов, не понимая их смысла. Несмотря на всё описанное мною о последнем дне у штаба Горбатовского, могу сказать, что ни от кого, ни от самого генерала, ни от кого либо из его офицеров, врачей, матросов, солдат, санитаров или фельдшеров я не слышал ни одного слова о возможности сдачи крепости. И сам об этом не думал. Так не похоже было на это всё, что я видел в течение всей обороны Порт-Артура и в его самые критические часы. Все опасались взятия, разгрома, обхода, чего хотите, но не говорили о добровольной капитуляции.

После переполоха, открывшего нам глаза, мы почувствовали приближение конца и конца скорого. Мы ждали последней кровавой бани, но не этого. Генералы, солдаты, офицеры вели себя не так, как почему-то в последние часы повел себя генерал Стессель.

Это трудно понять.

Конец и бесцельность обороны выяснились не 19 декабря, а после отступления Куропаткина от Ляояна. Дальнейшая оборона имела только моральное значение. Артур был обречен давно, но для чего надо было испачкать эту легендарную защиту в последние часы перед собственной кончиной?

Ясно, как сейчас, помню, мне показалось в полумраке, что огромный железный занавес, как в театре, медленно опустился пред моими глазами и скрыл за собою этот странный и увлекательный год человеческого безумия. Я стал вспоминать далекий, далекий родной дом, свою любовь, близких и как-то в глубине моей души вспыхнули огоньки, угасшего, казалось, в этой кровавой каше моего прошлого и... будущего.

Когда я вышел на люди, все обсуждали это сенсационное известие. В штабе, видимо, не знали больше того, что привез из города Савицкий. Но хотя стрельба несколько не изменилась в своей интенсивности, с Курганной батареи телефонировали, что к японцам послан

парламентер; он прошел близко к ним по долине Лун-Хе, это был прапорщик такой-то и отправился он с белым флагом и горнистом. Потом подобные сообщения получены были и из других пунктов. Надо заметить, что уже месяц назад был подобный случай выхода парламентера. Но тогда инициатива шла от японцев, с нашей же стороны был только ответный жест. Тогда дело шло об уборке раненых. Поэтому, вероятно, это многих не удивило. Стрельба продолжалась попрежнему. Об истинной причине посылки мы узнали только благодаря прапорщику Савицкому. Но вскоре в штабе уже не скрывали о возможности сдачи крепости. Генерал Горбатовский сидел в пальто и фуражке, молчаливый и задумчивый.

Часов около 10 вечера я был в комнате штаба. Кроме самого генерала и меня, других офицеров и солдат не было. Вдруг телефонный звонок. Генерал говорит мне: «Подойдите к телефону, доктор». Я подошел. Командир Курганной батареи сообщал в штаб, что прапорщик такой-то отказался выполнить приказание. Он просит доложить об этом генералу.

Я передал его превосходительству.

— Вот видите, начинается развал, — мрачно устремив глаза в пустой угол комнаты, негромко сказал генерал.

Между тем стрельба, обычная в это время, на всем участке продолжалась. Офицеры же на Курганной видели парламентера, а может быть узнали о цели его миссии. Этого было достаточно, чтобы железный гарнизон сразу стал сдавать, даже в офицерской среде прославленной Курганной батарее.

Подобный развал был, очевидно, вполне естественным явлением. Каждый из нас в течение тех восьми часов, которые протекли от момента, когда мы узнали о посылке парламентера с белым флагом (это было около 6 час. вечера), до момента внезапного прекращения стрельбы с обеих сторон, в той или иной мере так же внутренне переродились. Не только всё прошлое в Артуре, но и всё еще текущее, связанное с войной и обороной, как-то поверхностно проходило уже мимо нашего вни-

мания и нашего интереса. Какие-то новые мысли и новые заботы охватывали нас всех. Я ясно помню это по себе. Но из коротких реплик и вопросов друг другу, ясно было, что все уже думами оторвались от боевых интересов и уносятся куда-то далеко, за десять тысяч верст на Родину.

Единственной тревогой в глубине души было только, какие условия предложат японцы, примут ли их наши? Или опять то же, и назад к крови, смерти, пушкам и злобе? Ах, не сорвалось бы!

Вскоре после полуночи в штабе стало известно, что соглашение состоялось. А ровно в 2 часа ночи стрельба вдруг с обеих стороны прекратилась. Мы выходили на площадку перед штабом и не верили своим ушам. Сначала даже страшно становилось. За шесть месяцев тесной осады мы так привыкли к непрекращающейся ни на минуту пушечной стрельбе и ни на одну секунду — ружейной, что нас пугала эта только что наступившая могильная тишина, которая несла нам жизнь.

Я вспоминаю, в средние месяцы осады мы иногда также удивлялись сравнительному боевому затишью и с офицерами Крестовых батарей, стоявших у самого моря на вершинах холмов, выходили проверить наши впечатления.

С батареи № 19 капитана Кичеева открывался вид почти на весь город, Старый и Новый порт, внутренний рейд, эскадру и на всю линию обороны с тыла. Мои студенты Лютинский и Подсосов, лейтенант Винк, капитаны Кириллов, Кичеев и я в ночной тишине старались поймать паузу, хотя бы в десять секунд. И не могли! Если было тихо невдалеке от нас, то на других отдаленных участках нашего фронта, либо в стороне Высокой Горы стрельба пушечная, пулеметная и залповая из ружей ни на минуту не прекращалась на линии обороны осажденного и блокированного Порт-Артура.

И теперь вдруг всё это замолкло.

Симфония смерти, горя и легендарной доблести кончилась.

Артур достоин своей Илиады.

Вскоре стали известны в штабе в главных чертах условия сдачи. Я получил от флагманского доктора эскадры А. А. Бунге распоряжение по телефону не отпускать свою команду матросов и фельдшеров на сборный пункт для пленных и явиться за инструкциями к санитарному инспектору морского управления при заместнике И. В. Ятребову утром, в 10 часов.

Обсудив со студентом Лютинским положение, решили вместе с ним тотчас ехать на наш второй перевязочный пункт, впереди Крестовой Горы, где оставалась вторая половина моего отряда и где хранилось наше казенное и личное имущество. Фельдшеру же Чаеву я поручил собрать все наши тележки для перевозки раненых, носилки и прочее имущество, проверить команду и тотчас же в течение ночи привести их тоже под Крестовые батареи².

Выяснилось, что по особому пункту капитуляции весь медицинский персонал остается в Порт-Артуре для ухода за нашими ранеными, переполнявшими госпиталя, полковые околотки и казармы. Все мы до их выздоровления или эвакуации японцами остаемся в распоряжении своего начальства, но под общим наблюдением японского санитарного корпуса армии ген. Ноги. Всем офицерам оставлено холодное оружие.

² По уходе гарнизона в плен, в госпиталях, околотках и просто в казармах японцами обнаружено было 18.000 больных и раненых.

Число убитых и умерших точно неизвестно.

По сведениям Главного военно-медицинского управления (заведомо неполным и неточным, так как они были составлены на основании письменных документов, дошедших из Артура до Петербурга, — а что там творилось в последние дни?) в Порт-Артуре погибло (убито и умерло от ран и болезней) сухопутных чинов около 12.000 человек.

Морские команды потеряли: на суше при защите крепости 1.500 человек, в морских боях у Порт-Артура и на кораблях при бомбардировках 1.200 человек; число умерших от болезней — неизвестно. Всех умерших в морских командах было свыше 3.000 человек. Общие потери сухопутных и морских чинов в Артуре, по официальным данным, составили свыше 15.000. По другим же данным, число потерь в Артуре убитыми и умершими около 20.000. Первоначальная численность всего личного состава армии и флота около 50.000 чел. Следовательно, приблизительно каждый третий из гарнизона положил жизнь свою в Артуре.

Мы вызвали из нашего резерва пароконного извозчика для перевозки раненых, попрощались с военными врачами и офицерами штаба и сели с Лютинским в экипаж, приказав нас везти.

Было тихо. Всё кругом подозрительно молчало. Подмораживало. Подходило к 3 часам ночи, ночи темной.

Где-то вдали иногда слышались отдельные выстрелы из винтовок.

На батарее у капитана Кичеева уже были в сборе офицеры окрестных батарей, обычно посещавшие его гостеприимный «дом». Собрались штабс-капитан Кириллов с 20-го номера, кап. 2 р. Скорупо, который командовал здесь сектором морских батарей (зять адмирала Старка), мичман фон Бок (георгиевский кавалер и впоследствии зять премьера Столыпина) и лейтенант Винк, командир китайской большой пушки.

Солдаты, любившие своего командира Кичеева, были очень ласковы с ним, сожалели, что расходятся навсегда. За одно были очень предупредительны и со всеми нами, особенно вестовые.

Всех удивил Скорупо. Фома Романович самым тщательным образом упаковывал в бетонном каземате свои чемоданы. На каждом наклеил на английском языке свой Петербургский адрес и записку японскому начальнику с просьбой переслать его личные вещи по его адресу. Мы смеялись и над его аккуратностью и над его надеждами.

— Ну, теперь опять начнете есть мясо, не боясь, что поднесут вам конину за говядину, или ослятину за телятину, — шутили мы все.

Со Скорупой во время обедов у Кичеева произошел следующий случай, всех нас долго смешивший, а его до крайности опечаливший.

Повар Кичеева всех нас три раза в неделю кормил маленькими кусочками конины, либо мулятины, а то и ослятины. Скорупе же (приказано было Кичеевым) вестовые говорили, что это говядина или телятина. Он верил этому и ел. Но как-то он зашел в кухню и увидел ногу лошади, да еще с подковой. Страшно был обижен и больше мяса не ел, хотя его вообще давали очень мало, даже конского.

Ни печали, ни радости не было среди нас в эти минуты, а какая-то нежная грусть. Невольно обращаясь к прошлому, быстро и отрывочно все мы вспоминали и особо грустное, и особо смешное, чему были свидетелями и участниками на Крестовой Горе и на ее четырех батареях.

Из всех углов крепости, где мне пришлось бывать и работать за время осады, наиболее близким мне был этот уголок. Люди ли здесь были лучше и приятнее, или сама жизнь здесь была больше по сердцу, но о Крестовой Горе и моем пункте под нею я вспоминаю до сих пор, как о милом этого тяжелого 1904 года.

С нами здесь еще до середины ноября был скромный юноша, «брюнет могучий», мичман Алексеев. Когда дела на Высокой Горе пошли хуже, вдруг по телефону его вызвали в экипаж, а на утро мы узнали, что его уже нет в живых. Ночью его послали на Высокую с ротой матросов, и в ту же ночь он был убит в штыковом бою.

Высокая была далеко от Крестовой Горы, на противоположном конце крепости, но очень хорошо была видна нам в бинокль, даже простым глазом. Взирая отсюда в ее сторону, даже во тьме, в последний раз, могли ли мы не вспомнить наших приятелей, еще так недавно сидевших здесь с нами за общим столом!

Приближалось утро, нужно было спешить к своему отряду.

Мы обнялись с Кичеевым, пожали руки остальным и пошли обратно к себе вниз. У нас все спали. Фельдшер Чаев с командой и обозом прибыл из-под Орлиного Гнезда. Было получено распоряжение по телефону: всем воинским командам оставить всё оружие на месте и возвратиться в город в свои казармы, кажется, с 8 час. утра.

Студент Подсосов был уже откомандирован обратно на госпитальное судно «Монголия». Я остался с одним помощником Лютинским. Оружия у нас, кроме моей сабли, не было, а казенное имущество нам могло еще пригодиться. Мы отправились в барак 7-й роты Квантунского флотского экипажа, который занимал теперь

мой отряд, чтобы проверить, не забыли ли чего-нибудь нужного.

Мы решили немного вздремнуть до утра и, направляясь в свой блиндаж, вышли опять в нашу милую долинку, на которой столько раз на нас охотились 25-пудовыми снарядами «джапы», а мы так ловко изворачивались, убегая от них за скалы, что уцелели и... еще будем жить, а может быть... и не тужить.

В долинке была тишина, темнота могилы и безлюдье пустыни. Только за оврагом через мостик одиноко стоял, чуть заметный во мгле, давно уже пустовавший небольшой деревянный барак командира 7-й роты Квантунского флотского экипажа, поручика Тапсашара.

Мы направились к домику и остановились на мостике. Ни Тапсашара, ни его роты уже не было. Они погибли в ночь с 15 на 16-ое октября впереди форта № 3 во время вылазки, выбив японцев из трех рядов окопов, и тем спасли форт, на который 17 октября, сутки спустя, неприятель обрушился всей силой во время генерального штурма крепости.

Не вышло у него! И форт уцелел! И штурм был отбит!

Свежая рота Тапсашара из морского резерва с такой силой ринулась на врага, что из 160 человек при первом же, поразившем даже генерала Ноги и самого микадо, натиске, был убит впереди роты ее командир и 60 матросов. Оставшаяся на руках унтер-офицеров рота в течение всего дня удерживала занятые окопы и ночью на 17-ое передала их смене.

За сутки рота потеряла убитыми и ранеными весь состав. Уцелели невредимыми только не бывшие в бою 2 матроса (артельщик и повар) и солдат — вестовой командира роты. За отсутствием состава и резервов для восстановления, 7-ая рота Квантунского флотского экипажа была приказом по экипажу расформирована.

Лично я помню о поручике Тапсашаре следующее. Познакомился я с ним случайно в апреле 1904 года. Я сидел в канцелярии нашего Квантунского флотского экипажа у казначея Клафтона и от скуки стал рассматривать раздаточную ведомость на жалованье офицерам.

Вижу странную фамилию — Тапсашар. Я никогда не слышал такой фамилии у крымских караимов и не заметил бы ее, если бы сразу не обратил внимания на ее перевод: «Тапса́-аша́р, что по-тюркски значит: если найдет, то съест», Есть даже у нас такая поговорка: тапсашар, тапса-басар. Мне сразу пришла мысль, не караим ли, и я спросил у Клафтона:

— Кто этот офицер?

— А к нам назначенный 5-го Восточно-Сибирского полка, инструктор для новобранцев.

— Передайте ему, что я хотел бы видеть его, — попросил я казначея. Узнав мою фамилию, хорошо известную у крымских караимов, Тапсашар скоро со мною познакомился. Нам обоим казалось тогда, что мы единственные караимы в Порт-Артуре, и, как ни странно, оба оказались во флоте и в одной части. Позднее судьба нас сблизила.

Когда началась тесная осада, 1-й морской санитарный отряд, которым я командовал, состоя в дивизии ген. Кондратенко, после отступления с Зеленых гор, был назначен на 1-й боевой участок крепости впереди Крестовой батареи, у самого морского берега. Там же стояли бараки 7-й роты Квантунского экипажа, которой командовал поручик Тапсашар. Окопы на линии обороны, которые он занимал, были на склоне небольшого холма, который разделял нас.

До октября японцы не штурмовали этого участка крепости, а ограничивались лишь бомбардировками из крупных орудий. Жизнь была тихая, я и мои помощники, студенты 5-го курса Военно-медицинской Академии Лютинский и Подсосов, перезнакомились и подружились со всеми офицерами окрестных рот и батарей, особенно же с поручиком Тапсашаром, самым близким нашим соседом. В большой дружбе были с ним мои студенты: были партнерами в карты — любили этот спорт.

Лютинский, фотограф-любитель, много раз снимал 7-ую роту и ее командира и оставил видимые следы тех страдных дней нашей молодости. Фотографии эти напечатаны в «Правде о Порт-Артуре». Скромные лица этих юношей, матросов и солдат, облики их молодых началь-

ников, офицеров, когда-то наших друзей и приятелей, воскрешают в моей памяти далекое прошлое, теперь мною излагаемое.

В начале октября рота Тапсашара из спокойной позиции в окопах впереди Крестовых батарей была переведена в резерв штаба генерала Горбатовского и расположена за Владимирской Горкой, в ею же устроенных временных блиндажах, покрытых рельсами.

Половина моего отряда через несколько дней тоже была переведена к штабу генерала Горбатовского.

Тапсашар пригласил меня к себе в блиндаж на обед. Шел обстрел этого места шрапнелью, которая барабанила часто по рельсовой крыше нашего блиндажика, настолько низкого, что в нем было свободно только сидеть. Ходить же можно было только согнувшись.

Денщик угостил нас из ротного котла, и мы стали пить турецкое кофе. Поручик Тапсашар подробно рассказывал мне, что сегодня на рассвете сам генерал Горбатовский водил его по укреплениям, чтобы показать, что он должен завтра, чуть начнет светать, сделать со своей ротой.

Японцы очень близко подвели к краю нашего форта свои окопы и крытые ходы. Нет сомнения, что в ближайший штурм, к которому они явно готовятся, их удар будет направлен на это важное место, которому грозит опасность. Нужно очистить ближайшие к форту окопы от неприятеля.

В течение двух предшествовавших ночей генерал уже посылал 9-ую и 8-ую роты Квантунского экипажа для той же цели, но, несмотря на значительные потери, они успеха не добились. Это были роты штабс-капитана по адмиралтейству Матусевича (9-ая) и поручика-стрелка Минята (8-ая). Тапсашар подробно объяснил мне, что надо сделать, чтобы добиться успеха, и в чем была ошибка его предшественников. В это время опять сильно забарабанила шрапнель по крыше нашего блиндажа. Я подумал: если здесь так барабнит, то лучше злоупотребить гостеприимством и выпить еще кофе, чем вылезть наружу. Что же будет завтра на рассвете, когда 7-ая рота нашего экипажа (я также числился в Кван-

тунском экипаже) пойдет выполнять задание Горбатовского?

Барабанная дробь шрапнели прервала профессиональную ажитацию офицера-инструктора. Его оживление как-то завяло, он задумался на минуту, потом растегнул борт сюртука и стал шарить в боковом кармане.

— Вчера ночью я много проиграл в карты. Не везло. У меня осталось только триста рублей. Если вы благополучно вернетесь домой, передайте их моей матери... Они мне больше не нужны, — на минуту задумавшись прибавил Тапсашар и вручил мне три сотенные бумажки.

В эту ночь на перевязочном пункте, что в сарае у штаба Горбатовского, я был ночным дежурным врачом. Было относительно тихо, и около полуночи я задремал на нарах, конечно, не раздеваясь. Там никто не раздевался неделями. Около 4 часов утра я был разбужен внезапной страшной стрельбой нашей артиллерии с ближайших фортов и залпами неприятеля.

— Ну, думаю, седьмая рота пошла в атаку. Через полчаса стали прибывать раненые. Было темно. Всё это были раненые окрестных частей и укреплений, втянутых в общий план наступленья.

Вскоре по одиночке стали появляться и матросы 7-й роты. Кто-то в толпе, скопившейся в темноте у дверей сарая, крикнул:

— Ротного убило! Ротного убило!

У меня екнуло сердце, — не Тапсашара ли? В этот момент я перевязывал тяжело раненого татарина-стрелка, унтер-офицера 7-й роты, мне хорошо знакомого еще из-под Крестовых гор. Он был ранен осколком снаряда в череп. Ему снесло часть черепной кости, и твердая мозговая оболочка была обнажена совершенно и резко пульсировала, заливаясь кровью.

Этот большого роста молодец, сам на ногах пришел на перевязочный пункт. Он шатался из стороны в сторону и мычал от боли, слегка покачивая залитой кровью головой.

Видя невозможность помочь несчастному, я стал накладывать ему готовую повязку, усадив на нары. Чтобы как-нибудь отвлечь его от ужасной боли и непоправи-

мого горя, заговорил с ним по-татарски. Реплики не последовало. Он побледнел и свалился на нары.

Раненые всё приходили, и их приносили десятками из окрестных частей и нашей 7-й роты. Подошли и другие врачи, но мы едва успевали отправлять одних, как приносили новых.

На утро, когда взошло солнце, с окрестных батарей и укреплений увидели следующую картину. Далеко вниз под фортом № 3 лежал в серой шинели и черной папахе поручик Тапсашар. Он держал в правой вытянутой руке обнаженную шашку, направленную острием в сторону неприятеля. Вокруг него венком лежало около 60 трупов матросов, юношей последнего призыва, которых он инструктировал сам и сам же повел их в первый и последний славный бой.

Картину эту с фортов наблюдали почти без изменений несколько дней и после отбития октябрьского штурма. Но потом, одной ночью, тело поручика Тапсашара исчезло. Матросы же, павшие около него, оставались попрежнему на месте брани.

В ноябре на линии обороны впереди штаба генерала Горбатовского состоялось перемирие на несколько часов для уборки раненых. Наши офицеры заметили, что японцы тщательно ищут среди трупов кого-то. После вопросов оказалось, что они ищут тело какого-то большого самурая. Поиски японцев были тщетны; тогда они объяснили, что тот, кого они ищут, руководил дневным штурмом Курганной батареи, предпринятым недавно ими. Командир Курганной объяснил, что все трупы японцев, проникших на его батарею, были похоронены в общей могиле за батареей. Присутствовавший же на церемонии перемирия начальник этого боевого участка поручик Карамышев рассказал японцам, что снял с убитого на батарее офицера особенную саблю и приказал принести ее.

Когда японские парламентарии увидели саблю, на которой были какие-то надписи, все стали низко, в пояс, ей кланяться, и, шипя, втягивать в себя воздух (знак особого почтения).

Тронутый этой сценой Карамышев великодушно

возвратил японцам снятую им с убитого самурая саблю. Тело же этого самурая, опознанное ими по этой сабле, как выяснилось из разговоров участников атаки, было зарыто в братскую могилу около Курганной, вместе со всеми сопровождавшими его храбрецами.

Атака эта была особенной. Японцы внезапно, среди бела дня, ворвались бешеным натиском на Курганную. Русские в этот момент обедали. Обедавшие, «чуть не с ложками» (выражение очевидца) бросились в штыки и перекололи всех. Старший из японцев, полковник генерального штаба, на хорошем русском языке сказал командиру Курганной, подарившему японцам саблю самурая, что по окончании войны, если он сделает честь японцам посетить их страну, двери всех японских домов будут перед ним гостеприимно открыты.

Недавно скончавшийся в Париже полковник Яфимович (георгиевский кавалер и бывший полицеймейстер императорского Александринского театра) состоял (тогда еще подпоручиком) в составе гарнизона Курганной. Он присутствовал при процедуре перемирия и был свидетелем почестей, возданных японцами сабле самурая.

Когда перемирие окончилось, вновь началась стрельба с обеих сторон. Взаимокалечение и взаимное убийство случайных, неведомых жертв с обеих сторон, без прерыва тянувшееся уже шесть месяцев, вошло опять в норму.

Главный штурм в ноябре японская армия совершала на западном фронте, на гору Высокую, поэтому на восточном возможны были нежности, вроде уборки раненых.

На следующий день после перемирия в тот же час и в том же месте, как накануне, опять из японского окопа неожиданно показался белый флаг и заиграл горнист. Вскоре то же сделано было и с нашей стороны.

Когда стихла стрельба на участке и парламентареры встретились, японцы вручили русским в подарок несколько корзин с яствами и напитками. После этого вдвали из японского окопа вышло несколько японских солдат. Они подняли на плечи какой-то ящик и поднесли его к месту встречи парламентареров. Японцы объяснили русским,

что это тело русского офицера, выбившего два батальона японцев из окопов под самым гласисом форта в середине октября. Об этом подвиге русского было донесено микадо. В воздаяние за саблю самурая, им возвращенную, они теперь возвращают тело этого храбреца.

...После запросов и переговоров, мы с Лютинским в темноте снесли труп Тапсашара в овраг, где стояла телега, уложили на доски, прикрыли рогожей. Возница дернул вожжи, вскоре выехали на шоссе. Лютинский вернулся на пункт, я же решил проводить покойника до поворотной скалы. Ни души кругом не было видно. Стояла темная ночь.

Не прекращающаяся ни на минуту стрельба из орудий и ружей с обеих сторон была последним ночным салютом в честь покойника-храбреца, нашего друга.

Минут через пять, в полной тьме я остановился и произнес традиционное у караимов: «Аллах, рахмет эт-сын!» Господь да помилует! — и повернул назад.

Через сутки я сменился и к 8 час. утра подъезжал к Морскому госпиталю на своем коне-иноходце. Дорога уже обстреливалась неприятелем шрапнелью. Вижу, мне навстречу со стороны Ляотешанского шоссе идет небольшая команда 12-й роты Квантунского экипажа, во главе которой шел ее командир, старый уже, капитан-стрелок Змеицын с длинной седеющей бородой.

— А мы уже похоронили Марка Федотыча. Ввиду обстрела шоссе, мне приказано было сегодняшнюю партию похоронить с 6 час. утра.

— Карандашом мы написали его имя на доске, которую воткнули над его могилой.

Я повернул коня и поехал назад на форт № 3. Уже после падения крепости, при японцах, мне удалось поехать верхом на Ляотешанское кладбище; в течение трех часов я искал в пустынном поле, усеянном могилами, могилу Тапсашара и не нашел. Все надписи, сделанные химическим карандашом, были смыты. Ни одной живой души я вокруг нигде не видел. Приближался заход солнца, после которого русским офицерам и солдатам запрещалось ходить и ездить по улицам. Я возвратился в город.

...Возвратясь уже в Петербург, я читал, что бывший командир одного из стрелковых полков в Артуре, флигель-адъютант полковник Семенов, будучи в плену, узнал от японцев о подвиге поручика Тапсашара и что шашка его, по повелению императора Японии, помещена в военный музей в Токио. Кроме того, микадо повелел, по окончании войны, уведомить русского императора о доблестном подвиге его офицера. Эти сведения флигель-адъютант Семенов сообщил в печати того времени.

УМЕРШИЙ ФОРТ

Порт-Артур бился в предсмертных судорогах. Пало уже несколько фортов. Два форта, как два брата, стояли на скалах, выдвинувшись вперед, и бились на смерть.

Их коменданты без пышных фраз решили умереть у своих орудий.

Один форт запирает теснину, которая вела к крепостной ограде, другой обстреливал скаты гор впереди и подступы левее.

Японцам нужно было непременно взять один из фортов, тогда и другой погибал.

И вот, началась канонада. Рев стоял от рвущихся снарядов на правом форту.

Закоптевшие в дыму артиллеристы устали выносить соратников, стрелки молча ждали смертельного рукопашного боя, саперы едва успевали чинить повреждения, но форт гремел в ответ грозно, он огрызнулся, как раненый тигр, смертельная сталь визжала и гудела в ответ и била в окопы по скатам гор, где зарылись злые и цепкие, как обезьяны, маленькие желтые люди.

Прошел день, другой и третий. Ясно было, что ураган снарядов подготовлял отчаянный и беспощадный штурм.

На четвертый день тише гремел ответный гул орудий, казалось, форт начинал умирать. После полудня огонь совсем ослабел, но еще ожесточеннее рвались неприятельские снаряды.

На пятый день только редкие одиночные выстрелы

раздавались с форта, и ветерок печально относил в сторону редкие дымки.

Видно было, что форт смертельно ранен и истекает кровью, но гарнизон его был странно спокоен. Загадочная улыбка бродила по лицам солдат и офицеров, как будто они знали какую-то тайну, о которой вслух говорить нельзя.

Даже на лицах раненых, которых уносили на перевязку, сквозь сдерживаемые муки просвечивала эта загадочная улыбка, как бы говорящая: «стреляйте... громите нас, потом, потом... вы кое-что узнаете...»

Огонь японцев дошел до апогея безумия, в гуле их орудий и разрывах снарядов слышалось дикое завывание степной вьюги в одиноком кладбище.

В полдень шестого дня форт грустно замолк, ни одного выстрела не сделали его орудия до вечера.

Форт умер...

Под вечер бравый комендант обходил батареи... Он тихо говорил только одно:

— Сегодня, братцы, непременно...

Пулеметчикам сказал:

— Помни, не горячиться.

Стрелков предупредил:

— Ни пули без команды.

И все понимали, о чем идет речь, и улыбались прежней улыбкой. Коменданту соседнего форта был послан с офицером пакет:

«Всё налажено, как условлено, — писалось там, — прошу раньше одиннадцати не светить, раньше не дойдут... Наш прожектор две ночи притворяется мертвым. Длинных промежутков света не надо. Как бы случайно, ощупывайте теснину. Как заметите тревожные размахи снизу вверх, тогда зажжем и наш... Как откроем огонь, непрерывный свет в теснину».

Ночь наступила. Сгущался мрак в теснине, кругом было зловеще тихо. В этой тишине назревало что-то страшное.

На форту была тоже тишина, все уже заняли свои места.

Ждали.

У одного орудия был раненый в голову наводчик, у пулемета сидел с забинтованной ногой другой, оба пришли, — один к своему орудию, другой — к пулемету, и офицеры не в силах были отказать им.

Заложили секреты, куда вызывались самые лихие стрелки.

Десять часов.

Сердца бьются. Впереди темнота. Ветер гудит в теснине.

Холодно. Медленно, медленно тянется время.

Офицеры стоят группой и тихо говорят между собою. Все стараются говорить не о том, о чем думают, а думают одно: неужели не придут?.. Скоро одиннадцать.

Тихо, тихо заскользил луч прожектора с левого форта по дальним горам. Скользнет и исчезнет.

— «Не рано ли? — думает комендант, — не испортили бы...» И офицеры и солдаты боятся того же и напряженно следят за дальними лучами прожектора.

— Не спугнули бы, — шепчет кто-то из солдат.

Из секрета к коменданту спешно пробежал ефрейтор. На вопросительные лица солдат он и глазом не повел, прямо к коменданту.

— Шум внизу слышать, ваше высокоблагородие, — шепотом доложил он, — сильно ветром доносит... должно идут...

По лицу коменданта пробежала тревога.

«Эх, как они ползают прожектором, опоздают... испортят всё, — заволновался он, — не зажечь ли свой?..»

Но в это время на левом форту как бы прочитали мысли коменданта. Тихо скользнул луч прожектора в теснину и ярко осветил ее. Секунда, две три... и снап света тревожно прыгнул снизу вверх. Момент наступил.

— По местам! — коротко и твердо приказал комендант. Группа офицеров бросилась в разные стороны.

— Наш прожектор!

Через несколько секунд вспыхнул второй яркий снап света над ущельем. Японские батальоны почти сплошной массой запрудили дно теснины и скаты гор. Голова ко-

лонны, как голова черного сказочного змея, шевелилась в версте от форта.

— Огонь! — приказал комендант.

Форт взвизгнул, как дикое чудовище, и вспыхнул огнем. Вихрь снарядов и пуль, стальной самум ринулся в долину. Черная масса заколыхалась, страшно заметалась от неожиданности.

Стоны, крики команды, визг и хрипение... Смерть грозная, близкая, беспощадная... Форт рычал и гоготал жерлами орудий.

Всё кончено было в десять минут... Тысячи вражьих тел лежали грудями на серых камнях... И предсмертный бред и проклятия хрипло гасли в теснине.

Так ожил умерший форт.

*Полковник
В. И. Сейфуллин*

СДАЧА ПОРТ-АРТУРА

На правом фланге крепости, где я командовал батареей, 19-го декабря было полное затишье. Бои, и весьма грозные, шли в центре у Орлиного Гнезда. Воспользовавшись спокойствием, я отправился по делам в Штаб генерала Стесселя. Войдя в обширную комнату, переполненную писарями и телефонистами и массою телефонных аппаратов (на каждое укрепление была проведена своя особая линия), я увидел генерала Фока, переходящего от одного телефона к другому и передающего распоряжение генерала Стесселя о прекращении огня и о выезде парламентаря прапорщика Малченко на позицию с предложением сдачи крепости. Я был, конечно, поражен этим известием, тем более, что до прихода в Штаб, я слышал среди офицеров, стоявших около Штаба, разговоры, что два дня тому назад был у Стесселя военный совет, на котором было решено, в случае вступления неприятеля в город, отойти к Ляотешаню и продолжать борьбу с этой горы, быстро укрепив ее.

Когда ген. Фок обошел все телефоны, я подошел к нему и выразил мое удивление по поводу столь неожиданного распоряжения, на что он мне сказал, что другого выхода нет, потому что ряд укреплений, перешедших к японцам за несколько последних часов, доказывает, что войска настолько переутомлены, что к сопротивлению более не способны. К этому он прибавил: «А вы знаете, что было сделано японцами с китайцами, когда они вторглись в тот же Артур во время японо-китайской войны?..» Нам было всем хорошо известно, что японцы, вторгшись в Артур, перерезали всех китайцев до последнего, мы к этому были приготовлены и ни-

кто из нас за всю осаду не рассчитывал на возможность остаться в живых.

Когда я вышел из Штаба и, проходя через собравшихся перед Штабом офицеров, рассказал мой разговор с генералом, все, я полагаю, переживали то же самое — радость воскресения! Вспомнились в мгновение все близкие, родные, о которых, мы, распрощавшись с надеждой выжить, месяцами уже не вспоминали. Но это продолжалось минуты, а затем явилось горькое чувство досады и стыда. Казалось — лучше смерть, чем позор сдачи.

Установившаяся тишина как-то особенно отражалась на нервах. Мы настолько привыкли к постоянному гулу стрельбы, не отделявшему даже отдельных выстрелов, что от наступившей тишины становилось жутко. В 9 часов вечера начались непрерывные взрывы. Особенно сильны были они в порту. Это взрывали мы наши оставшиеся полузатопленные корабли и портовые сооружения. На фортах и укреплениях взрывали орудия. В 7 часов утра взрывы прекратились.

В эту же ночь миноносец «Статный», под командой барона Коссинского, нагруженный полковыми знаменами и другими святынями полков, как и секретными делами штабов вышел в Чифу и, удачно прорвавшись, сдал с рассветом 20 декабря весь свой ценный груз нашему консулу.

На утро были назначены переговоры об условиях сдачи крепости. Первое, что потребовали японцы: прекратить всякие взрывы и убой лошадей на мясо, а для питания гарнизона крепости были пригнаны волы. Условия сдачи были почетные: оставлялось офицерам оружие и предлагалось им, под честное слово, больше не воевать, возвратиться на Родину, а желающим разделить участь команды, разрешалось идти в плен.

Японские войска в крепость не входили, лишь на третий день стали появляться в Порт-Артуре японские офицеры. Помню, я завтракал в этот день в Морском собрании. Во время завтрака вошла в столовую группа

японских офицеров из семи человек. Они начали обходить стол и здороваться с каждым из нас, а мы, молча подав руку, оставляли наш завтрак и выходили из собрания. С этой минуты мы считали для себя собрание закрытым.

Отправка пленных началась 21 декабря. Шла она весьма медленно. Нас собрали за город и отправляли эшелонами. Только первый день нас оставили без питания. Японцы объяснили это тем, что на сборный пункт явилось больше пленных, чем было показано во время переговоров. Со второго дня выдавались каждому консервы и даже по полбутылки виски, последнее на третий день они прекратили выдавать.

Я шел с последним эшелонам и пока видна была Золотая Гора в Артуре, на ней развевался Андреевский флаг. Японцы показали себя очень тактичными и заменили его своим флагом только тогда, когда последний эшелон скрылся из виду, как рассказывали потом оставшиеся в Артуре доктора и сестры милосердия, задержавшиеся с ранеными в крепости. Это был со стороны неприятеля рыцарский поступок, так же, как и вхождение их войск лишь после выхода последнего эшелона пленных.

До одной из станций железной дороги между Порт-Артуром и г. Дальним нас вели восемь дней. Проходили в день две, три версты. Затем ставились палатки, разводился в середине палатки костер, дым которого выходил из большого отверстия в крыше и мы, согреваясь около костра, проводили время в палатках до следующего утра, когда отправлялись в дальнейший поход. Температура стояла всё это время, по ночам, —20 гр. по Реомюру. Придя на станцию, я был поражен выносливостью японцев. Очевидно за недостатком помещений, весь дебаркадер станции был занят ранеными японскими солдатами, которые лежали один около другого, прямо под открытым небом. И это в такой мороз! Погрузив в товарные вагоны без отопления, нас в тот же вечер привезли в Дальний, где поместили в недостроенной гим-

назии. Спали мы на полу, даже без соломы. Помещения были настолько набиты офицерами, что ложиться мы должны были все одновременно, иначе, из-за тесноты, нельзя было бы добраться до своего места. Через несколько дней нас на пароходах отправили в Японию и наши мытарства окончились.

*Капитан 1 ранга
Б. И. Бок*

КРЕПОСТЬ СДАНА

1904 год кончался. Одиннадцать месяцев держался Порт-Артур. Из них девять в полной отрезанности от какой-либо помощи извне. С падением после отчаянных штурмов японцами 22-го и 23-го ноября Высокой Горы, вызвавшим слова Кондратенко — «это начало конца», участь стоявших во внутренних бассейнах кораблей была решена. Один за другим, поражаемые огнем 11-дюймовых гаубиц, корректируемого с этой доминирующей вершины, опускались на дно, не защищенные слабыми броневыми палубами от навесного огня стальные гиганты. Только «Севастополь», под командой Эссена, попытался спастись от него перейдя в открытую с моря бухту Белого Волка, где, вместе с канонерской лодкой «Отважный» (флаг начальника Минной обороны контр-адмирала Лощинского) и миноносцем «Сторожевой» прикрылся противоминными сетями.

Японцы, обнаружив его выход, немедленно начали ряд ночных минных атак. Как сейчас встает перед моим взором картина первой из них. Это был подлинный ночной смотр японской минной флотилии. Один за другим, идя в кильватерной колонне, дефилировали в лучах прожекторов батареи Белого Волка силуэты миноносцев, накрываемые взрывами наших снарядов. Невзирая на свой и неприятельский огонь, «Сторожевой» под командой лейт. А. И. Непенина бросился в контратаку на, видимо, подбитый миноносец, и взорвал его миной. Японские мины одна за другой ударялись в сети и в берег. Некоторые взрывались о камни, другие были найдены утром на песчаном пляже. Одна из них уперлась в сеть, заведенную между форштевнем «Отважного» и бочкой в нескольких футах от борта лодки и слышно было как щелкали ее ножницы для разрезания сетей, словно зубы какого-то морского чудовища. Тщетно я и несколько

матросов пытались оттолкнуть ее от сети шестом. Но, наконец, запас сжатого воздуха в ней весь вышел и она, как пойманная рыба, повисла на сети, откуда ее отбуксировала к берегу спущенная с корабля шлюпка. Атака была безрезультатна, но невольно приводила в восторг своей смелостью.

На следующий день штаб Минной обороны был перенесен на берег и размещен в штабе командира порта контр-адмирала Григоровича, расположенном в одном из домов на Дачных Местах. Поэтому я не видел уже дальнейших японских атак на эти корабли, как говорили еще более упорных, но так же безрезультатных.

Но участь «Севастополя» был всё же решена. Два, смело пробравшиеся в мертвом углу прожекторов под берегом, японских миноносца, нанесли ему, хотя и небольшую сравнительно, но подводную пробоину, лишившую его всякой возможности к попытке прорваться в море. Впрочем, японцы, повидимому, не сразу поняли это и последовало еще несколько атак с моря, прежде чем они выяснили его положение.

В штабе работы стало мало и потому я большую часть времени проводил в Минном городке, где уже около двух месяцев переделывалась на моторный двигатель подводная лодка Джевецкого.

Еще прибывший в Порт-Артур с адмиралом Макаровым полковник Меллер заинтересовался этим крохотным курьезным суденышком, стоявшим заброшенным в порту. Лодка имела ножной педальный двигатель, у нее не было ни перископа, ни минного вооружения, и потому на нее никто внимания не обращал. Не знаю даже, как и когда она в Порт-Артур попала. Но ее корпус, величинной с катер, ее рулевые приспособления и устойчивость в полуподводном положении были недурны. За отъездом Меллера о ней снова забыли.

Но мысль о постройке подводной лодки своими средствами не заглохла. При тесной блокаде японским флотом наличие хотя бы одной подлодки могло сыграть большую роль, хотя бы лишь в виде угрозы блокирующим судам.

И вот, поощряемые начальником Минной обороны и при полном содействии начальника эскадры контр-адмирала Р. Н. Вирена и командира порта, за дело принялись два инженера: Найденов и Тихобаев. Первый, пользуясь мастерскими Невского завода, ранее собиравшими на Тигровом Хвосте миноносцы типа «Сокол», построив стальной цилиндр с коническими носом и кормой, рубкой с люком и двумя внутренними цилиндрическими танками затопления для погружения, на этом работы прекратил. Назначенный командующим этой лодкой адъютант командира порта мичман Б. А. Вилькицкий, разочарованный в строителе, вскоре от командования ею отказался. Да и усиленные бомбардировки Тигрового Хвоста остановили работы.

Корабельный инженер Тихобаев, для содействия которому адм. Лощинский назначил в должности командующего лодкой меня (с оставлением в штабе), задумал переделать на моторный двигатель готовый корпус лодки Джевецкого. По моему ходатайству командующий эскадрой отдал нам для этой цели мотор со своего катера. Лодку разделили на два непроницаемых отсека: передний — управления, в котором помещались командир и машинист, задний — машинный. По бортам лодки установили две минные решетки для десяти футовых мин с катеров «Победа» и «Пересвета». Изготовили самодельный перископ из зеркал. Работы велись в Минном городке, где были кое-какие мастерские и который редко подвергался бомбардировкам. Но при первом же пробном плавании в Западном бассейне обнаружилось проникновение отработанных газов в отсек управления, вследствие чего и я, и машинист угорели и лодка пошла ко дну. Однако, благодаря распорядительности Тихобаева, сопровождавшего лодку на катере (сам он из-за своего большого роста и грузной фигуры поместиться в ней не мог), всё обошлось благополучно. Пришлось конструировать особую помпочку для удаления воздуха из машинного отделения, что взяло немало времени. Тем временем японцы повели ежедневный обстрел Минного городка, корректируя огонь с Высокой Горы, и лодке грозила

гибель. Поэтому мы перевели ее на Внешний рейд, где, под Золотой Горой, в бухточке, образованной двумя выкинувшимися на берег японскими брандерами, было достаточно тихо. А на одном из брандеров (том самом, на котором погиб герой японских попыток заградить вход в гавань Токива́ Хирозэ) мы оборудовали мастерскую и жилое помещение. При бурном море можно было даже поднимать на таях как саму лодку, так и данный нам катер.

В штабе работы было мало и потому я иногда целые дни проводил на этом брандере, на который можно было пройти по тропинке между скалами. Там иногда и ночевал. Так было и 18-го и 19-го декабря. К вечеру этого дня работы были закончены и, так как за темнотой возвращаться в штаб было небезопасно, я решил заночевать на брандере.

Всю ночь на внутренних рейдах слышались непрерывные взрывы и из-за Золотой Горы виднелось зарево больших пожаров.

— Ишь как япошки озверели, — заметил мой минно-машинный боцманмат, механик лодки, — всю ночь бомбардируют. Никогда еще такого не бывало. Я тоже недоумевал, что такое творится там, но скоро спокойно уснул. Едва рассвело, когда я пошел в штаб, чтобы спросить разрешения адмирала выйти на рейд на пробу лодки. Подходя к дому штаба, я увидел Лощинского, идущего медленной тяжелой походкой мне навстречу.

— Где вы пропадали? — мрачно кинул он мне вопрос.

— Работал на лодке. Работы закончены. Разрешите сегодня выйти на пробу, — отрапортовал я.

— Какая там проба, — горько вздохнул он. — Крепость сдана. Сдал-таки ее Стессель. Разве вы не слышали, как вчера взрывали наши суда, не видели пожары в порту? Идите скорее назад и потопите вашу лодку, пока японцы ее не забрали.

Как обухом по голове ударили меня эти слова: крепость сдана. Да, из слов адмиралов Григоровича и Лощинского я знал давно, что Стессель намеревался сдать Порт-Артур уже тогда, когда выяснилось, что флот,

как боевая сила, перестал существовать. Но на военном совете большинство генералов и все адмиралы категорически высказались против. Знал я, что наши начальники ему не доверяют. И самому мне пришлось доставлять ночью из порта на стоявший на внешнем рейде «Отважный» журналиста Ножина, которого с секретным донесением в Петербург отправлял на миноносце в Чифу Лощинский по поручению коменданта крепости генерала Смирнова и наших адмиралов. Содержание этого донесения мне не было известно, но я понял, что оно было направлено против Стесселя, так как мне было сказано, что последний ищет Ножина, чтобы его арестовать, что он будет скрываться у пристани, и когда катер подойдет к ней, я должен принять его и немедленно отвалить на «Отважный». До позднего вечера оставался Ножин в кают-компании, когда подошедший миноносец взял его и ушел в море.

И всё же у меня почему-то была уверенность, что взять на себя единолично такое роковое решение, как сдача крепости, Стессель никогда не решится. Что падение крепости, взятие ее штурмом возможно, и даже, может быть, близко — это было очевидно. Но сдача? Самая мысль о ней казалась чудовищной и невозможной.

А я-то еще строил планы, как миноносец выведет меня с лодкой на пути блокирующей эскадры и как на рассвете я выпущу обе мины в один из японских кораблей. Не в миноносец, как сделал с минного катера мичман Димитриев, а по крайней мере в крейсер. Теперь же я должен ее потопить сам, как раз тогда, когда она почти готова к действию.

Бегом бросился я назад на брандер. Объявив команде о сдаче крепости, взял лодку на буксир катера, отвел на глубину и лишь когда она, захлебнувшись через открытый люк и пуская пузыри воздуха, пошла на дно, окончательно понял всю грандиозность постигшей весь флот катастрофы.

— Что же, ваше благородие, — вдруг прервал общее тяжелое молчание мой машинист — теперь, значит, нас всех казнить будут?

— Кто будет казнить? — не понял я.

— Да ежели не японцы, так свои, — убежденно ответил он. — Крепость-то сдали.

Какая простая и ясная мысль. Крепость сдали — значит следует казнить всех до единого. Иначе и быть не может. Все виноваты, что не исполнили свой долг до конца.

Как мог и как сам понимал, разъяснил я команде, что за сдачу крепости отвечать будет начальство. Мы же исполняем только его приказ и потому нас судить не за что. Говорил, а по их глазам видел, что, хоть и полегчало немного у них на душе, а всё же до совести их не доходят мои рассуждения. Да и у самого-то ощущение позора сдачи было так сильно, что, казалось, всё пропало и жить больше не к чему.

Вернулись к брандеру, затопили катер — не доставайся и ты японцам — распрощался с командой, обняв и расцеловав каждого и приказав им идти в Квантунский экипаж, уныло побрел в штаб.

Там уже кончали жечь секретные документы. Я вынул из своего письменного стола хранившийся у меня большой пакет. В нем были выписки из вахтенных журналов и рапорты командиров всех кораблей о бое 28 июля у Шаньдуня, которые, по моей мысли, были собраны штабом на случай, если бы какой-нибудь из них, а с ним и все его документы погиб. Теперь, когда, наверное все вахтенные журналы и документы на кораблях уничтожены, этот пакет казался мне большой исторической ценностью. И мне стало жаль его уничтожать.

Не говоря никому ни слова, приделал я к нему тесемки и спрятал у себя на груди. Так он и пошел со мною в плен, а оттуда вывез его я через год в Россию и сдал в Главный Морской Штаб. А там равнодушно его у меня взяли, не сказав спасибо и даже не просмотрев содержимого. Надеюсь только, что в архив он всё-таки попал. Адмирал и флаг-капитан Н. Г. Львов с другими высшими чинами флота проследовали в Дальний отдельно. Я же с прочими морскими офицерами в назначенный час явился на сборный пункт в Квантунском экипаже для пешего похода туда же. Какое-то количество ручного багажа было разрешено взять с собою, но у меня, кроме двух

смен белья, ничего не было. Большая часть моих вещей ушла на «Диане», где я их оставил еще при переводе моем с крейсера на миноносец «Боевой», другая погибла на «Выносливом». Шел я поэтому в бурковом бушлате и таких же сапогах, сшитых для службы на миноносцах. Сабли, которые были сохранены за офицерами по условию сдачи крепости, у меня не было, и я надел лишь кортик с Анненским крестиком — моей первой боевой наградой. Шли мы свободно вольной группой. Лишь один японский офицер с несколькими солдатами и переводчиком служили нам скорее в качестве вожатых, чем караулом. Колонну замыкали несколько японских повозок с багажом. При выходе из Нового города гарнизон Порт-Артура сдавал свои винтовки и вид этого расстреленного и уже ни к чему негодного оружия, находящегося под охраной японских часовых, больно резанул по сердцу.

Переход в 37 миль до Дальнего был сделан нами в два дневных перехода. На полпути для нас был устроен лагерь из полевых палаток, поставленных на открытом поле. Пронзительный ветер свободно продувал под их незакрепленные полы и они не давали никакого укрытия от стужи. Поэтому все мы предпочли сидеть у импровизированных жаровень, сделанных из галонных банок от выданных нам войсковых галет, ужиная японскими консервами.

Приближалась полночь. Кажется, никто из нас не вспомнил, что это был канун Нового года по ст. стилю.

Вдруг из темноты ночи раздался шум подъезжающих повозок и вышедший в свет костров с фонарем японский переводчик на ломаном русском языке спросил: «Где здесь русские морские офицеры?» Мы откликнулись. «Японские морские офицеры поздравляют русских морских офицеров с их Новым годом и прислали им подарки», низко кланяясь, торжественно объявил он.

Удивленные мы обступили повозки. Обе они были наполнены небольшими бутылочками. Виски, коньяк, всевозможные европейские крепкие напитки быстро разошлись по рукам. Кто-то из старших передал через доставившего их переводчика нашу благодарность за внимание и подарки и повозки скрылись в темноте.

Вино согревало прозябшие тела, но еще теплее стало в наших сердцах. Другьями, подумавшими о нас, оказались те самые враги, с которыми не на жизнь, а на смерть только что боролись мы весь прошедший год.

К вечеру второго дня мы пришли в Дальний, где соединились с ранее пришедшими туда группами. На дверях бывшей русской гимназии висела курьезная вывеска: «Квартира для плена». Голы были очищенные от всякой мебели помещения школы. Отопление не действовало. Но были хибачи (жаровни) с углями, были мясные консервы, а главное было укрытие от пронизывавшего два дня до костей ветра, и потому было даже уютно.

И так мы в плену. Об этом наглядно говорят расставленные у всех входов и выходов часовые. Выход из дома запрещен, за исключением, как по особому вызову японского начальства.

Среди нас идут споры, что нам дальше делать. Одни, ссылаясь на пример такого доблестного командира корабля как Н. О. Эссен, считают, что нам следует воспользоваться разрешением Государя и вернуться в Россию под честным словом не принимать дальнейшего участия в войне. Занимая тыловые должности, этим самым освободим других для боевой службы. Другие, признавая, что старшим начальникам необходимо вернуться для доклада о Порт-Артуре, отказываются от дачи слова потому, что этого права лишены нижние чины, которые должны идти в плен в Японию, и наш долг разделить с ними их участь. Во главе второй группы командир «Паллады», всеми уважаемый кап. I ранга Сарнавский. Японцы усердно уговаривают всех офицеров ехать домой. Но это еще более укрепляет многих в отказе дать слово. Ясно: японцам каждый солдат сейчас дорог для действий против наших армий в Маньчжурии и мы для них неприятная обуза.

С группой моих друзей я решаю слова не давать. Пусть везут в Японию, пусть наши команды знают, что мы их не бросили, пусть японцы держат для нас караулы.

Перед погрузкой на пароход японцы просят нас сдать им всё оружие. Мы протестуем. Ведь по условиям

сдачи оно за нами сохранено и это подтверждено самим императором. Но японцы настойчивы. Оружие они не отбирают. Они только просят сдать его им «на хранение». Его нам вернут потом. Протестуем, но покоряемся. Назвался груздем — полезай в кузов. Мы ведь пленные и обязаны подчиняться распоряжениям японских властей. Лучше сдать добровольно «на хранение», чем допустить отображение его силой, причем неизбежны будут эксцессы.

Небольшой коммерческий пароход забирает нашу группу человек в десять офицеров и около 100-150 матросов. Уходим из Дальнего вечером. Для офицеров отведена кают-компания, команда размещена в трюмах. Во главе нашей группы Сарнавский, которому отведена особая каюта.

Хотя у всех люков, на мостике и у входов в кают-компанию часовые, но нам не мешают свободно выходить на палубу. Пароход идет с открытыми огнями. То-и-дело навстречу попадают какие-то суда, обменивающиеся с нашим пароходом световыми сигналами. Всё как в мирное время. Желтое море перестало быть полем военных действий. Японцы в нем полные хозяева. Им нечего стесняться.

К полночи засвежело. Армейский караул, видимо, сильно страдал от качки. Некоторые солдаты поминутно сходили со своих постов отдать дань морю.

В темноте ко мне подходят два наши унтер-офицера. Один из них боцманмат с «Боевого», старый соплаватель.

— Ваше благородие — шопотом говорит он мне. — Япошей дюже укачало. Что ежели бы нам на них броситься? На мостик и в машину. Голыми руками взять можно. Машинисты у нас есть. Уйдем куда-нибудь.

Я задумываюсь минуту. Наше место точно неизвестно, но мы должны быть где-то недалеко от Шаньдуня. Действительно, уйти в Циндао быть может возможно.

— Подождите здесь, — отвечаю. — Надо доложить капитану I-го ранга Сарнавскому. Он здесь старший. Если разрешит — сговоримся, как это устроить.

Но Сарнавский категорически против.

— Не могу согласиться, — расхолаживает он меня. — Прежде всего мы пошли в плен добровольно, чтобы разделить участь наших команд. Моей команды здесь нет. Затем не забудьте, что это будет бунт военнопленных. Если он не удастся — всем грозит расстрел. А шансов мало. Караул, вы говорите укачало. Но весь ли? Команду парохода конечно — нет. А она тоже, может быть, вооружена, а уж офицеры на мостике — наверно. Их внезапно не захватить. И они, конечно, дадут сигнал другим судам и уйти в Циндао нам не удастся. И, наконец, если бы и удалось, каков будет результат? Ну, нас интернируют. В войне мы всё равно участия принять не сможем. А как тяжело это отразится на участи остальных военнопленных. Объясните команде всё это и успокойте их.

Сарнавский обладал умом юридическим и логичным мышлением.

Впоследствии его познания в международном праве и, в частности, знакомство с протоколами Гаагской конвенции принесли не только офицерам, сидевшим в Матсу Яма, но и нижним чинам в военном госпитале, большую пользу. Смело указывая японцам на всякое нарушение Гаагской конвенции, он много способствовал улучшению их быта. Японцы питали большое уважение к его эрудиции.

Кроме того, молодость горяча и безрассудна, а старость мудра. А выше всего была дисциплина. Хотя Сарнавский и не являлся здесь прямым начальником, всё же его решению подчинились беспрекословно.

Пароход мирно продолжал свой путь, увозя нас на целый год в Японию.

Но вспоминая порой об этом маленьком инциденте, нет-нет и теперь еще кольнет в сердце старая заноза. Не был ли тот молодой задор лучше холодной старческой мудрости? И не выпала ли из истории борьбы на Желтом море еще одна крошечная, может быть ненужная и неразумная, а всё же живописная картинка?

*Контр-адмирал
Б. И. Дудоров*

П Р И Л О Ж Е Н И Е I

К ИСТОРИИ МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ В ПОРТСМУТЕ В 1905 ГОДУ

Пишу, стараясь вспомнить, что происходило 50 лет назад. В то время я был начальником Морской канцелярии главнокомандующего сухопутными и морскими силами, действовавшими против Японии. Фактически я был начальником Морского Штаба Главнокомандующего, но, так как чин у меня был мал, только капитана 2-го ранга, то и наименовали это учреждение вместо Морского штаба, — Морской канцелярией главнокомандующего, но подчинен я был непосредственно Главнокомандующему генералу Линевичу, а не начальнику его штаба. Состав чинов Морской канцелярии был не велик, кроме меня, был еще мичман В. Д. Яковлев, спасшийся с «Петропавловска», и два писаря с пишущими машинками, а со мною морской шифр; единственный шифр, не попавший в руки японцев в Мукденском бою, когда японцы захватили обоз Главнокомандующего и его Штаба. Оригинально, что тогда здесь же японцы захватили и журнал военных действий, вплоть до Мукденского боя, веденный весьма обстоятельно еще по приказанию Главнокомандующего генерала Куропаткина. Подобная находка, конечно, весьма облегчила японцам составление истории войны. Генерал Линевич, по симпатии к флоту, зачислил В. Д. Яковлева в число адъютантов Главнокомандующего, что не усложнило работу мичмана Яковлева по Морской канцелярии, но дало ему основание надеть аксельбанты.

Во второй половине июня 1905 года генерал Линевич зовет меня и показывает телеграмму, им полученную от управляющего морским министерством адмирала Авелана, приблизительно такого содержания:

«Государь император одобрил выбор министром иностранных дел, графом Ламсдорф, капитана 2-го ранга Русина морским делегатом на мирную конференцию с Японией в Америке. Считаете ли возможным отпустить капитана 2-го ранга Русина от себя из Ставки?»

На это я сейчас же сказал:

«Разрешите, ваше высокопревосходительство мне остаться здесь и не ехать в Америку; мира всё равно не заключат, а ехать туда и опять возвращаться сюда не к чему».

Ген. Линеви́ч горячо возразил:

«Что вы, что вы! Как же можно! Государь император одобрил избрание вас, а вы не поедете. Нет, поезжайте непременно и возможно скорее. Изберите себе временного заместителя, а потом из Америки вернетесь сюда на свою должность».

Спешно был вызван из Владивостока временно заменить меня кап. 2 ранга Л. Ф. Кербер (впоследствии назвавшийся Корвиным), а из Петербурга кап. 2 ранга К. В. Стеценко; я же 25 июня ст. ст. выехал из Маньчжурии по Сибирской железной дороге в Петербург и далее в Америку.

Первым уполномоченным был С. Ю. Витте, а вторым наш посол в Америке барон Р. Р. Розен, бывший перед тем два года посланником в Японии, когда я там был морским агентом.

Через 9 дней я прибыл из Маньчжурии в Петербург, где уже не застал С. Ю. Витте, т. к. за неделю до моего приезда он выехал с прочими членами конференции в Америку.

Ген. Линеви́ч не уполномочил меня говорить что-либо от его имени. Правда, перед моим отъездом из Ставки ген. Линеви́ч вел со мною продолжительные беседы, но всё-таки это были только частные разговоры. Поэтому, когда я представлялся Государю, то мог высказать только свой личный взгляд, который формулировался в трех следующих пунктах:

1. Армия на мир не рассчитывает.
2. Настроение в армии бодрое.
3. Пополнение, которое следовало из России в Мань-

чжурию, и которое я встречал по пути, ехало на войну с легким сердцем, с песнями, весело. Это мне напомнило 1870 год, когда я ехал из Варшавы в Петербург и встречал поезда с немецкими запасными чинами (ландвером), жившими в России и ехавшими в Германию, на войну, с шумным весельем и песнями.

При последней моей фразе Государь улыбнулся и сказал: «Ну, это вряд ли вы особенно хорошо помните». Я возразил, что мне шел тогда уже девятый год.

Пробыв два дня в Петербурге, я спешно выехал через Бремен в Америку. В Нью-Йорке меня встретил наш морской агент в Америке кап. 2 ранга А. Г. Бутаков (убитый в 1917 году в Кронштадте) и сообщил, что мне надо ехать в Портсмут, где в гостинице, предоставленной американским правительством для русских и японских членов конференции, уже собрались все члены конференции, вернувшиеся из Вашингтона, куда ездили представляться президенту Соединенных Штатов, Теодору Рузвельту. Приехал я в Портсмут вечером, накануне первого дня заседаний конференции. Едва я успел переодеться в смокинг, чтобы представиться С. Ю. Витте и нашему послу в Америке барону Р. Р. Розену, как ко мне в комнату пришел сам барон Р. Р. Розен узнать о нашей армии в Маньчжурии. Я повторил то, что докладывал на своем представлении Государю. Барон Розен встал, обнял меня и сказал: «Ну, слава Богу, хоть вы не в панике и не желаете «мира во что бы то ни стало, какую угодно ценой!»

Сторонником мира во что бы то ни стало был полковник Генерального штаба Самойлов, бывший перед самой войной нашим военным агентом в Токио, одновременно со мной. Он состоял вместе с ген. Ермоловым (нашим военным агентом в Лондоне) представителем на конференции военного министерства, но приехал не из действующей армии, не из Маньчжурии, как я, а из Петербурга, т. к. генерал Куропаткин, будучи Главнокомандующим, удалил его из ставки за его панические настроения.

Сам С. Ю. Витте склонялся скорее, повидимому, ко взглядам полк. Самойлова, а не к моим. В тот же вечер

моего приезда в Портсмут он собрал у себя всех членов нашей делегации и просил меня высказаться о нашем военном положении в Маньчжурии и вероятном его развитии в будущем. Я сообщил свой взгляд, основываясь на упомянутых моих трех пунктах. Когда я кончил, С. Ю. Витте сказал: «Всё это очень интересно, но за вашими словами нет авторитета, подтверждения от Главнокомандующего. Это только ваше личное мнение, а не мнение Главнокомандующего, на котором мы могли бы базироваться в наших прениях с японцами».

В дальнейшей нашей жизни в Портсмуте, в течение хода переговоров с японцами, С. Ю. Витте, заметно для меня, ближе держался к Самойлову, чем ко мне, приглашая его иногда на интимную прогулку с собою, а меня ни разу.

Тем не менее, не могу не высказать создавшееся у меня впечатление, что С. Ю. держал себя и вел всё дело переговоров о мире удивительно талантливо: вряд ли кто-либо другой мог бы на его месте лучше провести переговоры о мире. Когда мы прибыли в Америку, то общественное американское мнение и пресса были всецело на стороне японцев, превознося их и защищая их интересы. Поэтому, быть может, боясь потерять свое привилегированное положение, японцы просили, при начале переговоров, не сообщать прессе никаких сведений о ходе переговоров. Изолироваться же совсем от прессы нельзя было, в особенности в такой стране, как Соединенные Штаты. Поэтому С. Ю. Витте избрал для сношения с прессою двух талантливых членов нашей делегации: Константина Дмитриевича Набокова и Ивана Яковлевича Коростовец, бывшего в Порт-Артуре чиновником по дипломатической части при заместителе адмирала Алексееве. Они оба, ничего существенного не сообщая прессе, и не противореча желаниям японцев, тем не менее своим обходительным обращением склоняли симпатии в нашу сторону. Кроме того, летом Портсмут становится купальным курортом и туда стекается масса американок и американцев, переполнивших нашу и прочие гостиницы. Мы, русские делегаты, с ними встречались, равно как встречались в частном порядке и с разными

корреспондентами; не чуждались окружавшей и осаждавшей нас публики и, повидимому, своею общительностью привлекали симпатии на нашу сторону, тогда как японцы избегали сношений с внешним миром.

Во время хода переговоров японцы постепенно понижали тон и уменьшали свои требования. Но, не без давления из Петербурга, откуда дважды приходило телеграфное повеление прекратить переговоры и возвращаться в Россию, а мне в Маньчжурию. Дважды мы укладывали чемоданы и прощались с нашими американскими знакомыми.

Когда же мир был, наконец, заключен и подписан уполномоченными обеих сторон, то он далеко не удовлетворил японцев: условия мира были вывешены утром, в нижнем зале гостиницы. Перед нами стоял и читал их мой японский коллега, капитан I ранга. Когда он обернулся и увидел меня, мы поздоровались. Я поздравил с заключением мира. Он ничего не ответил. Лицо его было всё перекошено от злобы и негодования. Президент Соединенных Штатов Теодор Рузвельт послал поздравительные телеграммы нашему Государю императору и императору Японии. Меня оскорбил текст телеграммы, посланной в Японию, где была фраза (приблизительно): «восхищаюсь великодушием вашего величества, согласившегося на такие условия мира». Конечно, это не великодушные, а необходимость заставила пойти на такие условия.

Предшественник полковника Самойлова на посту военного агента в Японии, полковник Генерального штаба Глеб Мих. Ванновский вдавался в другую крайность: он недооценивал всей мощи японской армии и неверно представлял ее численность в военное время. Поэтому, когда французский военный агент, полковник Генерального штаба барон Корвизар (генералом в 1916 году командовал корпусом) предложил дать мне имеющиеся у него сведения о японской армии с тем, чтобы я эти сведения сообщил прямо в Петербург, но не передавал их полковнику Ванновскому, то генерал Куропаткин, наш тогдашний военный министр, получив мое донесение, не поверил ему, как сильно расходившемуся с имеющимися

в министерстве сведениями, и положил под сукно, о чем и сожалеет в томе IV своих воспоминаний.

Сообщу еще один эпизод, происшедший между полковником Ванновским и мною. Весною 1903 года, месяцев за девять до войны, Наместник адмирал Алексеев (когда он, капитаном 1 ранга, командовал в первом заграничном плавании крейсером «Адмирал Корнилов», то я плавал три года на нем вахтенным начальником и ротным командиром 1889-1891 гг., почему адмирал Е. И. Алексеев знал меня довольно хорошо) пишет мне: «Сознаю, что задаю трудный вопрос, но тем не менее хотел бы знать, как, по вашим предположениям, японцы будут действовать в случае войны с нами».

Я ответил приблизительно так: «Японцы не будут дробить свои силы; будут держать весь свой флот сосредоточенным в одном пункте, вероятно, Сасебо, если наш флот будет в это время в Порт-Артуре. Будут искать встречи с нашим флотом и, в зависимости от результата встречи, начнут перевозку войск в Корею и Квантун, чем ближе к Порт-Артуру, тем благоприятнее для них окажется встреча флотов, вплоть до Дальнего и Бидзево. По высадке войск обложат Порт-Артур и направят свободные от осады Порт-Артура войска на Мукден».

Когда я написал этот свой ответ Наместнику адмиралу Алексею, то совершенно случайно зашел ко мне полковник Ванновский. Я дал ему прочитать мой ответ Наместнику. Прочитав, полк. Ванновский с иронией сказал: «Только моряк может предполагать, что японцы, обложивши Порт-Артур, двинутся дальше на Мукден, оставив в тылу у себя такую крепость, как Порт-Артур». Оказывается, что японцы повели свои военные операции как раз так, как предполагал русский моряк, а не офицер сухопутного Генерального Штаба. В войну же 1941-45 годов, русские армии, изгоняя немцев из занятых ими областей России, также не останавливались у созданных немцами укрепленных пунктов, а их обходили, оставляя обложение.

Последняя моя встреча с полковником Ванновским, лично мне весьма симпатичным, состоялась во время

Мукденского боя, когда участь боя, неблагоприятная для нас, вполне определилась, и Главнокомандующий ген. Куропаткин, находясь на холме, непосредственно руководил арьергардными боями отступавших войск. Я находился тут же. Вижу, скачет группа всадников к Главнокомандующему. Это был ген. Терпицкий (командир корпуса) и с ним несколько офицеров, в том числе полк. Ванновский. Мы обменялись крепкими дружескими рукопожатиями.

*Адмирал
А. И. Русин*

Казабланка.
3 октября 1944 года.

П Р И Л О Ж Е Н И Е II

ПАМЯТНИК ЗАЩИТНИКАМ КРЕПОСТИ ПОРТ- АРТУРА И РУССКОЕ КЛАДБИЩЕ

Японцы соорудили братскую могилу русским героям, павшим при защите крепости Порт-Артур. Работы, начатые в августе 1907 г., двигались с поразительной быстротой, и уже 10 июня 1908 года состоялось открытие великолепного памятника, имеющего вид храма. Генерал Ноги, специально командированный микадо, передал братскую могилу прибывшим в Порт-Артур генералам Гернгроссу и Чичагову и адмиралу Матусевичу. Над сооружением братской могилы поработали, главным образом, генерал-губернатор Квантуна Ошима и комендант крепости Порт-Артура Саишо.

По знаку губернатора, черная драпировка, которой был покрыт памятник, медленно упала и присутствующие прочли на памятнике следующие слова: «Здесь покоятся останки русских героев, павших, защищая Порт-Артур».

На правой стороне памятника высечено: «Воздвигнут японским народом в 1907 году», на левой же помещена китайская эпитафия, составленная генералом Ошима. Религиозная церемония была совершена русским епископом в Пекине, преосвященным Иннокентием. По окончании духовной церемонии, по-двое, генералы Ошима и Чичагов, а за ними и другие, поднимались по ступеням памятника и преклонялись до земли, отдавая последний долг покойным. Войска и моряки под звуки труб дефилировали перед памятником. Знамя 39-го полка, пронизанное русскими пулями и покрытое кровью в двух битвах под Ляояном, где оно едва не попало в руки русских,

склонилось перед могилой, в которой успокоились останки героев... Момент был захватывающий и слезы невольно текли по лицам.

Потом войска были собраны, и генерал Гернгросс подошел к ним и провозгласил «ура» в честь микадо и его превосходных войск. Генерал Ноги, в свою очередь, провозгласил японское «банзай» в честь императора России и храбрых русских войск. Раздались крики «ура» одновременно с криками «банзай».

От Государя и Государыни на памятник были возложены два великолепных серебряных венка.

Русское кладбище находится к востоку от форта № 4 (Сеоансизань) у подножия Саперной Горы. Нельзя не отметить, что японцы высоко оценили доблесть, проявленную русскими войсками под Порт-Артуром. Каждый японец, объезжающий исторические достопримечательные места Порт-Артура, после того, как поклонится душам павших японских воинов, посещает русское кладбище, чтобы почтить память павших русских воинов. Кладбище расположено на правом берегу реки Лунхе, верстах в четырех к северу от вокзала, рядом с японским кладбищем.

П Р И Л О Ж Е Н И Е I I I

ПРИКАЗ АРМИИ И ФЛОТУ

Порт-Артур перешел в руки врага.

Одиннадцать месяцев длилась борьба за его защиту. Более семи месяцев доблестный гарнизон его был отрезан от внешнего мира. Без твердой надежды на помощь, безропотно неся все лишения осады, испытывая нравственные муки по мере развития успехов противника, не щадя жизни и крови, сдерживала горсть русских людей яростные атаки врага.

С гордым чувством следила за их подвигами Россия, весь мир преклонялся пред их доблестью. Но с каждым днем ряды их редели, средства борьбы истощались, и под натиском всё новых и новых вражеских сил, совершив до конца великий подвиг, они должны были уступить.

Мир праху и вечная память вам, незабвенные русские люди, погибшие при защите Порт-Артура. Вдали от Родины вы легли костями за Государево дело, исполненные благоговейного чувства любви к Царю и Родине.

Мир вашему праху и вечная память в наших сердцах!

Слава живым! Да исцелит Господь ваши раны и немощи и да дарует вам силу и долготерпение перенести новое тяжкое, постигшее вас испытание.

Доблестные войска Мои и моряки! Да не смущает вас постигшее горе. Враг Наш смел и силен, беспримерно трудна борьба с ним вдали, за десятки тысяч верст от источников Нашей силы. Но Россия могуча. В тысячетлетней ее жизни были години еще более тяжелых испы-

таний, более грозной опасности, и каждый раз она выходила из борьбы с новой силою, с новой мощью.

Сокрушаясь и болея душой о ваших неудачах и тяжелых потерях, не будем смущаться. В них русская мощь обновляется, в них русская сила крепнет и растет.

Со всей Россией верю, что настанет час нашей победы и что Господь Бог благословит дорогие Мне войска и флот дружным натиском сломить врага и поддержать честь и славу Нашей Родины.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукой написано:

«НИКОЛАЙ»

В Царском Селе, 1 января 1905 года.

ПАМЯТИ ГЕРОЕВ

(Памятка порт-артурцев)

Тяжелый крест выпал на долю русского солдата при обороне крепости Порт-Артура, но до последней минуты он нес его с высоким самоотвержением, смело глядя в глаза смерти, и безропотно умирал на угрюмых скалах Порт-Артура, обильно политых его кровью, в сознании своего долга перед Царем и Родиной.

Даже в последние недели осады, когда весь гарнизон понял, что началась агония крепости, и потерял последнюю надежду на помощь извне, среди него царила строгая дисциплина и вообще в течение всей обороны, несмотря на все ужасы войны и лишения, случаи ее нарушения были настолько редки, что насчитывались лишь единицами, и их было даже меньше, чем в мирное время. Словом, до последней минуты русский солдат свято исполнял свой долг и, истекал кровью, готовый до последнего вздоха служить своей далекой Родине.

Как бы ни было тяжело для русского национального чувства падение Порт-Артура, Россия вправе гордиться подвигами многострадального гарнизона Порт-Артура, ибо, изучая оборону крепости, нельзя не признать, что могущество современной артиллерии и успехи современной техники не сломили в рядах Русской армии тот дух беззаветного мужества, который вписал в ее летописи имена Полтавы, подвиги Суворовских чудо-богатырей и целый ряд других побед и сделал имя Русского солдата грозным для его врагов.

Верховному вождю Русской Армии благоугодно было оценить оборону крепости следующими высокомиловидными словами, обращенными к защитникам Порт-Ар-

тура, отданными в приказе по Армии и Флоту 5-го марта 1908 года.

«Доблестные защитники Порт-Артура!

Геройскими подвигами вашими, беззаветною храбростью и верностью присяге, проявленными вами при обороне Нашей твердыни на Дальнем Востоке, вы стяжали себе бессмертную славу и вписали блестящую страницу в летопись подвигов Русского воинства.

Благодарная Россия гордится вами и не забудет ваших подвигов, как не забыли и вы свой долг перед нею».

На подлинном Собственной Его Императорского Величества рукой написано:

«НИКОЛАЙ»

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Предисловие Н. С. Тимашева	5
<i>Б. Дудоров</i> — Флот и крепость	11
<i>Б. Бок</i> — Завтрак у заместника	23
<i>А. Лукин</i> — В 1904 году	29
<i>Я. Кефели</i> — Таинственные предупреждения	37
<i>Д. Никитин (Фокагитов)</i> — Как началась война с Японией	43
<i>Я. Кефели</i> — Первый день войны	57
<i>Б. Бок</i> — На «Джигите»	61
<i>Я. Кефели</i> — Опоздавшая телеграмма	65
<i>С. Бурачек</i> — На «Новике» 26 января 1904 года ...	73
<i>Д. Никитин (Фокагитов)</i> — В дни осады Порт-Артура	77
<i>Я. Кефели</i> — Гибель «Енисея» и «Боярина»	83
<i>Я. Кефели</i> — Упущенные возможности	89
<i>Д. Никитин (Фокагитов)</i> — В Чифу в дни войны ..	91
<i>П. Ефимович</i> — Перед концом Порт-Артура	97
<i>Г. Твердовская</i> — «Маленькая сестричка»	103
<i>А. фон-Шварц</i> — Отрывки из воспоминаний	117
<i>Н. Иениш</i> — Генерал Кондратенко	135
<i>Н. Иениш</i> — Адмирал Макаров	139
<i>Барон Мирбах</i> — Пасха 1904 года	151
<i>К. Шевелев</i> — На «Баяне» 31 марта 1904 года	153
<i>Я. Кефели</i> — В день гибели адмирала Макарова ...	159
<i>Н. Иениш</i> — Гибель «Петропавловска»	165
<i>А. Воробьев</i> — Из воспоминаний	173

	Стр.
<i>Н. Иениш</i> — Капитан 2 ранга Мякишев	187
<i>Я. Кефели</i> — Взрыв и гибель «Хатсузе»	191
<i>В. Семенов</i> — Морской бой 28 июля	197
<i>Б. Третьяков</i> — 5-й полк	217
<i>Б. Дудоров</i> — На минном катере	231
<i>Б. Третьяков</i> — Высокая	241
<i>В. Астафьева-Пухирь</i> — Добровольная сестра милосердия	253
<i>Л. Твердый</i> — Случаи из жизни крепости	257
<i>В. Сейфуллин</i> — Печальная повесть	259
<i>В. Орлов-Диабарский</i> — «Морской по-пешему»	263
<i>Я. Кефели</i> — Брандеры	271
<i>В. Берг</i> — Воспоминания	291
<i>Н. Иениш</i> — Подполковник Меллер	303
<i>К. Шевелев</i> — Действия морского десанта 8-10 августа 1904 года	309
<i>Д. Никитин (Фокагитов)</i> — Миноносец «Решительный»	315
<i>Г. Гадд</i> — Ночной поход	329
<i>А. Юзефович</i> — Осада Порт-Артура	339
<i>С. Бурачек</i> — Последний поход крейсера «Новик» ..	351
<i>Г. Гадд</i> — На «банке» минного заграждения	353
<i>В. Сейфуллин</i> — Ночь на 20 декабря	363
<i>Б. Бок</i> — Сдача Порт-Артура	385
<i>Б. Дудоров</i> — Крепость сдана	389
Приложение I	399
Приложение II	407
Приложение III	409